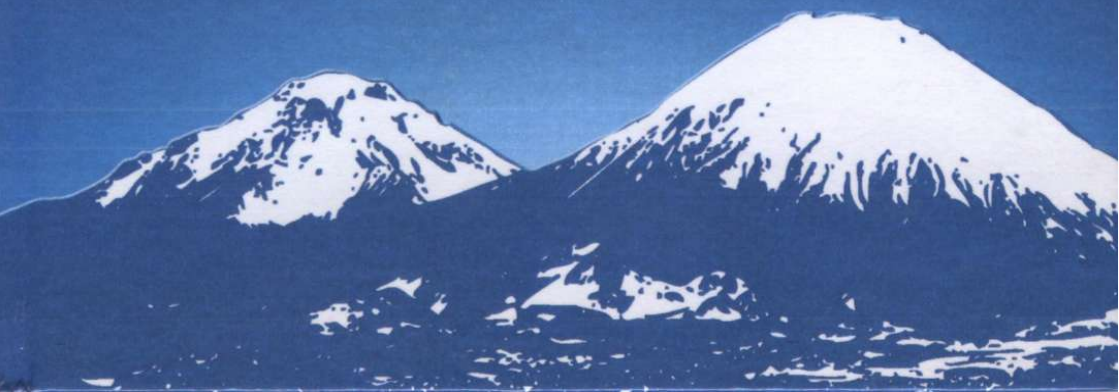

М. Ю. Барбашин

**ИНСТИТУТЫ И ЭТНОГЕНЕЗ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ
ВОСПРОИЗВОДСТВО
ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ**

Южный федеральный университет

Институт по переподготовке и повышению квалификации
преподавателей гуманитарных и социальных наук

М.Ю. Барбашин

Институты и этногенез:
институциональное воспроизводство
этнической идентичности
в локальных сообществах

Ростов-на-Дону
ИПО ПИ ЮФУ
2012

УДК 930.85:101.1(075.8)

ББК 63.5я73

Б24

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *Коновалов В.Н.*;

доктор философских наук, профессор *Лубский А.В.*

Барбашин М. Ю.

Б24 Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ 2012. – 320 с.

ISBN 978-5-8480-0913-2

Для большинства постсоветских государств, включая современную Россию, особую актуальность представляют институциональные задачи по конструированию устойчивой национальной государственности. Их решение осложняется не только незавершенностью экономических, культурных и политических трансформаций, но и неопределенностью, сложностью и многогранностью этногенезных процессов в трансформационном социально-политическом пространстве. Учитывая важность понимания институционального воспроизводства процессов этногенеза для социального знания и социально-политической практики в российских условиях с целью выработки надежных социальных мер превентивного практического воздействия против распространения этно-сепаратизма и этнорелигиозного экстремизма, автор восполняет существующие в социальных науках пробелы.

Монография адресована социологам, философам, этнологам, преподавателям гуманитарных и социальных наук и всем, кто интересуется проблемами этничности и этногенеза в современном обществе.

УДК 930.85:101.1(075.8)

ББК 63.5я73

ISBN 978-5-8480-0913-2

© Барбашин М. Ю., 2012

© Оформление. ИПО ПИ ЮФУ, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	4
Глава 1. Этногенез в современной социологии	9
Глава 2. Методология изучения этногенеза: этноинституциональный подход	70
Глава 3. Воспроизводство этноинститутов, институциональный распад и этногенез	119
Глава 4. Этногенез и этноинституты в Советском Союзе.....	168
Глава 5. Этноинституциональные процессы в трансформирующейся России	237
Заключение.....	311

ПРЕДИСЛОВИЕ

Процессы этнизации, деэтнизации, а также реэтнизации во многих странах с относительно высокой долей традиционных этногрупп (таких как Канада, США, государства Латинской Америки, Новая Зеландия, Австралия и др.) вот уже более четверти века вызывают политические и социальные дебаты.

В современном мире меньше двадцати этнически однородных государств. Рост этногетерогенности, наблюдаемый во многих сообществах, амбивалентизация ценностных основ современного общества, увеличение количества альтернативных идентификационных проектов и сильная дезинтеграционная реакция в общественном сознании в виде актуализации локальных этноидентичностей заставляют отказать от детерминистского и позитивистского отношения к восприятию индивидом собственной идентичности. Поэтому социологическая задача в изучении идентичности часто сдвигается с вопроса «кто Я?» на поиски ответа – «кто я по-настоящему?»¹. Принятие индивидом этноидентичности часто связано с проблемой общего социально-психологического самочувствия в современном мире, в котором существенную структурную деформацию претерпевают институты, регулирующие поведение в рамках этнолокальных сообществ.

Проблема распада этноинститутов – это также проблема распада этнокультуры и традиционной этносреды. В результате человек сталкивается с классическим выбором, описанным Робертом Мертоном, – приспособиться к обычаям и нормам локального социума или постараться изменить их, согласиться с существующими нормативными образцами поведения или путем социального творчества «изобрести» новые этноинституты, следуя радикальным лозунгам и националистическим призывам.

Нет никаких значимых социальных признаков «исчезновения этничности» в современном обществе. Говоря словами В. Парето, те, кто стремятся полностью отменить этничность, вовлечены в «прорубание дыр в воде».

¹ *Romanucci-Ross L. and DeVos. C., ed. Ethnic Identity: Creation, Conflict, and Accommodation. Third Edition. London: Sage, 1995. P. 71.*

Предисловие

Проблема роста национальных движений, этноконфессиональной мобилизации региональных и локальных сообществ актуализировалась в России еще в период перестройки. Ослабление Российского государства в 1980–1990-е гг. создало социально-политические условия для количественного роста движений этноидентичности, стремящихся к культурной и/или территориальной автономии и самореализации в соответствии с социально-психологическим принципом «кто мы есть». Этнополитический ландшафт в стране стал более сложным, а этничность вышла за пределы академических дискуссий.

Процессы этногенеза в 1990-е гг. – это важная социальная доминанта, которая во многом влияла на большинство социальных, культурных и политических трансформаций посредством реэтнизации прежде внеэтнических сфер общественной жизни. К примеру, в Горном Алтае начало строительства ГЭС вызвало обострение межэтнических отношений². В 2000-е гг. на Юге России произошла этнизация образовательного пространства, поскольку республики и области этого региона дифференцировались в зависимости от количества выпускников, получающих высокие баллы по ЕГЭ. Этнизировалось и гражданское общество в целом: в северокавказских республиках с начала 2000-х гг. активно действуют подконтрольные властям неправительственные организации, часто являющиеся моноэтническими.

Однако в 1990-е гг. власти и либеральные общественные движения всячески стремились уменьшить социальную значимость процессов этногенеза и увеличить роль космополитичных и глобализированных институтов за счет отказа от этноинститутов. Предполагалось, что, вне зависимости от характера адаптационных и регенерационных этномеханизмов, длительное и целенаправленное модернизационное воздействие на этносоциальные системы приведет к положительным и заметным результатам по постепенной деэтнизации общества. Но было не совсем понятно, какие социальные действия необходимо имплементировать в случае очевидных «провалов» либеральных трансформаций – этнотрадиционализации городских социумов северокавказских республик, радикализации джаматов, роста числа этнорегиональных конфликтов и межэтнических противоречий, этноцентризма, ксенофобии и этноконфессионального экстремизма и общей периферизации российского общества.

² Филиппов В. Р., Филиппова Е. И. Горный Алтай: межнациональные отношения сегодня и завтра // Мир России. 1993. Т. 2. № 1. С. 73.

Общественный и политический дискурс последних десятилетий в России направляется дискуссией по поводу потенциальных институциональных возможностей и социальных угроз, связанных с использованием этнофактора для реализации экономических, культурных, социальных или политических целей. Институциональные проекты, реформы в сфере образования, управления, культуры или социального обеспечения обычно обвиняются либо в недооценке, либо в переоценке роли этничности.

Особенностью возникающих споров является их идеологизированность. Одни эксперты выступают как сторонники предельного ослабления государственного контроля над процессами этногенеза, что реализуется в виде концепций «гражданской нации» и «отмирания этничности». Другие исследователи стремятся искусственно стимулировать этногенез в виде поддержки политических движений этнорелигиозного или национального возрождения, но в целом дискуссия движется в русле инструменталистского обсуждения количества финансовых и социальных ресурсов, необходимых для манипулирования этногенезом, а институциональные аспекты этногенеза в рамках отдельных локальных сообществ практически не изучаются. Недостаточное внимание со стороны социальных ученых и управленческих элит к вопросам этногенеза приводит к непродуманным социально-политическим решениям, в некоторых случаях – к деформации социального пространства, возросшей этнофрагментации и этнорадикализации.

Социологическое знание об институциональных механизмах формирования этнических групп может оказать существенную помощь не только при проведении институциональных реформ, но и в изучении трансформации традиционных социумов. Это тем более актуально в период роста интереса социальных ученых к институциональному развитию государства, а также роста политического интереса к институциональному развитию и укреплению государства. Неонституционализм в социальных науках становится в России одним из магистральных методологических направлений.

Процессы воспроизводства этноинститутов влияют на устойчивость экономического, социально-политического и культурно-психологического развития этногрупп и общества в целом. Воспроизводство регулятивных и конститутивных правил в социально-этнической сфере – это основа развития этноса. Хотя воспроизводство этноинсти-

Предисловие

тутов играет большую роль в этногенезисных процессах, структурируя отношения между людьми таким образом, что это способствует формированию общей этноидентичности, этносоциального сцепления, внутригруппового доверия и кооперации и объединению их в субэтногруппу с соответствующими устойчивыми бихевиоральными, лингвистическими и когнитивными паттернами, на социологическом уровне эта проблема исследована пока недостаточно.

1990-е гг. были отмечены неудачным транзитивным опытом разрешения этнополитических конфликтов, несистемным характером проведения этнополитики и формирования российской нации. Для элиминации радикальных этнополитических тенденций и создания надежных социальных мер превентивного практического воздействия против распространения этносепаратизма и этнорелигиозного экстремизма необходимо адекватное и всестороннее социологическое понимание не только социальной роли и значения этногенеза как такового, но и социальной специфики процессов институционального воспроизводства,

Представленная монография является результатом многолетних авторских этноинституциональных исследований, которые были отмечены несколькими всероссийскими научными наградами. Среди них основные: грант Совета по грантам Президента Российской Федерации в области общественных и гуманитарных наук 2010–2011 гг. по программе государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, Кубок «Достижение–2009» Южного федерального университета, Диплом и медаль РАН для молодых ученых РАН, других учреждений, организаций России в области философии, социологии, психологии и права за лучшую научную работу 2008 г., а также Диплом II степени Открытого конкурса работ молодых ученых в области гуманитарных наук Международного гуманитарного общественного фонда «Знание» в 2008 г.

Отдельные главы представленной монографии были опубликованы в виде журнальных статей в «Социальной антропологии», «Социально-гуманитарном знании», «Научной мысли Кавказа» и других изданиях в 2001–2012 гг.

Хотелось бы выразить благодарность политологам и экономистам Университета Индианы и особенно нобелевскому лауреату 2009 г.

Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической...

в области экономики Лине Остром за интерес к институциональной проблематике, которые они пробудили у меня во время исследовательской стажировки в 2004–2005 гг.

Автор также выражает признательность за поддержку и ценные замечания профессорам Ю.Г. Волкову, А.В. Лубскому, В.В. Черноусу, другим преподавателям и сотрудникам Южнороссийского филиала Института социологии Российской академии наук и Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Южного федерального университета (ИППК ЮФУ), которые оказали содействие на различных этапах работы над монографией.

ГЛАВА 1

ЭТНОГЕНЕЗ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Уже стало обыденным при проведении любого научного исследования упоминать о том, что предлагаемые академическому сообществу положения или суждения не могут носить характер идеальных конструкций, поскольку всякое живое знание по своему определению является знанием незавершенным и в определенной степени неполным. Предложенная ниже концепция также далека от логического завершения. Однако имеет смысл несколько раздвинуть теоретические рамки и попытаться стимулировать дальнейшую дискуссию и критическое обсуждение, особенно в сфере изучения этничности. Но перед тем как обрисовать свой вариант возможного анализа этничности и «приращенного» знания в сфере изучения этногенеза, необходимо в общих чертах рассмотреть достоинства и структурные недостатки положений тех теорий этничности, которые в настоящее время являются магистральными.

В реальной исследовательской работе сложно найти четкие разграничительные линии, отличающие один феномен или группу феноменов от других. Тем не менее определенное разделение подходов все-таки существует, причем постоянно предпринимаются попытки создать «всеобщую» теорию, объясняющую формирование этничности набором универсальных причин. Но между представителями различных социологических направлений не существует даже общего согласия.

Многочисленные концепции этногенеза подразумевают методологические или даже идеологические вариации на тему структурализма: существует внешний мир, и в нем возникает социальный вызов, решением которого для социума и отдельного индивида является этногенез и новая этничность.

Этногруппы формируют плотные социальные трансрегиональные сети, поддерживая высокий уровень групповой солидарности, осуществляя мониторинг лояльности своих членов и снижая издержки на этносоциальную мобилизацию. Это так называемая «гедонистическая» концепция этничности («этничность как дом»)

как коллективного способа преодоления социальной отчужденности.

Еще один подход предлагает интерактивная теория этногенеза. А. Кохен предложил операциональное и интерактивное определение этногенеза, в котором интерактивный процесс по поводу «некоторых паттернов нормативного поведения» выступает в виде главной движущей силы. Интеракция происходит в социальном взаимодействии с людьми из других сообществ в пределах общей структуры социальной системы⁴.

Транзакционализм подчеркивает особое значение межэтнических границ для этногенеза. Границы между сообществами с внутренне локализованными культурами могут иметь четкие пространственные, физические, психологические или социальные ориентиры, поскольку любой вид фронтального отличия приводит к предпочтению «собственной» группы перед любой другой. Как подчеркивает Ф. Барт, «границы, на которые мы должны обращать внимание, являются, конечно, социальными границами, хотя они могут иметь территориальные дубликаты. Если группа сохраняет свою идентичность, когда ее члены взаимодействуют с остальными, это выступает критерием для определения группового членства и способов подачи сигналов как о самом членстве, так и об исключении»⁵.

Противоположной точки зрения по поводу природы этногенеза в локальных сообществах придерживается примордиализм. Он существует в академическом дискурсе с середины XIX в. Сторонники примордиализма исходят из приоритета биологического и внесоциального компонента в этнопроцессах, а также указывают на потенциальную невозможность межэтнического слияния и полного «исчезновения» этнических различий.

Примордиалисты подразумевают, что этногенез основывается на когнитивных, эмоциональных и бихевиоральных способностях людей проследить генеалогическую, генетическую, культурную, географическую и прочую связь со своими предками. Как выразился советский психолог Л. С. Выготский, «мы не хотим быть Иванами, не помнящи-

³ Соколовский С.В. Этничность как память: парадигмы этнологического знания // Этнокогнитология: подходы к изучению этнической идентификации. 1994. № 1. С. 17.

⁴ Cohen A. Urban Ethnicity. London: Tavistock, 1974. P. ix.

⁵ Барт Ф. Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий. М.: Новое издательство, 2006. С. 22.

ми родства; мы не страдаем манией величия, думая, что история начинается с нас; мы не хотим получить от истории чистенькое и плоское имя; мы хотим имя, на которое осела пыль веков»⁶.

Эмоциональная связь, передаваемая и сохраняемая людьми в кросс-генерационной перспективе, создает некоторую подгруппу объединяющих этнохарактеристик. Как считает американский исследователь П. Стерн⁷, принадлежность к этногруппе основывается не на рациональных основаниях, а на сильной эмоциональной связи и объясняет феномен «жертвенности» людей во имя своего народа, когда соображения личного интереса и способность «делать утилитарные расчеты» отступают на второй план.

Примордиализм – это наиболее сформировавшийся биопсихосоциальный подход в изучении этногенеза, ведущий в аксиологических истоках к эпохе Просвещения. Этот подход можно рассматривать как «проект американско-европейской современности», поскольку примордиальные исследования в современном понимании были в существенной степени вызваны политическими и административными потребностями европейских колониальных держав⁸.

Примордиализм послужил методологическим и идеологическим обоснованием множества исследований в области этнической медицины, когнитивной и медицинской антропологии, оказав методологическую пользу развитию наук о человеке, повлияв на постановку и решение методологических задач в биологических и когнитивных науках, которые сейчас иногда называют общим именем – нейрофеноменологией⁹.

Со временем появились специальные направления в медицинской антропологии, где этнологи изучают особые «автохтонные болезни», требующие нативной практики лечения (и наблюдается даже приверженность этногрупп «своим» болезням¹⁰), а также специализи-

6 *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического анализа // *Выготский Л. С.* Собр. соч.: в 6 т. М., 1982. Т. 1. С. 428-429.

7 *Stern P. C.* Why do People Sacrifice for Their Nations? // *Political Psychology*. 1995 (2). Vol.16. P. 217-235.

8 *Marcus G.F. and Fischer M.* Anthropology as Cultural Critique: An Experimental Moment in the Humans Sciences. Chicago: Chicago University Press, 1986. P. 26.

9 *Varela F.* Neuropheomenology. A Methodological Remedy for the Hard Problem // *Journal of Consciousness Studies*. 1996 (4). P. 330-349.

10 *Romanucci-Ross L.* Hierarchy of Resort in Curative Practices. New York: Academic Press, 1977.

рованные институты и научные центры, занимающиеся этнической генетикой, фенотипическими и мемическими исследованиями¹¹, позволяющими выявить генетическую основу, мемы или культурогены, на которых основывается этнокультура.

Проблема этничности и связанные с ней дискуссии о предпочтении примордиализма или конструктивизма неотделимы от вопросов соотношения социальной или биологической детерминированности сознания человека. Такой логический дуализм – неизбежное следствие двойственной природы человека. Однако эта дискуссия выходит за рамки предлагаемой монографии¹².

Упомянуть можно лишь то, что в XIX–XX вв. значительная (если не большая) часть социальных исследователей пыталась в своих теориях свести те или иные бихевиоральные процессы или феномены сознания к биологическим (природным) склонностям человека. Некоторые теоретики полагали, что человеку изначально в биологическом отношении присуща функциональная способность категоризировать вещи и разделять между собой предметы. Основываясь на этой «нулевой точке», Жан Пиаже выводил стремление ребенка к когнитивному научению и формированию дихотомии «свой – чужой» в эмоциональном отношении. Марсель Мосс¹³ и Клод Леви-Стросс¹⁴, придерживаясь антропологического структурализма, полагали, что сформированный в человеке рационализм является основой организации обмена, в частности женщинами, между различными группами людей, что, в конечном итоге, привело к возникновению общества.

Впрочем, примордиалисты практически не применяют положения функционализма в своих построениях, «биологическое» для них выступает больше метафорой. В этом смысле примордиализм стремится связать чувственное восприятие внешних признаков этничности (язык, обычаи, «голос или история крови») с ожидаемым или желаемым социальным поведением людей с помощью причинно-следственных связей, которые можно использовать для подтверждения или опровержения субъективного восприятия внешней реальности.

¹¹ Dawkins R. *The Selfish Gene*. New York: Oxford University Press, 1976.

¹² Подробное обсуждение самой дискуссии см. в: Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. С. 239–249.

¹³ Мосс М. *Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии* / пер. с франц. М., 1996.

¹⁴ Леви-Стросс К. *Структурная антропология*. М., 1983.

Иногда примордиалисты используют образ этноса как некоего аналога, соответствующего человеческому телу. Отсюда выводится потребность этногруппы, как и организма человека, в защите от внешних воздействий и проникновений чужеродных элементов и потенциальных источников опасности и болезней. Примордиалисты указывают, что межэтнические кризисы возникают в случае культурного или социального смешения этноса с членами других, «чужеродных» и существенно отличающихся групп. По образному выражению Л. Гумилева, это смешение можно сравнить с соотношением между «здоровой тканью» и «раковой опухолью»¹⁵.

Используя медицинскую терминологию в качестве заимствованной методологической основы, примордиалисты часто рассматривают мигрантов и беженцев как чужеродные элементы агрессивного и вредоносного воздействия внешней социальной среды, которая угрожает не только физической, но и духовной и соматической целостности тела «нации – государства»¹⁶ и «здоровому» состоянию этногруппы как «большой семьи». Миграции снижают этническую гетерогенность социума, что вызывает у сторонников примордиализма чувство сожаления о разрушенной «первоначальной чистоте».

Другие исследователи отвергают подобное сравнение, однако практически все примордиалисты сходятся в том, что особую роль в формировании этнической идентичности играет «причастность к общей традиции». Сущность взглядов примордиалистов хорошо выражает следующее высказывание: «Человек не выбирает принадлежность к категории "этническая группа". Он рождается в ее пределах и становится принадлежащим к ней через эмоциональные и символические узы»¹⁷.

Примордиалисты подчеркивают, что «единственной святыней, оставшейся в душе отчужденного от общества человека в условиях крушения его надежд, оказалось его национальное чувство, дающее ему единение с теми, кто кажется ему наиболее близким по духу, с людьми его национальности»¹⁸. Тенденция этнозамыкания опасна,

¹⁵ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1990. С. 212.

¹⁶ Martin E. *Toward an Anthropology of Immunology: The Body as Nation-State* // *Medical Anthropology Quarterly*. 1990 (5). P. 410-426.

¹⁷ Breton R. and Pinard M. *Group Formation among Immigrants: Criteria and Processes* // *Canadian Journal of Economic and Political Science*. 1960 (26). P. 465-477.

¹⁸ Дзарасов С.С. *Российский путь: либерализм или социал-демократизм*. М., 1994. С. 171.

хотя и легко объяснима. В условиях социально-психологической неустойчивости существования человек ищет любую щель, укрытие, где он мог бы остаться самим собой.

С точки зрения прикладных исследований наиболее последовательным воплощением биологической сущности примордиализма является этногенетическое направление. Его методологической основой послужило достаточно распространенное в XIX в. представление социальных теоретиков (в частности, Г. Лебона¹⁹) о том, что все или большая часть социальных дефектов современного общества (наркомания, алкоголизм, проституция, преступность) – результат неудачных межэтнических и межрасовых смешений. Они приводят к соответствующим генетическим нарушениям в структуре сознания конкретного человека, имеющим наследственный характер. Философское обоснование этой позиции было отчетливо выражено уже в трудах итальянского криминолога Чезаре Ломброзо²⁰, который писал о существовании людей «преступного типа». Современная генетика не подтверждает идеологические предположения о негативном влиянии межэтнических браков, хотя и ставит частично агрессивность в зависимость от наследственных факторов, указывая, что большая часть того, что раньше признавалось как влияние родителей, является скорее эффектом воздействия на следственности, чем только лишь «неправильной» социализацией²¹.

Несмотря на серьезное идеологическое сопротивление генетическим исследованиям в Советском Союзе²², к началу XXI в. уже никто не отрицает важность генетических факторов в проведении антропометрических исследований, в изучении процессов возникновения и протекания наследственных заболеваний. Современные врачи обычно интересуются характером и условиями протекания наследственных заболеваний у родственников. И вовсе не напрасно: гемофилия наследника престола в начале XX в. оказала тяжелое воздействие на судьбу Российского государства.

¹⁹ Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический проект, 2011.

²⁰ Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство: от гениальности до безумия один шаг? М.: РИПОЛ Классик, 2011.

²¹ Reiss D. The Relationship Code: Deciphering Genetic and Social Patterns in Adolescent Development Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000.

²² Юсова Н. Первое совещание по вопросам этногенеза и создание специальной комиссии по проблематике происхождения народов в контексте актуализации этногенетических исследований в СССР (конец 1930-х гг.) // Проблемы славяноведения. 2007. № 9. С. 95–113.

Специалисты в этногенетике, генетической палеонтологии и биохевиоральной генетике обнаружили определенные генетические различия между этногруппами. Например, если пересечь Евразию с востока на запад, то можно отметить существенное сокращение числа людей со второй группой крови, которая могла быть «занесена» монгольским нашествием. Как указывают этногенетики²³, межэтнические отличия можно описать не только в количественном отношении, но и в качественном, в виде генетических дистанций между этносами или степени «растворения» генов одних этносов в других. Родство между автохтонными популяциями в региональных границах довольно велико, тогда как этносы, живущие на разных континентах, генетически весьма удалены друг от друга.

Одним из современных приверженцев этногенетики является С. Холл, сформулировавший «биогенетический закон»²⁴. На этого британского ученого большое влияние оказали труды Ч. Дарвина. Указывая, что генетическая структура устанавливает границы диапазона вариаций, в пределах которого действует организм, обладающий таким генетическим кодом, С. Холл считает, что этногенез происходит в соответствии с правилами биологической эволюции. Однако эволюция отбирает для выживания либо гены, либо отдельные организмы, но не группы.

Иногда либеральные критики генетических и биологических теорий в стремлении полностью свести обсуждение всех форм девиантного поведения к социальным факторам, и в частности элиминировать роль этничности, утверждают, что «преступник не имеет национальности». Иными словами, они подразумевают, что при описании совершенных преступлений или подозреваемых в их совершении не следует упоминать их этническую принадлежность. Также правоохранительные органы не должны вести статистику преступлений, совершенных теми или иными членами этногрупп, особенно если это насильственные преступления, и совершаются они выходцами с Кавказа или из Средней Азии.

Предполагается, что такое упоминание является дискриминационным, поскольку очевидно, что преступником может быть человек с любой этнопринадлежностью, а криминализация отдельных эт-

²³ Cavalli-Sforza L.L. *Genes, Peoples, and Languages*. New York: North Point Press, 2000.
²⁴ Hall G.S. *Adolescence*. New York: Appleton, 1994.

ногрупп вызывает скорее депривацию и недовольство с их стороны, чем желание помогать в раскрытии преступлений, совершенных их членами. Кроме того, обсуждение этнической преступности может спровоцировать националистические выступления против обвиняемых этносов и рост межэтнического напряжения в обществе.

Гуманистическая направленность либеральных мыслей очевидна. Но, как и во многих других случаях, существует опасность, что «благими намерениями вымощена дорога в ад». Сама по себе мысль о том, что общественная этика или социальные настроения (пусть даже в форме политической корректности) могут контролировать социально-гуманитарную науку, представляется ошибочной. Сложно втискивать исследование в жесткие категории вечной борьбы хорошего и плохого, искать эстетику и добродетель в общественном развитии или пользоваться полученными знаниями и специальными навыками для обретения роли всезнающего наставника, в том числе в вопросах морали и этики. Не обязательно также ограничивать исследование с тем, чтобы его предполагаемые выводы не навредили общественным представлениям и ценностям. Ограничительное поведение неизбежно обречено на неудачу, не в последнюю очередь потому, что (как известно из истории) категории добра часто оказываются ситуативными и временными, а «добрые» намерения «нравственных» авторитетов еще чаще воплощают в себе мелочное себялюбие, самолюбование и убежденный эгоизм.

Исследование не обязано удовлетворять эстетическим критериям и политическим ожиданиям. Наука вообще никому и ничего не обязана, так же как и природа, и уж совершенно не обязана удовлетворять желаниям отдельных людей по переносу идеальных картин, нарисованных человеческим воображением, в практическую действительность общества. «Эти трудности в научной деятельности неизбежны. Те, кто требуют однозначности, не должны идти в науку. Им следует служить молебны в идеологическом храме собственного выбора, согласовывая его со своей совестью. Но профессия ученого все же вознаграждается, как интеллектуально, так и морально... Главное моральное вознаграждение – понимание неопределенности всех человеческих планов, неизбежности компромиссов при всех социальных переменных, что, в свою очередь, порождает нежелание рисковать человеческими жизнями ради осуществления нацеленных на изменения проектов, исход которых неизвестен. Люди обычно убивают друг

друга во имя безапелляционных пророчеств, редко – из-за открытых для полемики гипотез»²⁵.

Научная мысль должна быть защищена от воздействия необходимости следовать политической или социальной моде, с помощью хотя бы приверженности логическому мышлению. С логической точки зрения утверждение о необходимости не упоминать этничность преступника несостоятельно. Непонятно, почему преступника лишают именно этнической принадлежности. Человек, преступивший закон, в целом, наверное, не вполне нехороший, но с одинаковым успехом можно сказать, что преступник не имеет пола (тендера, как модно выражаться в последнее время) или не имеет возраста. Возможно, у преступника необходимо отобрать вообще все аскриптивные характеристики, поскольку они носят неуникальный характер. И существует вероятность, что любые описания человека, подозреваемого в преступлении, вплоть до цвета глаз или татуировок, встречаются у кого-нибудь еще.

Уголовные наказания не предусматривают возможности деэтнизации. Общественное признание тоже не должно носить деэтнизованного характера. Напротив, индивидуальные достижения в спорте, культуре, экономике или науке обычно служат образцом для подражания для других членов этногрупп. Национальные герои являются символом не только для страны в целом, но и для небольших сообществ, в которых они родились и/или жили.

Отрицание этнической преступности среди либеральных общественных и академических кругов не сопровождается таким же отрицанием молодежной преступности в рамках социологии девиантного поведения. Получается, что понятие «молодежная преступность» является политически корректным, а понятие «этническая преступность» не является. Наконец, не ясно, когда именно происходит «исчезновение» этнической идентичности у подозреваемого: в момент задержания, предварительного следствия, вынесения приговора, на стадии апелляции и т.д., и можно ли упоминать этническую принадлежность человека, который находится под следствием, но заведомо в общественном мнении является невиновным.

Этническая группа, по общему мнению, обладает отдельной культурой. И это не только филармонии и библиотеки. Культура – не обя-

²⁵ Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). М., 1994. С. 40.

зательно предмет ведомственных забот министерства культуры. К сфере культуры относятся все социальные феномены, которые не являются исключительно биологическими (как, например, вирусные заболевания). Поэтому «культура» – это не только то, что вызывает симпатию или интерес. Преступность – такой же неотъемлемый элемент этнической культуры, как и язык, специфика семейных отношений или технологии изготовления жилища.

Человек, преступивший закон, живет в пространстве множества социальных сетей и связей. Методы и характер преступления неизбежно несут на себе отпечаток общей этносоциальной среды, в которой он социализировался, а изготовление инструментов совершения преступления (например, холодного оружия) может не сильно отличаться от изготовления этого же оружия на продажу или в декоративных целях. Для профилактики преступности необходимо хорошо знать этническую среду, в которой это преступление произошло или, вероятно, произойдет.

Ряд преступлений присущ только отдельным этническим группам. Некоторые виды человеческой деятельности, несмотря на практически общую девиантизацию, в рамках ценностей и норм отдельных этносов не рассматриваются как преступные. И наоборот, скажем, в Советском Союзе в 1930–1940-е гг. признавались такие довольно «экзотические» виды преступности, как «невыработка трудодней» или «саботаж».

Иногда этническую принадлежность человек обретает посредством обучения социальным практикам, которые, с точки зрения господствующего общества, являются девиантными. Ряд аборигенных групп в изолированных местностях третьего мира до сих пор практикуют деятельность, которая повсеместно рассматривается как преступная, например рабовладение. Даже в таких государствах, как Италия, убийство как защита чести в течение длительного времени часто уголовно оправдывалось²⁶. С другой стороны, многие государства сознательно стигматизируют мигрантов: к примеру, в Соединенных Штатах даже просто нелегальное нахождение на американской территории приравнивается к уголовному преступлению.

²⁶ *Cantarella E.* Homicides of Honor: the Development of Italian Adultery Law over Two Millennia // *The Family in Italy from Antiquity to the Present* D. I. Kertzer and R. P. Sailer, eds. New Hanson: Yale University Press, 1991. P. 229–246.

Девиантные практики не являются генетически заданными. Они существуют только в тех пределах, в которых индивиды способны постоянно продуцировать и репродуцировать их в ходе социализационного научения.

Даже в ситуациях социального давления и крайней необходимости многие люди не могут нарушить биологически сформированные запреты (на убийство близких людей, детей и т.п.). Чтобы создать культурные нормы, преодолевающие сформированные природой привычки (например, к каннибализму люди испытывают естественное отвращение)²⁷, требуется интенсивное социальное научение.

Некоторые заболевания особенно распространены у отдельных этнических групп. Ученые, работающие в рамках этнопсихиатрии, рассматривают шизофрению, подростковый кризис и прочие личностные трудности как психозы западного мира, которые не свойственны этносам с другой культурной идентификацией. Традиционным народам присущи свои ментальные особенности в функционировании сознания, «лечение» которых регулируется с помощью культурно созданных институтов шаманизма и колдовства.

В этнообщностях накапливаются не только родственные связи и социальный капитал. Точно так же накапливаются и наследственные болезни, и генетические дефекты. Отдельные генетические нарушения имеются у всех или почти у всех людей. Несовершенство биологической структуры человека в эволюционном смысле выступает одной из гарантий адаптационной изменчивости, т.е. потенциальной возможности постоянного приспособления и адаптации к изменениям в природных и социальных условиях.

Генетические дефекты можно рассматривать также как некий потенциал возможного будущего роста, заранее запрограммированного природой. Сами по себе они часто не оказывают отрицательного воздействия на организм отдельного человека. Но если между подобными индивидами заключается брак в рамках семей или даже общности, связанных между собой родством, отрицательные генетические проявления постепенно накапливаются. Если брачный партнер имеет схожий генетический дефект, то, по мнению Ричарда Доукинза²⁸, наруше-

²⁷ Противоречивые мнения по поводу каннибализма см. в: **Arens W.** *The Man-eating Myth: Anthropology and Anthropophagy.* Oxford: Oxford University Press, 1979.

²⁸ **Dawkins R.** *The Selfish Gene.* New York: Oxford University Press, 1976.

ния, взаимно усиливающие друг друга в геометрической прогрессии, могут привести к возникновению у следующих поколений неизлечимых заболеваний. Можно предположить, что в организме существует некий «пороговый предел», перейдя который общее число генетических дефектов оказывает общее разрушительное воздействие.

Так, распространение некоторых заболеваний пищеварительной системы генетики связывают с миграционным движением скотоводческих народов с Востока на Запад и злоупотреблением ими пищей животного происхождения. Первичные социальные условия для накопления генетических дефектов следующие:

1. Территориальная изолированность общности.
2. Незначительное количество внешних контактов.
3. Приверженность эндогамии.

Именно подобными характеристиками социальной ситуации современные медики склонны объяснять высокий уровень раковых заболеваний в Исландии и в Сардинии по сравнению с другими странами и регионами Европы. Исландия – высокоразвитая страна с мощной системой здравоохранения и значительными достижениями в области медицинских наук. Однако генетики рассматривают, причем небезосновательно, современное исландское общество как необычайно расширенную семью. Считается, что ее прародителями многие столетия назад выступило довольно ограниченное число предков современных исландцев, имеющих некоторые генетические нарушения в организме. После многочисленных горизонтальных межличностных связей и внутриобщинных браков в условиях небольшой численности населения к настоящему времени проявились генетические заболевания, снижающие общую продолжительность жизни. Исландцы, как и кавказские народы, могут проследить свою родословную на столетия назад. Но это обстоятельство вовсе не является положительным фактом. Возможно, именно генетическими причинами объясняется и повышенная агрессивность в социальном поведении у традиционных народов.

Аксиологическая сущность примордиализма воплощается в традиционалистских представлениях о необходимости следовать законам природы (хотя традиционные общества часто их нарушают). Традиционалисты полагают, что природа реализует функции биологического очищения, поскольку стремится избавиться от того, что представляет опасность для отдельного вида. В частности, от других

или схожих этносов, претендующих на общее «тело» как этническую территорию.

Можно предположить, что повышенная агрессивность в социальном пространстве является неким аналогом повышенной температуры в биологической среде, уничтожающей злокачественные образования, чужеродные и опасные бактерии и нездоровые клетки организма. В этом смысле революции и войны рассматриваются националистами как механизм, очищающий социум от потенциальной опасности, объединяющий нацию и открывающий в ней все самое лучшее. К примеру, немецкие националисты в начальный период Второй мировой войны утверждали, что война взрастит лучшие качества в немецком народе, облагородит нацию и приведет к ее омоложению²⁹.

Действительно ли существует подобное «очищение» в социальной сфере? Природа стремится прервать накопление генетических дефектов в любом отдельном виде – в этом можно быть почти уверенным. И если никакими другими способами сделать это не получается, то в какой-то момент происходит запрограммированное самоуничтожение организма. С примордиалистской точки зрения, наблюдаемые формы социальных девиаций могут рассматриваться как внешние свидетельства борьбы здорового организма с внутренними дисфункциями. «Здоровые» социальные силы, действующие в обществе, стремятся ликвидировать повреждения социальной структуры, так же как внутренние биологические ресурсы человека стремятся исправить нарушения физиологических процессов.

«Избавление» от опасных людей, вызывающих повреждения социальной ткани, происходит с помощью социума, путем применения соответствующих институтов или регулирующих норм. Допустим, к примеру, что наркоман, сможет кого-то убить, прежде чем будет ограничен или даже уничтожен общественным организмом. Но поскольку он в данном случае не сможет оставить потомства, – которое могло бы принять на себя все его генетические дефекты, – то суммарный эволюционный вред по отношению ко всему социуму окажется все-таки меньше, чем в варианте, при котором общество подобные функции не выполняло бы. Таким образом, причины существующих конфликтов

²⁹Snyder L. German Nationalism: The Tragedy of a People. Harrisburg, Penn.: Telegraph Press, 1952.

на этнической почве примордиалисты видят в том, что некая здоровая часть общества (в конечном счете, не важно, является ли она этносом, социальной группой или отдельной общностью) борется с некой большой частью. В крайних формах генетический вариант примордиализма может привести к мистицизму – представлению о существовании живой и карающей природы, которая уничтожает все то, что отклоняется от некой срединной нормы.

Подтвердить на практике подобные предположения достаточно сложно, несмотря на их внешнюю логическую строгость и непротиворечивость. Не просто в современных межэтнических отношениях определить, какая же именно часть этноса является «здоровой», а какая – «больной». Стиль саморазрушения, к примеру, у русского населения – хронический алкоголизм, распространенная наркомания, низкий уровень личной гигиены – никак нельзя назвать здоровым образом жизни. И невозможно определить, хуже (или лучше) с эволюционной точки зрения, с точки зрения накопления генетических дефектов для последующих поколений внутриэтнические браки в относительно замкнутых социальных группах или же хроническое злоупотребление наркотическими и токсичными веществами. Возможно, дальнейшие генетические исследования смогли бы прояснить этот вопрос в абсолютном и относительном количественном соотношении.

Также не совсем понятно, почему даже в случаях одинаковых генетических дефектов поведение людей отличается. Можно было бы с одинаковой степенью вероятности ожидать разрушительное социальное поведение и многочисленные конфликты и в Исландии, и на Кавказе. Однако в реальности исландское общество практически бесконфликтное. Значит, причина не только в нарушенной генетике (если она действительно нарушена). В любом случае, подобные примордиальные предположения являются недостаточно проверенными. Они не учитывают социальные механизмы непосредственного влияния на поведение человека.

Следующим недостатком генетического варианта примордиализма является то, что оно по своей сути функционально. В логическом отношении оно развивается по кругу функциональных объяснений – генетикой можно объяснить и отсутствие нарушения, и наличие нарушения, и вначале отсутствие дефекта, а затем его появление и т.д. Функционалистская модель, которая стремится столь широко объяснить слишком разнообразные факты, мало что объясняет.

Глава 1. Этногенез в современной социологии

Функционалистское мышление – это система с замкнутой или даже предвзятой аргументацией. «Аналитик заключает, что нормы носят функциональный характер, и отказывается рассматривать примеры жестоких пубертатных ритуалов или другие причудливые обычаи... социологи и антропологи функционального направления редко четко определяют, каким образом оценивать, является ли норма функциональной для группы или нет. Некоторые социальные действия могут приносить пользу одним членам группы, но вредить другим... функционалисты часто рассматривали человеческую группу как единый организм, "здоровье" которого можно исследовать»³⁰.

Когнитивную слабость функционализма показали исследователи университета Беркли³¹. По их мнению, дети и пожилые люди, страдающие болезнью Альцгеймера, используют схожие функционалистские и телеологические объяснения. В отсутствие конкурентной информации, противоречащей общепринятым обыденным представлениям, и особенно фонового знания лучшим объяснением существования некоего объекта сочевидной для наблюдателя функцией будет гипотеза, что объект был сконструирован кем-то или чем-то специально, чтобы выполнять подобную функцию. Пациенты с болезнью Альцгеймера обладают когнитивными характеристиками как детей, так и взрослых. Как и взрослые, они прошли обычный и длительный социализирующий путь когнитивного развития и избавления от упрощенных стратегий мышления, присущих детям. Но, подобно дошкольникам, они лишены возможности постоянно и рационально использовать каузальные связи, которые обычно повсеместно и неосознанно используют взрослые.

В социально-психологическом исследовании американских ученых испытуемые должны были подобрать наиболее подходящие ответы на серии так называемых вопросов «почему?». К примеру, на вопрос «почему на Земле растут деревья?» было предложено два варианта ответа: «потому что в почве есть семена» и «потому что у животных должно быть убежище». Ученые определили, что пациенты, страдающие болезнью Альцгеймера, в два раза чаще обычных людей выбирали функционалистские объяснения. Кроме того, была установлена

³⁰ Mnookin R. H. and Kornhauser L. Bargaining in the Shadow of the Law: The Case of Divorce // Yale Law Journal. 1979. 950 (88). P. 93-94.

³¹ Kover H.A Reason for Everything: Instinctively making sense of the world // Berkeley Science Review. Fall 2008. Issue 15. P. 15-17.

статистическая закономерность: чем ниже уровень образования, тем чаще индивиды выбирают функционалистские объяснения.

Многим людям сложно рассуждать в отрыве от функционалистских, телеологических и конструктивистских категорий. Одна из социально-психологических причин популярности в общественном сознании креационизма, подразумевающего, что человечество существует, потому что его сконструировали подобным образом с определенной целью, заключается в приверженности людей упрощенным когнитивным паттернам. Даже те, кто верит в теорию биологической эволюции, часто считают, что она носит целеполагающий функциональный характер развития от простейших микроорганизмов к вершине эволюции – человеку.

Американские специалисты предложили несколько возможных объяснений популярности функционализма. Во-первых, в процессе социализации индивиды целенаправленно учатся искать объяснения неопределенности человеческого поведения. Предполагая, что поведение носит целенаправленный характер, подразумевающий четкие намерения и функциональность, люди по аналогии переносят привычный для них способ повседневного рассуждения на другие сферы социальной жизни.

Другим возможным объяснением является то, что функционалистские объяснения более удобные, эффективные и менее затратные. Социализация происходит проще, когда детей учат, что предметы обладают функциями, даже если иногда это не так. Обучить противоположной точке зрения сложнее, и это требует больше времени.

Как подчеркивают американские ученые, в большинстве случаев функционалистские объяснения не наносят особого вреда развитию науки и не вредят личностному развитию. Иногда функционализм помогает индивидам понять социальные феномены, которые носят слишком абстрактный, многомерный или сложный характер. Но в изучении этногенеза функционалистские объяснения недостаточны.

Последний методологический недостаток генетических теорий примордиализма связан с относительно низким уровнем развития генетики как таковой. Эта наука находится еще на ранней стадии своего развития (особенно в России), и поэтому многие ее предпосылки пока эмпирически не проверены и являются скорее вариациями рассуждений с точки зрения здравого смысла. «Естественный отбор сейчас рассматривается, как если бы он был сканированием диапазона

возможностей и выбором варианта, который является оптимальным при данных ограничениях»³². Природный отбор можно представлять как аналог искусственного интеллекта, однако это скорее красивая метафора.

Этногенетические исследования влияния биологической наследственности на формирование идентичности показали, что этногенез не продуцируется только общим генетическим прошлым³³.

Результаты генетических исследований не настолько надежны, чтобы, основываясь на них, определять социальную политику в обществе или управлять этническими группами.

Вопреки распространенным методологическим представлениям о необходимости применения кибернетических теорий «гомеостатического равновесия» и «петель обратной связи» по отношению к традиционализму, традиционное общество вовсе не живет в гармонии с законами природы, а воздействие внешних социальных факторов (в частности, модернизации) не обязательно приводит только к кризисам и девиациям. Несмотря на хорошие природные условия, отличную экологическую ситуацию в сравнении с современными мегаполисами и здоровую, естественную пищу без всяких вредных добавок, ГМО, стабилизаторов и красителей, средняя продолжительность жизни человека в трайбалистских образованиях не превышает тридцати лет. Ослабленные защитные силы организма способствуют появлению новых эпидемий, а самые опасные заболевания современности, включая атипичную пневмонию, СПИД, птичий грипп, возникают именно в традиционных культурах, а не в постиндустриальных центрах Европы и Северной Америки. Разрушительные последствия многочисленных эпидемий связаны также с отсутствием системы эффективного здравоохранения, исследовательских центров и институтов, нацеленных на социальную профилактику неблагоприятного с точки зрения общественных интересов поведения.

Искусственная устойчивость социальных институтов – главная причина внешней неизменяемости традиционного общества. Однако такая неизменяемость может существовать лишь при практически полной идентичности характера (а лучше и степени интенсивности) реальных внешних угроз.

³² См.: *Chronin H.* The Ant and the Peacock. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 12.

³³ *Plomin R.* Nature and Nurture: An Introduction to Human Behavioral Genetics. Pacific Grove, CA: Brooks Cole, 1990.

Что же касается экологической и природной сфер, то традиционные сообщества с низким уровнем технологического развития фактически могут нанести окружающей среде только ограниченный вред, – но это отнюдь не означает, что ценности традиционных народов комплементарны по отношению к природным процессам. Традиционные народы не являются экологически устойчивыми: скорее напротив, их повседневная хозяйственная деятельность часто приводит к природным катастрофам и истощению ресурсов. К примеру, длительная кочевая жизнь номадов в одной местности обычно вызывает невосстанавливаемую эрозию почвы и разрушение биоэкологических систем водоемов.

Именно неудачная институциональная организация общества приводит к тому, что социум начинает тратить все возрастающее количество довольно ограниченных социальных ресурсов для выживания, ослабляя тем самым силы социальной регенерации. Такие ресурсы используются для поддержания норм и обычаев, препятствующих дальнейшему развитию вне зависимости от степени суровости социального или природного окружения. В этом отношении традиционные группы являются аналогами хосписов, в которых люди просто ждут результатов воздействия природных факторов на организм и уже не пытаются изменить ход борьбы с природой в свою пользу. Возможно, именно это и имел в виду Зигмунд Фрейд, когда писал о существовании «инстинкта смерти».

Невозможность строго придерживаться аксиологических канонов в осуществлении реальной политики, несмотря на прагматическую направленность примордиализма, – а примордиальные аргументы обычно идеально подходят для использования в целях достижения конкретной этногруппой власти или лучшего социально-политического положения – приводит к тому, что этнический идеал примордиалистов является трансцендентным. Их идеал существует не сейчас, не в настоящее время. Он в ином времени, а возможно – и в ином пространстве. В коллективных верованиях это проявляется в распространенном мифе о «золотом веке», который уже был в прошлом и в который нужно снова вернуться.

Р. Сеннетт подробно проанализировал одну из важных особенностей примордиалистского этнодискурса – ориентированность на прошлое: «Язык сторонников этнического возрождения напоминает язык служителей музея: они говорят о консерватизме, сохране-

нии, реставрации. Странники этнического возрождения говорят так, словно они абсолютно убеждены, что этничность умирает»³⁴. В рамках примордиалистского этнодискурса ссылки на прошлое, на традиционность, на действия, которые «делали раньше», обретают большую убедительность: «...прошлое становится стандартом, по которому измеряются предполагаемые неудачи нынешнего поколения и современного сообщества»³⁵.

Временные интервалы ревалоризируются, создавая иерархию прошлого, настоящего и будущего. В ней отдельный момент в истории этноса становится единственным источником и началом всего хорошего во все последующие времена. «Отдаленные эпохи, – констатировал З. Фрейд, – окутаны в воображении живым и таинственным очарованием. Как только люди становятся недовольны настоящим, что бывает достаточно часто, они обращаются к прошлому и в очередной раз надеются найти никогда не забываемую мечту о золотом веке. Без сомнения, они продолжают испытывать магическое очарование своего детства, которое пристрастное воспоминание представляет как эпоху безмятежного блаженства»³⁶.

Однако примордиалистский идеал не является точной репликацией прошлого. Он скорее основывается на склонности людей представлять прошлое или будущее в привычных чертах настоящего. Даже любая фантастика – это всего лишь рекомбинации разных черт привычного настоящего и тех знаний о прошлом, которые уже присутствуют в сознании людей. Однако обычно прошлое в «чистом» историческом виде полностью не удовлетворяет человека. Всегда есть те или иные черты, которые не нравятся. Так, например, в прошлом не было Интернета и современных развлечений. И человек в религиозных или националистических утопиях стремится «поправить» прошлое, подкорректировать его, сделать идеальным и подходящим лично для себя.

Слабой связанностью с текущим моментом социальной жизни примордиализм в некоторых отношениях напоминает религиозные убеждения. Идеальный образ, к которому стремятся религиозные фанатики

³⁴ Sennett R. Growth and Failure: The New Political Economy and its Culture // Spaces of Culture: City, National, World / ed. by Featherstone M. and Lash S. London: Sage, 1999. P. 14–15.

³⁵ Smith A. Culture, Community and Territory: The Politics of Ethnicity and Nationalism // International Affairs. 1996. Vol. 72 (3). P. 450

³⁶ Психология масс. Хрестоматия. Самара, 1998. С. 520.

и этнонационалисты, зачастую слабо связан с окружающей действительностью и представляет собой «высшую» критику существующего порядка как бы со стороны. Точнее говоря, «сверху» – со стороны вечного идеала, со стороны традиций или устоявшихся норм и т.п.

Несмотря на политические различия и внешнюю непримиримость, идеалы и представления примордиальных течений у противостоящих друг другу этнических групп по существу совпадают. Их представления об идеальном государственном и общественном устройстве, о роли традиций, религиозных ценностей и культуры в жизни социума похожи. Именно ценностной схожестью можно объяснить тот факт, что националисты с противоположными убеждениями легче понимают друг друга, чем космополитов. В психологическом отношении националисты находятся на схожих ценностных позициях и придерживаются схожих установок. Общее коммуникационное пространство облегчает дискурс – они разговаривают на простом и понятном друг для друга языке.

Социальные процессы трансформируют идеальные представления об этничности. Здесь можно привести пример германского национал-социализма, который, несмотря на эмоциональную напыщенность и ситуационную ригидность, неизбежно сталкивался с противоречиями политической практики, на которые он должен был находить хотя бы в некоторой мере приемлемо выглядящие для внешнего наблюдателя ответы. Национал-социалистическое определение «расы» носило не столько генетический, сколько бихевиоральный характер.

Принадлежность к доминирующей в иерархической структуре межрасовых отношений германской расе необходимо было постоянно подтверждать достижениями: чтобы быть арийцем, нужно вести себя как ариец. «Арийский характер» предполагал определенный код поведения, т.е. согласие с соблюдением некоторых внешних признаков и стандартных реакций на стандартные ситуации, например межэтнического и межрасового взаимодействия. Проверять генетическое происхождение в 1930–1940-е гг. у каждого отдельного государственного служащего, офицера (не говоря уже об отдельном солдате) было невозможно, хотя бы с технической (да и с научной) точки зрения.

Идеологи национал-социализма считали, что именно значительные экономические достижения, военные победы, идеологическая и политическая мощь Германии являются лучшими свидетельствами

существования «арийского духа» и «арийской расы», которая просто не может проиграть мировую войну. Фактически в Германии была осуществлена одна из наиболее масштабных попыток социального конструирования. Попытка подкорректировать и изменить внутренние личностные характеристики человека посредством изменения внешних паттернов поведения.

Во многом именно морально-психологическими факторами можно объяснить столь долгое сопротивление германской армии даже в ситуациях, со стороны казавшихся абсолютно безнадежными. Физически истребляя сопротивляющиеся военному вторжению народы, национал-социалистические идеологи были убеждены в том, что их самих в случае военного поражения ожидает гибель: «...если война проиграна, пусть погибнет и народ... Ведь народ показал себя более слабым, и поэтому будущее принадлежит исключительно более сильному народу Востока»³⁷. Не случайно после Нюрнбергского процесса от осужденных военных преступников апелляций по поводу смягчения приговора почти не было.

Национал-социалистический вариант расизма подразумевал предельно жесткий подход ко всем «проигравшим» народам, вне зависимости от того, чем было вызвано военное поражение. План «тотального уничтожения» производительных сил и средств Германии, предпринятый в последние недели войны, был абсурдной в своей логической последовательности попыткой сохранить неизменность паттернов логического мышления: Германия проиграла войну, она должна быть уничтожена, и ее место должны занять «лучшие» расы.

Обычно упоминается множество причин развития расизма, часть из них уже рассмотрена, исследование остальных не является целью книги. Хотелось бы только отметить, что одной из причин популярности биологического расизма можно признать повышенные ожидания в области естественных наук. Попытки создать «идеального человека» или расу людей методами евгеники и генетики шли параллельно с историческими и идеологическими обоснованиями возможности и необходимости таких попыток. Хотя слабая техническая оснащенность генетики часто приводила к научному шарлатанству, вполне возможно, что именно рост общественного интереса к генетическим проблемам современных рас стал одной из причин успешного

³⁷ Вторая мировая война: два взгляда. М., 1995. С. 226-228.

развития целого ряда направлений в современной медицине (к примеру, в этнофармакотерапии).

В историческом отношении понятие «раса» старше, чем генетическая наука: задолго до работ Г. И. Менделя³⁸ термин «раса» уже использовался по отношению к людям, которые обладают одной и той же «кровью»³⁹. Как целостная идеологическая доктрина расизм заимствовал значительное количество теоретических положений не только из расовых исследований, но и из социобиологии. Прежде всего это постулаты о естественном отборе, непотизме и дифференциальной биологической репродукции, когда организмы стремятся регулировать свое поведение таким образом, чтобы с репродуктивной точки зрения оно было наиболее успешным. Эта успешность может носить прямой или косвенный характер. К примеру, организм может произвести на свет потомство, или он может оказать помощь другим организмам (как правило, имеющим общий генный набор) в репродуцировании.

Непотизм как биологическое инстинктивное предпочтение собственного вида или подгруппы, получившее название «инклюзивной пригодности»⁴⁰, рассматривается социальными биологами как наиболее общая стратегия по максимизации шансов организма на выживание и как форма естественного отбора, которая сохраняет свое значение и в развитых обществах, где одни группы выживают и приумножают свои гены эффективнее, чем другие.

В соответствии с теорией этнического непотизма, развитой П. Л. Ван ден Бергом⁴¹, этническая солидарность, выживание этногруппы, степень проявления чувства этноидентичности, стремление к доминированию и этноцентризм существуют благодаря тому, что этническая группа представляет собой расширенную семью, обладающую большим набором общих черт: предки, культурное наследие, язык и т.п. Из-за так называемого «эффекта основателя» и повышенной частоты внутривидовых браков коэффициент родства, усредненный по всей этнической группе как относительно замкнутой популяции, будет существенно выше среднего коэффициента родства между представителями разных этнических групп. Тем самым в эт-

³⁸ Володин Б.Г. Мендель. М.: Молодая гвардия, 1968.

³⁹ Anthias F. Connecting «Race» and Ethnic Phenomenon // Sociology. 1992. Vol. 26, No 3.

⁴⁰ Trivers R.L. Parental Investment and Sexual Selection // Bernard Campbell (ed.), Sexual Selection and the Descent of Man, 1871–1971. Chicago: Aldine, 1972. P. 72.

⁴¹ Berghe Van den. P. L. The Ethnic Phenomenon. New York: Elsevier, 1981.

Глава 1. Этногенез в современной социологии

ногруппе отношения родственного покровительства и сотрудничества, т.е. того, насколько члены этногруппы могут полагаться друг на друга, являются образцами поведения даже для тех людей, которые не являются между собой родственниками. Указывая на зависимость этногруппы от генетической однородности ее членов, ученый объясняет этноцентризм как биологически оправданную непотическую реакцию и подчеркивает, что этнофактором можно манипулировать, но его нельзя создавать.

При анализе этногенеза необходимо учитывать постоянную деформацию общественных представлений об этническом идеале. Деформация идеала под влиянием социальной практики – необходимое условие для самосохранения даже закрытого локального сообщества. Обычно из логического тупика люди стараются выйти при помощи «внесистемных» инструментов, в частности путем создания исключений для общей нормы, что приводит к появлению участков локальной толерантности к отвергаемым практически везде в социуме девиациям и локального расизма по отношению к отдельным группам.

Даже радикальные неонацистские группировки современности обычно готовы признать тех или иных представителей другой национальности или расы и даже включить их в свои ряды, если они разделяют «дух народа», его символическое наследие и трактуемые соответствующим образом культурные нормы. То есть если их можно назвать, к примеру, «настоящими русскими», которые готовы защищать русские ценности, идеалы и нормы. И наоборот, толерантное общество может быть подчеркнуто нетолерантным, к примеру, по отношению к многоженству и преследовать тех, кто придерживается подобного обычая, в уголовном порядке.

Реальные социальные отношения в дискурсе расизма неизбежно заключены не только в дихотомию между преследователями и преследуемыми. Они могут включать в себя элементы как сотрудничества, так и конфронтации, соотношение которых зависит от социального контекста, степени политического и экономического развития общественной структуры, отношений власти или экономического положения страны.

Наиболее известной в российской академической среде является примордиальная концепция Л. Н. Гумилева⁴², по мнению которого эт-

⁴² Гумилев Л.Н. Этнос и антиэтнос (популярное изложение разработки автором концепции этногенеза) // Звезда. 1990. № 2. С. 121-122.

ногенез – это социально-природное явление на границе биосферы и социосферы, подчиняющееся энергетическим законам. Полученный на первой стадии формирования этноса своеобразный энергетический импульс способствует высокой социальной активности членов этногрупп примерно в течение тысячелетия. Эта энергия может проявляться в колониальных завоеваниях, великих походах, но прежде всего она реализуется в этногенезе. Инерционная энергия этноса, наподобие энергии механических предметов,двигающихся по наклонной плоскости, постепенно угасает, и он либо полностью растворяется в других этногруппах, либо погибает в результате природных или социальных катастроф, оставляя после себя кристаллизованное воплощение потраченной социальной энергии в виде памятников архитектуры и культурных артефактов.

Ключевым понятием концепции Л.Н. Гумилева является пассионарность, подчеркивающая важность внешних, случайных и имперсональных факторов как мутационность и энергетический уровень людей в росте этнического активизма. Участвующие в этногенезе индивиды не дифференцируются по степени их внешней активности в различных социальных ситуациях (именно этим занимаются теории лидерства в социальной психологии, начиная от «реализующей себя личности» А. Маслоу и вплоть до «авторитарной личности» Т. Адорно и «личности А-типа» калифорнийских врачей Мейера Фридмана и Рея Ройзенмана). Люди разделяются по степени присущей им разницы в «энергетическом потенциале» по отношению к некоему «среднему» уровню энергетики, которым обладает модальный человек. Таким образом, этногенез происходит, когда в популяции возрастает число пассионариев.

В методологическом плане представления Л. Н. Гумилева хорошо вписываются в общие каноны и магистральные направления социальных и психологических наук, известные по крайней мере с середины XVIII в., когда ученые начали использовать понятие «социальной энергии» (а затем и «психической» или «нервной»). Однако применение в социальных науках «энергетических» понятий существенно отличается от употребления, привычного для физика или химика (наиболее аргументированную критику энергетической концепции сознания дает Леонард Берковиц⁴³).

43 См.: *Берковиц Л.* Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Питер, 2001.

Более современным вариантом примордиализма выступает теория, предложенная известным специалистом по традиционным обществам Анной Ройс. Она определяет этническую группу как референтную и связывающую идентификацию людей с определенным историческим стилем (включающим в себя чувства о ценностях, символах и общих исторических событиях), отличающим членов группы от всех остальных. Несмотря на некоторые концептуальные преимущества термина «стиль», заключающего в себе как возможность постоянного совершенствования (по сравнению с выходящей неизменяемой «традицией»), так и наличие «стилистического» диапазона для выбора⁴⁴, данная концепция не получила широкого распространения даже среди американских ученых.

Помимо генетического, можно выделить примордиализм инвароментальный. М. Йохан проанализировал влияние биогеохимических и географо-климатических факторов на формирование этногрупп. В частности, он рассмотрел такие особенности социальной жизнедеятельности в горах, как резкие перепады атмосферного давления, влажности и температуры. К инвароментальным факторам относят высокую напряженность электрического поля, повышенную дозу ультрафиолетового излучения (которая в горах усиливается на 40% по сравнению с равниной), повышенный радиационный фон, горный климат, избыток лития в питьевой воде и пр.⁴⁵ Инвароментальные факторы создают общую социальную среду, в которой протекает этногенез. Например, одной из отличительных особенностей Кавказа был недостаток йода в этнонутрициональном рационе, что привело к распространенности заболеваний эндемическим зобом среди животных и людей. К перечню инвароментальных факторов можно отнести повышенный вулканизм, землетрясения, выходы на поверхность земли магмы и близкие к поверхности залежи урановых руд и т.д.

Вариантом инвароментального примордиального понимания важности внесоциальных факторов в этногенезе является географический примордиализм, подчеркивающий роль географической среды и этнотопографических процессов в формировании идентичности (в частности, концепция так называемой «геополиномики»⁴⁶).

⁴⁴ Royce A P. The Anthropology of Dance. Bloomington: Indiana University Press, 1977.

⁴⁵ См.: Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М.: Наука, 2001. С. 56.

⁴⁶ См., к примеру: Kazi A.A. Ethnicity and Education in Nation-Building: Case of Pakistan. Lanham, Maryland: University Press of America, 1987.

Ряд российских ученых разрабатывают этнопсихолингвистическую концепцию, которую можно назвать «лингвистическим примордиализмом». По мнению З.В. Поливара и И.С. Карабулатовой⁴⁷, для каждой этногруппы характерна этнопсихолингвистическая норма как совокупность автостереотипов социального, этнокультурного и речевого поведения индивида. Описывая собственный логопедический и лингвакоррекционный опыт, исследователи указывают, что у каждого человека существует предрасположенность к усвоению определенного вида языка, которая в значительной степени является генетически наследуемой. Языковые грамматические и дискурсные ошибки детей-билингвов существенно отличаются от языковых ошибок как русских детей с другими этническими корнями, так и детей с «чистыми русскими корнями». Поэтому у русских детей с татарскими корнями исследователи отметили затруднения в образовании лексико-грамматических форм. У русских детей с еврейскими корнями сложности с артикуляцией звуков (увулярный «р»), у русских детей с белорусскими, украинскими или польскими корнями чаще отмечается ламбдацизм.

Общенаучное значение примордиализма как методологической основы множества исследований в области этномедицины, географической генетики и этногеномики, а также других наук о человеке и обществе по-прежнему велико. При этом, несмотря на очевидную практическую пользу от развития примордиальных направлений и определенные перспективы будущих исследований этничности, выполненных в этом русле, ключевые положения примордиализма подверглись методологическим вызовам. Прежде всего критиковались преувеличенное значение природных факторов в этногенезе и недооценка факторов социальной и институциональной среды. Этногенез – это не только и не столько природный процесс, поскольку на формирование этногруппы влияет напластование множества факторов, и сложно определить, какие из них являются первичными, а какие вторичными и возникли позже как инструментальные, конструктивистские или институциональные средства этносоциальной адаптации.

Методологические различия между примордиализмом и конструктивизмом невозможно приравнять к компаративным различиям

⁴⁷ Поливара З.В., Карабулатова И.С. К проблеме речевых дисфункций у детей-билингвов в полиэтничном пространстве // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 5(43). С. 64-68.

между объективной и субъективной трактовками этногенеза. Анализом «объективных» элементов в этногенезе могут заниматься и примордиалистские, и конструктивистские теории. Убежденность конструктивистов в «воображаемом» характере происхождения этноса не означает, что этногруппа является таким же воображаемым объектом и по своим социальным действиям. Таблица умножения тоже носит воображаемый характер искусственной конструкции, в природе аналога ей не существует. Тем не менее она объективна, это не проблема языка, стереотипов, психологических иллюзий или внутренней интерпретации. Нельзя сказать, что, созданная для удобства и облегчения экономических взаиморасчетов, она не связана с окружающей реальностью, поскольку в известной степени она направляет и определяет поведение человека. В самой таблице умножения как совокупности алгебраических закономерностей нет ничего такого, что указывало бы на возможность ее социального использования. Однако ей присуща определенная «социальная нагрузка», поскольку ее знание облегчает интерперсональные коммуникации в некоторых случаях. Или другой сконструированный пример: «святая вода – качество святости придано воде человеком, и оно может быть воспринято только человеком»⁴⁸.

Хотя примордиальные положения часто применяются этнонационалистами в субъективизации политических прав отдельных этносов, сложность использования собственных идеальных образов в конкретной политической деятельности обычно вынуждает примордиалистов опираться на исследование вопросов перцепции этнических идентичностей. То есть на исследование вопроса о том, разделяет или не разделяет человек некие этнические нормы и ценности, что в целом выступает также предметом исследования конструктивизма.

Но есть и различия. Во-первых, это различия в методологическом понимании, т.е. в осознании невозможности идеально определить объясняющие модели с помощью любого отобранного набора данных. Конструктивистская концепция основывается на понятийном аппарате позитивистской социологии или, точнее, на понятиях и методах, заимствованных из естественных и технических наук. С позиций позитивистской методологии идентичность изначально представляет собой искусственную конструкцию.

48 Лесли Л.У. Понятие культуры // Личность. Культура. Общество. 2004. Вып. 2 (22). С. 17.

Современное конструктивистское понимание этногенеза основано как на представлениях о внешней среде – целенаправленном факторе эволюции и вере в человеческую способность осознанно контролировать общественную жизнь и природную среду так и на постмодернистской изменчивости и неопределенности.

Подчеркивая важность субъективного восприятия анализируемой реальности, пересматривая традиционный социологический предмет и используемые методы его анализа в соответствии с постмодернистским изменением задач и роли социологии как науки, постмодернисты отрицают наличие любых «объективных» социологических категорий, будь то классы, социальные группы или этносы. Как говорил Э. П. Томпсон, «классы не существуют, а делаются в повседневной практике». Еще радикальнее эту мысль высказывал Пьер Бурдьё: «Социальные группы возникают, когда их существование проговаривается вслух». Иными словами, даже разговор об этничности влияет на протекание этнических процессов, из чего, по мнению французского социолога, следует, «что человеческие действия – это скорее конструирование, чем реакция (или механический отклик), и строится оно, как правило, в сложном взаимодействии». Двойственный характер конструктивизма хорошо показан в следующем высказывании П. Бурдьё: «Этнические группы, как и всякие социальные группы, существуют в двух планах одновременно: "на бумаге" (как теоретический конструкт) и "на деле" (как часть социальной практики). Они реальны благодаря воспроизводству веры людей в их реальность и институтам, ответственным за воспроизводство этой веры»⁴⁹.

Конструктивизм рассматривает этнос как искусственно созданную теоретическую и интерпретационную конструкцию, а этногенез – как порождение внешних ситуационных вызовов и механизмов одновременного включения и исключения, создающих сознательный и стратегический доступ к наградам и позитивным благам для одной группы и отрицающих их для другой или других. Если изменяется внешняя ситуация, то трансформируется и поведение, и идентичность человека. Тем не менее возможности этнического конструирования не беспредельны. «Ни теоретик, ни практический политик не может сконструировать "что угодно" и "неважно каким способом"»⁵⁰.

⁴⁹ Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio Logos, 1993. С. 92.

⁵⁰ Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. М.: Socio Logos, 1994. С. 191.

Еще одно различие заключается в представлениях об устойчивости этногенеза. Для примордиалистов поменять этничность очень сложно, с практической точки зрения даже невозможно, поскольку этногенез, создающий иллюзию «контролируемой устойчивости» и воплощающий стремление человека контролировать привычную среду, является комплексным биосоциальным процессом, для реализации которого требуется много времени.

Указывая на важность политического манипулирования в формировании этноса, конструктивисты, исследуя социальный контекст, на фоне которого происходит этническая идентификация, напротив, считают, что, хотя этноидентичности «кристаллизуются» в обществе, индивиды могут легко изменить этнопринадлежность. Как говорил Дж. Джиллис, «...идентичность не является фиксированным предметом, а скорее репрезентацией или конструированием реальности, субъективным, а не объективным феноменом»⁵¹.

В этой связи Р. Дженкин вводит различия между «номинальной», или «виртуальной», и «фактической», или «реальной», идентичностями⁵², а Б. Бонка предлагает использовать понятие «амбивалентная этничность»⁵³, с учетом которого этногенез рассматривается как «двуликий Янус» с примордиальными и конструктивистскими элементами.

По мнению французских социологов, существует определенная «социальная сущность», которая в некоторых ситуациях выражается в виде социальной группы или политической партии, а иногда – в виде этноса, причем одним из главных факторов подобного «выражения» является стратификационная природа конкретного государства: «В некоторых из этих государств имелись "сословия", т.е. категории лиц, обладавших наследным социальным статусом благородные, простолудины, ремесленники, рабы, в других были "этнические группы", т.е. категории населения, различия в наименовании которых указывали на предполагаемое различие в происхождении»⁵⁴. Кроме того,

⁵¹ Gills J.R. Memory and Identity: The History of a Relationship // Gills J. R. ed. Communications: The Politics of National Identity. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 3.

⁵² Jenkin R. Social Identity. London: Routledge, 1996. P. 19.

⁵³ Boneva B. Ambivalent Ethnicity: The Case of Pirin Macedonia // Sociological Abstracts. 1994 (July), 42/7 (Supplement), 173. P. 37.

⁵⁴ Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, Нация, Класс: Двусмысленные идентичности. М., 2004. С. 240.

во многих государствах признавалась особая этническая категория «неграждан», т.е. «иностранцев»⁵⁵.

Конструктивисты подчеркивают «искусственный» характер этничности как некоей социальной сущности, в которой раньше не было потребности, а потом под влиянием изменения политической ситуации эта социальная потребность появилась. Эту мысль удачно выражает Элизабет Колсон: «Многие молодые люди открыли свою принадлежность к этнической группе, когда посвятили себя делу африканской независимости... в Африке это был школьный учитель, интеллигент. Именно он горел идеей продвижения своего собственного языка и культуры и чувствовал себя уязвленным любым успехом языка и культуры других групп внутри страны»⁵⁶.

Эмпирические подтверждения манифестации этничности можно найти в исследованиях американских социологов, которые наблюдали за идентификационным поведением иностранцев в иноязычном окружении и нашли, что вначале они пытаются покинуть свои низкостатусные группы. Но затем иностранцы предпринимают индивидуальные попытки повысить статус этих групп, пытаясь сделать то, чем можно гордиться в глазах доминирующего этнобольшинства⁵⁷.

В России переход на конструктивизм в 1990-е гг. в значительной мере был основан на идеологических и ценностных предпосылках. Конструктивистское восприятие этносоциального пространства как пассивного объекта для политических манипуляций этноэлит соответствовало методологической почве общественных наук, длительное время развивавшихся на концептуальной базе марксизма, в особенности представлений об активной преобразующей роли общественных субъектов, – несмотря на то, что сторонники конструктивизма в политических отношениях придерживаются либеральных ценностей.

В ценностном плане конструктивисты полагали, что, перефразируя Платона, хорошие люди не только поступают хорошо, но и думают хорошо. Но как определить, какие мысли являются хорошими, а какие нет? Нужно четко их классифицировать и запретить (либо, по крайней мере, ограничить циркуляцию и обсуждение как «аморальных» и «ненаучных») те идеи, которые не удовлетворяют критериям социального заказа.

⁵⁵ Stinner E.P. Strangers in West African Societies // Africa. XXXIII, 4, October 1963. P. 307–320.

⁵⁶ Цит. по.: Балибар Э., Валлерстайн И. Указ. соч. С. 245.

⁵⁷ Park R.E., Miller H.A. Old World Traits Transplanted. Rev. ed. New York: Arno, 1969.

Можно сказать, что конструктивисты в России играют роль идеологических и эстетических «сторожей», которые заведомо уверены, что:

1. В человеке больше социального.
2. Биологическое в человеке либо плохо известно, либо сложно изучаемо – в любом случае, не имеет большого значения.
3. Приоритет биологического над социальным всегда носит характер скрытого расистского или этноцентристского подтекста (к примеру, в форме антисемитизма или кавказофобии).

Хотя большинство примордиалистов не дают никаких оснований для подозрений в недобрых намерениях, конструктивисты «биологическое» обычно связывают с характером политических отношений. Примордиальные аргументы, по мнению конструктивистов, направлены либо на доказательство какого-либо превосходства одной этнической группы по отношению к другим, либо на доказательство предъявляемых обвинений в испытываемом ею культурном, политическом или экономическом вреде со стороны других этносов, либо и того, и другого одновременно. В конструктивистском понимании примордиализму достается роль «лженаучного» направления, которая в советское время отводилась генетике и кибернетике. Но весьма немногие из критиков примордиализма затрудняют себя тщательным изучением современных примордиальных теорий.

Биологическое связывают с политическим с тем же упорством, с каким правоверные нападают на еретиков. Одним из главных аргументов является «плохая» история биологии. Существует опасность того, что «вопросы наследственности с готовностью используются в качестве оправданий, и что эти оправдания препятствуют изменениям»⁵⁸.

Однако исследование примордиальных факторов в этногенезе (инструментальное использование которых вполне возможно в политической практике, но не является обязательным) не всегда приводит к радикальным социально-политическим выводам и рекомендациям по этнической и расовой чистке нации. Подозрение в том, что если признать некие существенные отличия между людьми, то это непременно будет использовано для достижения и/или оправдания политического господства одного этноса над другими, в логическом от-

ношении не основывается на каких-либо убедительных аргументах. Такие предпосылки сами служат выражением определенной идеологии, в лучшем случае – идеализации реальных социальных отношений и идентичностей.

Стремление «гуманизировать» природу человека берет свое начало еще в Средневековье, когда из благостных побуждений католические священники ставили под сомнение теории Коперника и Галилея, указывая, что именно на Земле произошли события, упомянутые в Библии, и поэтому невозможно утверждать, что наш мир – лишь один из миллиардов других миров. В XIX в., стремясь обеспечить место повыше в биологической эволюции, гуманисты ставили под сомнение теорию Чарльза Дарвина: по-человечески понятно, что вывести собственное происхождение гораздо приятнее от Бога, чем от обезьяны. На рубеже XIX–XX вв. на схожих «эстетических» основаниях критиковали мальтузианство, «механистическую» теорию З. Фрейда, «борьбу за существование» Л. Гумпловича, а также бихевиоризм.

Практически любая теория, изучающая или подчеркивающая бессознательные и/или биологические элементы в развитии человеческой личности, критиковалась как «примитивная». Такие критики забывают о биологической природе человека и его зависимости от природной среды (иногда конструктивисты вспоминают об этом, когда им самим приходится обращаться к врачу – если только не настаивают на «воображаемом» характере болезней). Как заметил Конрад Лоренц, возможно, «наши достижения в области кишечной хирургии основываются в значительной степени на том факте, что деятельность этих органов не вызывает никакого восхищения»⁵⁹, а значит, от «цензуры эстетики» можно отказаться.

Дж. Комарофф предпринял попытку объединить примордиализм и конструктивизм в форме «неоконструктивизма», консенсуальность которого может послужить «синтетической теорией» этногенеза. Французский ученый полагает, что конструктивизм – это «не теория, а некоторое описательное утверждение о том, что политическое и культурное самоосознание является результатом человеческой деятельности»⁶⁰.

⁵⁹ Лоренц К. Агрессия (так называемое зло). М., 1994. С. 21.

⁶⁰ Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политическое самосознание в конце XX в. // Этничность и власть в полиэтничных государствах: материалы междунар. конф. М.: Наука, 1994. С. 41.

Глава 1. Этногенез в современной социологии

С такой трактовкой вряд ли бы согласился В.А. Тишков, который, выступая в поддержку развития проекта единой «российской нации», неоднократно указывал на неизбежность «ухода» этничности из социальной и политической жизни России. Этногенез при конструктивистском понимании – это сконструированный этноэлитами и временный по своему воздействию на остальной социум социальный феномен, ограниченный, например, трансформационным периодом. Этногенез для конструктивистов носит идеологический и/или политический характер и поэтому часто используется правящими элитами для реализации мобилизационных целей (к примеру, достижения региональной власти или получения каких-либо административных или финансовых преференций из федерального центра для развития этногрупп).

Конструктивисты полагают, что «процессы этнической мобилизации в рамках той или иной общественной системы могут начаться в двух случаях: когда доминирующая группа хочет утвердить свое господство над другими, вступившими в соревнование с ней группами или когда прежде угнетаемые этносы начинают требовать доступа к существующей структуре власти»⁶¹.

Известный приверженец символического интеракционизма Б. Лал назвала мобилизационное явление «этническим парадоксом». В полиэтнических обществах участие этногрупп в политической деятельности и подчеркивание групповой идентичности являются стратегическими социальными механизмами, которые обеспечивают максимально полное участие этих групп в экономической, политической и культурной жизни общества и коллективном распределении ресурсов, принадлежащих, в первую очередь, доминирующей этнической группе⁶².

С конструктивистской точки зрения, именно социально-политическое окружение создает ситуацию, в которой в определенном ин-теракционном и рефлексивном контексте этноэлиты конструируют этноидентичность. Особое значение имеют «строительные блоки» (язык, культура, традиции и пр.), существующие в рамках этносоци-

⁶¹ *Боришполец К.* Этничность и политика (некоторые тенденции и результаты развития современных прикладных исследований) // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1994. № 4.

⁶² *Lal B.V.* The Romance of Culture in an Urban Civilization: R. E. Park on Race and Ethnic Relations in Cities. London: Routledge, 1990.

етального ландшафта, которые позволяют этнопредпринимателям потратить относительное незначительное количество ресурсов для создания новой этноидентификационной структуры.

Сконструированная идентичность должна существовать до того, как ее выбирает человек. Первой проблемой конструирования является необходимость организации идентификационного материала, полученного из различных источников, в достаточно связанную между собой схему. Однако в процессе конструирования, будь то создание культурной идентичности или любого ее материального носителя, неизбежно возникает проблема огромного количества брака. С технологической точки зрения «побочный продукт» неизбежен. Чем сложнее объект конструирования, тем больше отбракованного материала придется впоследствии выбрасывать (а сконструированная идентичность по своей структуре сложнее любых материальных предметов). Конструирование – это процесс, в котором невозможно гарантировать успех и тем более заранее его предсказать. На каждую удачную конструкцию приходится множество ее менее удачных аналогов⁶³, а инженерное развитие здесь часто происходит методом постепенного перебора всех имеющихся вариантов технологических решений. Обычно изготавливается опытный образец, который методом «проб и ошибок» доводится до заранее нужных параметров. Эта проблема решается достаточно легко в случае с материальными предметами. Но что делать, когда подобным «конструкторским браком» становится самосознание или самоидентификация отдельных людей или групп? Как должна быть построена вся деятельность по утилизации соответствующих отходов в построениях социальных конструктивистов? Возможно, идеологические проекты придется подвергать цензуре отдела технического контроля.

Иначе говоря, гарантировать успешность проектируемой конструкции невозможно даже в инженерных и технических науках. И это несмотря на их оснащенность новейшими методами технологического анализа и компьютерного прогнозирования и огромный массив накопленной информации, полученной опытным путем за последние полтора – два столетия. Тем не менее при создании сложных конструкций неизбежно возникают ошибки.

⁶³ К примеру, генетик Ян Вилмут лишь с 227-й попытки удачно клонировал овечку Долли.

Инженерные ошибки в проектируемых разработках встречаются чаще, чем это хотелось бы их создателям. Время от времени сложные архитектурные сооружения рассыпаются на части, а самолеты теряют управление и разваливаются в воздухе. Электронные схемы выходят из строя, бытовая техника отказывается работать. Системы защиты ядерных реакторов перестают действовать в самый ответственный момент. Можно ли ожидать, что сконструированные идентичности будут менее уязвимы в отношении возможных поломок (особенно если принять во внимание более сложную структурированность человеческого сознания, относительно небольшую историю развития социальных наук, а также недостаточность и неточность методов их исследования)? И кто будет отвечать за неудачное вмешательство в человеческую судьбу на уровне отдельных групп или целых народов?

Конструктивизм поэтому довольно сомнителен. Помимо вышеперечисленных недостатков, еще и своей неустойчивостью и даже ненадежностью. То, что один человек может создать, другой может легко и разрушить. В психологии стадия конструктивизма – это период младенчества. Ребенок путем конструирования стремится убедиться в том, что он может контролировать внешнее окружение. Он хочет все потрогать и попробовать, если удастся – то и попытаться разрушить. Неумение различать живое и неживое – это результат неспособности расщеплять сознание и оказываться на месте объекта.

Здесь опять-таки возможна аналогия с физическими конструкциями, которые постоянно требуют ремонта и восстановления и каждая из которых обладает собственной спецификой. Станок выпускает миллион деталей, и все-таки каждая из них будет отличаться от предыдущего элемента – хотя бы на одну миллионную часть.

Общественное развитие бесконечно, и, очевидно, рано или поздно появятся новые идеологи, стремящиеся сменить даже ту идентичность, которая сегодня ее создателям кажется идеальной. Невозможно считать, что одна конструкция может быть успешнее или удачливее, чем другие. Если конструктивизм не является «неравномерным», то по степени этой прочности, а именно устойчивости к неблагоприятным внешним воздействиям и способности восстанавливаться после кризисных ситуаций, социальные конструкции должны быть примерно одинаковыми.

Как у механических систем у социальных конструкций существует предел прочности. Постепенно под воздействием агрессивной

внешней среды накопленные микроскопические дефекты переходят в макроскопические и приводят к разлому. Искусственным социальным конструкциям не хватает внутренней стабильности, которая могла бы сопротивляться нарушениям прочности, т.е. способности сохранять динамическое равновесное состояние или способности возвращаться в состояние равновесия после небольших деформаций, не разрушаясь под воздействием внешних сил – без существенных изменений собственных функций.

В технических науках для определения оптимальных параметров сохранения сначала выясняют, какие именно нагрузки действуют на рассматриваемую конструкцию или ее отдельный элемент. Затем вычисляют вызываемые ими деформации, устанавливают наступление предельного деформационного состояния, связанного с уровнем накопленной в единице объема потенциальной энергии деформации, определяют внутренние силы систем, способные сопротивляться внешним реакциям и сохранять прочность, жесткость и устойчивость в определенный конечный промежуток времени. Наконец, исследователи устанавливают наиболее неблагоприятные комбинации напряжений, вызывающие разрушение конструкции, что можно образно сравнить со смертью человека от множества травм и вызванных ими болезней, выбирают такие параметры системы, при которых деформации внутренних сил не превышают заранее вычисленных предельных значений. Большую роль при этом играют не только условия воздействия (характер нагрузок, временной режим, агрессивность внешней среды и т.д.), но и анализ структуры конструкции, которая может оказаться неоднородной и нестабильной.

В социальных науках расчет на конструктивную устойчивость невозможен. Такое положение объясняется тем, что общественные конструкции зависят от множества факторов, не всегда изученных и даже не всегда известных. В результате подобное конструирование должно носить, в сущности, бесконечный характер – с точки зрения жизни отдельного человека или даже этнической группы, – а необходимость обеспечения приоритета именно своего варианта конструирования этнической идентичности неизбежно приведет к тому, что начнут обостряться все вопросы, связанные с политической и социальной властью. Межэтническая борьба этим только усилится. Поскольку именно власть (причем власть полная и абсолютная) может гарантировать некоторую устойчивость для столь хрупких созданий человеческого разума, как этноконструкции, подобно тому, как власть роди-

телей или угроза применения наказания ими может удерживать детей от разрушения песчаных замков, построенных на пляже кем-то другим. Сконструированная идентичность неизбежно предстанет в виде застывшего «музейного экспоната», сохранность которого будет наиболее важной задачей. Однако тратить время и ресурсы на подобный постоянный надзор как-то не хочется. Для успешного социального и экономического развития общества это и не требуется.

Не нужно это и с психологической точки зрения. Человеческая психология просто не позволит воплотиться в сознании в устойчивом виде слишком большому количеству внешних конструкций, будь то конструкции идеологические, религиозные, культурные, символические, этнические и т.п. Идентичности, направленные на регулирование одного и того же набора бихевиоральных функций, плохо соотносятся между собой. Любая новая идентичность может вступить в борьбу со старой формой самоидентификации. Иногда столкновения различных идентичностей в сознании отдельного человека могут привести к тяжелым социально-психологическим нарушениям.

Чем сильнее средства убеждения, тем сильнее сомнения, возникающие в сознании человека. Всевозможные действия по упрочнению навязанной извне уверенности в новой идентификации приводят лишь к тому, что такие сомнения загоняются вглубь.

Чтобы сохраниться в ходе длительной эволюционной борьбы с внешними вызовами, сознание человека должно было выработать в себе механизмы борьбы с искусственными конструкциями и воздействиями. Иначе говоря, существуют объективные барьеры и ограничения на пути проникновения внешних конструкций: в сознание невозможно «запахнуть» все, что хочется или нравится. Подобной ситуации и не должно возникать, иначе психика человека была бы постоянно переполнена внешними конструкциями. Современные социальные психологи обычно указывают на то, что «восприятие – это вопрос не просто пассивного разрешения какому-нибудь органу – скажем, зрения или слуха – получать готовые впечатления извне, как палитра получает мазок краски... обычно признается, что все наши впечатления с самого начала определены схемами». Люди организуют получаемую информацию в «паттерны, за которые мы, получатели, несем основную часть ответственности»⁶⁴.

⁶⁴ Douglas M. and Hull D. eds. *How Classification Works: Nelson Goodman among the Social Sciences*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1992. P. 49.

«Трансформационные издержки» смены собственной этнической принадлежности достаточно велики. В этих издержках и сложностях заключается большое эволюционное содержание. В противном случае люди меняли бы собственную идентичность слишком часто. По крайней мере, сразу вслед за появлением нового и более выгодного варианта этнической самоидентификации. Рынок идентичностей стал бы конъюнктурным, а обретение идентичности, говоря словами Джорджа Сороса, «следовало бы за тенденцией». Этот сизифов труд сделал бы невозможным не только общественную и гражданскую жизнь как таковую, но и привел бы к серьезным и разрушительным проблемам психологического характера, многочисленным неврозам, синдромам и нарушениям. В условиях ограниченного объема памяти и когнитивных способностей, рассеянности внимания, а также наличия в сознании механизмов вытеснения и забывания личность не может выдерживать психологические нагрузки, не опираясь на прошлый опыт и идентификационные навыки.

Новая идентичность означает хотя бы частичную замену или вытеснение идентичности старой. Идеальные конструктивисты – это психически неустойчивые люди. Люди, страдающие от некоторых заболеваний коры головного мозга, которые постоянно забывают, кто они такие. Им приходится по нескольку раз за день воссоздавать собственную идентичность практически с нуля, постоянно конструировать себя, с тем чтобы на следующий день оказаться в ситуации предшествующего, уже прожитого дня – без всяких соответствующих последствий в изменении текущего поведения. Подобные психологические коллизии уже в искусственных социальных ситуациях хорошо описал Сигизмунд Кржижановский: «Удостоверений кипа. Личность затерялась. Ни экземпляра. Чем чаще меня удостоверяли, тем недостовернее становился я самому себе... Чем чаще разбегающиеся ре-мингтоновы строчки уверяли меня номером, ро-счерками подписей и оттиском печати, что я действительно такой-то, тем подозрительнее я становился к своей «действительности», тем острее чувствовал в себе и такого, и этакого»⁶⁵.

В одном из голливудских фильмов главный герой все время был вынужден записывать на листках бумаги, кто он такой. Он проделывал это буквально каждые несколько минут, перед тем как вышасть

⁶⁵ Кржижановский С. Возвращение Мюнхгаузена. Л., 1990. С. 10.

из состояния текущего сознания. Он и помнил себя не более этих нескольких минут своего непосредственного прошлого. По этим листочкам ему удавалось сохранять ощущение непрерывности собственного существования. С бихевиоральной точки зрения подобную «забывчивость» можно объяснить именно тем, что он все время записывал свое текущее «я», тем самым подавляя внешней стимуляцией внутренние механизмы самосохранения психического сознания.

В то же время человек, который ничего не забывает из своего прошлого, заканчивает психическими расстройствами. Подобные примеры, в том числе существующие не только в художественной реальности, ясно показывают, что человеческое сознание – это очень хрупкая конструкция, наподобие хрустального стекла. В данном случае сознание можно представить себе как примерный аналог чего-то среднего между медицинскими весами и механической пружиной, обладающими к тому же повышенной хрупкостью и жесткостью одновременно. Хотя аналогия довольно сложная и, наверное, неудачная, поскольку в физическом мире предметов, которые бы реагировали на внешние проявления и стимулы примерно так же, как и сознание человека, просто не существует.

Сознание человека очень уязвимо к внешним воздействиям, особенно по сравнению с удивительно эффективным и надежным телом, которое досталось от природы. Любое серьезное изменение привычной социальной среды, не говоря уже об экзистенциальных кризисах наподобие проблемы выживаемости в экстремальных условиях, восприятия смерти близких людей и т.п., приводит к тому, что сознание часто отказывается работать и переходит в «пограничную зону» предсознания до тех пор, пока внешние условия не поменяются.

Подчеркиваемая конструктивистами «воображаемость» идентичности является особенностью большинства социальных процессов, окружающих человека. Но само воображение носит биологический характер, поскольку существуют определенные участки коры головного мозга, отвечающие за фантазию. Хотя биологический характер сознания отличается от биологического характера яблока, которое растет на дереве и которое тоже является природным фактом, сильное влияние на сознание оказывают природные и физиологические процессы, генетические и наследственные факторы.

Сознание не может полагаться или хотя бы доверять добрым намерениям внешнего мира, тем более что повседневный опыт убеждает

человека в противоположном. Сознание охранительно и консервативно. Оно довольно отрицательно относится к инновациям, поскольку встроено в материальные условия жизни, которая прекращается в «относительно короткое время» по сравнению с «вечностью»⁶⁶. При этом сознание сохраняет гибкость, и если ситуация его не разрушает, то происходит адаптация. Как говорил Ф. Ницше, «все, что не убивает, делает сильнее».

Технологии конструирования носят ценностно-нейтральный характер и напоминают мельницу: в зависимости от качества зерна и мука получается соответствующая. Даже положительную конструкцию легко переделать для отрицательных целей, и методы социальной инженерии используются элитами, как правило, для не самых благих нужд.

Последний недостаток конструктивистских конструкций носит скорее идеологический характер, но его упоминание и описание необходимы для полного осознания сущности конструктивистского отношения к процессам, приводящим к появлению этничности. Представления о необходимости конструирования тех или иных социальных артефактов являются в определенном смысле религиозными убеждениями. Получается, что «социальные проповедники» столь сильно превосходят «обычных людей» в понимании того, что им нужно и что им может понадобиться в будущем, что последним просто необходим некий пастырь или поводырь, который сможет вывести их на дорогу, ведущую к свету (по крайней мере, в понимании «проповедников»).

Предварительным условием любого конструирования является наличие существенного общественного богатства, т.е. своеобразного социального материала, без которого создавать конструкции будет просто не из чего.

В отличие от классического предпринимательства, которое создает не только новые рабочие места, но и прибавочный продукт и экономический рост, увеличивающий богатство общества в целом, этническое предпринимательство не может предложить внешней аудитории ничего из того, что ей было бы необходимо. Этнопредпринимательство подразумевает обмен этнического капитала на другие формы социального капитала таким образом, чтобы получить при

⁶⁶ Fodor J.F. *Psychosemantics: The Problem of Meaning in the Philosophy of Mind*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1987. P. 129.

этом прибыль. Этническая группа, мобилизуемая своими лидерами, – это не только голоса избирателей на выборах, что уже является ценностью само по себе. В политических отношениях этнос и этническая принадлежность могут выступить «фактором X» – фактором неопределенности. Конструктивисты полагают, что этногруппы можно использовать для эскалации межэтнической напряженности, а потом обвинить в случившемся правительство или, наоборот, манипулируя сторонниками, снизить политическую напряженность и заработать рейтинг перед избирателями. Национализм является манипулятивной и искусственной маскировкой и «дымовой завесой» для сокрытия корпоративных интересов элит, поскольку всегда существует возможность приккрыть элитные устремления выдвигаемыми лозунгами и утверждать, что этническое возрождение и есть главная цель деятельности элиты.

По словам Б. Уильямса⁶⁷, этничность является «громоотводом», она выражает позицию тех, кто стремится выразить интересы одной группы в отношении другой. Подчеркивая мобилизационный характер этногенеза как перевод внутреннего социального напряжения в русло межэтнической борьбы, конструктивисты указывают, что технологии политического манипулирования и разыгрывания «этнической карты» камуфлируются в естественные и «стихийные» коллективные действия, запланированные политические акции оформляются как «взрыв народного негодования», рост политической нестабильности, народного протеста и т.д. Речь не о том, что двойной подход к этничности – явление обязательное и повсеместное. Встречаются те, для кого вышесказанное действительно имеет значение и слова «этническая культура», «родной язык» и «земля предков» не пустой звук. Но среди элиты такие люди немногочисленны, и рано или поздно они будут смещены своими сподвижниками-прагматиками, предпочитающими компромиссное отношение к этническим ценностям и прагматичный подход к межэтническим отношениям.

Мобилизацию этноса для соперничества с другими группами правящих кругов, претендующих на общие ресурсы, по мнению конструктивистов, элита выполняет не потому, что ей интересны уставовки, вынесенные и провозглашенные в программных документах,

⁶⁷ Williams B.F. A Class Act: Anthropology and the Race Across Ethnic Terrain // Annual Review of Anthropology. 1989. Vol. 18, No 3. P. 401-402.

такие как развитие языка или культуры. Этническая мобилизация – самый надежный способ достижения власти. Это удобно, относительно дешево и практически безотказно. Например, первый президент Азербайджана А. Эльчибей придерживался мнения, что национально окрашенные лозунги позволяют намного быстрее мобилизовать и этнические сообщества, и государственные структуры, утверждая, что только этнонационалистический режим может мобилизовать налоги и солдат на войну с Арменией.

Этническая мобилизация безотказна, особенно в условиях ксенофобии, роста недовольства межэтническими отношениями в общественном сознании и подозрений к мигрантам с соответствующими требованиями их выселения за пределы территории проживания, взаимных угроз и взаимной неприязни. В ситуации, когда люди столь сильно недовольны жизнью, что их озлобление все время прорывается наружу, не так уж и трудно спровоцировать межэтнические столкновения. К тому же это довольно дешевый способ, поскольку можно найти заинтересованных союзников, которые окажут финансовую помощь участвующим в борьбе за «правое дело». Вероятность этноколлективного действия увеличивается при использовании организационных ресурсов, включающих в себя солидарность членов группы, информационный контроль, пропаганду справедливого распределения коллективной прибыли и применение тактики использования ненасильственных методов⁶⁸.

Хотя применение манипулятивных средств этнополитической борьбы, возможно, и сулит тактический выигрыш конкретной группе политиков в борьбе за власть, негативные издержки носят стратегический характер как для страны, так и для населяющих ее этносов.

В системе этнопредпринимательства получение прибыли связано с использованием социальными агентами этноидентичности как относительно автономного фактора по отношению к таким классическим факторам производства, как труд, финансовый и физический капитал. Этническое предпринимательство построено на использовании внешних по отношению к самим предпринимателям ресурсов и на передел общего ресурсного «пирога, который постоянно продолжает ссыхаться». Когда приток ресурсов прекращается или хотя

⁶⁸ *Скворцов Н.Г.* Социальная природа этничности: социологический и социально-антропологический аспекты: дис. ...д-ра социол. наук. СПб.: СПбГУ 1997. С. 239.

бы замедляется, этнический язык и культура, конструированию которых столько времени уделяют этнические элиты, так же медленно приходят в упадок, поскольку сами по себе они не являются товарами, абсолютно необходимыми во взаимоотношениях с соседями. Особенно если речь идет о достаточно редких языках и «экзотических» обычаях. Этнокультура – продукт скорее для «внутреннего пользования», хотя временами этнокультурные традиции могут стимулировать некий познавательный туристический интерес со стороны.

Идеологически критикуя этногенез, конструктивисты указывают, что этничность «...помогает цепляться за отжившее прошлое. Более того, в настоящее время она становится обдуманым выбором негативных символов. Символизм и семантика движения прославляют эмблемы идентичности, которые еще недавно отвергались и подавлялись»⁶⁹.

Конструктивистская программа политических действий предполагает определенное идеологическое навязывание и противопоставление одной группы другим, а также принуждение под прикрытием первоначально благих целей. И «обычные люди» вынуждены служить объектом конструирования для тех, кто полагает, что он достаточно подготовлен для подобных воздействий – без всяких на то оснований. Такая позиция не только глубоко безнравственна, но и нелогична и непоследовательна. К сожалению (или к счастью), конструктивисты в повседневных социальных интеракциях практически ничем не отличаются от большинства случайно отобранных людей любой достаточно протяженной социальной общности. По крайней мере, в том, что касается жизненной смекалки и здравого житейского смысла, которые служат для сознания надежной защитой от искусственного навязывания чужеродных идентификационных конструкций. Особенно если рациональный анализ издержек и дивидендов, связанных с новым вариантом самосознания и самостоятельной коррекции прежней идентификации, явно не в пользу предлагаемой конструкции. Общую рациональность как индивидуального, так и коллективного сознания активно рассматривает инструментализм.

Инструменталисты изначально исходят из предопределенности рационального поведения в сфере идентификации, что в целом до-

⁶⁹ Stein H. and Hill R. The Ethnic Imperative: Examining the New White Ethnic Movement University Park: Pennsylvania State University Press, 1977. P. 214.

вольно логично. Если наблюдаемое в течение длительного времени социальное поведение человека носит характер рационального достижения некой целевой функции, важной для конкретного индивида (к примеру, в экономической сфере рациональность заключается в осознанном стремлении к прибыли и минимизации собственных издержек), можно по аналогии предположить, что человек будет придерживаться рационального поведения и при выборе этноидентичности. В работе по этногенезу Ю. Рузенс пишет: «Многие люди меняют свою этническую идентичность, если это приносит им определенную выгоду»⁷⁰. Выгода не обязательно должна носить материальный характер, хотя предлагаемые экономические блага могут существенно ускорить этноидентификационный шифтинг.

Большое значение при рациональном выборе этничности отдельным социальным субъектом или группой имеют различные формы этнической коллективной организации. Во-первых, они являются главным источником коллективных санкций и поощрений. Во-вторых, они влияют на рациональный выбор своих членов, контролируя получаемую ими информацию⁷¹.

Отдельно необходимо рассмотреть вопрос о соотношении понятий «социальная идентичность» и «социальная роль». Немногие люди обладают достаточно развитыми актерскими и творческими способностями, чтобы в течение длительного времени удачно перевоплощаться в другую идентичность, быстро переходить из одной этничности в другую. Обычно распространенная в общественном сознании метафора о том, что «весь мир театр, а мы в нем – актеры» остается именно метафорой, хотя некоторым индивидам социальная игра может удаваться довольно успешно и длительное время. Для актерской идентификационной игры требуются существенные внешние стимулы, не говоря уже о соответствующей длительной и специализированной творческой подготовке и большом вознаграждении. Но непонятно, зачем прибегать к таким сложностям, если у человека уже есть некоторая идентичность. Идентификационные игры имеют практический смысл только в том случае, если позитивные блага при выборе нового «образца для опознания» (И. Гофман) достаточно велики.

⁷⁰ Roosens E. *Creating Ethnicity: The Process of Ethnogenesis*. Newbury Park: Sage Publications, 1989.

⁷¹ Скворцов Н.Г. Указ. соч. С. 244.

Исходные эпистемологические посылки инструментализма, который в этносоциологической литературе носит также названия «утилитаризма», «мобилизационизма» и даже «ситуационизма», заключаются в том, что социальная среда, в которой действуют этносоциальные агенты, наделяется идентификационным значением в непрерывном процессе коллективного выбора.

В инструменталистском понимании этногенеза преобладает программно-целевая или функционально-инструментальная сущность, поскольку, выбирая этноидентичность, индивиды преследуют определенные социальные, политические и экономические цели, которые носят целевой или функциональный характер. Цели этноидентификации можно легко менять, как только они достигнуты или когда выполнены определенные функции и у индивидов возникает необходимость в новых целевых ориентирах. Однако «чтобы успешно манипулировать идентичностями, необходимо обладать некоторой уверенностью, по крайней мере, в одной идентичности, чем-то вроде базы, с которой отправляются и на которую возвращаются»⁷².

Инструменталистское понимание этничности хорошо отражено в примере американского историка П. Салинса, который показал, как жители долины Чердания в Каталонии, разделенной франко-испанской границей, в течение долгого времени изобретательно манипулировали гражданством в своих интересах, не считая себя ни французами, ни испанцами. Чтобы избежать мобилизации в действующую армию во время Первой мировой войны, мужчины призывного возраста, формально проживающие на территории Франции, временно стали «испанцами»⁷³. Тем самым идентичность межграницного сообщества строилась на основе сознательного инструментального противопоставления всем остальным этноидентификационным структурам, существующим по обе стороны национальной границы.

Если для конструктивизма этногенез – это вид социального реагирования на внешнюю ситуацию и «строительство» этничности из уже имеющих «кирпичиков» (язык, общие мифы, паттерны культурного развития и пр.), то инструментализм рассматривает этногенез как длительный процесс адаптации к внешним стимулам для

⁷² *D'Amico L.* Expressivity, Ethnicity and Renaissance in Otavaio. PhD Dissertation. Indiana: Indiana University, 1993. P. 193.

⁷³ *Sahlins P.* Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees. Berkeley: University of California Press, 1989.

достижения целевой функции. Э. Кедуние приводит в качестве знакового этноинструменталистского примера историю одного венгерского чиновника, «...который посетил спорную местность, чей статус оспаривался Чехословакией и Польшей. Он спрашивал, сколько поляк живут в провинции, и получал ответы от 40 000 до 100 000 в зависимости от экономических интересов крестьян»⁷⁴.

Иногда первоначально «выдуманности идентичности» оказываются весьма успешными в плане продвижения общенациональной идеологии, создания государства и общих этноисторических мифов. Один западный исследователь подробно описал, как в XVI в. некоторые социальные и религиозные проповедники, преданные теологическим доктринам кальвинизма, помогли создать для жителей только что самопровозглашенной Нидерландской республики общее мифологическое происхождение. Речь шла о нескольких героях, прибывших с Батавии, небольшого острова между реками Рейн и Вааль, чтобы строить дамбы против Северного моря и «отвоевывать» морскую территорию для проживания людей. Искусственно созданная «батавианская» идентичность помогла отделить голландцев как нацию от идентичности людей, проживавших на местностях, контролируемых испанскими властями, что «...послужило оправданием их особой политико-религиозной и экономической судьбы, которая отделяла их от лингвистически родственных, но все еще захваченных южных провинций Нидерландов... Новая столица голландской колониальной империи в Индиях получила соответствующее название: "Батавия"...»⁷⁵.

Наиболее известным конструктивистским примером является формирование этноидентичности шотландцев с помощью таких этнокультурных маркеров, как шотландские танцы, спортивные игры, килт, происхождение которых идет с XVIII в. в связи с ростом в шотландском сообществе осознанного сопротивления политике англizations.

Другой интересный пример привел Р. Хелгерсон⁷⁶, который проанализировал работы нескольких писателей эпохи Елизаветы и показал, как они конструировали идею английской нации, иногда различными, а порой даже противоречащими друг другу способами, в рамках

⁷⁴ *Kedourie E.* Nationalism. 4thed. Oxford: Blackwell, 1996. P. 124.

⁷⁵ *Schama S.* The Embarrassment of Riches: An Interpretation of Dutch Culture in the Golden Age. Chicago: University of Chicago Press, 1987. P. 120.

⁷⁶ *Helgerson R.* Forms of Nationhood: The Elizabethan Writing of England. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

движения «пуризма» Джона Чика и Томаса Уильсона и борьбы с «засильем латинского языка». Государственные власти осознанно прибегали к политике делатинизации и англизации латинских терминов для конструирования литературной английской нормы.

Одним из лучших исследований о роли этномаркеров в формировании идентичности является работа Я. Даниэля⁷⁷. В ней показано, как в послереволюционной Кубе балет заменили румбой в качестве государственного танца, отражающего африканское наследие и культуру рабочего класса и соответствующего социалистической идеологии. В некоторых латиноамериканских странах частью сконструированной национальной идентичности стало телевидение, например, это произошло с мексиканскими «мыльными операми».

Методологическим недостатком инструментализма является его неспособность объяснить устойчивость этногенеза. Если индивиды часто меняют этноидентичность для достижения постоянно меняющихся целей, то сложно объяснить устойчивость самосознания и культуры многих этносов в течение столетий. Если рассматривать этногенез как порождение внешней ситуации или временный и неустойчивый идеологический проект, который легко можно заменить любой другой этноидентификацией, то новое ситуационное влияние будет практически полностью стирать следы предыдущих. Однако в реальности этого не происходит, наряду с изменяемыми элементами, существуют устойчивые этноинституты, которые используются социальными агентами как инструмент стратегического контроля на протяжении длительного времени.

Инструменталисты полагают, что этногенез продуцируется не навязыванием сообществу внешней этноконструкции «сверху», со стороны этноэлиты. Наиболее эффективным воздействием на человеческое поведение в этноидентификационной сфере будет не навязывание внешней конструкции, а искусственно создаваемая ситуация линейки идентификационного выбора из нескольких вариантов. Инструменталисты стремятся найти и продемонстрировать вариант подходящей в каждом случае идентичности. Именно этот вариант социальный агент, общая рациональность которого направлена на максимальное удовлетворение собственных структурных и неизме-

⁷⁷ Daniel Y. Dance and Social Change in Contemporary Cuba. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1995.

няемых потребностей с минимальными издержками и который действует в условиях идеальной доступности и максимальной дешевизны информации, связанной с будущим или текущим идентификационным выбором, должен предпочесть.

Конструирование новой идентичности возможно тогда, когда оно связано с положительными эмоциями. Когда этноидентификационная цель конструирования выглядит хотя и отдаленной, но вполне достижимой, а будущие социальные и экономические награды за ее достижение являются значительными. Инструменталистский выбор можно назвать целевым, поскольку этноидентификационное приспособление происходит под заданные целевые параметры. Но когда внешние стимулы исчезают, изменяются или деактуализируются, этноидентичность может вернуться в первоначальное доинструментальное положение.

При смене этничности выбор фактически осуществляется из небольшого числа предлагаемых индивидуальным альтернатив. Важную роль при этом играет предварительное социальное знание того, что этноидентичность означает для индивидуального самосознания и образа жизни. Или хотя бы знание внешних этнобихевиоральных стандартов и этноинституциональных маркеров, которые позволят аутсайдерам четко воспринимать новую идентичность и отделять ее от других схожих идентификаций. Или даже «придумывание» или изобретение этих маркеров и институтов, которое, однако, не носит произвольного характера и старается приблизиться к окружающей реальности, по крайней мере так, как это понимают идеологи новой этничности.

Инструменталистский выбор предполагает существование специфических социальных условий. Во-первых, это высокая степень индивидуальной свободы по принятию идентификационных решений. Органы государства и управления должны выделить обществу автономное пространство, в котором личность может сама решать, какую идентификацию предпочесть, без внешнего принуждения и силовых угроз. Во-вторых, для инструменталистского выбора паттерны рационализации в общественном сознании укоренены, т.е. доминируют когнитивные и логические связи необходимости внешней привязки этноидентификационного поведения и достижения внутренних и важных целей для индивида.

Многое зависит от силы и направленности внешних вызовов. Чтобы заставить человека подтвердить другую идентичность, вызов

должен быть достаточно мощным по эмоциональному воздействию, а также сохраняться в течение длительного времени, иначе малейшее ослабление социального давления приведет к возврату в прежнее идентификационное положение, и оценка относительных преимуществ и потерь, связанных с новой идентификационной системой, должна быть в ее пользу. Таким образом, инструменталистская трактовка этногенеза предполагает следующие характеристики:

1. Наличие «внешнего» социального давления.
2. Наличие «дерева вариантов», перебором которых определяется подходящая идентичность.
3. Позитивные блага, которые индивид получит в случае удачного выбора или возможности избегания негативных санкций и условий жизни, связанных с прежней этноидентичностью.

Совсем не обязательно, что человек сразу же найдет этническую идентичность, устраивающую его полностью. Возможно, придется перебрать все существующие в идентификационном пространстве варианты или большую часть из них. Но в любом случае сохраняется «запасной выход» – возможность вернуться в старую группу (за исключением некоторых особенно закрытых).

Есть и другой вариант. Инструменталистский выбор может реализоваться, если это дает кратковременные тактические преимущества, после чего опять-таки происходит возврат к первоначальной идентичности. В случаях же, когда внешнее воздействие носит слабый и достаточно неочевидный характер, обещает незначительные блага при изменении этничности или, наоборот, значительные трудности в процессе идентификационной аккультурации, существуют все шансы, что человек сохранит первичную этничность до самой смерти.

Этногенез – это длительный и требующий больших ресурсных затрат процесс, вызывающий идентификационные кризисы. Таким образом, смена этнической идентичности – процесс длительный и болезненный, даже мучительный, требующий затрат большого количества социальных ресурсов и психической энергии. Это процесс, заниматься которым просто ради собственного удовольствия или неких абстрактных эстетических улучшений будут весьма немногие люди. Это процесс, вызывающий, как правило, серьезные кризисы идентичности. Он часто приводит к маргинализации и изменениям в социальном статусе – и не всегда в положительную сторону. Особенно на начальных этапах новой идентификационной адаптации. В процес-

се социализации человека смена идентичности связана с представлениями о «крайней необходимости», когда без новой идентификации уже не обойтись. Когда этногруппа отторгает из своих рядов того или иного человека, и он вынужден обретать новую идентичность в поисках нового окружения, пытаюсь нащупать хотя бы неустойчивую социальную почву под ногами.

Как уже было сказано выше, реализация любого идентификационного проекта требует существенных затрат ресурсов. Речь идет и о пространственных ресурсах. Чтобы построить новое здание, понадобится прежде всего новое место, которое можно получить, только разрушив вначале старую конструкцию. Но разрушать нужно осторожно, чтобы не остаться без фундамента будущего дома и чтобы не вызвать в обществе неприязни к перестройкам вообще. При этом разрушение неизбежно коснется фундамента – и это тоже не учитывают инструменталисты, часто предлагающие свои проекты создания на основе уже чего-то имеющегося.

Представление о том, что фундамент можно сохранить и использовать для будущих сооружений, ошибочно, поскольку фундамент не выступает автономным конструкционным элементом по отношению к несущим стенам, и по произвольному желанию невозможно некоторые части здания заменить, а другие – оставить. Разрушение должно одновременно показать контуры будущего нового здания. Или еще точнее – в разрушенных развалинах люди должны видеть стены более красивого и просторного дома. Они должны видеть новое будущее. Тогда возникнет энтузиазм и взрыв социальной энергии. Тогда возможны положительные достижения и личностный успех в новой адаптации. Создание варианта идентичности, удовлетворяющего всем этим условиям, – задача не самая простая.

В условиях политического давления и межэтнических конфликтов, а также роста социально-психологических опасений, что их сочтут членами другой враждебной группы, индивиды обычно отказываются от выбора других этноидентификационных вариантов.

Интересен в связи с этим вопрос о том, в каких случаях человек сохранит преданность старой идентичности – при позитивных или при негативных последствиях, связанных с новой идентичностью. Сложно дать определенный ответ, изменит ли человек идентичность, если соответствующие блага окажутся недостаточными, или вернется к прежней идентификации. Решение зависит от конкрет-

ной социальной ситуации, и в том числе от наличия новых предложений, которые поступают на «рынок идентичностей». Если число претендентов на новую идентичность достаточно велико, то наряду с уменьшением количества возможных распределяемых между членами этногруппы экономических и социальных благ из-за большого количества участников и претендентов, снижается и мотивация на ее достижение. Но снижаются и затрачиваемые усилия на обретение новой идентификации.

Процессы, связанные с обретением новой этничности, напоминают в определенной степени получение новой социальной идентификации. Причем не только этничность, рассматриваемая в общественном сознании как высокостатусная, изменяет социальную идентификацию, но и трансформация социального статуса может укреплять и/или вызывать изменения в этноидентификации. Иногда восходящая социальная мобильность и существующие в обществе ожидания могут создавать ситуацию, принуждающую индивида сменить низкостатусную этноидентичность.

Этноидентификационные изменения во многих случаях представляют собой вызовы со стороны общественных ожиданий, существующих в рамках социальной системы. Скажем, многие эмигранты из бывшего Советского Союза, переезжая за границу, с удивлением обнаруживали, что их воспринимают как «русских». Неготовность западного общественного сознания к конкретизации идентичности постсоветских мигрантов, экономическая притягательность русскоязычного статуса и отсутствие институциональных возможностей для продвижения собственной титульной идентичности в западных государствах привели к тому, что даже националистически настроенные индивиды стали сознательно адаптировать свою этническую принадлежность. Сначала во внешнем поведении, для общения с чиновниками западных стран, т.е. в инструментальных целях, а затем некоторые когнитивные изменения произошли в рамках внутреннего самосознания. Бывшие советские граждане начинали позиционировать себя как «русских» – вне зависимости от реальной этнической принадлежности. Эмигрировавшие советские евреи, украинцы, немцы и пр., стремясь занять экономически широкую русскоязычную нишу, в 1970–1980-е гг. стали создавать многочисленные «русские» гражданские организации, ассоциации, кафе, магазины, специальные детские воскресные школы для изучения языка и т.п.

С аналогичным идентификационным вызовом столкнулись и эмигранты из стран Средней Азии в 2000-е гг. Многие из них позиционировали себя как «русских», поскольку большинство их новых соседей в западных населенных пунктах просто не знают о существовании таких стран, как Таджикистан или Узбекистан. Характерно, что на многих факультетах и кафедрах русского языка именно выходцы из Средней Азии и даже из стран Восточной Европы, например Болгарии или Румынии, преподают то, что, возможно, не сильно любили в школе – русский язык и литературу. Преподавание в американском университете престижно, обеспечивает относительно хороший заработок, и часто знание русского языка выступает в роли единственного «дополнительного преимущества» и профессионального навыка, который можно быстро конвертировать в финансовые и социальные блага.

Все три основных подхода изучают этногенез на разных стадиях развития. Преследуя определенную цель и подбирая или «фабрикуя» нужные идентификационные «кирпичики», как в случае с инструментализмом, или же вначале конструируя этноидентичность и определяя для нее подходящую цель, как в описаниях конструктивизма, правящие элиты и их идеологи стремятся примордиализировать созданную этничность, или, по крайней мере, ключевые элементы общей этнокультуры. Идеалом будет ее естественный, на взгляд внешнего наблюдателя, характер, историческая глубина и укорененность этноидентификации не должны ставиться под сомнение. В противоречии задач заключается диалектическая сложность, с которой сталкиваются этнопредприниматели: с одной стороны, создать новую этничность и отделить ее от остальной массы проживающих на той же территории народов, с другой стороны – продемонстрировать, что «этнос жил здесь всегда», возможно, в латентной и подавляемой другими этносами адаптированной форме.

Остается только позавидовать тем правящим классам, которые решали проблемы конструирования нации-государства из множества разрозненных этногрупп в XV–XVII вв., когда в академическом дискурсе еще не существовало традиции скептического и рефлексивного отношения среди научного сообщества к новомодным социальным проектам. А попытки прибегнуть к сомнительным и противоречивым культурным свидетельствам и ненадежным историческим, лингвистическим и археологическим источникам с целью обоснова-

ния превосходства собственного этноса над своими соседями еще не встречали скептического отношения и критических возражений профессиональных историков. Создатели этноидентификационных проектов просто родились в неудачную для них историческую эпоху, когда малейшие противоречия в этноидеологической аргументации тут же ставят под сомнение весь национальный проект.

Идентификационные сложности в поддержании устойчивости этногенеза рассматривает эмический подход. Его объектом является «...чувство непрерывности с реальным или воображаемым прошлым, чувство, которое поддерживается как необходимая часть самоопределения человека», а в методологическом отношении подход представляет собой «...попытку научного наблюдателя понять концептуальную систему наблюдаемых и разместить свои наблюдения наилучшим образом в их концептуальной структуре. Это противоположно подходу, который анализирует наблюдаемую ситуацию в терминах внешней системы наблюдателя»⁷⁸.

Приверженцы эмического направления действуют на стыке примордиализма и конструктивизма. Для них этничность «...внутренне связана с индивидуальной потребностью в целостности с коллективом как принадлежности к определенной группе. Человек ощущает некую угрозу своему выживанию, если его группе или клану угрожает вымирание. Поэтому этничность включает чувство личностного сохранения через историческую непрерывность принадлежности, которая выходит за пределы человека. По этой причине невозможность оставаться в составе группе приводит к чувству вины. Это форма убийства, причиняющая боль его предкам, включая родителей, которые все еще «живут», пока некоторые символы их культуры по-прежнему переносятся из прошлого в настоящее и будущее. На психологическом уровне этничность – это чувство аффилиативного бессмертия. Если группа сохраняется, человек уверен в своем сохранении, даже если оно не относится лично к нему»⁷⁹.

Этничность – это всегда рациональное социально-психологическое чувство принадлежности или привязанности к группе на основе физического сходства, сходства традиций и пр. Однако формы соци-

⁷⁸ Romanum-Ross L. and De Vos. G. ed. *Ethnic Identity: Creation, Conflict, and Accommodation*. Tiled. London: Sage, 1995. P. 22.

⁷⁹ Romanucci-Ross L. The Hierarchy of Resort in Curative Practices: The Admiralty Islands, Melanesia // *Journal of Health and Social Behavior*. 1977.10 (30). P. 25.

альной жизни, которые кажутся «нерациональными» для внешнего наблюдателя (ритуалы, инициации, обряды традиционных сообществ и т.п.), необязательно являются таковыми для самой группы. Она может сохранять собственную идентичность, хотя, казалось бы, не обладает значимыми маркерами, которые могли бы отделить ее от основной части общества.

Важность для идентификации психологического стремления человека к последовательности подчеркивает Джордж де Вosz: «Этническая идентичность требует поддержания достаточно последовательного поведения, чтобы остальные смогли соотнести данного человека или группу с определенной социальной категорией, позволяя, таким образом, соответствующее интерактивное поведение»⁸⁰.

У большинства этногрупп существует потребность создавать положительно оцениваемые маркерные отличия, чтобы идентичность быстро определялась посредством последовательных логических операций сравнения своей группы с другими. Для поднятия престижа и этногрупповой самооценки используется широкий спектр ресурсов с позитивной ценностью – от территории до символов и этнической истории. Фактически этнические группы конкурируют за любые ресурсы, которые могут повысить групповую самооценку.

Поскольку внутриэтнические отношения затрагивают довольно большой спектр социальных сфер (языковая, культурная, экономическая и пр.), возникает необходимая гибкость и возможность вариантного поведения. «Своим», которые психологически выступают как некое субъективное единство, позволяет больше, чем «чужим», у которых любое социальное действие, воспринимаемое как девиация, будет подтверждением их общей неблагонадежности.

В рамках когнитивной психологии этничность интерпретируется как один из побочных продуктов «когнитивной текучести», которая характеризует человеческий мозг и сознание в целом. Когнитивные процессы создают смысл идентификационной деятельности, формулируют общие правила принятия индивидом идентификации, которые используются в конкретном контексте, при этом в сознании, с точки зрения когнитивных психологов, не существует особых

⁸⁰ De Vos C. Ethnic Pluralism: Conflict and Accommodation // Ethnic Identity: Cultural Continuities and Change. Ed. by De Vos G. and Romanucci-Ross L. Palo Alto: Mayfield Publishing 1975. P. 374.

когнитивных или ментальных способностей для конструирования этничности.

Теории этносамокатегоризации рассматривают этногенез как процесс постоянных изменений этноидентификационных категорий, которые происходят на личностном и групповом уровнях. Самокатегоризация подчеркивает схожесть между поведением человека и тем, что ожидают от него групповые нормы, институты конформности, контроля и наказания членов группы. Во многом люди подчиняются групповым нормам, поскольку идентифицирует себя с этническими категориями. Один из лидеров теории самокатегоризации Дж. Фини⁸¹ рассматривает этногенез как социально-психологический механизм индивидуального принятия этнокатегорий, обеспечивающий психологическое осознание и формирование новой идентичности. Процесс индивидуальной этнокатегоризации проходит три стадии:

1. «Неосознанная».
2. «Поиск идентичности».
3. «Достигнутая этническая идентичность».

На первой стадии у людей небольшой (если он вообще имеется) интерес к осознанию или изучению собственной идентичности. Это доподростковая стадия: проживая в сообществе примерно одинаковых по социальному статусу и этнопроисхождению людей, дети обычно не анализируют собственную этничность.

В доподростковом возрасте этничность принимается на веру. В период социализации ребенок усваивает получаемые от родителей этноязыковые практики и приписанную этническую идентичность. На этом уровне собственная этничность просто осознается, но ее фоновое социально-психологическое осознание не концептуализируется в виде взаимосвязанной системы институтов, эмоций и чувств.

Идентификационный багаж накапливается по мере роста информации об используемых сообществах, с которыми идентифицируют себя его родители, этнических институтах, зафиксированных в виде символических образов в художественной литературе, фильмах, интернет-пространстве и пр. На доподростковой стадии индивидуального развития ребенок обычно выслушивает множество историй о собственной этничности, родственниках и/или предках, часть из ко-

⁸¹ *Phinney J.* Stages of Ethnic Identity Development in Minority Group Adolescents // *Journal of Early Adolescence*. 1989. 9. P. 34-49.

торых даже могут быть воображаемыми, вымышленными и придуманными. Иногда в семейных рассказах происходит глорификация, героизация и/или гипертрофикация прошлого или отдельных обыденных действий реально живших людей. Обычно родители и другие родственники искажают идентификационную информацию в воспитательных и социализационных целях, но смешение реальных этноязыковых правил, выдуманных этноисторических интерпретаций, а также полученной ребенком информации о существовании других этногрупп, живущих в соседней местности, их обычаях, языке и традициях, создает заведомо неустойчивую этноидентификационную конструкцию.

Формирование этноидентичности – важный этап в развитии личности. Если в детстве предложенные родителями этноценности, институты и аттитюды принимаются почти автоматически, без критического и осмысленного анализа, то в период взросления сложности в социализации могут инициировать этноидентификационные кризисы.

Стадия идентификационного поиска начинается с подросткового кризиса, который вынуждает индивида искать этнические корни. Идентификационный кризис, спровоцированный, например, сменой места жительства, может побудить молодого человека расспрашивать родителей и других родственников о своих предках, искать соответствующую информацию в Интернете, изучать специальную литературу и пр. Согласно Дж. Фини, такие поиски состоят из осознанного информационного «погружения» в «материнскую» этнокультуру с целью интеграции существующего этноконтекста в индивидуальное самовосприятие.

Если молодой человек осознает, что его этноидентичность и/или этноидентичность его родителей является девиантной или стигматизированной сточки зрения доминирующего этнобольшинства, он вынужден каким-то образом определиться по отношению к существующим стигмам. Если молодой человек осознает, что окружающим не нравится его акцент, этнические или религиозные практики, осуществляемые его семьей, этническая кухня и т.п., он может адаптироваться к социуму, снизив степень проявления для внешнего наблюдателя или отказавшись полностью от стигматов, отделяющих его от этнобольшинства. В некоторых случаях он может избрать форму протеста в виде гиперболоизации стигматизированной этноидентичности.

После периода первичной социализации у большинства людей появляется чувство принадлежности к этногруппе, хотя некоторые так и остаются в пограничном социально-диффузном состоянии между различными этническими идентичностями. Оптимальным результатом формирования этноидентичности у молодых людей является достижение чувства индивидуальной безопасности, положительного восприятия этногруппы как источника позитивной самооценки и положительных эмоций⁸².

Основываясь на психоаналитических работах З. Фрейда, Э. Эриксон⁸³ пришел к выводу, что этноидентификации в современном мире – это «принципиальные» аффилиационные тенденции, которые придают личности основательность и устойчивость, создают понимание в межличностном общении и помогают найти себя в обществе. Для Э. Эриксона процесс формирования идентичности определяется социальными ролями, жизненным опытом индивида, а также степенью комплементарности между чувством «индивидуального я» и внешней средой. Этногенез на идентификационном уровне формирует определенную ментальную основу, которая снижает общий уровень психологической неуверенности. Хотя неуверенность в адекватном идентификационном принятии может побудить человека к конструированию новой этничности, в любое конкретное время у человека «активизирована» только одна идентичность, даже если этноидентичности примеряются, подобно тому как актер надевает маски. У каждого есть набор таких масок для различных социальных случаев. Возможно, здесь больше подойдет термин «портфолио идентичностей»⁸⁴.

Опportunистское использование разных наборов этноидентичностей представляет собой этноидентификационный свитчинг. В этом смысле этничность воспринимается в виде своеобразного «...социального радара, постоянного средства, с помощью которого люди определяют свое положение по отношению к человеческому окружению»⁸⁵.

⁸² Pilkington H. *Russia's Youth and its Culture: A Nation's Constructors and Constructed*. London: Routledge, 1994.

⁸³ Эриксон Э. *Идентичность: юность и кризис*. М.: Прогресс, 1996.

⁸⁴ Nagel J. *Constructing Ethnicity // Social Problems*. 1994. 41(1). P. 154.

⁸⁵ Hale H. *Explaining Ethnicity // Comparative Political Studies*. 2004. Vol. 37, no. 4 (May). P. 463.

В отличие от театральной жизни с четко структурированной последовательностью принятия ролей, в реальных социальных отношениях человек, принимая новую идентификацию, испытывает психологические сомнения. Многие «мигранты идентичности, ищущие свою землю, испытывающие то одну, то другую идентичность, никогда не уверены и, возможно... не способны создать знакомые формы аутентичности с идентичностью»⁸⁶. В некоторых случаях это приводит к явлению, называемому «множественной маргинальностью»⁸⁷.

В одной из работ Дж. Бьюкенен приводит разговор между тремя американскими тренерами по бейсболу. Первый из них говорит коллегам о своих подопечных: «Я называю их, как я их вижу». Второй возражает: «Я называю их, кем они являются». «Пока я не назову их, они вообще ничто», – приходит к выводу третий⁸⁸. Перефразируя Дж. Бьюкенена, можно сказать, что этот пример описывает сущность этноидентификации. В первом из вариантов подразумевается, что идентичность существует как перцепция, – и люди воспринимают ее и сообщают о ней так, как могут, конечно, с учетом существующих лингвистических и когнитивных ограничений. Во втором варианте люди знают свою идентичность и относятся к ней как к свершившемуся социальному факту. Третий вариант предполагает, что для определения этноидентичности необходимо ее выявление, что подразумевает возможность индивидов заниматься этноконструированием в зависимости от этносоциального контекста.

Контекстуальный этногенез является предметом изучения ряда этнопсихологических центров на Западе. Работающие в них исследователи исходят из того, что «...мотивацией людей является достижение положительной социальной идентичности, определяемой как часть индивидуального представления о самом себе, которое выводится из осознания его членства в социальной группе наряду с ценностью и эмоциональной значимостью, присущей этому членству»⁸⁹.

⁸⁶ Romanucci-Ross L. and De Vos G. ed. *Ethnic Identity: Creation, Conflict, and Accommodation*. P. 71.

⁸⁷ Vigil J.D. *Barrio Gangs: Street Life and identity in Southern California*. Austin: University of Texas Press, 1988.

⁸⁸ Buchanan J.M. *The Status of the Status Quo // Constitutional Political Economy*. 2004. 15(2) (June). P. 133–144.

⁸⁹ Kotsovilis S.D. *Identity and Ethnic Conflict: Their Social-psychological and Cognitive Dimensions*. Ph.D. Dissertation. McGill University (Canada), 2000. P. 13.

В этнопсихологических теориях групповая идентичность рассматривается как совокупность эмоциональных и чувственных переживаний, уникальных для каждой этногруппы. А дальше уже эти переживания переходят в ценности, институты и традиции этнической культуры, которые интегрируются в индивидуальное самоопределение. Побуждающими мотивами являются соображения целесообразности и стремление обрести этнородственную «группу поддержки», которая помогает человеку избегать чувства анонимности и дезориентации, порождаемого безликим массовым обществом.

Иногда этничность обеспечивает своим обладателям определенные материальные и символические блага, функциональная роль которых рассматривается уже следующей теорией – этносимволизмом, которая подразумевает, что ключевую роль в процессах этногенеза играет символический и социокультурный капитал, накопленный предшествующими поколениями, даже когда ему приписывается автономное содержание и/или новое значение.

Исследования в русле этносимволизма подчеркивают особую значимость символической вовлеченности этносоциальных агентов в процесс этноидентификации. «В этом в действительности состоит сама сущность символического процесса – формирование множественности символов с немногими их выражениями. Чем больше значений имеет символ, тем более гибким и претенциозным он становится. Чем более интенсивные чувства он вызывает, тем больше его сила и тем больше функций он выполняет»⁹⁰. Формированию этноса, нации, а в некоторых случаях – и отдельной цивилизации способствует наличие литературной традиции, школ, классиков художественной, народной и официальной культуры, музеев и театров. Для сторонников этносимволизма «культурная оболочка» может существовать, даже если индивиды пересматривают их символическое значение.

Интересной вариацией этносимволизма является личностно-ориентированная теория Р. Коллинза, который считает, что человеку изначально присуще стремление к значимой идентификации. Индивиды стремятся присоединиться к экономически развитой группе, чтобы воспользоваться имеющимися коллективными благами. Иначе говоря, для индивида престижно идентифицироваться с социаль-

⁹⁰ Smith A.D. *Myths and Memories of the Nation*. New York: Oxford University Press, 1999. P. 25.

ной системой (которую Р. Коллинз рассматривает как «цивилизацию»), обладающей высоким символическим капиталом. Особенно если она является «центром притяжения» – географическим местом, куда люди устремляются из провинции, с периферии и полупериферии, чтобы посмотреть на «чудеса света», приобщиться к развитой культуре и улучшить материальное положение.

Данная теория носит дискуссионный характер. Она активно обсуждалась в американских академических кругах, но почти неизвестна в России. Несмотря на внешнюю логическую состоятельность, можно указать на множество методологических недостатков, начиная от приравнивания символического капитала к достопримечательностям до вызывающей сомнения трактовки «центра притяжения», который фактически объединяет и историческое наследие, и культурный капитал, и наличие диапазона повышенных социальных возможностей, хотя часто они рассредоточены в разных регионах. Но для исследований этногенеза представляет интерес понятие «социальной притягательности».

Вопрос о целях, с которыми выбирают этничность, ставит проблему идентификационной устойчивости. Предпочтение одной этноидентичности не означает, что этногруппа в кризис не начнет распадаться на субэтногруппы. Чтобы сохраниться в условиях постоянных потрясений и кризисов, этничность должна обладать важным социальным качеством: быть оппозиционной по отношению к внешнему миру и, особенно, по отношению к другим этногруппам.

Сторонники оппозиционного подхода напрямую связывают этногенез с внешним социальным давлением, с которым сталкивается группа: чем больше политическое, силовое или дискриминационное давление со стороны других этногрупп и/или государства, тем быстрее формируется новая идентичность. И наоборот, отсутствие внешнего принуждения и межэтнических интеракций замедляет этногенезисные процессы. Этносу трудно сохраниться на изолированном острове или в «стеклянном замке». К тому же оппозиционный процесс «...часто создает высокую степень внутренней солидарности и коллективного сознания»⁹¹. Данный подход не получил широкого распространения, поскольку объяснение в функциональном отношении выглядит недостаточным – чтобы усилились процессы этничес-

91 Spicer E. Persistent Identity System // Science. 1971. 4011. P. 799.

кой оппозиции, этногруппа должна существовать. Тем не менее давление «внешней среды» – важный фактор этногенеза.

Некоторые отечественные исследователи придерживаются информационного подхода (А. А. Сусоколов, А. В. Арутюнов, Н.Н. Чебоксаров и др.). Они рассматривают этногенез как социальный процесс этнофильтрации информации, необходимой для развития соответствующих сообществ и блокировки ненужных и/или вредных сведений. Однако сторонники информационной концепции не учитывают, что потребность в информации – свойство любой живой материи. Любой организм накапливает информацию. Возможно даже, что накоплением информации занимаются неодушевленные предметы, например кристаллы, – если понимать под информацией энергию в традициях кибернетики Норберта Винера. И разделение на этносы здесь совсем не обязательно.

К тому же непонятно, почему этнические группы, которые вроде бы должны выступать в функции «информационных фильтров», по-разному реагируют на примерно одинаковый поток информации (особенно научной). Например, элиты, ученые и интеллектуалы Италии, Швеции, России и Португалии обладали примерно одинаковым объемом научной и социальной информации и знаний, скажем, в XVIII в., но одни нации образовались в XVII в., другие в XVIII–XIX вв., а некоторые, как Норвегия, в своем этногенезе дотянули вплоть до XX в. Хотя доступность онлайн-информации в разных частях и регионах мира стала практически идентичной благодаря новым электронным технологиям и гомогенной информационной среде, процессы этногенеза у разных этногрупп в XX–XXI вв. по-прежнему носят неоднородный характер.

Несмотря на большое число этносоциологических, социально-культурологических, социально-антропологических и этнопсихологических работ, посвященных отдельным аспектам этногенеза, вопросы институционального воспроизводства этногенеза в локальных сообществах еще не рассматривались в рамках неинституционального анализа, который будет проведен в последующих главах.

ГЛАВА 2

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА: ЭТНОИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

«Ренессанс» этногенеза происходит как в экономически развитых странах, так и в бедных и модернизирующихся, как в федеративных или унитарных демократиях, так и при жестком авторитарном правлении. Нет и привязки к особым цивилизационным алгоритмам или моделям исторического развития. И сторонники, и противники эпохи «беспокойной идентичности» соглашаются с тем, что современный этногенез отличается от предшествующих эпох: «Новая этничность – это "движение ревитализации", "нативистическое движение"... это нечто новое и отчетливо отличающееся от того, что ученые рассматривают как освященные временем или вечные элементы культуры... [это] новая идентичность, которая избирательно включает в себя культурное содержание из прошлого. Однако решающим для подобного использования является не прошлое, а потребности настоящего. Новая этничность создает чувство принадлежности и происхождения, которое подтверждает иллюзию непрерывности с выбранным прошлым»⁹².

По мнению И. Валлерстайна⁹³, мировая система обращается к идеологии «фрагментированной в политику идентичности». Обостряется борьба за ресурсы, финансы, рынки сбыта и доступ к ключевым позициям в экономике. Хотя некоторые сферы (например, в спорте, культуре или в образовании) потенциально открыты для всех и достижения в них возможны вне зависимости от этнической принадлежности человека, сегментированные рынки товаров, капиталов и услуг все чаще обретают этноидентификационное измерение. Они функционируют вне территориальной основы государств.

Потребность в расширении глобальных рынков приводит к тому, что этногенез становится предметом пристального интереса со сто-

⁹² Ross M.H. The Role of Evolution in Ethnocentric Conflict and its Management // Journal of Social Issues. 1991.47. P. 167–168.

⁹³ Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006.

роны не только академических структур, но и транснациональных корпораций, международных и неправительственных организаций. На эту проблему обратил внимание Х. Г. Тхагапсоев, поставивший вопрос о разработке теории этногенеза применительно к глобализации⁹⁴, процессам глобального сближения и становления единого мира.

С точки зрения З. Баумана, формирование этносоциумов происходит в условиях перехода от традиционных норм к инновационным институтам, в рамках которых предполагается, что люди должны отказаться от так называемых «коллективных обязательств» и согласиться жить в индивидуалистическом и секулярном социуме. В результате «...лихорадочный поиск идентичности представляет собой побочный эффект и неожиданный продукт, порожденный сочетанием импульсов к глобализации и к индивидуализации, равно как и проблемами, вызываемыми к жизни этим сочетанием»⁹⁵.

Социологи констатируют, что многие этносообщества в последние десятилетия превращаются в распадающиеся квазинациональные конгломераты, которые не являются территориально, политически и символически привилегированными структурами: «...современность – это центр изменяющейся принадлежности. Превышение лояльности быстро теряет свои разумные обоснования в свете всепоглощающей «этики достижений», которая и сегодня управляет в основном нашим поведением»⁹⁶.

Индивиды все чаще выбирают «сегментированную» и постоянно «размывающуюся» лояльность, которая раскалывает социум и разрушает привычные связи между этничностью, обществом и государством. Сложности, возникающие в случае конфликта лояльностей, можно рассмотреть на примере известной албанской легенды. По легенде, три брата строили замок, но после того как его стены сооружались днем, они самым таинственным образом обрушивались ночью. Странник посоветовал им принести в жертву ту из жен братьев, которая на следующий день принесет еду. Братья поклялись, что никто из них ничего не скажет своим женам. Только младший брат сдержал

⁹⁴ *Тхагапсоев Х.Г.* Этнос в современном мире: исторический реликт или фактор цивилизационного развития // Научная мысль Кавказа. 2005. № 2.

⁹⁵ *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М: Аспект Пресс, 2005. С. 9.

⁹⁶ *Wendy C.* The Ambiguity of Home. PhD. Dissertation. The Pennsylvania State University, 2000. P. 17.

клятву – остальные предупредили жен, – и его жена пришла и была принесена в жертву. По мнению Артана Фуга, аллегорический смысл этой истории состоит в том, что аморальность обеспечивает солидарность, тогда как точное, неуклонное и четкое соблюдение условий контракта сопровождается постоянным разрушением (в случае легенды – здания).

Понятно, что если бы все три жены пришли одновременно или не пришел бы никто – замок так и не был бы построен. То есть поставленный внешний вызов подразумевал, что кто-то один должен был принести себя в жертву. «Поэтому данный нарративный конфликт можно интерпретировать как метафору конфликта между непосредственной (семейной) солидарностью и подчинением высшему авторитету (странник, сакральные предписания и государство). Именно в этом и заключается проблема национализма и строительства нации-государства»⁹⁷.

Некоторые исследователи утверждают, что постмодернизм или новые формы экономической и культурной глобализации приводят к увеличению этнической фрагментации. Речь идет об изменении формата идеологического дискурса – при наличии такого большого количества негосударственных и международных акторов государствам становится все сложнее претендовать на последнюю истину⁹⁸.

Кризис национальной идеологии усугубляется возрастающей иммиграцией, а также внутренней миграцией, возникающей из-за экономического неравенства и расслоения в обществе. Вновь прибывшие маргинальные слои, испытывающие фрустрацию, с отчуждением относятся к чуждым им государственным институтам и лояльностям. Они все реже воспринимают инкорпорацию внутригосударственных норм как единственный возможный путь жизни в общем «сообществе». Иногда они могут высказывать и открытую враждебность. Поскольку «территориальная целостность – это сущность того, что означает государство»⁹⁹, конкурирующие идеологии приводят к упадку

⁹⁷ Schwandner-Sievers S., Fischer B.J. *Albanian Identities: Myth and History*. Bloomington: Indiana University Press, 2003. P. 6.

⁹⁸ Appadurai A. *Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy* // *Public Culture*. 1990. 2(3). P. 1–24.

⁹⁹ Friedman J. *Indigenous Struggles and the Discreet Charm of the Bourgeoisie* // *Australian Journal of Anthropology*. 1999. P. 9–10.

Глава 2. Методология изучения этногенеза: этноинституциональный подход

«классической» формы государства, появившегося в эпоху Вестфальского мира¹⁰⁰.

В настоящее время государство сталкивается с «другими формами гражданства помимо нации»¹⁰¹, иными словами, наступает эпоха «постнационального гражданства»¹⁰². Становится все сложнее формировать национальную лояльность своих членов и удерживать подчиненные этнические группы в рамках единой территории. Государственная власть становится менее убедительной и часто полностью прекращает свои попытки убедить кого-либо в своем превосходстве.

Т. Босвелл и С. Димитрис¹⁰³ утверждают, что «всплеск национализма полностью вызывается самим процессом глобализации, который делает государственную власть менее убедительной. Столкнувшись с мировой интеграцией, доминирующие этнические группы требуют укрепления своей национальной идентичности и для себя – конкурентных преимуществ. Подчиненное этническое население с четкой территорией проживания... стремится к собственным суверенным государствам.... Таким образом, расширение интеграции и неолиберальная конкуренция пробуждают центробежные процессы упадка суверенитета и роста национализма».

Б. Андерсон полагает, что «...конец эпохи национализма, который так долго пророчили, еще очень и очень далеко. Быть нацией – по сути самая универсальная и легитимная ценность нашего времени»¹⁰⁴. Поскольку «дискурс национальной солидарности помогает заблокировать другие возможные дискурсивные артикуляции интереса»¹⁰⁵ (например, классового или социального), с XVI в. в мире существует «публичная сфера нации-государства». В «структуре такой общественной власти... участники все больше и больше начинают идентифицировать себя с нацией-в-процессе создания, вначале с помощью

¹⁰⁰ *Artzell C. and Giuseppe di P. eds. Restructuring Territoriality: Europe and the United States. Princeton: Princeton University Press, 2004.*

¹⁰¹ *Tambini D. Post-national Citizenship // Ethnic and Racial Studies. 2001. 24. P. 200.*

¹⁰² *Soysal A. Paying our Disrespects to the Bloody States We're // Women, Voice, Culture, and State // Journal of Woman's History. 1995 (Winter/Spring). P. 190-215.*

¹⁰³ *Boswell T. and Dimitris S. Globalization and International Labor Organizing: A World-System Perspective // Work and Occupations. 1997. 24. P. 3-4.*

¹⁰⁴ *Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-пресс, 2001. С. 27.*

¹⁰⁵ *Giddens A. The Nation-State and Violence. Cambridge: Polity Press, 1985. P. 221.*

националистического движения, а дальше, после получения независимости, другими многочисленными способами»¹⁰⁶.

Современные государства, в которых господствует этнорегиональный партикуляризм, все больше напоминают «членские ассоциации», которые приходят на смену «клептократическим государствам»¹⁰⁷ прошлых эпох. По мнению Ч. Ченайна, «членство в нации указывает на чувство личностной принадлежности, тогда как членство в государстве должно означать "гражданство"... индивидуальная принадлежность группе не обязательно указывает на равенство ее членов»¹⁰⁸. Что касается современной этничности, то М. Новак¹⁰⁴ рассматривает ее как инструмент «спасения будущего». И. Хоув утверждает, что этничность внушает людям излишнее самодовольство и пароксизм¹¹⁰.

По мнению М. Хайслера, в глобальную эпоху этничность трансформировалась в социальные, психологические, политические и экономические феномены и приобрела «радикально измененные значения»¹¹¹. Идентичности создают то, что Л. Витгенштейн назвал «образами жизни», а Н. Хартсок – «точками зрения»¹¹². Они воплощают в себе эмоциональные, этические, эстетические и чувственные переживания и перцепции. Перцепции, уникальные в когнитивном отношении для каждой этногруппы, трансформируются в ценности, институты и традиции и интегрируются в самоидентификационные представления. Побуждающими мотивами являются соображения целесообразности и стремление обрести групповую поддержку. Именно ощущение этнородства помогает избегать чувств анонимности и дезориентации, порожденных глобальным обществом.

¹⁰⁶ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2005. С. 37.

¹⁰⁷ Ostrom V. *Cryptoimperialism, Predatory States and Self-Governance // Rethinking Institutional Analysis and Development: Issues, Alternatives and Choices / ed. V. Ostrom, D. Feeny and Pitch H. San Francisco: Institute for Contemporary Studies Press, 1988.*

¹⁰⁸ Chanine C. A. *Ethnic Conflict: A Structural Problem of the Nation-State System (Lebanon)*. PhD Dissertation, University of Missouri – Saint Louis, 1998. P. 14.

¹⁰⁵ Novak M. *The Rise of the Unmeltable Ethnics*. New York: Macmillan, 1971.

¹¹⁰ Howe I. *The Limits of Ethnicity // Ethnic America / ed. by M. Weiser*. New York: Wilson, 1978. P. 197.

¹¹¹ Heisler M. O. *Ethnicity and Ethnic Relations in the Modern West // Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies*. Toronto: Toronto University Press, 1990. P. 21–52.

¹¹² Hartssock N. *The Feminist Standpoint: Developing the Ground for a Specifically Feminist Historical Materialism // Harding S., Hintikka M. B. (eds.). Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics Methodology and Philosophy of Science*. Boston: Reidel, 1983.

В изучении этногенеза накоплен большой исследовательский опыт, однако среди отечественных и зарубежных социологов, конфликтологов, политологов, этнологов и других специалистов, занимающихся этноидентификационной и этносоциальной проблематикой, нет ни единого методологического подхода, ни выработанной общей концепции, что приводит к постмодернистскому дискурсу прямо противоположных теорий и методологических направлений.

Некоторые исследователи пишут целые книги только для того, чтобы прояснить то, что они воспринимают как неправильное употребление в научном дискурсе объекта исследования¹¹³. Другие считают, что исследовать этногенез вообще бесполезно, поскольку этничность является синонимом трайбалистской идентичности докапиталистических обществ, которые изучаются в рамках традиционной антропологии. По мнению Т. Эриксона¹¹⁴, этничность возникла в ходе контактов традиционных народов с капитализмом, когда этнические, национальные и даже расовые группы стали создаваться европейскими колонизаторами в геоэкономических и геополитических целях, однако их конструируемой основой были существовавшие еще в доколониальный период культурные, традиционные и трайбалистские социальные элементы.

Мнение о том, что этническая идентичность – по своему значению и социальным последствиям от использования в общественной среде – в сущности, идентичность отрицательная, в среде современных ученых становится фактически господствующим. Известный этнолог О. Паттерсон в статье, озаглавленной «Этничность и плюралистическое заблуждение», вообще утверждает, этничность и «ложная социальная философия плюрализма, которая рационализирует ее, являются новыми угрозами индивидуальности и автономии личности»¹¹⁵.

Схожих идеологических взглядов придерживаются российские либерально настроенные социологи. По мнению одного из них, «развитие общества и развитие социальных наук должны привести нас к мыслям об отказе от использования этнических категорий. Надо понимать, что любое акцентирование внимания на этничности ведет к усилению напряжения в обществе. Обсуждение в публичном про-

113 Oomen T.K. *Citizenship, Nationality and Ethnicity*. Cambridge: Polity Press, 1997.

114 Eriksen T.H. *Ethnicity and Nationalism*. London: Pluto Press, 2002.

115 Patterson O. *Ethnicity and the Pluralist Fallacy // Change: The Magazine of Higher Learning*. 1975.7(2). P. 10.

странстве таких социальных проблем, как проблемы межэтнических отношений, неизбежно влечет за собой расизм»¹¹⁶.

Либеральная идеология (особенно в российском варианте) доминирования глобальности, мультикультурализма и космополитизма, при которых, как предполагается, этнические и национальные границы будут постепенно стираться и останется только идентификация «человека мира», подразумевает осуждение самого дискурса этногенеза. Считается, что такой дискурс сам по себе, вне зависимости от социальных последствий, которые он вызывает или может вызвать, является препятствием на пути к построению демократии и гражданского общества. При подобном понимании этносы рассматриваются скорее как собранные этноидеологами практически случайно клубы по интересам, наподобие собраний футбольных фанатов, а понятие «этногенез» не используется или используется с целью критического разбора.

Идеологическая борьба с этногенезом является одной из ключевых методологических проблем, формирующих соответствующие исследовательские сложности. Моральное осуждение или, как минимум, снисходительное отношение сторонников конструктивистского и либерального восприятия этничности к людям, которые придерживаются четких этноидентификаций, не позволяет четко зафиксировать институциональные паттерны, в зависимости от которых определяется этноидентичность.

Идеологизация этногенеза выступает в виде очередного проявления постмодернистской многомерности современного мира, отражающей экзистенциальные страхи и социально-психологическую неуверенность по поводу возможного места и функционального значения этничности в «безликой» глобализации.

Социальные исследования этногенеза начались в завершающую стадию колониальной эпохи, когда европейские правительства стали интересоваться не просто кратковременные извлечения больших объемов ресурсов из подконтрольных территорий. Работая на длительную перспективу, европейские колонизаторы стремились создать устойчивые системы контроля образований аборигенных «меньшинств» через «всеобъемлющее документирование и удосто-

¹¹⁶ *Воронков В.М.* Существует ли этническая экономика? // Этничность и экономика. СПб.: ЦНСИ, 2000. С. 47.

верение». Они рассматривали традиционные лиминальные народы как «обнаженных и неприспособленных людей», своеобразный «недифференцированный сырой материал», который нуждается в сознательном идеологическом, политическом и научном конструировании посредством «процессов фундаментальной классификации» локализованных этнолингвистических или этнорасовых групп¹¹⁷.

В первой главе было установлено, что одним из основных методологических недостатков исследований этногенеза в локальных обществах в рамках конструктивизма и инструментализма является их неспособность объяснить устойчивость этноконструкций. Сложность этноидентификационной устойчивости можно рассматривать как вариацию методологической проблемы внесистемной постановки задачи в соответствии с теоремой К. Геделя: в любой абстрактной системе знаний, начиная с определенного уровня сложности, всегда имеются истинные утверждения, которые не могут быть доказаны средствами этой системы. И ложные утверждения, которые не могут быть опровергнуты.

В основных этносоциологических теориях этногенез опирается в доказательствах на положения, которые средствами этой теории не могут быть доказаны или проверены, поэтому остается пространство для метафизических, политических и идеологических спекуляций. Этот методологический недостаток является общим для современной этносоциологии, будь то конструктивизм, инструментализм или примордиализм. В первых двух из них нужно полагаться на «рациональные» рассуждения об идеальном этноидентификационном поведении группы в неидеальных этносоциальных ситуациях. Подобная теоретическая рациональность возможна, однако реальное этносоциальное поведение критериям логичности и целенаправленности соответствует довольно редко.

Что же касается примордиальных объяснений, то, к примеру, теория Л. Гумилева (которая, впрочем, в некоторых своих положениях может оказаться конструктивистской) упирается в неопределенные и туманные категории пассионарности и уходит в весьма далекие рассуждения вплоть до представлений о существовании неведомых космических сил. Известный науковед и исследователь советского ше-

¹¹⁷ Cohn B.S. and Dirks N.B. Beyond the Fringe: The Nation State, Colonialism, and the Technologies of Power // Journal of Historical Sociology. 1988.12. P. 224-229.

риода Л. Грэхэм¹¹⁸ проанализировал концепцию Л. Гумилева с точки зрения используемого им понятия «химера». В результате сохранение этничности становится задачей поддержания таинства и мистического ореола непознанного, но существующего, что сильно напоминает древние культы и религиозные верования.

В условиях изначальной неполноты теоретического знания и невозможности «сфотографировать» окружающую действительность этносоциологические концепции не предназначены для того, чтобы объяснять «все и всегда». Любая из них концентрируется только на ограниченном круге проблем, вбирает в себя уровень науки в специфических исторических и социальных условиях и со временем перестает быть актуальной или заменяется новой теорией.

Исследователи, которые анализируют этногенез, предлагают рекомендации применительно к существующей институциональной структуре. Такое поведение, хотя оно и выглядит логически непоследовательным, можно только приветствовать. Но еще лучше отказаться от метафизики абстрактных соображений и вернуться в этносоциологическом анализе к реальным институтам этносоциума. Неинституциональное отношение к этногенезу выглядит более обоснованным для преодоления методологических ограничений исследований этногенеза в традиционных подходах.

Анализируя методологические проблемы социологического изучения этногенеза в локальных сообществах, нужно учитывать постмодернистский методологический упор на здравый смысл, традиционную нечеткость и расплывчатость существующих социологических формулировок («этногенез», «этноидентичность», «локальное сообщество» и пр.), которые все больше носят характер подразумеваемого понимания и интерпретаций, а манипуляция определениями используется для решения методологических проблем. Однако искушение использовать собственные социальные суеверия и этноцентристские предрассудки в качестве замены здравому смыслу со временем стало совершенно непреодолимым.

Постмодернисты утверждают, что на основании отдельных известных нам частей невозможно сделать никаких обобщений или

¹¹⁸ Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. С. 250–256.

заклучений. Выбор момента изучения этногенеза носит довольно произвольный характер и обычно зависит как от биографических размышлений, отражающих специфические сложности и проблемы этноидентичностью у самого исследователя, так и от наполненных идеологическими трактовками доминирующих методологических представлений в академической среде.

В постмодернистском контексте этносоциологические репрезентации этноидентичности становятся видом литературного творчества, в котором доминирует метод текстуализации, предназначенный для «схватывания» голосов субэтнических и этнических меньшинств. Их транслируемые социологические описания представляют собой истории, рассказанные «в поле» и часто в неформальной обстановке¹¹⁹. Эта позиция близка современной концепции интертекстуальности, через призму которой мир предстает как огромный текст, в котором все когда-то уже было сказано, а новое возможно только по принципу калейдоскопа: смешение определенных элементов создает новые комбинации¹²⁰.

Методологический канон существующего социологического постмодерна описал Д. Висконсин в исследованиях этноидентификационных механизмов у чикагских этноменьшинств: «Я не формулировал точного исследовательского вопроса. У меня не было теорий, которые бы я хотел проверить или реконструировать, и не было научной литературы, в которую я бы хотел внести особый вклад... Я стремился, главным образом, диагностировать происходящие процессы в социальном окружении и объяснить наблюдаемые алгоритмы взаимодействия людей. Также у меня была общая идея, которая направляла сбор данных в моей работе: стремятся или нет (и если стремятся-то как) люди, с которыми я взаимодействую, жить в соответствии с "моральными" стандартами»¹²¹.

Постмодернистский социологический холизм ставит под сомнение саму возможность существования этногенеза. Постмодернисты полагают, что индивиды не определяют себя в соответствии с един-

¹¹⁹ Уйти, чтобы остаться. Социолог в поле. Сб. ст. / под рук. В. Воронкова и Е. Чикадзе. СПб.: Алетейя, 2009.

¹²⁰ Ильин И. И. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение. Энциклопедический справочник. М., 1999. С. 207.

¹²¹ Цит. по: Anderson E. Code of the Street: Decency, Violence and the Moral Life of the Inner City. New York- W. W. Norton, 1999. P. 146.

ственной этноидентичностью, которая носит интерактивный, эпизодический и случайный характер.

Глобальная технологичность придает этноидентификационным процессам отчасти сконструированный характер: индивид довольно легко может поменять не только этническую принадлежность, но и пол, возраст, тело, религиозную и политическую принадлежность и пр. Мир постмодернистских конструкций и состязания образов и имиджей выводит на первое место качество идентификационных проектов.

Социологическое постмодернистское описание «отображает и одновременно олицетворяет мир, т.е. одновременно создает или гримирует действительность, и провозглашает, что он существует независимо от той же самой реальности»¹²². В таких случаях, по мнению К. Манхейма, «ядром... исследовательской техники будет... анализ значений. Слова никогда не означают одно и то же, если произносятся представителями разных общественных групп, даже в одной стране»¹²³.

Кроме того, методологические сложности в изучении этногенеза состоят в повышенной чувствительности этносоциологов к требованиям политкорректности и другим «телеологическим предрассудкам», интернализированным через социализацию так, что подчинение им не воспринимается как ноша¹²⁴. Вероятно, Д. Ронг имел в виду подобные трудности, когда описывал «сверхсоциализированное понятие человека в современной социологии»¹²⁵.

Поскольку для исследователей референтной группой являются их коллеги-ученые, мнением самих изучаемых этносоциологи часто пренебрегают. «Западные ученые, описывая общества, которые они изучают тщательно и с симпатией, единственное препятствие найдут, вероятнее всего, в своей чести как ограничитель той репрезентации, которую они создают. И даже если те, кого описывали, прочитают и не согласятся с этой репрезентацией, маловероятно, что их голос бу-

¹²² Sarup M. Post-structuralism and Postmodernism. Athens: University of Georgia Press, 1993. P. 179.

¹²³ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 575.

¹²⁴ См.: Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91, no 3 (November). P. 481-510.

¹²⁵ Wrong D. H. The Oversocialized Conception of Man in Modern Sociology // American Sociological Review. 1961. 26(2), April. P. 183-193.

дет услышан в том академическом и социальном контексте, который для антропологов важнее всего»¹²⁶.

Важная методологическая проблема в исследованиях этногенеза связана с повышенной идеологизацией этносоциальных исследований, их субъективным и описательным характером, затрагивающим эмоции не только тех, кто выступает объектом изучения, но и самих исследователей.

В условиях доминирования либеральных ценностей в общественном дискурсе идеологический фактор проявляется в воздействии политической корректности на всех уровнях социологического исследования – начиная от выбора темы и заканчивая необходимостью «правильно» сформулировать выводы, обтекая наиболее «острые углы» и применяя эвфемизмы. В среде этнологов, к примеру, еще со времен Клиффорда Гирца стало своеобразным правилом хорошего тона упоминать о собственных идеологических пристрастиях, которые могли бы оказать влияние на проводимое исследование.

Идеологический фактор особенно проявляется в финансовом отношении: сильная зависимость западной образовательной и научной структуры от системы грантов, частных и корпоративных пожертвований в ряде случаев служит своеобразным внутренним цензором для тех ученых, которые хотели бы получить поддержку для проведения своих исследований.

Для российских этносоциальных исследований характерны сохраняющийся разрыв с западной наукой в теоретической сфере, недостаточное финансирование, падение уровня диссертационных работ по социальным и гуманитарным специальностям, плохое знание иностранных языков и недостаточное количество прикладных исследований. Западной этносоциологии (особенно англосаксонской ветви) больше присущи излишняя политизированность исследований и выводов, склонность использовать «легкие» источники информации (интервью журналистов, телепередачи, Интернет) вместо социологических опросов и статистики, а также слабый исторический дискурс.

Показательным в стремлении к «жареным» фактам является определение чеченцев, данное в одной из американских энциклопедий: «Глубоко антироссийский, мусульманский и горский народ Северного

126 Carrier J.G. Occidentalism: the World Turned Upside-down // American Ethnologist 1992. Vol. 19, no. 2 (May). P. 197.

Кавказа»¹²⁷. Особенно много подобных работ появилось во второй половине 1990-х гг.: от личных дневниковых воспоминаний и несколько романтических журналистских описаний (к примеру, книга Себастьяна Смита)¹²⁸ до попыток системного социологического анализа¹²⁹.

Одной из наиболее известных работ, выдержанных в духе необходимости политической демократизации и описательного журнализма, является книга А. Ливена «Чечня: надгробный камень российскому могуществу». Выпущенная издательством Йельского университета 14 лет назад, она и сейчас довольно часто используется в комментариях, а сам автор, бывший военный корреспондент «Таймс», также часто цитируется¹³⁰. Среди других западных репортеров можно упомянуть Томаса де Ваала¹³¹, который в 1990-е гг. работал в англоязычной газете *Moscow Times*.

Оставаться беспристрастным трудно, несмотря на позитивистские призывы объективности. Хотя социологи стараются изучать этногенез сточки зрения незаинтересованного наблюдателя, никуда не уйти от подверженности исследователей идеологическим и ценностным воздействиям социума.

В академическом дискурсе этногенез представляет собой понятие, нагруженное дискурсивно-смысловым и ценностным содержанием и наполненное различными этносоциетальными мифологемами, и поэтому обсуждение этногенеза сводится к идеологическим спорам, которые не предполагают поиск решений, а представляют собой обмен противоположными мнениями между заинтересованными сторонами. Такие дискуссии используются в качестве «идеологического оружия», нацеленного на то, чтобы подобрать соответствующие политические обвинения и «заклеймить» оппонента.

Оборотной стороной установления идеологического стандарта в этносоциологических исследованиях является общая постмодернистская критика, подчеркивающая невозможность «объективных» исследований, поскольку существующая терминология отражает господство политически доминирующей группы над дискриминируе-

¹²⁷ An Ethno-historical Dictionary of the Russian and Soviet Empires. London: Westport, 1994. P. 146.

¹²⁸ Smith S. Allah's Mountains: Politics and War in the Russian Caucasus. London: Verso, 1998.

¹²⁹ Dunlop J.B. Russia Confronts Chechnya: Roots of a Separatist Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

¹³⁰ Lieven A. Chechnya: Tombstone of Russian Power. New Haven: Yale University Press, 1998.

¹³¹ Gall C. and Waal de Th. Chechnya: A Small Victorious War. New York: Basingstoke, 1998.

мыми этносами. В этом случае «неполиткоректными» оказываются даже такие названия монографий, как «Проблемы этнических меньшинств» или «Власть этнической элиты». Социологи новых направлений (к примеру, Майкл Малкей, Гарри Коллинз, Стив Вулгар и др.) утверждают, что наука невозможна вообще, поскольку она является просто набором конкурирующих между собой требований получения доступа к власти¹³². Не удивительно, что преимущество в развитии получили естественные науки, поскольку практически не существует возможности их политического использования¹³³.

Идеологические ограничения на социологический анализ того, что в рамках демократической и гражданской культуры является важным, сужают методологическое пространство «поиска истины», в котором происходит выработка теоретических положений, гипотез и программ. В настоящее время методология редко означает просто набор стандартных инструментов и техник, которые можно успешно применять независимо от контекста. Она также требует учета символизации терминологического аппарата и всех вопросов, связанных с идеологической и политической борьбой в академическом социуме.

Хотя постмодернисты осознают «опасность метафор», этносоциология все больше становится социологией нарратива. В ней отрицается существование категории «описываемой сущности». Методологические установки сводятся к тому, чтобы «определить локус значения, сконструировать объект знания и произвести то знание, которое будет ограничено действием описываемого конструирования»¹³⁴. Это заметно в партикуляристской антропологии как «новой форме литературы», в которой автор сознательно отходит в сторону, позволяя прозвучать отдельно каждому из многочисленных спорящих голосов.

Большая часть этносоциологических работ, формирующих субдисциплинарное пространство социологии этногенеза, выдержана в рамках методологического индивидуализма. Его сторонники подчеркивают невозможность точных дефиниций. Дж. Лэдд сравнива-

132 См.: *Knorr-Cetina K. and Mulkay M., eds. Science Observed. Perspectives on the Social Study of Science. Beverly Hills: Sage, 1983.*

133 *Collins R. Sociology: Proscience or Antiscience? // American Sociological Review. 1989. Vol. 54, no. 1 (February). P. 134-139.*

134 *Ahmad A. In Theory: Classes, Nations, and Literatures. London and New York: Verso, 1992. P. 99.*

ет попытку определить дефиниции с попыткой «нарисовать четкую картину соответствующую расплывчатой... Все – правильно, и [одновременно] неправильно ничего»¹³⁵. Нельзя не заметить методологических противоречий, заложенных в постмодернистском отношении к этносоциальным процессам: стремление «придать очертания миру, в котором нет очертаний» и сознательно уйти от идеологического мифотворчества приводит только к созданию очередного мифа контркультуры¹³⁶.

Методологическая невозможность создания универсальных объясняющих моделей в постмодернистском дискурсе объясняется психологическими особенностями социального сознания, которое рассматривается как бесконечный и изменяющийся поток мыслей, эмоций и чувств. Предпочитая интерпретации анализу, постмодернизм иногда рассматривает «...объяснение как форму неуважения Другого, поскольку объяснение делает из Другого объект и уменьшает его свободу действий»¹³⁷.

Постмодернизм отказывает науке в праве на четкое установление истины. Любое описание – это прежде всего лингвистический, когнитивный или социальный конструкт, который всегда сводится к идеологическим и политическим вопросам. Любое явление культуры – это лишь комбинация знаков, и не нужно относиться к ней слишком серьезно. Социальный или этнический процесс – это то, что конструируется самим фактом начала исследования.

Постмодерн достаточно строго различает восприятие и постижение. С точки зрения постмодерна восприятие является надежным способом постижения, без которого постижение невозможно. Постмодерн также связан с расширением границ непосредственного восприятия. В этом отношении постмодерн психологичен. Он разворачивает нас лицом к человеку, которого необходимо постигать. Он восхищается загадками человеческого мышления, именно пользуясь понятием тайны как исследовательским инструментом. За повседневными и

¹³⁵ John L. Conceptual Problems Relating to the Comparative Study of Art // The Traditional Artist in African Societies / ed. by W. D'Azevedo. Bloomington: Indiana University Press, 1998. P. 417.

¹³⁶ Gerald G. The Myth of the Postmodern Breakthrough // Literature against Itself. Chicago: University of Chicago Press, 1979. P. 31.

¹³⁷ Bailey F. G. The Civility of Indifference: On Domesticating Ethnicity. Ithaca and London: Cornell University Press, 1996. P. 171.

привычными условиями постмодернистская деконструкция стремится отыскать неведомое и скрывающееся «потайное дно». Такой подход стал основой социологического мышления, нацеленного на поиск «молчащих» и скрытых социальных процессов.

В оценке и анализе постмодернизма часто наблюдается смешение вопросов синкретичности постмодернистских конструкций и восприятие их как вариаций одного и того же целого.

Вне зависимости от выбранного объекта исследования, от отдельной науки, приверженность к которой исследователь пытается высказать, и даже от исследовательской парадигмы и методологии, критические замечания по отношению к постмодернистским интерпретациям схожи. Историки, этнологи, социологи, которые в течение длительного времени избегали тесного междисциплинарного взаимодействия, обычно критикуют постмодерн не только в своей научной области (что было бы еще понятно), но и постмодерн «в целом». Показывая недостаточность постмодерна, они цитируют источники и приводят свидетельства из самых различных областей, вплоть до литературы и искусства. Уже в этом значении постмодерн принес пользу исследователям, заинтересовав их смежными и даже довольно далекими от непосредственного восприятия областями.

Упор постмодернистского мышления на различие и множественность, воспевание им видимостей, постоянная зачарованность абсурдностью, когда соединяются несовместимые вещи, увлеченность новым и модным связаны с синкретичностью постмодерна. Синкретичность эта парадоксальна: выступая в противоположном направлении и подчеркивая уникальность каждого отдельного восприятия, постмодерн столкнулся с тем, что его воспринимают как нечто неразрывное, причем несущее гибель культуре. Однако разговоры о гибели культуры идут последние несколько столетий, и постмодернизм здесь вряд ли основная причина.

В соответствии с постмодернистскими канонами, исследовательские практики постоянно нуждаются в интерпретации, реинтерпретации и редактировании. Постмодернистские исследовательские практики отличаются:

1. Более строгие требования к написанию текста. Текст необходимо писать так, чтобы по нему можно было восстановить точку наблюдения (социальные и временные ее параметры), но не специфику самого объекта.

2. Активное использование метафор, сравнений, языковых и лингвистических приемов как методов познания в метаигре познания социального мира. Метафоры также используются для создания особенностей восприятия субъектом. Нельзя сказать, что позитивизм не использует метафор, – особенно если иметь в виду постоянные позитивистские аналогии с физическими и биологическими науками, но метафоричность позитивизма функциональна.
3. Гипертекстуальность – отсылочный характер текста, соединяющий данный текст с бесконечным множеством других вариаций. Текст обретает свою собственную направленность, независимость от исследователя. Автор не всегда уверен, что именно он хочет сказать, а главное, как он это делает, и как его текст будет восприниматься аудиторией.

Для постмодернистской методологии характерен метод социологической иронии, который нацелен на вскрытие произвольности и случайности настоящего. Нельзя сказать, чтобы этот метод был новым. Ряд работ посвящен анализу иронии в различные исторические эпохи¹³⁸, хотя, конечно, в настоящее время она обретает новое значение. Ирония всегда направлена по кругу: она возвращается назад. Это не столько критика, сколько недоверие и сомнение. Нужно не доверять и сомневаться. Нужно выискивать с тем, чтобы вывести на чистую воду и заставить проговориться. Если верно то, что социальным скреплением общества выступают институты уверенности и доверия, то постмодернизм указывает, что мы не обладаем ни тем, ни другим.

Опасность постмодернистской критики состоит в возможности резкого перехода в цинизм. Постмодернисты видят разницу между иронией и цинизмом в том, что ирония носит характер диалога, тогда как цинизм – это практически всегда монолог¹³⁹.

Постмодернистское мышление отрицает методологическую иерархию, отвергая саму возможность изучения реальности при помощи какого-нибудь одного метода или языка описания. В арсенал постмодернизма входит также рефлексивность как использование оружия «культуры критического дискурса» против самих интеллектуалов.

¹³⁸ *Hutcheon L.* Irony's Edge: the Theory and Politics of Irony. London: Roudedge, 1995.

¹³⁹ *Wacquant L.* Urban Outcasts: Stigma and Division in the Black American Ghetto and the French Urban Periphery. Research Paper, Institute of Urban and Regional Research, 1993.

Рефлексивность означает тщательный разбор исследователем собственных интересов и методов мышления, добровольное признание значимости альтернативных методологий, точек зрения и соперничающих гипотез. Постоянная конкуренция различных идей и направлений имеет смысл только в одном случае – если соперничество идет за эффективность. Поэтому рефлексивность означает также признание необходимости как награды для победителя, так и компенсации в случае поражения.

Следующая особенность социологического постмодернизма – подчеркиваемая субъективность научной истины. Но и это считается скорее методологическим достоинством, чем недостатком, главным образом из-за отсутствия необходимости придерживаться позитивистской линейности. Постмодернисты редко задают вопрос: «Является ли это истиной?», но их всегда интересует: «Что с этим можно сделать?»¹⁴⁰ Постмодернистское исследование всегда открыто для рефлексивной критики, как из-за своего неформального характера, так и из-за логической незавершенности. Историю практически невозможно рассказать до конца. Более того, постмодернист предлагает историю, которая всегда продолжается после завершения его рассказа¹⁴¹. Или, говоря словами Дж. Фельдмана, «событие – это не то, что происходит. Событие – это то, о чем можно рассказать».

Индукционность постмодернистского анализа особенно подчеркивает «диагностическая этнография». Сторонники данного направления указывают, что этнолог, этносоциолог или этнограф во многом выполняют диагностические функции врача, используя «докторские» социологические инструменты для выяснения социальных болезней и симптомов¹⁴². Выводы, сделанные в таком случае, носят предположительный характер. Они соответствуют степени убежденности «доктора» в правильности диагноза, результаты которого укрепляют уже существующую его убежденность на основе социально-психологических механизмов обратной связи исследователя и его предмета. Иначе говоря, «люди создают объяснения, которые создают людей»¹⁴³.

¹⁴⁰ Хооке S.H., Барани Г. On Truths in Myths // East European Quarterly. 1981. Vol. 15, no. 3 (September). P. 354.

¹⁴¹ Anderson E. Practical Reason and Incommensurate Goods // Chang R. ed. Incommensurability, Incompatibility and Practical Reason. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997.

¹⁴² Duneier M. Sidewalk. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2000.

¹⁴³ Chinua A. Hopes and Impediments: Selected Essays. New York: Doubleday, 1988.

Постановка цели изучения этнического ландшафта формирует этот самый ландшафт, изучение этноидентичностей (к примеру, с помощью опросов или переписей населения) неизбежно побуждает людей «выдумывать» идентификации или приписывать себе те или иные «этнические» качества из предлагаемого им исследователями идентификационного ряда. Формулировка цели «исследование этногенеза» заведомо предполагает существование этногенеза. Возникает автономная функциональность цели, подтверждающей саму себя.

Можно ли бороться с подобной ситуацией? По мнению В. Лидза, необходимо провести четкое различие между «участником как обозревателем» и «обозревающим участником»¹⁴⁴. Второй при этом ближе к этногруппе. Он способен артикулировать ее точку зрения в академическом пространстве, выполняя, по сути, агентские, коммуникационные и представительские функции. Это требует определенной эмпатии к изучаемой этногруппе, а также желания и возможности представлять идентичность, ценности, традиции и культуру внешней аудитории в соответствии с внутренними взглядами и предпочтениями этноса, с тем чтобы преодолеть этноцентризм и предубеждения¹⁴⁵.

Необходимость эмпатического восприятия является базовой аксиологической конструкцией постмодернизма. Эмпатия как мгновенное и интуитивное принятие другого человека и субъектное преобразование исследователя выступает также интроспекцией. Эмпатическое принятие в определенной степени является взглядом исследователя вовнутрь. Эмпатия не объясняет, а только предполагает.

Социальная обстановка, в которой находится ученый, придает определенную форму набору методических инструментов полевого исследования. Поэтому «...субъект и объект обнаруживают свойство взаимопроникновения и пересечения в процессе познания. Исследователю, таким образом, трудно вести наблюдение за явлениями и мыслить их существующими независимо от него самого»¹⁴⁶. Результат исследования обретает различные текстуальные и дискурсивные

¹⁴⁴ Lidz V. The Sense of Identity in Jewish-Christian Families // Qualitative Sociology. 1991.14. P. 1.

¹⁴⁵ Anderson E. Op. cit.

¹⁴⁶ Степанов Г.В. Соотношение общенаучных и частных лингвистических методов // Соотношение частных научных методов и методологии в филологической науке. М.: АН СССР, 1986. С. 12.

формы в зависимости от культурного, этносоциального и образовательного «фона» социолога, который является частью изучаемого им окружения, отношений внутри академического сообщества и с внешней аудиторией.

Наряду со сложностями отделения исследователя от изучаемой среды, важной особенностью постмодернистских концепций является «тенденция отклонять работы предшественников и предлагать новые языки и техники в попытке начать исследование заново». Это неизбежный период обретения дисциплиной зрелости. «Но настоящая зрелость приходит, когда осознается ценность прошлых усилий, а новые языки и техники интегрируются в лучшую работу былых времен»¹⁴⁷.

Иногда попытку исследователя придать значение и порядок изучаемым этносоциальным процессам называют «номоссоздающей деятельностью». Она включает в себя процессы типизации, которые создают значимость и предсказуемость¹⁴⁸. Дж. Клиффорд¹⁴⁹ определил данный процесс как «дискурсивную ношу», а Э. Сайд, работая в традициях «внутреннего дискурса» Ж. Деррида, ввел категорию «текстуального аттитюда», т.е. «ошибочного применения того, что знаешь, к реальности»¹⁵⁰.

Поскольку «люди создают объяснения, которые создают людей»¹⁵¹, то этносоциологическое исследование всегда носит характер «обратной связи». Что же касается сбора «первичной» эмпирической информации, то довольно редко встречаются этносоциологи, которым не удается обнаружить те или иные факты или собрать «на земле» народные понятия, идеально соответствующие методологическим, а иногда и идеологическим схемам.

В постмодернистском дискурсе господствует обыденное мнение, что практики не должны беспокоить себя теоретическими вопросами в мире «...полемического высокомерия, мире бесконечной аргумен-

¹⁴⁷ Boyton C.R. On Getting from Here to there: Reflections on Two paragraphs and Other Things Strategies of Political Inquiry / ed. by E. Ostrom. Beverly Hills; London; New Delhi: Sage Publications, 1982. P. 25.

¹⁴⁸ Ainlay S.C., Gaylene B., and Lerita M.C. eds. The Dilemma of Difference: A Multidisciplinary View of Stigma. New York and London: Plenum Press, 1986.

¹⁴⁹ Clifford J. The Predicament of Culture: Twentieth Century Ethnography, Literature and Art Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 264-265.

¹⁵⁰ Said E.W. Orientalism. New York: Pantheon, 1978. P. 3.

¹⁵¹ Chinua A Op. cit

тации софистов, аргументации во имя победы, а не истины. В таком мире идеи конкурируют, но никогда не проверяются путем соотнесения их с действительностью»¹⁵². Предельный эмпирицизм схож с установками журналистов – незнание теории отчасти оправдывается «наивным» стремлением «откопать свежие данные».

По мнению А. Михайловой, «поклонника "чистой" эмпирики можно уподобить художнику-натуралисту, который, желая фотографически точно изобразить все частные свойства позирующему ему, упускает главное – то глубинное свойство, которым обусловлены все эти частности. Он похоже изображает непонятный ему мир»¹⁵³. Художник, стремящийся показать самую суть изображаемого, не поступаясь правдой, должен подчинить частности главному, а внешней схожести предпочесть глубокое внутреннее сходство, основанное на понимании объекта отражения. Но чтобы приблизиться к глубокому пониманию объекта исследования, нужно отойти, отдалиться от него, включить в сферу своего внимания не только ту часть объекта, которая в данный момент открыта наблюдателю, но и все то, что с ним связано, что может дать какие-то новые черты для его понимания.

Сущность науки, как это подчеркивалось многими исследователями, состоит не только и не столько в увеличении числа эмпирических фактов, но, главным образом, в создании новых комбинаций фактов. От многих реальных факторов приходится абстрагироваться. В общем виде задачу всякой теории можно определить как попытку найти то общее, что объединяет все многообразие открывшихся исследователю фактов.

Именно в сближении далеких фактов, которое ведет к более глубокому их постижению, и состоит познающая сила науки. «Как прекрасно, – говорил А. Эйнштейн, – почувствовать единство целого комплекса явлений, которые при непосредственном восприятии казались разрозненными»¹⁵⁴. Проблема изучения сводится к попыткам уяснить единство и неслучайность именно такой, а не иной совокупности значений. Все факты и звенья исследуемого объекта должны охватываться теорией, а почему-то не учтенные или упущенные факты и вновь открываемые в объекте стороны должны укладываться в данную теоретическую схему.

¹⁵² Quine W.V. *Ontological Reality and Other Essays*. New York: Columbia University Press, 1969. P. 46.

¹⁵³ Михайлова А.А. О художественной условности. М., 1970. С. 249.

¹⁵⁴ Кузнецов Б.Г. Эйнштейн. М., 1967. С. 34.

Когда требуемую взаимосвязь удастся установить, обнаруженные связи тоже становятся фактами в сфере изучения данного объекта, но уже фактами, добытыми теорией. В этом состоит один из парадоксов научного познания – в некотором отношении теория бывает конкретнее фактов. Поэтому часто говорят, что нет ничего более абстрактного, чем отдельный, изолированный из своих взаимосвязей факт, и, напротив, нет ничего более конкретного, чем точно показанная взаимосвязь отдельных фактов, рассматриваемых как единое целое.

Многие факты, на которых строили свои исследования ученые прошлого, давно устарели и уже пересмотрены, но их теоретические модели все еще не потеряли своей актуальности и продолжают использоваться в научном познании. Приведенное высказывание А. Эйнштейна прямо перекликается со словами Г. Гегеля о «дерзновении фантазии»: «Это дерзновение сказывается в том, что какой бы предмет ни предстал фантазии, будь это единичный чувствительный объект, определенное состояние, общее значение, она, занимаясь им, всегда демонстрирует свою силу, свою способность свести вместе то, что по внешней связи лежит далеко друг от друга, вовлечь, таким образом, к какому-нибудь содержанию самые многообразные вещи и посредством работы над данным содержанием приковать к нему мир многоформенных явлений»¹⁵⁵.

Общее не дано в непосредственном наблюдении. Это обстоятельство и является «оправданием» существования науки, поскольку «...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишней»¹⁵⁶. Как подчеркивал Р. Декарт¹⁵⁷, важно отделять «видимые», или вторичные, качества от «внутренних», или первичных.

«Аналитическое упорядочивание эмпирической реальности» (в терминологии М. Вебера) необходимо осуществлять через описание, объяснение и проверку. Но, как говорил К. Гирц, «нет такой вещи, как описание, которое не затрагивало бы теорию, каждый микрокосмос предполагает макрокосмос, поэтому любое социальное отношение может быть встроено в большую по масштабам структуру». Теория должна быть создана, в этом и состоит творчество в науке. Теория

¹⁵⁵ Гегель Г. Лекции по эстетике. Соч. Т. 12. М., 1938. С. 419–420.

¹⁵⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. II. С. 384.

¹⁵⁷ Декарт Р. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1994. Т. 2.

призвана уловить многообразные связи отдельных явлений друг с другом, которые скрыты от исследователя при первоначальном внешнем эмпирическом ознакомлении с фактами. Если мы признаем, что единичные факты и явления связаны между собой многообразными отношениями, то тем самым мы признаем, что в самой действительности имеется такая сторона, которая может быть понята только на основе теоретического знания, и что эмпирическое знание, т.е. знание, доступное чувственному опыту, является в принципе неполным.

Теоретическое познание, оперируя различными фактами, сближая явления, которые выглядят очень далекими друг от друга, как бы удаляется от них, но делает это только для того, чтобы приблизиться к ним, познать их глубже и четче в их взаимной связи. «Научные исследования должны идти не от изолированных фактов к их «синтезу», а, наоборот - от общего взгляда к конкретности»¹⁵⁸. В гносеологическом плане критерием доказательности теории является ее объяснительная сила и простота. Она должна представлять собой замкнутую систему понятий, легко переходящих друг в друга. Теория должна быть глубоким синтезом со «сквозным действием». Однако невозможно объяснить социальный процесс, просто давая ему наименование. Понятие «институт» само по себе объясняет институциональные процессы не больше, чем объяснение гравитации «гравитационной склонностью»¹⁵⁹.

Социологическая теория должна стремиться к тому, чтобы связать воедино как можно больше фактов. Но теория, когда она не сдерживается отрезвляющим анализом эмпирики, занимается абстрактными проблемами. Она становится уточненной и настолько сложной, что ее невозможно проверить имеющимися в наличии методами. Эмпирические же исследования, когда они отрываются от теории, занимаются тривиальными и незначительными проблемами. Гипертрофированный эмпиризм становится настоящим «фетишем науки», когда количественные исследовательские техники приравнивают к социологическому познанию. Основываясь на предположениях здравого смысла, обыденного и популярных представлений общественного сознания, они дают результаты, которые не имеют отношения к научному познанию.

¹⁵⁸ *Гришина Н.В.* Курт Левин: жизнь и судьба. Предисловие // Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Питер, 2000. С. 49-51.

¹⁵⁹ *Collins R.* Sociology: Proscience or Antiscience? // *American Sociological Review.* 1989. Vol. 54, no. 1 (February). P. 134-139.

Социологическая методология должна обеспечивать сцепление теоретических и эмпирических исследований, соединять удачные модели, объясняющие то, как функционируют социальные процессы, и оставлять значительное пространство для возможного будущего пересмотра отдельных теоретических положений в случаях, если с эмпирической точки зрения они окажутся несостоятельными.

Воплощается социологическая методология в канонах позитивистской приверженности диалектике, идеям непрерывного развития и восприятию «институционализованного социального знания как факта, как части объективной реальности, которая передается на фактической основе»¹⁶⁰. Онтологическим основанием социологического позитивизма является объективность общества, а его эпистемологическим основанием – принципиальная познаваемость социальных процессов.

Исторически социологический позитивизм основывается на рациональности и процессуальности римского права, а также на методах нормативного формалистского исследования в иудантской и христианской религиозной традиции¹⁶¹.

В аксиологическом плане позитивизм восходит к мыслителям эпохи Просвещения, которые в XVIII–XIX вв., основываясь на достижениях классической механики, представляли мир как подобие машины, стремящейся к прогрессивному развитию. К примеру, Генри Адамс, американский историк XIX в., вообще считал, что движущими силами истории являются «генератор, машинная сила и энтропия», т.е. ослабление этой силы. Основываясь на идеях, заимствованных из физических и технических наук, позитивисты были убеждены, что нужно собирать об обществе необходимые знания, чтобы исправить в нем то, что не нравится, или, наоборот, добавить какие-нибудь новые привлекательные черты.

Позитивистское мировоззрение хорошо описано в одном из выступлений нобелевского лауреата по физике Ш. Глэшоу: «Мы убеждены в том, что мир познаваем, что существуют простые правила, которым подчиняется процесс развития материи и эволюция Вселенной. Мы утверждаем также, что существуют некие вечные, объективные,

¹⁶⁰ *Zucker L. G.* The Role of Institutionalization in Cultural Persistence // *American Sociological Review*. 1977. 42. P. 726–743.

¹⁶¹ *Berman H.* Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983.

социально-нейтральные и внеисторические универсальные истины и что соединение этих истин и есть то, что мы называем физической наукой. Можно установить, что законы природы носят универсальный и неизменный характер, что они не ограждены извне, не могут быть нарушены и верифицируемы... Любой субъект, наделенный разумом и находящийся в любом месте Вселенной, в своих поисках объяснения структуры протона и природы возникновения сверхновой неизбежно придет к тем же логическим построениям, что и мы. Я не могу ни джазать, ни подтвердить это утверждение какими-то фактами. Я просто верю в это»¹⁶².

Социологический позитивизм исходит из потенциальной возможности объективных функциональных, каузальных (продолжительных, эпизодических, многоуровневых) и даже механистических объяснений и сингулярных паттернов как природных явлений, так и социальных фактов (например, этносоциальных процессов). Он выявляет линейные закономерности в соответствии с принципами «наложения»: линейная связь между следствием и причиной, следствие нескольких одновременно действующих причин равно сумме следствий, вызываемых каждой из причин в отдельности, и пр. По мнению сторонников позитивизма, основа науки – наблюдение, а основа общества – модерн.

Позитивизм основывается на инпартикулярной фактуальности знания: исследование посредством исследований, наблюдений, измерений и экспериментов должно идти к фактам и давать обобщения исключительно после их тщательного анализа. Как подчеркивала Б. В. Зейгарник¹⁶³, «критерием научной достоверности является не повторяемость единичных фактов, а, наоборот, единичные факты обретают научную достоверность лишь в контексте теории».

Позитивизм исходит из существования социальных законов, которые необходимо открыть, и тогда с помощью формальной логики и математических методов можно построить дедуктивные модели, которые помогут в объяснении и предсказании социальных процессов. Идеальным является случай, когда можно сформулировать систему аксиом, начальных требований и нормативов, а также ввести специальные обозначения – символы, особенно если введение симво-

¹⁶² Цит. по: *Грэхем Л.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. С. 5.

¹⁶³ *Зейгарник Б.В.* Теория личности Курта Левина. М., 1981. С. 16-17.

лики влечет за собой принципиальную возможность перехода к той или иной алгебре. Позитивистское мировоззрение хорошо выражено в высказывании неoinституционалиста Л. Цукер: «Институционализированное социальное знание существует как факт, как часть объективной реальности, и его трансмиссия осуществляется напрямую на основе этого факта»¹⁶⁴.

Идеальная цель познания – изучение объективно существующих социальных фактов, и «в человеческом опыте объективный факт есть нечто такое, по отношению к чему у индивида нет выбора, или же то, что навязывает ему строго определенный выбор»¹⁶⁵.

В целом позитивизм отвечает взглядам Э. Дюркгейма, который считал, что любой «социальный факт» следует рассматривать как вещь¹⁶⁶. В социологических исследованиях подобная задача трудновыполнима. Фактов слишком много, а связей между ними еще больше. Полезные сведения погребены под кучей бесполезной информации. Рассматривая лишь один аспект проблемы и отбрасывая все остальные, исследователь в значительной мере теряет объективность в изложении. Если же описывать все явления, не опуская ничего, то ученый просто утонет в потоке ненужных сведений. Однако любое серьезное открытие есть не что иное, как обнаружение связи между, казалось бы, абсолютно разрозненными вещами. Между уровнем воды в ванне и весом золота, между пессимизмом священника из маленького городка и научной революцией, между не вымытой вовремя пробиркой и современными биотехнологиями.

В работе «Позитивизм и реальный внешний мир» М. Планк¹⁶⁷ изложил следующие теоретические и познавательные представления естествознания, которые в полной мере подходят для описания позитивистского взгляда на социальную действительность: «Идеальная цель познания для физика – это реальный внешний мир, однако его исследовательские средства, его измерения непосредственно ничего не говорят ему о реальном мире, будучи лишь более или менее неясным свидетельством, или, говоря словами Гельмгольца, знаком, ко-

¹⁶⁴ Zucker L.G. Where do institutional patterns come from? Organizations as actors in social systems // Institutional Patterns and Organizations: Culture and Environment / ed. by L. G. Zucker. Cambridge, MA: Bailinger, 1988. P. 726.

¹⁶⁵ Бергер П. Причисление в сомнениях. М.: Наука, 1996. С. 120.

¹⁶⁶ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Наука, 1993.

¹⁶⁷ Планк М. Позитивизм и реальный внешний мир // Вопросы философии. 1998. № 3.

торый посылает ему реальный мир и из которого надлежит затем делать выводы, подобно лингвисту, который расшифровывает грамоту, принадлежащую совершенно неизвестной культуре. Он изначально предполагает и должен предполагать, что эта грамота обладает неким осмысленным содержанием. Так и физик должен допустить, что реальный мир подчиняется непостижимым для нас законам, даже если у него нет перспектив понять эти законы полностью или хотя бы для начала установить их природу. Веря в законосообразность реального мира, физик создает систему понятий и предположений, так называемую физическую картину мира, которую он оборудует всеми своими знаниями и умениями так, что, будучи поставленной на место реального мира, она посылает ему по возможности такие же личные послания, как и сам мир. Если ему это удастся, то он позволяет себе утверждать, не опасаясь фактических опровержений, что он в действительности познал некую сторону реального мира, хотя это утверждение, естественно, не может быть никогда прямо доказано». В данном случае «методологический плюрализм» не приемлем: несмотря на множественность подходов, все-таки существует некоторое количество твердо установленных фактов, относительно которых споров не возникает.

В конце XX в. позитивистский идеал подвергся серьезной критике. Со временем многие теоретики и, главным образом, социальные практики заметили недостатки позитивизма. Идеальная цель познания – изучение объективно существующих фактов, и «в человеческом опыте объективный факт есть нечто такое, по отношению к чему у индивида нет выбора, или же то, что навязывает ему строго определенный выбор. Например, гравитация есть закон природы, но в то же время социальный факт, который невозможно обойти»¹⁶⁸. Однако, как подчеркивает Ю. Хабермас в своей теории коммуникативного действия, социальные науки отличает то, что человек – часть изучаемого им мира. Ученый не может избежать отношений с теми, кого он изучает. Эти отношения могут быть не реальными, воображаемыми. Они могут быть основаны на фактах, тем не менее они управляют отношением исследователя к теории и фактам¹⁶⁹.

¹⁶⁸ Berger P. *Pyramids of Sacrifice: Political Ethics and Social Change*. New York: Anchor Books, 1976. P. 259.

¹⁶⁹ Хабермас Ю. *Вовлечение другого. Очерки политической теории*. Пер. с нем. Ю. М. Медведева. СПб.: Наука, 2001.

Существенную роль в критике позитивизма сыграла книга Пола Фейерабенда «Против метода. Очерк анархистской теории знания»¹⁷⁰, в которой он отстаивал позицию теоретического и методического плюрализма. В обобщенном виде суть методологического плюрализма хорошо отражена В. Джеймсом в «Значении истины»: «Вплоть до 1850 г. едва ли не каждый верил в то, что науки выражают истины, являющиеся точными копиями определенных кодов нечеловеческой деятельности. Однако невероятно быстрое умножение теорий последнего времени существенно поколебало представление о большей объективности одной теории по сравнению с другой. Наличие столь многих геометрий, логик, физических и химических гипотез, такого множества классификаций, каждая из которых хороша для одного и все же недостаточно хороша для всего, приводит к тому, что всякая, даже самая истинная формула может оказаться человеческим инструментом, а не буквальной транскрипцией реальности, окружающей нас»¹⁷¹.

Американский социолог Р. Коллинз указывает, что «науку не нужно строить на «неопровержимых данных» в узком смысле этого слова. Ее делает научной способность определять условия, при которых проявляется один паттерн, а не другой, вне зависимости от того, в какой сфере эти паттерны могут быть найдены»¹⁷². В позитивистское изучение необходимо включать не только факты и их восприятие. «Социальные науки отличает то, что мы – часть изучаемого мира. Нам не избежать отношений с теми, кого мы изучаем. Эти отношения могут быть не реальными, а фактическими... но, тем не менее, они существуют и управляют нашим отношением к теории и фактам»¹⁷³.

Интересный взгляд на методологическую проблему социологического факта предложил Дж. Сиэрл¹⁷⁴, который провел различие между фактами «чувственными» и «институциональными». Первые из них существуют в физическом мире, вне зависимости от наличия

¹⁷⁰ Фейерабэнд П. Против метода. Очерк анархистской теории знания. М., 1986.

¹⁷¹ James W. The Meaning of truth // The Works of William James. Vol. II. Cambridge, MA: London, 1975. P. 40.

¹⁷² Collins R. On the Micro-foundations of Macro-sociology // American Journal of Sociology. 1981. 86. P. 984–1014.

¹⁷³ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. С. 57.

¹⁷⁴ Searle J. R. The Construction of Social Reality. New York: Free Press, 1995. P. 34–37.

или отсутствия их восприятия, они не меняются, даже если человек их не воспринимает. Институциональные факты, напротив, основываются на социальных интеракциях, ценностях и стереотипах. Их существование предполагает необходимость конвенционального соглашения между людьми и напрямую зависит от правильности их восприятия.

Дж. Сиэрл, придерживаясь методологической концепции «неуловимого реализма», указал, что наука собирает «эпистемологически объективные факты о мире» как «факты, созданные соглашением людей». Существование таких феноменов не зависит от представлений людей о них, напротив, оно зависит от «реальности наблюдателя».

Институциональная реальность – это важный подкласс социальной реальности. Дж. Сиэрл четко показал, что группа «хорошо подготовленных наблюдателей» могла следить за игрой в американский футбол и обнаружить регулярные паттерны, которые можно было бы сформулировать как «закон периодических столкновений». Однако это не привело бы их к пониманию футбольных правил. Ученый утверждает, что футбол можно понять, только заранее зная правила игры.

Институциональные факты можно понять, только зная конститутивный характер когнитивного моделирования институтов и используя как методологические принципы неинституционализма, которые позволяют преодолеть ограничения формализованных «плотных» методов, заимствованных из естественных наук с математическим и излишне терминализованным аппаратом, так и позитивный потенциал эмпирических методик, подготовленных в русле социологического постпозитивизма и постмодернизма.

При формировании методологического конструкта социологического исследования этногенеза необходимо учитывать как контекстуальное пространство социологического постмодернизма, которое позволяет избежать ситуации методологической дигрессии и/или, по выражению Г. Амелина, «методологической асфиксии»¹⁷⁵, так и позитивистские принципы системности, рефлексивности и целостности.

Социологическое изучение институционального воспроизводства этногенеза требует не только системного социологического подхода, но и учета всех этносоциологических знаний, уже накопленных гуманитарными и социальными науками. Это подразумевает, во-первых, необходимость принятия во внимание определенных общемето-

¹⁷⁵ Амелин Г. Лекции по философии литературы. М., 2005. С. 140.

дологических предпосылок, характерных для развития социологической науки в целом. Во-вторых, учет парадигмальных представлений конкретной исторической эпохи, в которой проводится исследование – в частности, положений социологического постмодернизма. И, в-третьих, использование в анализе этногенеза в локальных сообществах специального методологического конструкта в соответствии с выбранным в качестве основы исследования неинституциональным подходом.

Несмотря на значительное многообразие этносоциологических, этнологических, антропологических и этнопсихологических подходов к этногенезу в локальных сообществах, этноинституциональных исследований, выполненных в русле данной проблематики, не хватает. Имеет смысл восполнить существующие в социологии пробелы с помощью разработки тагетированного методологического конструкта, который позволит проследить институциональную связь изменения паттернов воспроизводства этнобихевиорального поведения и формирования этноидентичности.

Отечественная социология этногенеза нуждается в новом методологическом инструменте, основой которого может послужить неинституциональный анализ и использование которого в этноинституциональных и этносоциальных исследованиях можно концептуализировать в виде единого направления – этноинституционализма. Этот подход «институциональный», поскольку основные объясняющие градуалистские переменные включают в себя набор институциональных соглашений, которые используются этногруппами. Его достоинства и преимущества как эвристической социологической концепции анализа состоят в абстрагировании от конкретно-ситуационной сложности и моделировании рамочных конструкций типичных социальных дилемм, связанных с многомерным институциональным воспроизводством этногрупп, где субъект воспроизводства является одновременно и его объектом.

Как неотъемлемая составляющая современного этносоциологического знания этноинституционализм является полиструктурным направлением, нацеленным на осмысление методологических и методических достижений целого ряда смежных, производных и элементарных дисциплин, интегративных подходов, глубоких и разносторонних гипотез и теоретических обобщений. Традиционно сильны связи данного направления с контрактарианизмом, неофункционализмом, теориями рационального выбора и коллективных действий,

институциональной социологией, политологией, социальной философией и неонституционализмом, причем эти связи все время усиливаются.

Неонституционализм (иногда называемый «неонституциональной экономикой» или «институционализмом рационального выбора») – совместное порождение социологической и социально-психологической мысли послепарсоновского периода в развитии западных социальных наук и математического аппарата теории игр, адаптированного экономистами в 1930–1950-е гг. для анализа рациональности в обществе.

Неонституционалисты традиционно подчеркивают роль нематериальных факторов в трансформационных процессах. Отрицая этику прогрессизма и свободного либерального развития в ценностном плане, это социологическое направление основывается на предположении, что общество состоит из рациональных интеракций, происходящих в институциональном контексте и образующих зоны «локальной уверенности».

Придерживаясь утилитаристского стремления использовать достижения социальных наук на пользу общества, Э. Остром и ее сотрудники и ученики, сформировавшие «Блумингтонскую школу» (М. МакГиннес¹⁷⁶, В. Остром¹⁷⁷, Э. Потти¹⁷⁸, А. Соейер¹⁷⁹, Дж. Уолкер¹⁸⁰ и др.), применяли метод, который можно назвать «социально-статистическим».

Используя финансовую поддержку основных американских фондов, коллеги Э. Остром провели большое количество исследований «case study»¹⁸¹. Они проанализировали множество существующих не-

¹⁷⁶ McGinnis M. Polycentric Games and Institutions: Readings from the Workshop in Political Theory and Policy Analysis. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000.

¹⁷⁷ Toonen T. Resilience in Public Administration: the Work of Elinor and Vincent Ostrom // Public Administration Review. 2010. 70(2). P. 193–202.

¹⁷⁸ Poteete A. Analyzing the Politics of Natural Resources: From theory of property Rights to Institutional Analysis and Beyond // Environmental Social Sciences: methods and Research Design / ed. Ismael Vaccaro, Eric Smith, and Shankar Aswani. New York: Cambridge University Press, 2010. P. 57–79.

¹⁷⁹ Sawyer A. Social Capital, Survival Strategies, and Their Potential for Post-Conflict Governance in Liberia // Guha-Khasnobis B., Kanbur R. Ostrom E. Linking the Formal and Informal Economy: Concepts and Policies. Oxford, UK: Oxford University Press, 2006. P. 230–245.

¹⁸⁰ Ostrom E., Walker J. and Gardner R. Covenants with and without a Sword: Self-Governance is Possible // American Political Science Review. 1992. 86(2). P. 404–417.

¹⁸¹ Ahn T.K, Ostrom E. and Walker J.A Common-Pool Resource Experiment with Postgraduate Subjects from 41 Countries // Ecological Economics. 2010. 69(12). P. 2624–2633.

урегулированных социально-экологических конфликтов в государствах Азии, Африки, Латинской Америки. Во всех случаях была конкретизирована ключевая социальная ситуация, в которой члены локального сообщества не смогли договориться между собой по поводу эффективного использования общего ресурса: леса, реки, побережья, колодца и т.п. Ее критичность определялась отсутствием социального доверия, слабостью горизонтальных межличностных контактов, неэффективностью внутреннего мониторинга и т.д.

Индивидуальный эгоизм социальных агентов и их нежелание и/или неготовность совместно заботиться об имплицитно принадлежащей им собственности сопровождаются деградацией социально-природных систем, а также ростом социально-психологической аномии.

Сторонники неоинституционализма заранее отказались от индивидуального солипсизма: поскольку в некоторых сообществах (например, в Шри-Ланке¹⁸²) социальные агенты все-таки смогли договориться по поводу охраны, мониторинга и даже передачи друг другу индивидуальных прав на использование общих ресурсов, проблема заключалась не в социальных действиях, поведении или отношении индивидов. Сложности носили структурный характер: необходимые институты или не побуждали социальных агентов следить за общей собственностью, или вообще отсутствовали, что провоцировало оппортунистское поведение даже у первоначально сознательных и экологически ориентированных индивидов.

В случае невозможности разграничения прав социальных агентов на общий ресурс наиболее очевидным выходом, предлагаемым современной экономической наукой, является его приватизация. Либеральная экономика изначально исходит из преимущества рынка и указывает, что необходимо четко определить права собственности¹⁸³. И дальше уже собственник самостоятельно определит правила пользования ресурсом для потребителей, находясь в рамках государственного антимонопольного, потребительского и технического контроля.

Появившийся собственник должен самостоятельно за счет ренты, извлекаемой из ресурса, обеспечить его сохранность и соблюдение общих правил по использованию. Однако в условиях традиционных

¹⁸² Ostrom E. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 194.

¹⁸³ Де Сото Э. *Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире*. М.: Олимп-Бизнес, 2004.

сообществ, у которых фактически отсутствует доступ к современной правовой, страховой, банковской или финансовой инфраструктуре, приватизация неэффективна. Низкая степень монетизированности традиционной экономики, ее погруженность в бартерные и неформальные отношения патримониального характера не позволяют четко зафиксировать институты частной собственности в общественных отношениях.

Э. Остром и ее коллеги обратили внимание на правила взаимодействия между агентами, вовлеченными в коллективные действия. Вывод неинституционалистами был сделан следующий: чтобы не допускать ситуаций экстенсивного и бесконтрольного использования природных ресурсов и связанных с этим распада связей внутри сообщества, нужно разрабатывать конфигурацию институциональных отношений. Она включает создание определенных социальных норм, которые неинституционалисты¹⁸⁴ называют правилами входа и выхода, процедурными и информационными правилами, правилами мониторинга с соответствующим наказанием виновных в несоблюдении правил.

Только плотная институциональная сеть может не допустить или, как минимум, смягчить негативные социальные и экологические последствия трагедии «общих выпасов». Это понятие означает агрегированную совокупность ситуаций, когда индивидуальное эгоистичное поведение приводит к разрушению самого пространства, в котором индивидуальный эгоизм возможен.

Неинституционализм стал попыткой отрефлексированного социологического ответа на вопрос о том, как удержать социальную и экологическую ситуацию в традиционных сообществах в рамках стабильности и порядка в условиях общественного, экономического и политического неравновесия, не прибегая при этом к таким уже дискредитировавшим себя политическим и экономическим инструментам, как приватизация, монетизация и пр. Многолетняя исследовательская работа Э. Остром была отмечена Нобелевской премией в области экономики за 2009 г.¹⁸⁵

¹⁸⁴ Crawford Sue E.S. and Ostrom E.A Grammar of Institutions // Understanding Institutional Diversity / ed. E. Ostrom. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. P. 137-174.

¹⁸⁵ Aligica P.D. Elinor Ostrom - Nobel prize in Economics 2009 // Economic Affairs. 2010. 30(1). P. 95-96.

Установив рамочную методологическую конструкцию подхода и апробировав его на социально-экологических процессах, исследователи стали постепенно расширять предметное поле неoinституционального интереса. Как «общий ресурс», который для своего сохранения нуждается в институциональном регулировании, неoinституционалисты стали анализировать знание¹⁸⁶, глобальные климатические изменения¹⁸⁷, социальные идеи и артефакты¹⁸⁸ и пр. Однако методологические возможности по использованию неoinституционального подхода в этносоциальных исследованиях по-прежнему остаются нераскрытыми¹⁸⁹. Очевидно, что этноидентичность может рассматриваться как коллективный ресурс и к ее анализу могут быть применены неoinституциональные принципы.

Цели этноинституциональных исследований заключены между Сциллой традиционных познавательных задач позитивистской науки и Харибдой недостаточности традиционных социологических подходов и методов, встроенных в инструментарий современной социологии. Требуется новая эпистемология, лучше соответствующая современным вызовам, а также четкое селективное представление о том, как именно нужно получать этноинституциональное знание и как должен выглядеть желаемый результат (в том числе какой аудитории и в каком виде он должен быть представлен). Эпистемологии, заимствованные из других социальных и гуманитарных наук, являются полезными, но они явно недостаточны для выполнения текущих задач многомерного анализа социологической информации. Развитие новых «эпистемологических манифестаций» – длительный процесс, который должен учитывать предполагаемые будущие методологические изменения и вызовы.

Применение неoinституционального подхода в анализе этногенеза предполагает необходимость использования методологических достижений теории рационального выбора. Эта теория, будучи

¹⁸⁶ Hess C. and Ostrom E. eds. *Understanding Knowledge as a Commons: From Theory to Practice*. MIT Press, 2007.

¹⁸⁷ Ostrom E. A Multi-Scale Approach to Coping with Climate Change and other Collective Action problems // *Solutions*. 2010. 1(2). P. 27–36.

¹⁸⁸ Hess C. and Ostrom E. Ideas, Artifacts and Facilities: Information as a Common-Pool Resources // *Law and Contemporary Problems*. 2003. 66(1&2). P. 111–145.

¹⁸⁹ Барбашин М. Ю. Неoinституциональная концепция этничности в контексте основных направлений современной этнологии // *Социально-гуманитарные знания*. 2008. № 12. С. 110–117.

в целом междисциплинарным независимым методологическим направлением, в рамках неинституциональных исследований изучает рациональные микроснования институтов, т.е. процессы рационального выбора, посредством которых институты конструируются социальными агентами в контексте поддержания социального равновесия. Теория рационального выбора фактически основывается на методологических предпосылках индивидуализма эпохи Просвещения, предполагающих, что индивидуальный агент должен восприниматься как своеобразный «элементарный» кирпичик, а социально-экономический принцип «акторной максимизации» представляет собой «источник дедуктивной силы теории рационального выбора»¹⁹⁰.

Как заметил Дж. Бьюкенен, анализ любой институциональной системы необходимо начинать с предположений о том, какие социальные стратегии выберут люди, которые расчетливы, эгоистичны, и оппортунисты, действия которых носят логический и разумный характер. Другие положения теории рационального выбора состоят в том, что индивиды всегда действуют так, чтобы получить максимальную выгоду при минимально затраченных усилиях, постоянно подсчитывая издержки и преимущества, стремясь справиться с проблемой «эндогенных предпочтений» и учитывая «непредвиденные и спонтанные» последствия своих действий. Это так называемый «оптимум социального поведения». Индивиды не обязательно преуспевают в его достижении, но практически во всех ситуациях стремятся к реализации эгоистичных целей, которые не приносят вред им самим. Они стремятся «...занять позицию как репрезентативные участники в последовательности ожидаемых коллективных выборов. Поэтому они могут эгоистично действовать, как если бы выбрали наилучший набор правил для социальной группы»¹⁹¹.

Сторонники теории рационального выбора изучают модели «ситуаций», которые включает в себя социальные институты, поведение, соответствующее правилам, а также «ситуации, в которых наблюдаемое поведение отличается от того, что предсказывает общая теория»¹⁹².

¹⁹⁰ Coleman J. Social Theory, Social Research, and a Theory of Action // American journal of Sociology. 1986. 91(1). P. 309–335.

¹⁹¹ Buchanan J. Natural and Artificial Man // Brennan H.G., Tollison R.D. eds. What Should Economists Do? Indianapolis, IN: Liberty Press, 1979. P. 93.

¹⁹² Thelen T. Historical institutionalism in comparative politics // American Review of Political Science. 1999. 2. P. 374.

Согласно этой теории, этноидентификация – это «репертуарная роль», которую сознательно рассчитали заинтересованные индивиды или группа¹⁹³. Рациональное содержание этногенеза состоит в том, что этничность помогает успешно преодолеть «проблему безбилетника», связанную с неучастием людей в массовых движениях и коллективных действиях и подразумевающую отсутствие справедливого и честного распределения внутриобщественных или внутригрупповых функций.

Существенное влияние на развитие этноинституционализма оказывают антропология, этнография и этнология (можно упомянуть предложенный Д. Драгунским¹⁹⁴ «инфраструктурно-институциональный подход»). Развитие этноинституциональных исследований в значительной степени зависит от этих областей социально-научного знания. К текущему состоянию этноинституционализма вполне можно отнести сказанное американским ученым о социальной психологии полвека назад: «Эта область еще очень молодая и страдает от болезней роста. Нет недостатка ни в наблюдениях, ни в теориях. Выпущено значительное количество литературы, но в некотором отношении это только слегка усовершенствованный здравый смысл. Таким образом, достижения все еще более чем скромны»¹⁹⁵.

Говоря словами американского психолога Т. Шибутани, современное состояние этноинституциональных исследований в некотором отношении напоминает состояние математики до Евклида. Грандиозные строения египетских мастеров свидетельствует о том, что уже до Евклида имелись определенные геометрические знания, полученные практическим путем. Но геометрия существовала только в виде совокупности полезных эмпирических правил. Евклид ввел точные определения, связал термины в теоремы и вывел теоремы одну из другой, объединив тем самым существующие разрозненные сведения в стройную систему знаний. Сегодня накоплено большое количество сведений об этноинститутах в различных сообществах, но эмпирическая информация не получила еще адекватной систематизации и концептуализации.

¹⁹³ Сворцов Н.Г. Социальная природа этничности: социологический и социально-антропологический аспекты: дис.... д-ра социол. наук. СПб.: СПбГУ 1997. С. 137.

¹⁹⁴ Драгунский Д. Национальная идентичность: инфраструктурно-институциональный подход // Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия. М.: Институт национального проекта «Общественный договор», 2004

¹⁹⁵ Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д: Феникс, 1998. С. 381-383. .

Приходится согласиться со справедливостью мысли, высказанной российским философом К. Леонтьевым более ста лет назад: «Работников науки в настоящее время больше, чем прежде, но настоящих мастеров почти вовсе нет. Благодаря непрерывному накоплению научного материала, наши молодые ученые знают больше, чем их предшественники, но они хуже их умеют пользоваться своим обильным знанием. Вместо цельных научных созданий мы видим лишь разрастающуюся во все стороны груды строительного материала, и труд ученого все более превращается в черную работу ремесленника»¹⁹⁶.

В области этноинституциональных исследований первоначальный этап простой регистрации и систематизации отдельных этноинституциональных и этносоциальных фактов еще не завершился. Все области социального знания начинали с наблюдений на уровне здравого смысла и только постепенно вводились детальные методологические уточнения. Вероятнее всего, этноинституционализм еще долго будет развиваться подобным образом. Он все еще находится на начальной стадии развития, и пройдет довольно много времени, пока накопленные знания можно будет сравнить с современным уровнем развития других социальных направлений. Но даже если основной объем работы такого рода не завершен, необходима более детальная разработка его эпистемологических задач и методологических основ.

Конечно, это не всегда просто сделать. Анатомия этногенезисных процессов напоминает археологические раскопки. Сколько слоев причин мы ни описывали бы и ни изучали, всегда остаются неразрешенные вопросы, которым в настоящий момент нельзя подобрать разумные объяснения. На некоторые проблемы можно дать два, три ответа, причем определить, какой из них «правильнее», невозможно, а некоторые вопросы так и остаются погребенными под слоем пыли прошлого. Исследователь не может быть уверен, что, направляясь в Индию, именно он откроет Америку.

То, что кажется единственно верным и научным сейчас, просто отражает текущий уровень научных достижений общества, а также отдельного ученого, изучающего определенную проблематику, его профессиональную компетентность, кругозор и личные вкусы, даже слабости и недостатки. В конечном счете, какие бы точные методы,

¹⁹⁶ Цит. по: *Леонов К.* Избранное. М.: Наука, 1993. С. 236.

заимствованные из естественных наук, ни применялись, ведущей в социальных дисциплинах является все-таки субъективная интерпретация объективного мира, «субъективность», может быть, очень приближенная к реальным общественным процессам, но так и не достигающая точности описания всего многообразия жизни из-за существующей «фоновой погрешности».

Научные теории нельзя рассматривать как нечто навсегда застывшее и устоявшееся (опыт советского отношения к марксизму достаточно четко показывает это), иначе неизбежен регресс и откат назад. «В научной области не должно быть места... боязни нового. В своем вечном несовершенстве и неполноте наука предназначена связывать свое развитие с новыми открытиями и новыми понятиями. Чтобы не быть введенной в заблуждение, она поступает правильно, вооружившись скептицизмом, не принимая ничего нового, не подвергшегося строгой проверке. Но иногда этот скептицизм обнаруживает две неожиданные характерные черты. Он резко ополчается против нового, в то время как почтительно относится и щадит то, что уже известно и заслужило его доверие, и он довольствуется тем, что отбрасывает новое еще прежде, чем исследует его»¹⁹⁷.

При формировании когнитивного и методологического этноинституционального конструкта необходимо уделить внимание предложенному неоинституционалистами принципу «институционального изоморфизма», сформированному в соответствии с моделями социального реализма и социальной экологии.

В институциональных системах невозможно «начать сначала». Они уже сформированы, остается только согласиться с существующими институтами или прибегнуть к интерпретациям. Изоморфизм возникает как результат адаптации институтов, поскольку правила, которые обретают привычный для общественного сознания нормативный вид и культурно одобряемую форму, чаще всего получают поддержку от властей, общества и могут передаваться следующим поколениям, по сравнению с институтами, которые полностью противоречат предыдущему социальному опыту людей.

Отдельно неоинституционалисты (к примеру, П. Дж. ДиМаджио¹⁹⁸) выделяют адаптивный и структурный институциональ-

¹⁹⁷ Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск, 1997. С. 526.

¹⁹⁸ DiMaggio P., Powell W.W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // American Sociological Review. 1983. Vol. 46, No 2. P. 147–160.

ный изоморфизмы. Институциональный изоморфизм – это важное следствие институциональных процессов, означающее социальную схожесть относительно независимых институциональных форм вне зависимости от исторической, культурной или географической специфики. Институциональный изоморфизм означает также структурную эквивалентность институциональных элементов, занимающих «схожие позиции в социальной структуре», они «схожи в той степени, в какой обладают схожим паттерном отношений с теми, кто занимает другие позиции»¹⁹⁹.

Институциональный изоморфизм понятийно схож с используемым Ж. Делезом²⁰⁰ понятием «кальки», т.е. воспроизводством одних и тех же пространственных паттернов и симметрий в социальных структурах.

Изоморфность не зависит от культурной или этнической специфики сообщества. Однако изоморфность институтов не означает их буквальную тождественность. Напротив, изоморфные институты в разных социокультурных, социально-политических и социально-экономических условиях могут отличаться фрактальными характеристиками в сфере применения, внутренней структуры и т.п. Одни этноинституты более адаптивны в определенных сферах (к примеру, социализации или социального продвижения), другие функционально эффективны в других, а некоторые потенциально требуют изменений.

Принцип институционального изоморфизма предполагает, что институты этничности одной этногруппы похожи на институты этничности другой группы гораздо больше, чем, к примеру, на институты управления. Изоморфность существует, даже если другая этническая группа проживает на противоположном материке с другими культурными, географическими и политическими характеристиками, а институты управления применяются в том же социальном пространстве, в котором действует этнос.

Этногенез проходит в соответствии с принципами институционального изоморфизма, когда постоянно появляющиеся новые институты группы структурируются таким образом, чтобы они соот-

¹⁹⁹ Powell W.W. Expanding the scope of institutional analysis // The New Institutionalism in Organizational Analysis / ed. by W. W. Powell and P. I. DiMaggio. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 183.

²⁰⁰ Делез Ж. Критика и клиника. СПб.: Machina, 2002.

ветствовали формам господствующих бихевиоральных стандартов у других этногрупп. Во многом выживание этногруппы зависит от ее способности обеспечить институциональный изоморфизм в соответствии с действующим изоморфическим давлением. По мнению Ч. Тилли, «репертуар коллективных действий, имеющийся у людей, удивительно ограничен», а институты принимают «четко структурированные формы, знакомые участникам»²⁰¹.

Этноинституционализм позволяет уйти от постмодернистской эпистемологии, которая рассматривает этногенез как определенный текст или акт говорения. Текст не может быть точной репрезентацией бессубъектной социальной реальности, поскольку представляет собой «диалектический образ» В. Бенджамина, «прерывающий контекст, в который он встроен» и, таким образом, «противодействующий иллюзии»²⁰².

По мнению сторонников постмодернизма, процессы этногенеза невозможно изучать с помощью позитивистских методов, поскольку они скрыты от внешнего наблюдения. Задача ученого не в том, чтобы «притворяться, чтобы вернуться во времени и восстановить разорванную непрерывность, действие которой выходит за дисперсию забытых вещей»²⁰³, а в том, чтобы с помощью «символической дезартикуляции» выделить и «убрать идеи, встроенные в ткань социальных практик, и символически идеализировать их... Идея начинает функционировать новым способом, конституируя отношения, чем конституируясь в них»²⁰⁴.

В соответствии с взглядами, высказанными И. Валлерстайном и Э. Балибаром²⁰⁵, можно сказать, что существует определенная социальная субстанция, которая в разные периоды времени принимает разные формы, – социальная группа, класс, этнос и т.д. Эта субстанция «фиктивного общего происхождения» носит институциональный характер. Ее конкретное воплощение зависит от наличия благоприятного диапазона социальных возможностей. От индивида зависит вы-

²⁰¹ Tilly C. From Mobilization to Revolution. Reading, MA: Addison-Wesley, 1978. P. 151.

²⁰² Buck-Morss S. The Dialectics of Seeing: Walter Benjamin and the Arcades Project. Cambridge: MIT Press, 1999.

²⁰³ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Алгоритм, Эксмо, 2007.

²⁰⁴ Kapferer B. Legends of People, Myths of State: Violence, Intolerance and Political Culture in Sri Lanka and Australia. Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 1988. P. 97.

²⁰⁵ См.: Балибар Э., Валлерстайн И. Раса. Нация. Класс: Двусмысленные идентичности. М.: Логос-Альтера, 2004. С. 112.

бор подходящего варианта социальных действий. Но сама структура институтов уже существует. Иными словами, в «социальном мире.. существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять или подавлять их практики или представления»²⁰⁶.

Неоинституциональное отношение к этноидентичности выглядит прагматичным, не говоря о значительном упрощении процесса проверки выдвигаемых теоретических положений. Рассматривая этничность среди других институциональных категорий, можно воспользоваться уже имеющимися знаниями и эмпирической информацией, связанной с социальными институтами в целом. В этом случае можно отойти от индивидуально-группового диктата в анализе этногенеза и рассматривать его не как продукт многочисленных природных и/или волевых усилий отдельных коллективных субъектов, а как результат проявления институциональных процессов. В особенности результат структурного алгоритма институционального взаимодействия, который А. Шюц²⁰⁷ назвал «рецептом», М. Мерло-Понти – «формой»²⁰⁸, а М. Дуглас²⁰⁹ – «разметкой», посредством которой индивид включается в систему групповых требований, жесткой или неопределенной структуры нормативных позиций и регламентаций.

В качестве базисной единицы анализа этноинституционализм рассматривает этноинституты, указывая, что, во-первых, институты в определенной степени являются всеобщими нормами. Они продуцируются группами и поэтому носят социальный характер. «Институты концептуализируются в основном как наборы позитивных (побуждения) и негативных (правила) мотиваций для индивидов, при этом динамику поведения в рамках этих моделей обеспечивает индивидуальная максимизация полезности»²¹⁰.

Во-вторых, как «утверждает неоинституционализм, институты, понимаемые как используемые правила, потенциально могут смягчить социальные дилеммы, которые мешают коллективным действиям... Институты аналогичны правилам игры в конкурирую-

²⁰⁶ Бурдые П. Начала. М.: Socio Logos, 1994. С. 181.

²⁰⁷ Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом / пер. с англ. и нем. М.: РОССПЭН, 2004.

²⁰⁸ См. Курбатов В. И. Современная западная социология. Ростов н/Д: Феникс, 2001.

²⁰⁹ Douglas M. How Institutions Think. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 1987.

²¹⁰ Peters B.G. Institutional Theory in Political Science: The «New Institutionalism». London: Pinter, 1999. P. 45.

щем командном спорте. То есть институты состоят из формальных письменных правил, а также наиболее типичных неписьменных кодов поведения, которые поддерживают и дополняют формальные правила»²¹¹.

В терминах теории игр можно сказать, что результатом будет достижение «равновесия Нэша»²¹², означающее: пока единственной мотивацией игроков является индивидуальный эгоизм, они не прекратят экстенсивное использование общих ресурсов, что приведет к их постепенному разрушению или истощению. Такими ресурсами могут служить историческая память, культурные ценности, историческое наследие или этноидентичность.

Институты подобны внутренней части айсберга, скрыты от внешнего наблюдателя и понятны только непосредственным участникам, поскольку они, как правило, существуют в неписаной форме, на уровне устно сформулированных норм поведения, нигде не зафиксированы, и их довольно трудно уловить «со стороны». Они направлены на разрешение социальных дилемм (в частности, стратегического безразличия широких слоев населения по отношению к любой форме инлокального участия, проблемы коллективных действий и экстерналий), в соответствии с которыми рациональное поведение каждого по отдельности может привести к всеобщему нерациональному результату.

Общественное безразличие часто вознаграждается. Рациональный индивид не будет нести бремя расходов и забот для поддержания какой-либо группы пусть даже с общей благородной целью, в обстоятельствах, когда его собственный вклад в конечный результат будет незначителен и когда он сможет воспользоваться будущими благами, не прилагая никаких усилий. Он будет «зайцем», едущим за счет других²¹³.

Источником социальных дилемм является «восприятие важных последствий, которые проецируются за пределы людей и ассоциаций,

²¹¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М: Начала, 1997. С. 89–90.

²¹² Myerson R.B. Nash Equilibrium and the History of Economic Theory // Journal of Political Economy. 1999. 81. P. 1283–1308.

²¹³ Олсон М. Логика коллективных действий // Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995.

непосредственно создающих их»²¹⁴. Поскольку в социальных дилеммах велико желание воспользоваться результатами чужого участия, рационально мыслящий человек, стремящийся удовлетворить общественные эгоистические потребности, предпочтет избегать действий с нечетким или неясным будущим результатом или «отсроченным вознаграждением». Особенно таких действий избегают, если они требуют значительных затрат времени и ограниченных ресурсов.

Преодоление «проблемы безбилетника» обычно связывают с повышением стоимости входа и выхода, созданием институтов простого и привилегированного внутригруппового членства, формальной социализации и легитимного лидерства. Более высокая стоимость выхода в сообщество (например, в виде миграционных ограничений) способствует созданию позитивной внутригрупповой идентичности и помогает отсеять тех, у кого слабая приверженность общим этническим целям и институтам или кто просто желает бесплатно воспользоваться коллективными благами. Если указанные выше условия соблюдены, между членами этногруппы могут возникнуть эмоциональные, символические и духовные связи.

Институциональное значение социальных дилемм состоит в необходимости создать «...из ситуации, в которой люди действуют независимо друг от друга, ситуацию, в которой они выберут скоординированные стратегии, чтобы получить больше общего блага или уменьшить общий вред»²¹⁵. Социальные дилеммы воплощают в себе разрыв между непосредственными и эгоистичными рациональными действиями, которые немедленно обеспечивают человеку набор требуемых благ и преимуществ, и стратегическими задачами с «отложенным вознаграждением», имплементируемыми для сохранения этногрупповой идентичности. Эти дилеммы описывают потенциальный внутригрупповой конфликт между индивидуальным и общим интересом. Они «...возникают тогда, когда люди сталкиваются с альтернативными возможностями действий между краткосрочным выбором в свою пользу и тем, который, если его выберет большая часть группы, принесет пользу всем»²¹⁶.

²¹⁴ Dewey J. *The Public and its Problems*. Chicago: Gateway Books, 1946. P. 39.

²¹⁵ См.: Ostrom E. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 128.

²¹⁶ Crawford S.E.S. and Ostrom E.A. *Grammar of Institutions // American Political Science Review*. 1995. 89, 3 (September). P. 582-600.

Глава 2. Методология изучения этногенеза: этноинституциональный подход

Институт – это «субъект той самой проблемы побуждений, которую он должен был решить»²¹⁷. Структурная неразрешенность социальных дилемм служит причиной перманентного дизайна и редизайна новых этноинститутов (как и корпоративных правил, норм делового оборота и т.п.).

Социальные дилеммы изучаются в рамках теории коллективных действий, которая в своих методологических основаниях исходит из признания факта значимости «коллективных решений... для определения, принуждения, продолжения, или изменения действий, санкционированных институциональными соглашениями. Как и индивидуальные стратегии, коллективные решения – это планы будущих действий. Но в отличие от индивидуальных стратегий, коллективные решения навязываются несогласным с ними индивидам»²¹⁸.

Теории коллективных действий, разработанные в 1940–1950-е гг. в рамках структурного функционализма, критиковались американскими социологами за аксиологическую наивность и веру в спонтанное объединение социальных агентов для реализации общих целей и интересов. Хотя функционалистские предпосылки не являются абсолютно неправильными, с их помощью можно описать только ограниченное количество этноинституциональных процессов. «В центре теорий первого поколения лежат представления о человеке как эгоистичном, атомизированном и полностью рациональном. В реальности люди не живут в атомизированном мире. Многие проблемы коллективных действий встроены в уже существующие сети, организации или другие длительные отношения между людьми. Во-вторых, предпосылка универсального эгоизма постоянно не подтверждалась полевыми и экспериментальными эмпирическими исследованиями... [поскольку] многие люди принимают во внимание также интересы других»²¹⁹.

В последующих теориях, в 1970–1980-е гг., уже подчеркивалась социальная роль и возможности «общественных предпринимателей» (термин, предложенный в 1965 г. Э. Остром). Они стремятся к извле-

²¹⁷ Bates R.H. *Contra Contractarianism: Some Reflections on the New Institutionalism* // *Politics and Society*. 1988.16. P. 395.

²¹⁸ Ostrom E. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. P. 45–46.

²¹⁹ Frey B. S. *How Intrinsic Motivation is Crowded Out and In* // *Rationality and Society*. 1994. 6. P.334–3 52.

чению «политической прибыли», увеличению собственной дистрибутивной доли и манипулированию существующими правилами в свою пользу. Пересмотр методологических установок первых вариаций теорий коллективных действий подразумевал методологическую критику структурализма и постструктурализма (в которых индивидуальный субъект вообще не рассматривается как значимый фактор), а также эссенциализма (где социальные агенты действуют в соответствии с историческими потребностями и факторами).

В рамках этноинституционализма этничность можно рассматривать как набор этноправил (т.е. неформальных этноинститутов), регулирующих доступ к диапазону социальных возможностей, структурирующих этносоциальные действия как результирующие многочисленных индивидуальных событий.

Для формирования когнитивного методологического конструкта нашего исследования особую значимость представляет концептуализация активно используемого в этносоциологии понятия «локальное сообщество». Хотя «сейчас... сообщества в социологическом смысле этого слова становится все труднее обнаружить в реальной жизни»²²⁰, под ним обычно понимается сообщество в пределах определенной территории, формирующее так называемую «поселенческую», «категориальную» или «локальную» идентичность.

В локальном сообществе социальная жизнь человека проходит практически целиком в его пределах, поэтому большую часть этноидентификационных отношений можно обнаружить внутри него. Особую роль в локальных сообществах играют всевозможные «святые места», в частности кладбища. Фактически «...город мертвых находится в центре каждого живого города»²²¹.

Как указывают социологи²²², в городских условиях локальное сообщество формируется в рамках примерно километровой дистанции, иногда вдоль ключевых дорог и шоссе, ведущих из города (или в город). То есть в радиусе пятиминутной прогулки от центрального пункта (где обычно расположена школа, детский сад и т.п.).

²²⁰ *Хобсбаум Э.* Век империи. 1875–1914. Ростов н/Д: Феникс, 1999. С. 428.

²²¹ *Mumford I.* The City in History: Its Origins, its Transformations and its Prospects. New York: Harcourt, Brace and World, 1961. P. 7.

²²² *Perry C.A.* Neighborhood unit // Neighborhood and Community Planning, Vol. VII of the Regional Survey of New York and Its Environs, Committee on Regional Plan of New York and its Environs. New York: New York Press, 1929.

Глава 2. Методология изучения этногенеза: этноинституциональный подход

Локальные сообщества участвуют в решении вопросов местного значения, организуют взаимодействие жителей с городскими, сельскими и региональными властями, способствуют решению спорных вопросов, возникающих при строительстве объектов торговли и обслуживания, решении межэтнических споров и пр. Помимо этого, локальные сообщества берут на себя организационную работу по проведению праздничных мероприятий на своих территориях, различных собраний и сходов жителей по наиболее насущным для данной территории вопросам, оказывают помощь пожилым людям и инвалидам, ветеранам Великой Отечественной войны, участвуют в благотворительных мероприятиях.

Текущие социальные интеракции ограничены прошлыми решениями сообщества и развиваются в рамках созданных им институциональных условий. «Все универсальные братства, будь то коммунизм, исланизм или христианство, доказали свою неспособность ослабить привязанность человека к своему кусочку земли, который выступает в качестве необычайно эффективного символа»²²³.

Границы локального сообщества (особенно сельских линияжных, которые, к примеру, в Грузии называются «теми» или «гвари») во многом являются границами враждебного мира, а поскольку представления о нациях довольно слабы, то индивиды чаще осознают себя скорее как члены сообщества, клана или этнорелигиозной общины. «Чем дольше и более интенсивно люди взаимодействуют друг с другом, тем больше они будут определять друг друга как группу и тем большее давление они будут ощущать по приспособлению к локальным паттернам поведения и убеждений, при условии, что они являются равными в отношении власти и не выступают соперниками за редкие ресурсы»²²⁴.

Локальные сообщества являются «сообществами практики»²²⁵, в которых индивиды передают друг другу знания, навыки и иной социальный опыт, в том числе этноидентификационного характера, встроенного в институциональные рутины посредством трансмиссии или институциональных «утечек».

²²³ Featherstone M., Lash S. and Robertson R. *Global Modernity*. London: Sage, 1995. P. 28–33.

²²⁴ Collins R. *Sociology: Proscience or Antiscience?* // *American Sociological Review*. 1989. Vol. 54, no. 1 (February). P. 134–135.

²²⁵ Brown J.S. and Duguid P. *Organizational learning and communities-of-practice: toward a unified view of working, learning, and innovation* // *Organization Science* 1991. 2. P. 40–57.

«Легитимная периферийная партиципация», под которой неинституционалисты²²⁶ понимают практически полное участие местных жителей во всех социокультурных и социально-политических практиках сообщества, осуществляется с помощью «информационных посредников». Это библиотекари, учителя, врачи и прочие лидеры общественного мнения и «активные юзеры», которые, по сравнению с «неактивными», используют большую часть общих коллективных ресурсов и реинтерпретируют этничность по мере создания нового смысла.

3. Бауман отмечает, что в условиях глобальной неопределенности в межэтнических интеракциях социальная специфика локального сообщества основывается на значительной плотности межличностных связей. Они обеспечивают высокую интенсивность повседневного общения, а границы локального сообщества обуславливаются возможностями средств транспорта и связи и скоростью передвижения носителей информации²²⁷. В локальном сообществе близкое имеет серьезные преимущества перед отдаленным, а товары и новости, происходящие из соседних местностей, преобладают над прибывающими издалека. Только покидая локальное поселение, индивид осознанно отдает приоритет более высоким уровням территориальной идентичности – в тех случаях, если от него это требуется.

Локальные сообщества характеризуются большей долей взаимозависимости, чем обезличенные и атомизированные социумы. Низкая степень монетизированности локальной экономики, проявляющаяся в слабости сектора государственных публичных и частных услуг, и высокая степень традиционализации профессиональных видов деятельности побуждают индивидов постоянно обмениваться социальными услугами на бартерной и примерно равноценной основе. Слабость финансовой инфраструктуры в виде банков, страховых и инвестиционных компаний не позволяет осуществлять масштабное накопление финансового капитала. Вместо этого индивидам выгоднее вкладываться в социальный капитал, т.е. предоставлять матери-

²²⁶ Messick D.M., Wilke H.A. M., Brewer M.B., Kramer R.M., Zemke P.E. and Lui L. Individual Adaptations and Structural Change as Solutions to Social Dilemmas // Journal of Personality and Social Psychology. 1983. 44 (February). P. 294–309.

²²⁷ Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 47.

альную и нематериальную помощь родственникам, соседям и друзьям на взаимной основе.

Цели расширения «внутреннего» социального капитала, который имеет строгое обращение в рамках сообщества и который, несмотря на высокую степень межгенерационной передачи, сложно монетизировать и инвестировать в какие-либо проекты за его пределами, поддерживаются традиционной институциональной структурой как системой правил гостеприимства, проведения совместных торжеств, сохранения памяти об общих трагических событиях и пр. Тем самым складываются обширные горизонтальные (соседские, конфессиональные, патримониальные, родственные) сети, которые выступают каналами перемещения информации и слухов и формируют чувство сообщества, помогающее индивиду в решении его социальных и психологических проблем.

«Внутренний» социальный капитал является социальным «капиталом-в-действии», он выражается только на интеракционном уровне, и хотя существует определенная социально-психологическая инерция в восприятии индивида как «своего», особенно если положительный социальный капитал накапливался его предками длительное время, постоянные бихевиоральные нарушения нормативного стандарта могут привести к санкциям со стороны сообщества.

Ритуализация повседневного социального взаимодействия, а также общая ограниченность числа горизонтальных контактов в социальном пространстве образуют прямую взаимосвязь между соответствием поведения конкретного индивида институциональным ожиданиям сообщества и степенью его принятия или непринятия как полноправного члена, а значит, между степенью бихевиоральной девиантации индивида и его маргинализацией общественным сознанием.

Хотя этногенез подразумевает, что чувство этнической идентичности преобладает над конфессиональной принадлежностью, локальная общность может носить этноконфессиональный характер как «...общность, возникшая при тесном сопряжении этнических и религиозных признаков. Существуют два основных типа этноконфессиональных общностей: сопряжение с той или иной конфессией какой-то части этнической группы и возникновение вследствие этого у нее специфических культурных свойств... и сопряжение нескольких, объединенных одной конфессией, близких по культуре и расселенных на

смежных территориях этнических групп и появление у них в результате этого общего самосознания»²²⁸.

Соглашаясь с мнением Б. Андерсона²²⁹, согласно которому любой этнос представляет собой «ограниченное сообщество», российские исследователи указывают, что «процесс самоидентификации культурно-исторических общностей (становления коллективного "мы", противопоставляемого коллективному "они") осуществляется двояко. Во-первых, посредством формирования определенного образа мышления и поведенческих норм этнического самосознания. Во-вторых, через посредничество институтов, инкорпорированных в то или иное общественное устройство, имеющее определенную этническую самобытность»²³⁰.

Этноинституциональные процессы играют важную роль в современном этногенезе. Этноинституциональный теоретико-методологический конструкт, применяемый для социологической концептуализации процессов институционального воспроизводства этногенеза в локальных сообществах, понимается как набор методологических инструментов и концептов, связанных с анализом процессов трансформации и структурирования этноинститутов.

На основе предложенного методологического конструкта, выдержанного в духе гносеологического оптимизма, социального девелопментализма и позитивистского сайентизма, в последующих главах будет проведен социологический анализ этносоциальных и этноинституциональных изменений в российском обществе, объяснены и определены механизмы институционального воспроизводства этногенеза в локальных сообществах.

²²⁸ Пучков П.И. Этноконфессиональная общность // Народы и религии мира / под ред. В. А. Тишкова. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 901.

²²⁹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс, 2001. С. 30–32.

²³⁰ Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент. Ред. кол.: М.Г. Мчедлов (отв. ред.), Ю.А. Гаврилов, В.В. Горбунов и др. М.: Культурная революция, 2007. С. 113.

ГЛАВА 3

ВОСПРОИЗВОДСТВО ЭТНОИНСТИТУТОВ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ РАСПАД И ЭТНОГЕНЕЗ

Социологический анализ процессов институционального воспроизводства этногенеза предполагает необходимость изучения этноинститутов, которые в целом носят конвенциональный, повторяемый и предсказуемый характер. Невозможно изучать процессы институционального воспроизводства, не учитывая проблему конвенциональности. Как указывают современные неинституционалисты, «конвенция – это в основном просто более короткий термин для перцепции части игроков группы о том, как должны остальные играть в игру. В течение всего времени на эту перцепцию воздействует множество сигналов и коммуникаций этих игроков. Репутация игрока – это психологическая перцепция других игроков относительно того, как он предпочитает играть.... Такую репутацию можно создать прошлой игрой, публичными заявлениями или использованием воображаемых символов и манипуляцией мифами»²³¹.

Важной для анализа институционального воспроизводства этногенеза представляется идея П. Бурдье о гибкости, ситуативности и неоднозначности правил социального поведения²³². П. Бурдье подкрепляет эту точку зрения ссылкой на М. Вебера: «Социальные агенты подчиняются правилам, когда выгода подчиняться им одерживает верх над выгодой их нарушать»²³³. По мнению Ф. Хайека, новые правила распространяются не потому, что люди осознают их большую эффективность по сравнению со старыми нормами. Основная причина в том, что группы, придерживающиеся новых институтов, успешнее воспроизводят себя²³⁴.

²³¹ Miller G.M. Managerial Dilemmas: Political Leadership in Hierarchies // Cook K. and Levi M. eds. The Limits of Rationality. Chicago: University of Chicago Press, 1990. P. 343–344.

²³² Бурдье П. Социальное пространство и генезис классов // Социология политики. М.: Socio Logos, 1993.

²³³ Вебер М. Класс, статус и норма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1991. С. 117.

²³⁴ Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. М.: Новости, 1992.

Неоинституционалисты исходят из предположения об изначальной неуверенности социальных агентов в характере и последствиях социальных процессов и о необходимости ее уменьшения в условиях пространственных и временных ограничений как фундаментальной социальной потребности. Субъективная неуверенность приводит к росту чувства неловкости, беспокойства и страха, которые способствуют еще большей неопределенности, замыкая тем самым психологический круг неуверенности.

Как показано в концепции «семиологической партизанской войны» У. Эко²³⁵, получатель любого сообщения может прочитать и интерпретировать его различными способами. Это структурная институциональная особенность современного общества: «Определенная степень аномии необходима для максимальной свободы в обществе: в случае же чрезмерного затвердевания норм, индивидуальная свобода ограничена»²³⁶.

В повседневной деятельности индивиды преодолевают окружающую их неопределенность и стремятся избежать чрезмерного риска, создавая «зоны безразличия»²³⁷, т.е. области социальных взаимодействий, в которых люди подчиняются институтам просто потому, что им безразлично делать или не делать то, что предписывается.

Институциональное безразличие предполагает повседневное привыкание к комфортной зоне. Страх разрушения удобной и комфортной зоны локализует жизненный мир человека повседневными взаимодействиями и личными делами. В сообществах не особенно интересуются тем, что происходит за пределами их мира, пока это не затрагивает всю группу. Сложившийся порядок повседневных отношений поддерживает себя социальной рутинной. Рутинная – это не только обобщенная идея абстрактного действия, но и партикулярная норма. Заниматься рутинной – не просто повторять прошлые действия. Она включает в себя подразумеваемое и общее знание, как соответствовать социальному миру, «делая навигацию в нем более эффективной»²³⁸.

²³⁵ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998.

²³⁶ Феоданов К.А. Социальная аномия: обзор подходов американской социологии // СоциС. 1992. № 5. С. 91.

²³⁷ Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Рынки, фирмы, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат, 1996. С. 97.

²³⁸ Абельс Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Социология и социальная антропология. 1998. № 1. С. 19.

Хотя, по мнению Й. Хейзинги²³⁹, социальный мир живет в соответствии с правилами игры, которые не всегда осознаются и не всегда вербализуются, индивиды стремятся избегать социальной дезинтеграции. Они сопротивляются возникновению ситуаций неопределенности, где их принуждают сомневаться в окружающем мире больше, чем это принято в привычных и признаваемых конвенциональных рутинках. Кроме того, «субъективная уверенность делает существование значимым и, таким образом, придает уверенность в том, как вести себя и что ожидать от физического и социального окружения, в котором живет человек»²⁴⁰.

Конвенциональность как перцептивная и рутинизированная последовательность институтов, говоря словами американских исследователей²⁴¹, придает значение всему миру, проводит границы и отделяет социальный порядок от хаотической непредсказуемости.

Конвенциональность подразумевает одинаковое отношение к одинаковым ситуациям. «То есть я следую правилу, если и только если я отношусь ко всем случаям, подпадающим под данное правило, так, как правило диктует, чтобы я относился»²⁴². Каждый социальный агент знает, что другие знают правила, знает о всеобщем знании правил и об институциональных особенностях потенциальных нарушений, а также о социальном неодобрении в случае нарушений. Тем самым конвенциональность поддерживает общественное или профессиональное рутинизированное репродюсирование, а не инновационность.

Конвенциональность институтов является бесполезной, если об их существовании неизвестно, если не осуществляется мониторинговое наблюдение за их соблюдением или если не предусмотрены санкции за несоблюдение. «Часть научения через опыт – это то, что происходит, когда что-то происходит не так. В любом практическом деле всегда что-то происходит не так. Люди могут не получить одну и ту же информацию о совместных целях, процессах, которым нужно сле-

²³⁹ Хейзинга Й. *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992.

²⁴⁰ Hogg M. A. and Mullin B. A. joining Groups to Reduce Uncertainty // Abrams D. and M. A. Hogg, eds. *Social Identity and Social Cognition*. Maiden, MA: Blackwell, 1999. P. 253.

²⁴¹ Isaac R. M. and Walker J. Communication and Free-Riding Behavior: The Voluntary Contribution Mechanism // *Economic Inquiry*. 1988. 26 (October). P. 585.

²⁴² Ingram R., Nee V. *Embeddedness and Beyond: Institutions, Exchange and Social Structure* // Brinton M., Nee V. (eds.). *The New Institutionalism in Sociology*. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1998. P. 19–45.

довать, и как один процесс переходит в другой. Некоторые могут исполнять свои обязательства, тогда как у других это не получится. Некоторые захотят интерпретировать правила таким образом, что это нанесет вред интересам других... Простого согласия по поводу набора правил редко достаточно. Определение того, как именно эти правила будут действовать в реальности, требует времени. Если люди, которые учат, как использовать набор этих правил, не доверяют друг другу, необходимы дальнейшие вложения в экстенсивный мониторинг. Нужно создать соответствующие санкции для не подчиняющихся. Нужно определить и обсудить условия, при которых возможны исключения из правил без подвергания опасности основных структурных принципов. Если будут происходить конфликты по поводу регулирования и интерпретации правил и если нет никаких средств для разрешения конфликтов, процесс создания социального капитала может разрушиться задолго до своего завершения...»²⁴³

Конвенциональность этноинститутов облегчает социализацию новых кандидатов, увеличивает социальное и нормативное сцепление и бихевиоральную, когнитивную и атрибуционную схожесть членов этногруппы. «Для межличностного взаимодействия общество нуждается в атрибуционной последовательности. Другими словами, идентичность включает в себя определенную внутренне социализированную последовательность по отношению к нормам поведения, так, чтобы человек и те, с кем он взаимодействует, знали, чего ожидать в межличностных отношениях... В некоторой степени люди должны быть способны устанавливать приближенные связи или стереотипные ожидания. Полная непредсказуемость поведения другого делает социальную коммуникацию невозможной»²⁴⁴.

Неоинституционалисты указывают, что «изменение неформальных правил общества может быть вызвано или изменениями в дистрибутивных последствиях этих правил, или изменением власти акторов по заключению сделок»²⁴⁵. По мнению В. Руттана, институци-

²⁴³ *Ostrom E.* Crafting Institutions for Self-Governing Irrigation Systems. San Francisco, CA: ICS Press, 1992. P. 140-141.

²⁴⁴ *De Vos G.* Ethnic Pluralism: Conflict and Accommodation // *Ethnic Identity: Cultural Continuities and Change* / ed. by G. de Vos, L. Romanuci-Ross. Chicago: Chicago University Press, 1978. P. 360.

²⁴⁵ *Knight J.* The Spontaneous Emergence of Social Institutions: A Bargaining Theory of Emergence and Change // *Institutions and Social Conflict*. New York: Cambridge University Press, 1992. P. 145.

ональные изменения зависят от двух факторов: наличия знания и стоимости институциональной инновации по отношению к возможным благам. Чем больше в обществе потенциально трансмиссибельного социального знания и чем меньше стоимость внедрения институциональной инновации, тем проще осуществить изменение²⁴⁶. Институциональные изменения облегчаются, если доминирующая этнокультура способствует институциональным инновациям.

Институциональная предсказуемость основывается на стремлении этносоциальных агентов следовать существующим правилам в условиях неполной информации относительно принятия решений и сложности оценки других институциональных альтернатив. Снижая непредсказуемость этносоциальных транзакций, «институциональные правила обеспечивают нас информацией об ожидаемых действиях других и в этом отношении ограничивают наш выбор... [Институты являются] способностью находить надежный способ по оказанию воздействия на ожидания других... и принуждать других действовать противоположно их неограниченным предпочтениям...»²⁴⁷

Работая в рамках неинституционализма, социологи разделяют конвенции и институты и рассматривают вторые как «...ожидания относительно действий – собственных, действий других или и первых, и вторых, которые обозначают, какое действие является правильным и какое – нет... это "надындивидуальные" образования, но они структурируют интеракции только тех, кто испытывает одинаковое воздействие со стороны действия...»²⁴⁸.

Институты определяют, какие социальные действия требуются, а какие запрещены или разрешены в рамках существующей социальной структуры. По мнению Дж. Комманса, «институт – это коллективное действие по контролю, освобождению и расширению индивидуального действия»²⁴⁹. Однако коллективное действие, которое навязывает свои социальные последствия другим людям, является важным, но недостаточным условием появления институтов.

²⁴⁶ *Ruttan V.W.* Induced Institutional Change // Binswanger and Hans P., V. W. Ruttan, eds. Induced Innovation. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978. P. 327–357.

²⁴⁷ *Knight J.* Institutions and Social Conflict. New York: Cambridge University Press, 1992. P. 43–45.

²⁴⁸ *Coleman J.S.* Norms as Social Capital // Economic Imperialism / ed. by G. Radnitzky and P. Bernholz. New York: Paragon, 1987. P. 135, 153.

²⁴⁹ *Commons J.R.* The Economics of Collective Action. New York: Macmillan, 1950. P. 21.

Д. Норт считает, что институты создают базовые структуры по достижению социального порядка и соответствующего снижения степени своей неуверенности²⁵⁰. Важную регулятивную функцию институтов подчеркивают также Т. Телен и К. Стейн, для которых «институты – это правила игры в обществе или, если подходить формально, это созданные ограничения, которые определяют человеческий опыт»²⁵¹.

По мнению К. Дэвиса, институт – это «набор связанных между собой обычаев, моральных и правовых норм, выстроенных в рамках одной или нескольких функций»²⁵².

Э. Грэхам и Э. Ван де Вен определяют институты как несовершенные и прагматические решения прошлых конфликтов. Эти решения состоят из набора прав и обязанностей, власти, которая обеспечивает их, и некоторой степени приверженности коллективным нормам разумного и предусмотрительного поведения²⁵³.

Согласно нобелевскому лауреату О. Уильямсону, институты – это постоянно трансформирующиеся механизмы управления контрактными отношениями²⁵⁴, т.е. отношениями, формирующими договорные отношения.

Р. Аксельрод подчеркивает, что институты – формальные повторяющиеся правила, в которых особое значение имеют будущие наказания²⁵⁵. С этой точкой зрения согласен Дж. Ходжсон. Институты для него – это предписания, которые определяют, какие действия или результаты требуются или запрещены, и санкции, заранее предписанные к применению в ситуациях, если нарушаются установленные правила²⁵⁶.

Социологи интерпретационных направлений понимают институты либо как «...седиментацию значений или, изменяя образ, кри-

²⁵⁰ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. С. 23.

²⁵¹ Thelen T. and Stein K. Historical Institutionalism // North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 2-3.

²⁵² Davis K. Human Society. New York: Macmillan, 1949. P. 71.

²⁵³ Graham A.W. and Van de Ven A. H. Central Perspectives and Debates in Organization Theory // Administrative Science Quarterly. 1983. 28. P. 245-273.

²⁵⁴ Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма. Рынки, фирмы, «отношенческая» контракция. С. 68.

²⁵⁵ Axelrod R. The Emergence of Cooperation among Egoists // American Political Science Review. 1981. 75. P. 306-318.

²⁵⁶ Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003.

таллизацию социальных значений в объективной форме»²⁵⁷, либо как символические системы, которые воспринимаются как «реальность-в-себе», реальность, которая противостоит индивиду как внешняя и принуждающая сила²⁵⁸.

С точки зрения Э. Гидденса, институты – это наиболее стабильные элементы социальной жизни, практики, локализованные в пространстве и повторяющиеся во времени²⁵⁹. Взгляды Э. Гидденса наряду с идеями Т. Парсонса оказали большое влияние на развитие социологии институтов в России. Российские исследователи понимают институты как совокупности социально-функциональных ролей, а также «совокупность индивидов, действующих в соответствии с общими правилами для достижения коллективных целей»²⁶⁰.

Структуралисты высказывают мнение, что правила – это «генерализованные процедуры, применяемые в репродукции социальной жизни»²⁶¹. Как подчеркивают западные социологи, «правила не могут быть частными и должны в определенной степени быть всеобщими... необходимо, чтобы правило регулировало класс случаев (неважно, людей, предметов или событий), и в этом необходимая степень обобщения...»²⁶².

Исходя из теории правил Тома Барнса и Елены Флэм²⁶³, следует различать три модальности правил:

1. Система правил как их содержание.
2. Режим правил, т.е. как они поддерживаются санкциями.
3. Грамматика правил как их практическое освоение.

Некоторые неинституционалисты выделяют регулятивные правила, которые влияют на «объективно существующую деятельность», и конститутивные правила, которые «создают саму возможность оп-

²⁵⁷ Berger P.L. and Kellner H. *Sociology Interpreted: an Essay on Method and Vocation*. Garden City, NY: Doubleday Anchor, 1981. P. 31.

²⁵⁶ Бергер П., Лукман Г. *Социальное конструирование реальности*. М.: Academia-Центр, 1995. С. 155.

²⁵⁹ Гидденс Э. *Устроение общества: Очерк теории структуриации*. М.: Академический проект, 2003.

²⁶⁰ Дука А.В. *Институционализация политико-административной элиты в Санкт-Петербурге* // *Полития*. 2003. № 2 (29). С. 126.

²⁶¹ Sewell W.H. Jr. *A theory of structure: Duality, agency, and transformation* // *American Journal of Sociology*. 1992. 98. P. 9.

²⁶³ Marshall G., Swift A, Roberts S. *Against the Odds: Social Class and Social Justice in Industrial Societies*. Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 183–184.

²⁶³ Burns T., Flam E. *The Shaping of Social Organization: Social Rule System Theory with Application*. London: Sage, 1987.

ределенной деятельности»²⁶⁴. При этом конститутивные правила «закладываются» в человека в процессе социализации так, чтобы о них можно было бы не думать и сконцентрироваться на регулятивных правилах. Как и хорошие манеры, конститутивные правила учат для того, чтобы о них забывать.

Неинституционалисты подчеркивают, что «существуют некоторые отличия поведения, управляемого правилом, от поведения, которое просто носит регулярный характер: мы обычно рассматриваем отклонения от принятого образца как нечто неправильное или дефектное, а правило, в отличие от прошлых регуляторов, автоматически относится к новым случаям. Агент знает, что делать, даже столкнувшись со случаем, которого он никогда не видел раньше»²⁶⁵.

Институциональное пространство этносоциума можно сравнить с футбольным полем. Этноинституты разграничивают границы этого поля с помощью набора общих правил, после чего все остальные решения субъекты предпринимают сами. Этноинституты определяют выбор индивидов в зависимости от имеющейся информации и ресурсов, установленных основных правил социальных транзакций, связанных с координацией, получением необходимой информации и/или избеганием отрицательных последствий. Этноинституты минимизируют затраты социальных ресурсов на воспроизводство обычаев, норм и социальной структуры.

Как и социальные институты, этноинституты предоставляют этносоциальным агентам важную контекстуальную информацию о предсказуемости, последовательности и эффективности отдельных коллективных и индивидуальных институциональных стратегий, как применявшихся в прошлом, так и потенциально возможных.

Отсутствие последовательности и предсказуемости институтов, т.е. четких и ясных правил того, как именно должны социум или отдельная этногруппа реагировать на новые вызовы, приводит к этноинституциональным конфликтам, связанным с несогласием одной или нескольких взаимодействующих сторон с правилами игры, с критериями, по которым оценивается их идентичность. К примеру, П. Гуревич²⁶⁶ указывает, что хуту и тутси в течение пяти веков говорили на

²⁶⁴ Searle J.R. The Construction of Social Reality. New York: The Free Press, 1995. P. 27.

²⁶⁵ Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. New York: Cambridge University Press, 1969. P. 42.

²⁶⁶ Gourevitch P. We wish to inform you that tomorrow we will be killed with our families: Stories from Rwanda. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1998.

одном языке, придерживались схожей религии, проживали на общей территории, между ними были смешанные браки, общая социальная и политическая культура. Но в колониальный период этнические границы были сделаны непроницаемыми. Постепенная дифференциация этноинститутов привела к формированию того, что К. Джовитт²⁶⁷ назвал «баррикадными идентичностями». Дифференциация этноинститутов закончилась межэтническим конфликтом и геноцидом.

Социальные институты выполняют более широкие структурные функции, чем социальные нормы или правила. Сфера деятельности социальных норм носит локальный характер, а функции имеют специализированную направленность. Социальные институты, напротив, представляют собой нормы макроуровня «сквозного действия», их цель заключается в обеспечении институциональной преемственности и развитии этносоциальной устойчивости в обществе.

Социальные институты обеспечивают непрерывность институционального воспроизводства. По мнению М. Сакмана²⁶⁸, главным механизмом институционального воспроизводства является осознание инейминг существующей проблемы, для которой ни один из имеющихся институтов не может обеспечить адекватный репертуар или линейку подходящих ответов. Дж. Кнайт²⁶⁹ рассматривает проблему институционального воспроизводства через «основные отношения между ресурсной асимметрией, с одной стороны, и вероятной аверсией риска и временными предпочтениями, с другой».

Характер институционального воспроизводства зависит от затрачиваемых обществом социальных ресурсов. В общем виде «на институциональный выбор влияют два вида основных расходов. Во-первых, авансовые расходы трансформации правил. Если ожидаемые расходы трансформации правил выше сетевых благ, которые могут быть получены, никакие дальнейшие обдумывания расходов уже не делаются. Актеры сохраняют старые правила, которые дают меньше благ,

²⁶⁷ Jowitt K. Ethnicity: Nice, nasty, and nihilistic // Chiro D. and M. E. P. Seligman, eds. *Ethnopolitical Warfare: causes, consequences, and possible solutions*. Washington, DC: American Psychological Association, 2001. P. 27–36.

²⁶⁸ Suchman M. C. Localism and globalism in institutional analysis: the emergence of contractual norms in venture finance // *The Institutional Construction of Organizations: International and Longitudinal Studies*, ed. by W. R. Scott and S. Christensen. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995. P. 39–63.

²⁶⁹ Knight J. *Institutions and Social Conflict* New York: Cambridge University Press, 1992. P. 139.

чем набор альтернативных правил, поскольку стоимость изменения правил выше, чем те блага, которые могут быть получены. Если подобные расходы не выше, ожидаемые изменения также будут оценены, включая затраты предлагаемой системы правил на мониторинг и принуждение»²⁷⁰. Кроме того, «агенты могут предпринимать неподходящие действия, пользуясь неопределенностью того, кто является ответственным. Поскольку за недостижение результата невозможно наказать сразу всех, у некоторых агентов всегда появляется искушение воспользоваться недостаточностью контроля»²⁷¹. Таким образом, «злоупотребление и рассеивание ценного ресурса всегда происходит, когда издержки измерения и принуждения превышают потенциальные выгоды от ограничения доступа»²⁷².

Принятие институциональных изменений может быть вызвано беспokoйством социальных агентов, что будут приняты другие институты и на проигравших агентов возложат трансформационные издержки²⁷³.

В условиях асимметрии власти, предполагающей неравномерную диссеминацию ресурсов среди различных этносоциальных субъектов, в соответствии с взглядами П. Бурдые, индивиды обладают «творческой свободой», чтобы «скорее трансформировать то, что они получают, чем просто повторять»²⁷⁴.

По мнению Е. Роджерса²⁷⁵, индивиды принимают инновации после того, как хотя бы немного поэкспериментировали с ними. Американский социолог называет это качество инноваций «испытательностью», т.е. «степенью, с которой с инновациями можно экспериментировать на ограниченной основе». Этноинституты обладают высокой степенью испытательности в отличие от жестких технологических стандартов и правил. Индивид, используя те или иные этноинституты в повседневности этнокультурной, этноязыковой или эт-

²⁷⁰ *Ostrom E.* Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 198.

²⁷¹ *Bengt H.* Moral Hazard in Teams // *Bell Journal of Economics*. 1982 (13). P. 324–340.

²⁷² *Eggertsson T.* Analyzing Institutional Successes and Failures: A Millennium of Common Mountain Pastures in Iceland, Working Paper, Departments of Economics, University of Iceland, 1991.

²⁷³ *Kaminski A.Z.* An Institutional Theory of Communist Regimes: Design, Function, and Breakdown. San Francisco: Center for Self-Governance California Press, 1992. P. 200.

²⁷⁴ *Бурдые П.* Символический порядок и власть номинации // *Социология политики*. М: Socio Logos, 1993. С. 58.

²⁷⁵ *Rogers E. M.* Diffusion of Innovations. 4th ed. New York: Free Press, 1995.

ноконфессиональной сфер, всегда может добавить к ним некоторую бихевиоральную специфику, отражающую индивидуальность его семьи, рода или сообщества, в котором он живет.

Переход к новым институтам предполагает необходимость убеждения сомневающихся социальных агентов. По мнению Р. Будона, «необходимо, чтобы инновация воспринималась определенными субъектами как нечто, имеющее позитивные последствия. Необходимо также, чтобы определенные субъекты приняли на себя труд по ее внедрению. Принятие либо отвержение инновации системой является функцией ее определенных характеристик»²⁷⁶. Во внимание принимаются следующие факторы: временные затраты, связанные как с имплементацией нового института, так и со сложностью овладения ею на уровне, достаточном для применения, пропорциональность затрат и риска институциональной инновации, частотность распространения института, особенно в среде родственников, друзей и знакомых. Значение имеют и вкусы, и пристрастия, и объективные внешние факторы, не зависящие от индивида.

Чтобы убедить социальных агентов воспользоваться новым институтом, необходимо снизить издержки на ознакомление с системой правил. Эффективность новой нормы должна перекрывать трансформационные издержки. Издержки могут оказаться минимальными, если принятие новой идентичности проходит полуавтоматически, к примеру в результате деятельности, в которой реализуются другие потребности²⁷⁷. Нужно заранее договориться, кто из социальных агентов будет нести «трансформационные издержки» или распределить их между заинтересованными сторонами. В противном случае правящие элиты будут перекладывать эти издержки на низшие слои, что не способствует росту популярности самих институциональных преобразований.

Если новый институт оказывается более удобным и эффективным, то имплементирующие его социальные агенты получают некоторые преимущества по сравнению с представителями других общностей. Поскольку новые институты облегчают возможное распределение социальных ресурсов между соответствующими социальными агентами, а трансформационные издержки в случае принятия новой нормы,

²⁷⁶ Будон Р. Место беспорядка: критика теорий социального изменения. М.: Аспект-пресс, 2000. С. 201–202.

²⁷⁷ Ostrom E. (by ed.) Foundations of Social Capital. Northampton, MA: Elger Reference Collection, 2003.

как правило, диссеминируются на все сообщество, то сама ситуационная структура побуждает людей к социальному творчеству даже путем «изобретения» девиантных институциональных практик. Безысходность ситуации развивает социальную изобретательность.

Неоинституционалисты различают «программы исполнения», которые управляют рутинным поведением, и «программы исследования» для ситуаций, в которых необходимо решать нестандартные задачи²⁷⁸.

Для решения нестандартных задач используется институциональное творчество, когда потенциальные ответы «генерализируются в решения», имеют социальные процессы объективации и теоретизации, поскольку «первичное оружие новых концептуальных систем – это идеи. Они осуществляют контроль, определяя реальность посредством развития онтологических рамок, выявления различий, создания классификаций и разработки принципов или руководства к действиям»²⁷⁹, а также развитие, объяснение и уточнение абстрактных категорий и формулировка таких паттерных отношений, как каузальные связи между различными этносоциальными и институциональными процессами. По мнению С. Мененда, «идеи не находятся где-то извне в ожидании собственного открытия, это инструменты... посредством которых люди структурируют свои отношения с миром, в котором живут. Идеи продуцируются не отдельными людьми, а группами, поэтому они носят социальный характер [и]... зависят... от человеческих носителей и их окружения»²⁸⁰.

Проблема институциональной трансмиссии тесно связана с проблемой трансформационных издержек, которые велики, если социальные агенты обладают высоким социальным капиталом. Трансмиссию институтов проще осуществлять социальным аутсайдерам. Нобелевский лауреат Дж. Акерлоф подчеркивает, что первые инноваторы часто являются маргиналами «с необычным вкусом», поскольку они «проявляют столь сильный нонконформизм к нормам, что рассматриваются как весьма девиантные»²⁸¹.

²⁷⁸ March J. G. and Simon H.A. Organizations. New York: Wiley, 1958. P. 141-142.

²⁷⁹ Zucker L.G. Organizations as institutions // Research in the Sociology of Organizations / ed. by Samuel B. Bacharach. Vol. 2. Greenwich, CT: JAI Press, 1983. P. 47.

²⁸⁰ Цит. по: Brinton M.C., Nee V. (eds.). The New Institutionalism in Sociology. Stanford: Stanford University Press, 2001.

²⁸¹ Акерлоф Дж. Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм // THESIS. 1994. № 5. С. 91-104.

Стихийное рождение новых правил игры происходит с осознанным и целенаправленным нарушением привычных норм. Институциональные новаторы рассматривают правила как спорную границу, которую можно перейти. Когда «первые адаптирующие» применяют новый институт, их последователи копируют его через социальные сети коммуникации и обмена²⁸², чтобы не лишиться доступа к экономическим и социальным ресурсам.

Руне де Ври показал, что наиболее успешные модернизационные реформы осуществлялись носителями роли организационных «простаков», которая институционально была определена как роль шута при дворе или антигероя²⁸³.

Законы естественного отбора действуют не только в биологической сфере. Это также социальные законы. Поэтому «если инновации принимаются социальной системой, то они в той или иной форме стереотипизируются и закрепляются культурной традицией. Примерно также прошедшие естественный отбор мутации и их рекомбинации закрепляются в генетических программах биологических популяций»²⁸⁴. После чего «в конечной стадии институционализации, которая называется «седиментизацией», инновация сохраняется на протяжении жизни нескольких поколений и распространяется фактически на всех людей, которые потенциально могут ее заимствовать»²⁸⁵.

Американский социолог В. Артур²⁸⁶ указывает на следующие особенности распространения институциональных инноваций:

1. Высокие издержки сет-апа – развитие институциональных альтернатив обычно требует существенных расходов.
2. Эффекты обучения – люди, привыкшие к какому-нибудь институту, обычно недостаточно заинтересованы в том, чтобы создавать что-либо еще.
3. Эффекты координации – преимущества, которые получает индивид от широкой распространенности института и исполь-

²⁸² *Barns T., Stalker G. M. The Management of Innovation. London: Tavistock Publications, 1994.*

²⁸³ *Runes de Vries M. F. R. The Organizational Fool: Balancing a Leader's Hubris // Human Relations. 1990.43(8).*

²⁸⁴ *Маркарян Э. С. Культурная традиция и задача дифференциации ее общих и локальных проявлений // Методологические проблемы этнических культур: материалы симпозиума. Ереван: ЕГУ, 1978. С. 86.*

²⁸⁵ *Tolbert P. S. and Zucker L.G. The institutionalization of institutional theory // Handbook of Organization Studies / ed. by S. R. Clegg, C. Hardy, and W. R. Nord. London: Sage, 1996. P. 184.*

²⁸⁶ *Arthur W.B. Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994.*

зования его другими, обычно перевешивают преимущества от институциональной креативности и новаторства.

4. Адаптивные ожидания – чем больше распространен институт, тем выше у индивидов желание присоединиться к нему.

Пониманию институциональных изменений может помочь предложенная Л. Брауном²⁸⁷ концепция различия между объяснениями институционального воспроизводства со стороны теории спроса и теории предложения. Теория предложения обращает внимание на характеристики или условия новых членов группы, в то время как подходы, концентрирующие внимание на спросе, изучают природу и действия агентов, которые пытаются распространять институциональную инновацию.

А. Грейф рассмотрел проблему институциональных изменений и возможного, хотя и неустойчивого институционального равновесия с точки зрения основных положений теорий структурализма и агентства. По его мнению, поскольку «эндогенные институты» являются самоподдерживающимся социальным механизмом, то «каждый индивид, реагируя на институциональные элементы, которые подразумеваются и ожидаются в поведении других людей, действует таким образом, что способствует поддержанию, направлению и мотивации других людей вести себя так, чтобы это привело к сохранению институциональных элементов, которые структурируют поведение людей. Поведение каждого человека носит характер самовыполняемого механизма, воспринимая структуру как нечто данное, он следует институционализированному поведению, которое, в свою очередь, репродуцирует институт в том смысле, что подразумеваемое поведение подкрепляет ассоциированные убеждения и регенерирует ассоциированные нормы»²⁸⁸.

Этноинституты трансформируются, модифицируются, редактируются, транслируются и соединяются с другими нормами их носителями, которые пытаются диагностировать, интерпретировать и предлагать различные решения конкретных проблем, создавая новый смысл и новые значимые образцы этнического поведения в различных ситуациях.

²⁸⁷ Brown L.A. *Innovation Diffusion: A New Perspective*. London: Methuen, 1981.

²³⁸ Greif A. *Institutions and Trade During the Late Medieval Commercial Revolution*. N.Y.: Cambridge University Press, 2005. P. 15–16.

Наибольшую активность в процессах институционального воспроизводства в России проявляют этносоциальные субъекты, обладающие социальным талантом манипулирования интересами группы для создания новой этноидентификации. Это лидеры этногрупп, кабил, тайфов, тейпов, кланов, тукхумов, вирдов, политических партий и общественных движений, преподаватели и сотрудники институтов и университетов (как правило, социально-гуманитарных по общей направленности) и т.п.

Конвенциональность институционального воспроизводства этногенеза связана с повторяемостью, локализованностью и предсказуемостью социальных ситуаций и коллективных дилемм, которые создают этноинституты как макронормы поведения и социальные механизмы воспроизводства этносоциальной идентичности. Конструируя институциональные стандарты, в соответствии с которыми существующие конвенциональные соглашения сравниваются, оцениваются, подвергаются реаффирмации, активные этносоциальные субъекты стремятся интернализировать такие нормы как когнитивные репрезентации приемлемого поведения членов этногруппы.

Для сохранения устойчивого развития в социуме необходимо постоянное конструирование институциональных инноваций, которые трансформируют привычные нормы и структурируют на их основе новые идентичности.

Иногда этносоциальные субъекты выбирают институты, которые в обществе в целом или в других этносообществах воспринимаются как маргинальные или девиантные, но которые помогают локальному сообществу структурировать этноидентичность. В современном обществе границы нарушения институтов становятся более неопределенными и амбивалентными, а нормативное поведение все больше представляет собой ситуационную фикцию. Границы между существующими этническими институтами не являются четкими, они зависят от процессов этноинтеграции и этнической дифференциации. Их соотношение в определенных пропорциях обуславливает институциональную специфику процессов этногенеза.

Интеграционной и композиционной унификации институтов способствует общепланетарная сеть электронных СМИ, ретранслирующая наборы схожих идентификационных мифологем, нормативных образцов и пожеланий.

Этноинтеграция основывается на стремлении этнообщности отождествить себя с другой этногруппой, считающейся близкой по определенным признакам. Она невозможна без высокой степени совпадения институтов различных этногрупп. «Интеграция – это не просто процедура, используемая для прямой социальной выгоды, она также содержит экспрессивное эмоциональное значение. В нее вовлечено множество внешних бихевиоральных, а также интрапсихических действий, которые, в свою очередь, могут привести к различным видам внутренних напряжений, связанных с альтернативами в референтных группах и в степени и паттерне частичной инкорпорации чуждых элементов в представления о себе»²⁸⁹.

Этноинтеграция подразумевает, что этногруппы и их элиты берут на себя определенные обязательства по отношению друг к другу. Иначе говоря, этноинтеграция работает, когда ее сторонников больше, чем интеграционных противников. Этноинтеграция, как процесс согласования не совпадающих между собой этноинститутов, поддерживается теми, кто получает от нее выгоды, и сдерживается проигрывающими от нее.

Этноинтеграция зависит от социальной дистанции: степени конгруэнтности культур этногрупп, их сплоченности, характера отношений между собой, их намерений по отношению к длительности пребывания в ареале интеграционного пространства, доминирования ассимиляции и аккультурации в групповых паттернах и др.²⁹⁰

Чем больше социальная дистанция между этносами, тем больше трудностей будет испытывать индивид в процессе этноинтеграции. Чем меньше социальная дистанция между этногруппами, тем больше возможностей для этноинтеграции и смешения между институциональными паттернами.

В соответствии с сетевым подходом можно предложить следующую гипотезу этноинтеграции. Она может происходить между группами с сильными межэтническими брачными или фратеральными «связывающими узлами». «Сильные связи позволяют создать мощное давление конформности»²⁹¹, но этноинтеграция закончится неудачей,

²⁸⁹ Romanucci-Ross L. and De Vos G. ed. *Ethnic Identity: Creation, Conflict and Accommodation* Third Edition. London: Sage, 1995. P. 34.

²⁹⁰ Shumann J. Social Distance as a Factor in Second Language Acquisition // *Language Learning*. 1976. 26. P. 136.

²⁹¹ Strang D. and Meyer J.W. Institutional conditions for diffusion // *Theory and Society*. 1993. 22. P. 492.

если сетевое сцепление слишком плотное, если сильна первичная лояльность и внутригрупповая принадлежность. Одновременно причиной этноинтеграции могут быть слабые межэтнические коммуникационные связи, которые сохраняют потенциал социальной гибкости, коммуникационной и идентификационной изменчивости. Этногруппы с особой, по выражению Л. Уорнера²⁹², «социальной индивидуальностью» обычно менее заинтересованы в интеграции, чем группы с транзитивной социальной неустойчивостью. Однако сетевое измерение этноинтеграционных процессов еще не рассматривалось современными социологами, а сетевой подход, включающий в себя использование таких методологических инструментов, как дистанция, центральность, кластеринг, плотность, сетевое равновесие, сетевая аллокация и пр., используется пока недостаточно.

В процессах этноинтеграции нормативные образцы и формулы «идеальной этничности» других этногрупп взаимно усваиваются. Но доминирующая группа влияет на институты других этногрупп сильнее, чем испытывает ответное воздействие. В структурированной системе общих договоренностей она предлагает институциональный стандарт, влиять на который у других интегрирующихся этногрупп (например, у присоединившихся к ФРГ восточных немцев) по поводу того, что запрещено и что разрешено, возможности ограничены.

Развивающая кооперацию и доверие между этносами этноинтеграция, невозможна без институциональных компромиссов, которые А. Гулднер²⁹³ назвал «паттернами снисхождения». Без уступок и толерантных обязательств между этногруппами с различной историей и культурой невозможно конструирование общих институтов.

Институциональный характер этноинтеграции зависит от таких «стартовых» точек этногрупп или групп мигрантов, как уровень образования, степень владения титульным и/или нативным языком, а также наличие или отсутствие межэтнических конфликтов.

Этноинтеграционные процессы (например, по созданию европейской идентичности на евросоюзном пространстве или предложенный теоретиками южноафриканского апартеида в 1970–1990-е гг. проект африканерского народа, который был противопоставлен всем

²⁹² Warner W.L. The Society, the Individual, and his Mental Disorder//American Journal of Psychiatry, XCIV. 1937. P. 278–279.

²⁹³ Gouldner A.W. Wild Cat Strike. IL, Glencoe: Free Press, 1953.

небелым этносам и англоязычной белой общине) должны смягчать межэтническую конфликтогенность, однако реальные этноинтеграционные проекты, напротив, часто продуцируют этноконфликты. К примеру, в начале 1980-х гг. в Лаосе было объявлено о создании льюсской нации путем этноинтеграционного объединения как титульного этноса лао, так и других этносов. Это позволило обосновать сохранение государственной власти у титульного этноса, но привело к межэтническим конфликтам. На основе этноинтеграционного проекта единой кхмерской нации осуществлялся геноцид других этногрупп в Камбодже.

Конфликты во время этноинтеграции – «это не столько борьба за обладание ресурсами, сколько за то, чей голос будет считаться ~~вы~~ражающим интересы государства, или, иначе говоря, чей голос будет соответствовать голосу государства. Конкуренция между группами – это конкуренция по поводу установления правил игры в деле национального строительства. Неуспешными становятся те группы, которые не вносят сколько-нибудь значительного вклада в строительство нации. Речь идет о том, что доминирующие группы устанавливают определенный порядок вещей, а подчиненные группы соревнуются между собой за признание того, кто этому порядку больше соответствует. Как следствие этого, «этническая» есть ярлык для тех групп, которым не удается достичь определенного уровня развития, установленного доминирующей группой, и которым отказано в том, чтобы иметь место в национальных устремлениях правящей элиты, отрицающей собственную этничность»²⁹⁴.

Рост этнической солидарности группы усиливает ее оппозицию по отношению к правящей элите и другим этносам, что вызывает **но**вые волны этнической мобилизации. Поэтому этнический конфликт – это, по сути, непрерывный процесс развития, однажды начавшись, **он** продолжает жить как бы собственной жизнью.

Процессы этноинтеграции в полиэтничном государстве требуют соответствующих институциональных стратегий, которые обеспечат социальный комфорт всем этногруппам. В России и в других постсоветских странах этноинтеграционное слияние обычно происходит путем поглощения этноинститутов зависимого этноса этноинститутами

²⁹⁴ *Williams B.F.* A Class Act: Anthropology and the Race across Ethnic Terrain // Annual Review of Anthropology. 1989. Vol. 18 (3). P. 426.

доминирующего. Так, в Молдавии румынизация молдавского этноса в контексте реализации политических интеграционных проектов создания «Великой Румынии» осуществляется посредством выдачи румынскими консульствами паспортов, выделения грантов на изучение в вузах и школах «Истории румын», поддержки медиахолдингов, выделения стипендий для молдавской молодежи на учебу в Румынии, грантов для творческой интеллигенции. Экономическое стимулирование общих этноинститутов развивает «мягкую» этноинтеграцию.

«Жесткие» стратегии выбирают экономически слабые постсоветские страны. Например, украинский этноинтеграционный проект подразумевает эмоциональный негативизм по отношению к советскому прошлому и «оскорбительной» окраинной и малороссийской идентификации украинцев, которая господствовала в общественном дискурсе конца XIX – начала XX в. Украинская идентичность легитимизируется в сознании национальной интеллигенции как этнолингвистическая идентификация. «Украинец» воспринимается как человек, говорящий преимущественно по-украински и гипертрофированно использующий украинский язык даже в билингвистическом общении с русскоязычными согражданами и даже в ситуациях, когда с конвенциональной точки зрения проще и/или удобнее применять русский.

С начала 1990-х гг. власти Украины пытаются интегрировать в национальное этноязыковое сообщество жителей Восточного Донбасса, а также русинов, восточнославянскую этносубгруппу, которую украинские националисты рассматривают как девиантную этнографическую группу нации украинцев. Русины не признаны отдельной национальностью на Украине в отличие от Словакии, Польши, Венгрии, Чехии и Сербии. Но сами украинские русины, которые по институциональным критериям этнолингвадифференциации разделяются на несколько этносубгрупп: лемки, бойки, гуцулы, верховинцы и долиняне (хайналы), считают себя отдельным этносом. Национальная ассимиляция русинов в Закарпатье проявляется в практически полном отсутствии школ с русинским обучением (несмотря на многократные обращения русинских организаций с просьбами об их открытии). Кроме того, по мнению руководителей русинского движения, выступающих с требованием предоставить Закарпатью автономный статус, данные о численности русинов фальсифицируются в сторону преуменьшения.

Дифференциация подразумевает разделение общей системы на декомпозиционные категории. Когда этнодифференциация уменьшает гомогенность социума и внутригрупповое сцепление, у отдельных субгрупп появляется больше возможностей по заимствованию и использованию норм, институтов и ценностей других этносов и культур.

Этногруппы адаптируются к изменениям в социально-культурном и социально-политическом окружении путем создания «периферических институциональных систем». По мнению американских неонституционалистов²⁹⁵, институциональная периферизация реализуется через механизмы декаплинга как отделения структурных элементов от элементов ситуационной активности. Декаплинг – это способ борьбы с конфликтующими вызовами посредством создания специальных буферных структур²⁹⁶. Вовлеченные в буферные зоны социальные агенты выполняют двойственную функцию. Они не только переводят требования внешней среды в структурные требования, но и представляют запросы социальной системы другим агентам²⁹⁷. В этносоциальном пространстве функции социального буферинга выполняют пограничные декаплирующие периферизированные субэтногруппы.

Институциональная периферизация зависит от ключевых социальных агентов. Они продолжают придерживаться существующих институтов, если только не выполняются два предположения. Первое – у них есть власть изменить институты, меняется внешняя ситуация и изменяются долговременные преимущества, создаваемые институтами. И второе – другое устройство создаст более благоприятное дистрибутивное разделение, и таким институциональным изменением они смогут разрешить сложные проблемы коллективных действий²⁹⁸ и социальных дилемм. Таким образом, у социального агента имеется выбор либо поддерживать сохранение существующих правил, если при данном соотношении сил ни один игрок не желает тратить ресурсы на их реструктуризацию, либо изменять существующие институты.

²⁹⁵ Meyer J.W. and Rowan B. Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony // *American Journal of Sociology*. 1977. 83. P. 340–363.

²⁹⁶ Buckley W. *Sociology and Modern Systems Theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1967.

²⁹⁷ Hoffman A.W. *From Heresy to Dogma: An Institutional History of Corporate Environmentalism*. San Francisco: New Lexington Press, 1997.

²⁹⁸ Knight J. *The Spontaneous Emergence of Social Institutions: A Bargaining Theory of Emergence and Change* // *Institutions and Social Conflict*. New York: Cambridge University Press, 1992. P. 127.

Наиболее успешными стратегиями институциональных изменений является создание новых общественных ритуалов в четкой визуальной форме и минимизация ошибок интерпретации посредством выделения четких правил и рекрутирования агентов, обладающих общими взглядами²⁹⁹.

Структурирование этносообщества предполагает необходимость нахождения ответов на стандартные вызовы в экономической, политической, культурной, идентификационной и социальной сферах. Для их решения используется как конструирование институтов, так и трансмиссия удачных институциональных образцов из других сообществ или территорий. К конкретным институциональным стратегиям, которые играют большую роль в изменениях индивидуальных и коллективных перцепций прежних институтов, относятся:

1. Интерпретация. Она включает в себя диагностику проблемы, формулировку общих правил и селективное придание нового смысла. Чтобы генерализировать в решении предлагаемые институциональные ответы, вовлеченные этносубъекты должны найти некоторую общность в своих взглядах. Это предполагает активное обсуждение таких общих категорий общественного сознания, как «этничность», «этнокультура», «этногенез», «этноидентификация», в образовательных и научных учреждениях, на страницах профессиональных журналов, на конференциях и т.п.
2. Импринтинг. Понятие «социального импринтинга» предложено А. Стинчкомбом³⁰⁰. Оно подразумевает механическое следование индивидов кристаллизовавшимся правилам поведения. Вариацией импринтинга является разработанная М. Сакманом³⁰¹ институциональная модель репродуктивного «отцовства», т.е. заимствование уже существующих институтов новым поколением адаптирующихся социальных агентов.
3. Седиментация. Она понимается неoinституционалистами³⁰² как замена существующих институтов не новыми, а предшествующими структурами. Заимствование из прошлого этногруп-

²⁹⁹ Hechter M. Principles of Group Solidarity. Berkeley: University of California Press, 1987. P. 150-57.

³⁰⁰ Stinchcombe A.L. Is the Prisoner's Dilemma all of Sociology? // Inquiry. 1980. 23. P. 187-192.

³⁰¹ Suchman M.C. The contract as social artifact // Law and Society Review. 2003. 37. P. 91-142.

³⁰² Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма. Рынки, фирмы, «отношенческая» контрактация. С. 97.

пы институтов, которые по разным причинам перестали применяться, создает особые институциональные этноидентификационные гибриды.

4. Фрейминг³⁰³. Это создание рамочных институциональных конструкций посредством переговоров между ключевыми этносоциальными субъектами. Если они договариваются по поводу правил, это облегчает возможность их трансмиссии в этносоциальной среде.
5. Бриколаж. Это креативное комбинирование, переосмысление и эклектическая репродукция символических и структурных паттернов, заимствованных из прежних норм, культурных традиций с собственными идеями этнопредпринимателей. Бриколаж является сложной институциональной стратегией адаптации и одновременного конструирования новой этноидентичности. К примеру, удины на Кавказе комбинировали христианство православного и григорианского толка с языческим культом, что повлияло на развитие удинского языка³⁰⁴. Другим примером являются грузинские езиды, этноконфессиональная идентичность которых объединяет соблюдение отдельных элементов как исламских, так и христианских и языческих верований и институтов. Бриколажный характер носит, к примеру, современная исламистская музыка. Хотя она призывает к джихаду, в ней много элементов, заимствованных из других этномызыкальных культур.

Институциональное воспроизводство зависит от характера используемых институциональных стратегий в локальных сообществах, а распад этноинститутов на институциональные исключения напрямую влияет на процессы этногенеза.

В социологии институтов «институциональный распад» редко концептуализируется. В существующих определениях доминирует негативная коннотация, которая обычно сводится к «...дезинтеграции институтов, не выполняющих задач, для которых они созданы, ослаблении механизмов формального и неформального контроля,

³⁰³ Benford R.D. and Snow D. A. Framing processes and social movements: an overview and assessment // *Annual Review of Sociology*. 2000. 26. P. 611-639.

³⁰⁴ Михайлов С.С. Армяне и удины на Дону // *Русская культура вне границ*. 1996. № 5. С. 44-45.

неустойчивости критериев оценок, появлении образцов поведения, противоречащих образцам, признанным допустимыми»³⁰⁵.

Западные неонституционалисты³⁰⁶ процессы институционального распада в условиях дихотомии «норма/исключение» называют «деинституционализацией». Она объясняется тем, что повседневность способствует энтропийному распаду устойчивых институциональных конфигураций. Деинституционализация – это процессы ослабления, модификации, постепенного исчезновения и/или замены одних институтов другими. Выделяя три причины деинституционализации (функциональная, политическая и социальная) как изменения трех видов предпочтений социальных агентов³⁰⁷, неонституционалисты подчеркивают, что деинституционализация – это нормальный социальный процесс³⁰⁸. Он связан не только с осознанием того, что существующие институциональные паттерны неэффективны, но и с развитием альтернативной институциональной логики и ростом количества людей, нарушающих нормы.

Перефразируя К. Маркса, можно сказать, что институты содержат семена своего собственного разрушения. Возникновение новых правил игры как результат своеобразного «отпочкования» старых удобно рассмотреть на примере шахмат. В XX в. шахматные игроки поставили под сомнение все основополагающие игровые постулаты: очередность хода, неизбежность изначальной игровой позиции для обеих сторон, полное и безусловное исключение из игры фигуры или пешки, которая была разменена, потеряна или выиграна, и т.п. Появились новые вариации шахматной игры, отличающиеся от общепринятых правил по институциональным критериям. Вариации, в которых новыми правилами сознательно были выбраны невозможные или неприемлемые игровые ситуации, первоначально девиантизировались профессиональным сообществом, критиковались на основании их практической ненужности, вычурности, несоответствия классическим образцам. Но затем новые вариации получили определенную по-

³⁰⁵ Щепальский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. С. 202.

³⁰⁶ Scott R. W. The adolescence of institutional theory // Administrative Science Quarterly. 1987. 32. P. 93-111.

³⁰⁷ Oliver C. The antecedents of deinstitutionalization // Organization Studies. 1992.13. P. 563-588.

³⁰⁸ Zucker L.G. The role of institutionalization in cultural persistence // American Sociological Review. 1977. 42. P. 726-743.

пулярность и признание со стороны части игроков как возможность сделать старую игру по-новому захватывающей и непредсказуемой. Так появились:

1. «Шахматы двухходовые», где каждый из соперников получает право сделать два хода подряд, шах считается за один ход, требующий немедленного ответа.
2. «Шахматы на двух досках», в которых игра идет на две доски, причем фигуру, снятую с одной доски, можно передать своему партнеру и поставить на любое поле.
3. «Шахматы Фишера», где игра начинается с симметричной позиции, которую выбирает компьютер (единственное правило – слоны должны быть разноцветными).
4. «Шахматы Бронштейна», в которых первыми восьмью ходами игроки сами ставят фигуры по очереди на первый (последний) ряд, занимая произвольные поля с единственным ограничением – слоны должны быть разнополюсными, и из возникшей позиции начинается партия и т.п.

Процессы институционального распада удобнее, в соответствии с этнометодологическими взглядами А. Шюца³⁰⁹, социологически исследовать в контексте «фоновых ожиданий», т.е. «...социально одобряемых и без всякой рефлексии существующих в сознании индивида образов действий»³¹⁰.

Существуют социализированные ожидания выполнения норм и требований, справедливо предъявляемых к другим. Одновременно существуют общепризнанные (хотя и не всегда проговариваемые) ожидания по поводу возможных ситуационных девиаций (например, в 1980-е гг. в молодежной среде равноценной и общепринятой альтернативой советской нормы «службы отечеству» стало первоначальное исключение – «откосить от армии»), особенно если нарушения могут сойти социальным агентам безнаказанно и/или позволят получить преимущество. Чтобы девиация была невозможной или затрудненной в максимальной степени, ограниченность альтернативной институциональной "дорожки" должна быть всеобщей.

Идентичность большинства молодежных субкультур (от граффитистов до неформалов) выстраивается на основе поисков, как обойти

³⁰⁹ Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом / пер. с англ. и нем. М.: РОССПЭН, 2004.

³¹⁰ Огурцов А.П. Этнометодология и этнографическое изучение науки // Современная западная социология. М.: Знание, 1998. С. 98.

систему общепризнанных норм, и самостоятельном изобретении своеобразных правил «дорожной разметки», которым они подчиняются. Например, основой для субкультуры трейсеров послужили западные фильмы о поведении молодежи в условиях «городских джунглей».

Одним из идентификационных примеров, построенных на положительном и/или нейтральном отношении к девиации, являются субкультуры, связанные с нарушением правил дорожного движения. Хотя они отражают неравномерность распределения социального статуса в обществе и выделения групп, которым позволено на дорогах больше, чем остальным (представителям правоохранительных органов, обладателям «мигалок» и пр.), ряд субкультур (байкеров, рейсеров и др.) построены на пренебрежении такими правилами.

Социальные классы, религиозные сообщества и возрастные когорты создают институты, указывающие, какие институциональные практики наказываются, а какие считаются допустимыми. Для определения нормы сначала должен возникнуть хотя бы минимальный общественный консенсус по поводу того, что нормой не является, в какой временной момент, в каких ситуациях и по какой причине она перестает действовать, и как список возможных «обходных» путей соблюдения нормы будет в дальнейшем расширяться. Как полагал К. Шмидт, «правило не доказывает ничего, исключение доказывает все. Оно подтверждает не только правило, но также его существование, которое выводится только из исключения»³¹¹.

По мнению Э. Гидденса, «рефлексивность современной общественной жизни обусловлена тем, что социальная практика постоянно проверяется и преобразуется в свете поступающей информации и таким образом существенно меняет свой характер. ...Все формы общественной жизни частично конституируются самим знанием о них действующих лиц. ...Во всех культурах социальная практика регулярно изменяется в свете постоянно внедряющихся в нее открытий. Нотолько с наступлением эры модернити пересмотр правил настолько радикализуется, что применяется (в принципе) ко всем аспектам человеческой жизни, включая технологическое вмешательство в материальный мир»³¹².

³¹¹ Шмидт К. Понятие политическое // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 36.

³¹² Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999. С. 105.

Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической...

В общественном сознании существуют нормативные образцы, воспринимаемые как желательные, приемлемые или одобряемые бихевиоральные стратегии, аффективные стандарты и когнитивные репрезентации этноповедения. Наблюдение за институциональными изменениями, знание о потенциальной возможности непризнания какого-либо из институтов, их альтернативного использования или расширение сферы применения деконсолидируют этносообщества.

Этносубъекты не обязательно нарушают привычные институты, хотя возможность увеличивается по мере сравнения, оценки, обсуждения и/или ознакомления с новыми этноинституциональными практиками в качестве замены прежних этноинститутов. Если институциональные исключения закрепляются в общественном дискурсе, то для этносубъектов очевидным становится существование индивидов, которые сомневаются в привычных институтах, рассматривают новые институциональные возможности и конструируют институциональные исключения. Правила порождают исключения, а исключения по мере нормативной формализации становятся новыми правилами, и тогда девиантное поведение перестает восприниматься как девиантное.

Лишь зная, что общество считает девиантным, можно понять, что в нем воспринимается «нормальным» и «допустимым». Девиантность подразумевает определенную «чужеродность» группы, выбирающей институциональные практики, отличающиеся от институтов титульного этноса или этнобольшинства.

Отношение к значимым историческим событиям, коррелируемое с этничностью, может восприниматься общественным сознанием как девиантное, когда по этнооснованиям политический режим дискриминирует отдельные этногруппы (например, русскоязычные в Латвии ограничены в 70 правах, включая запрет на профессии адвоката, нотариуса, полицейского, пожарника, спасателя, охранника и пр.). Были этноконструированы специальные категории «неграждан» или иностранцев для лиц, въехавших в страну после 1940 г., чтобы они не смогли участвовать в приватизации и на них не распространялась бы реституция. Одновременно для русскоговорящей общины были установлены высокие лингвистические требования для сдачи экзамена по национальному языку.

За последние 15 лет процент латышей среди населения Латвии вырос на 7%. При существующих темпах натурализации ликвида-

ция института «неграждан» в Латвии и Эстонии займет четыре-пять десятилетий. В основном, число неграждан снижается за счет их естественной убыли. Согласно одному источнику, взгляды, лежащие в основе отношения прибалтийских чиновников к сообществу «поселенцев», суммируются фразой: «Дело совсем не в том, что нам нужно, чтобы вы знали язык, нужно, чтобы вы знали свое место»³¹³.

В этносоциологической литературе подробно описаны стандартные ситуации социальной и правовой дискриминации на основе этноразличий. Появилось даже понятие «налог на цвет» или, точнее, «налог на внешность» – предложение более низкой зарплаты, худших условий труда людям с другой этноидентичностью³¹⁴.

С позиций этноинституционализма, можно утверждать, что этнодискриминационные нормы появляются в результате распада общего института (к примеру, института «равенства всех перед законом») на исключения, в функциональном отношении направленные на редистрибуцию ресурсов (например, административные или государственные должности, которые можно «отобрать» у представителей других этногрупп). В условиях этнодискриминации индивиды с маргинальной этничностью сталкиваются с необходимостью изменять территориальную преданность, принимать новую религию или даже овладевать неродным для них языком, чтобы получить возможность участвовать в общественной жизни этнически враждебного общества, которое может принимать законы, угрожающие им или блокирующие принятие нового законодательства, смягчающего уже существующие межэтнические напряжения.

В демократических государствах дискриминация становится своеобразной «инициацией» (например, институциональное вхождение в еврейство путем специальных религиозных обрядов гиора и длительного изучения еврейских религиозных практик) для мигрантов, стремящихся получить гражданство или постоянное место жительства. Например, в США к мигрантам предъявляют больше законодательных требований, чем к тем, кто стал американцем по «праву почвы». Мусульмане почувствуют «особое» подозрительное отношение к себе уже при прохождении американской таможни. Расширен-

³¹³ Цит. по: *Smith C., Law V., Wilson A., Bohr A., Allworth E.* Nation-building in the Post-Soviet Borderlands: the Politics of National Identities. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 105.

³¹⁴ *Banton M.* Racial and Ethnic Competition. London: Cambridge University Press, 1983.

ное толкование демократических норм объясняется «террористическими угрозами», но терроризм – это только один из поводов для этнодискриминации, поскольку первые этнодискриминационные ограничения появились в Калифорнии еще в конце 1880-х гг. и применялись они по отношению к китайским общинам.

Иногда этнократии обеспечивают повышенные социальные возможности людям иной этнопринадлежности по экономическим или политическим причинам (южноафриканский режим в 1950–1980-е гг. предоставлял некоторые законодательные льготы приезжающим японцам). Такие режимы демократичны по отношению к референтной группе иностранцев, мнение которых важно для международного статуса и/или внешнеэкономических отношений. Этнократические прибалтийские режимы с начала 1990-х предлагали юридические преференции в получении визы жителям Западной Европы, а в Грузии стоимость визы для гражданина России составляла, вплоть до введения транспортных ограничений в 2006 г., в два раза большую сумму, чем для гражданина Новой Зеландии.

Этнократия является тем видом социальной организации, в котором преобладают не институциональные (нормативные) или бюрократические механизмы административного управления, а человеческий, т.е. личностный, механизм управления. При сильной зависимости от харизматических лидеров этнократии могут сохраняться только в условиях постоянного притока внешних ресурсов (как в случае Израиля – со стороны США) либо стигматизации отдельных специально конструируемых субгрупп (в ЮАР – африканцев, в масхадовской Чечне – русского и русскоязычного населения и т.д.).

С точки зрения неоинституционализма, этнократические режимы появляются в тех регионах, в которых складываются соответствующие институциональные предпосылки. Этнократии по институциональной природе являются неустойчивыми политическими режимами – их существование всегда сопровождается политическими кризисами, связанными либо с призывами к мировому сообществу увеличить количество предоставляемых ресурсов (как в Палестине), либо с опасениями, что стигматизируют они не тех и в недостаточном количестве. Причины структурной слабости и недостаточности «инфраструктурного охвата» постсоветских этнократий состоят в излишней концентрации на внешнеэкономических факторах – внутриклановой лояльности, этнической или расовой принадлежности или на прито-

ке ресурсов со стороны – от международных организаций. Этнократиям сложно обрести инновационный характер развития, но количество социальных ресурсов, которыми они обладают, ограничено.

В Соединенных Штатах, как и в Латинской Америке, в XVII–XIX вв. этногенез определялся этнодифференцирующим правилом: чтобы считаться афроамериканцем, достаточно «одной капли черной крови». По мнению А. Дэвиса³¹⁵, функциональным смыслом подобного этнорасового института было рестриктирование возможных изменений в позициях белого большинства, исторической причиной возникновения – наличие женщин-мигрантов европейского происхождения как потенциальных сексуальных партнеров, а психологической основой – европоцентристские стереотипы о необходимости защиты белых женщин от колонизированных мужчин.

Институциональные запреты на «смешанную расу» наряду с экзистенциально существующим страхом белых американцев перед черными, законодательным поощрением браков между белыми и четкими межрасовыми градациями между людьми с различными оттенками черной кожи привели к тому, что афроамериканцы с более светлой кожей чаще назначались на административные посты. Оттенок кожи во многом определял социально-экономический, культурный, лингвистический (в частности, повседневное использование негритянского английского языка «эбоникса») и даже образовательный статус. Социологические опросы³¹⁶ показывают, что представления об идеальной «blackness», например, у жителей Детройта различаются. Примерно 32% черных жителей города предпочитают называть себя «афроамериканцами», 44% называют себя «черными», а 12% относятся к неопределившимся респондентам.

Институциональный распад по этнорасовым критериям стал причиной политического внутриамериканского конфликта в 2007–2011 гг., когда члены племени «Народ чероки» на референдуме внесли изменения в конституцию, установив, что к племени может принадлежать лишь тот, у кого в роду был хотя бы один индеец. Институциональное связывание кровного и расового родства ограничило потомков чернокожих рабов в избирательных правах, возможности получать бесплатное медицинское обслуживание и поступать в уни-

315 Davis A. *Women, Race and Class*. New York: Random House, 1981. P. 31–32.

316 Moleli K.A. *The Afrocentric Idea*. Michigan: Temple University Press, 1987. P. 112–120.

верситеты на льготных условиях. Кроме того, лишенные индейского гражданства индо-афроамериканцы остаются без финансовой поддержки со стороны федеральных властей, которые не облагают коренное население налогами. Похожие этнорасовые противоречия влияют на формирование афроизраильской идентичности.

Некоторые этноинституты в США структурируются по линии этнорелигиозных разломов. За исключением американцев мексиканского происхождения, которые в этноидентификационном отношении придерживаются либо чикано-, либо мексикано-американской идентичности, большая часть американцев-англосаксов принадлежит к среднему классу, с примерно одинаковым семейным годовым доходом и схожими профессиональными видами занятости. Их главным идентификационным критерием является принадлежность к определенной протестантской общине. У некоторых этноконфессиональных групп (например, у мормонов в Юте или амишей в Индиане) идентичность фиксируется в специальных книгах. Доминирование общинных этнических идентичностей объясняет тот факт, что на вопрос «Каково ваше этническое происхождение?» лишь 5% опрошенных отвечают «американец», остальные относят себя к одной из 215 этногрупп³¹⁷.

Другим показательным примером институционального распада этноидентичности по этнорелигиозным критериям являются боснийцы, которые только в 1960-е гг. обрели как общность самоназвание «югославских мусульман». До этого для соседей по региону они были исламизированными славянами – хорватами или сербами с девиантной конфессиональной идентичностью, чей миф о коллективном происхождении отсчитывается с момента их обращения в ислам.

У индусов и цыган институциональный распад происходит по линии этнопрофессиональной (этнокастовой или этноцеховой) направленности (если одна этногруппа цыган, к примеру, занимается изготовлением музыкальных инструментов, то играет на этих инструментах другая группа).

Профессия – это один из ключевых интенциональных факторов, определяющих социальное положение человека в современном обществе. Разные группы цыганских таборов представляют собой профессиональные «специальности». По мнению Э. Эрэйзера³¹⁸, в со-

³¹⁷ *Чертина З.С.* Этничность в США: теория «плавильный котел» // Американский ежегодник. М.: Наука, 1994. С. 160–161.

³¹⁸ *Eraser A.* The Gypsies. London: Blackwell, 1992.

ответствии с этнопрофессиональной самоидентификацией среди цыган выделяются: кальзеры, которые работают по металлу, манули, которые специализируются на дрессировке животных и представлениях, блидари, рудары и мингурари, работающие по дереву, нобаторы – сапожники, косторари – лудильщики, гилабари – музыканты, лаутари – изготовители музыкальных инструментов, местерилакапули – слесари по замкам, салахори – каменщики и строители, ватрали – садовники, златари – ювелиры. Несмотря на условность этнопрофессионального деления, каждая группа считает «истинными цыганами» только себя, и даже браки между ними заключаются редко. Поскольку цыгане практически не интегрируются с другими этногруппами (хотя большая часть российских цыган проживает вокруг крупных городов), межнациональных браков у них немного.

Высокая степень локализации цыган, их низкая адаптированность и относительная замкнутость этноинститутов является одной из причин современных конфликтов цыган с титульным населением Франции, Ирландии, Румынии, Великобритании и т.д.

При этнопрофессиональном структурировании экономически успешная этническая группа с восходящей мобильностью ее членов может адаптировать институты политически и культурно господствующей этногруппы к своим потребностям посредством санскритизации³¹⁴. Санскритизация, когда культурно доминирующая группа открывает институциональные возможности для вступления в нее представителей других этногрупп, облегчает групповую мобильность даже в иерархической системе с «доминантной кастой». В этнокастовой системе этногруппы разделены на «высшие» и «низшие». Этническими аутсайдерами являются, например, «буракумины» в Японии. Это потомки исторически сложившихся и имеющих «непрестижную» социальную репутацию каст «грязных» профессий. В частности, мясников, могильщиков, мусорщиков, которые по применяемым к ним дискриминационным правилам напоминают «неприкасаемых» в Индии.

У многих этногрупп институциональный распад происходит по конфессиональным критериям. К примеру, в XVIII–XX вв. важным фактором армянской этносамоидентификации была близость к Армянской апостольской церкви. Армяне идентифицировали себя с армянством в основном через религию, поэтому иногда происходи-

ла ассимиляция армянами других этногрупп. К примеру некоторые крымские татары приняли армянскую веру³²⁰.

Субармянские идентичности структурировались на основе девиантной религиозной принадлежности. Как указывают этнографы, «между ними существовал довольно сильный антагонизм... отсутствие гостеприимства, нелюбовь к чистошлотной жизни, весьма свободные отношения полов, полная раздробленность всех хозяйств – вот те черты, которыми григориане всегда отмечают армян-католиков...»³²¹.

Для этногрупп-католиков (мшеци, велогузи, арвинцы и др.) заменялись экзотонимы «франки», «франги» или «фиренги». Иногда армянская идентичность использовалась как синоним для «христианской» идентификации (например, в случае армян-греков или цгов), а мусульманская принадлежность заменяла тюркскую («турецкую») идентичность.

На рубеже XIX–XX вв. произошла частичная замена этноконфессионального этнолингвистическим институциональным паттерном. Как указывают этнографы³²², в некоторых селениях им сообщали, что местные жители говорят на «христианском языке», и в зависимости от используемого языка они характеризовали как свою группу, так и другие сообщества.

В современном армянском этносе выделяются локальные группы, для которых армянский язык не является устойчивым элементом идентификации или армянский язык которых, как они полагают, «испорчен от долгой жизни вне родины», поскольку в ходе исторического развития они оказались в периферийной изоляции от общеармянского этнокультурного ядра:

1. Донские, или новонахичеванские, армяне³²³, которые использовали в торговой сфере тюркские языки. Ряд заимствований из них перешли в их армянский диалект. Современные городские донские армяне (а также городские армяне, проживаю-

³²⁰ Волкова Н.Г. О расселении армян на Северо-Западном Кавказе до начала XX в. // ИФЖ. 1966. № 3. С. 268.

³²¹ Акимов В.Н. Свадебные обычаи ахалцихских армян // Этнографическое обозрение. 1989. № 1. С. 43.

³²² Bryer A. Some Notes on the Laz and Tzan (II) // Bryer A. Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus, 800–1900. London: Variorum Reprints, 1988. P. 167.

³²³ Тер-Саркисянц А.Е. «Донские армяне»: тенденции этнокультурного развития // Диаспоры. 2000. № 1–2. С. 98–119.

щие в других регионах России)³²⁴ даже в домашнем общении чаще используют русский, чем армянский, а сельские продолжают общаться в основном на армянском языке. При длительном общении с русским населением в традиционной культуре городских армян появились многие аккультурационные заимствования из русской кухни, архитектуры, одежды, произошло лингвистическое приспособление армянского к русскому языку на разговорном уровне.

2. Эдессийцы³²⁵ (также эдиссийцы, бизымча, едессийцы и пр.), название которых происходит от села Эдессия Курского района Ставропольского края, где они проживают. Они используют тюркский этнолект, который относится к огузской группе.
3. Карабахские армяне, которые общаются и на армянском, и на азербайджанском языках. В их языковом коде большое количество азербайджанских слов.
4. Армяне Джавахетии, говорящие на армянском и грузинском языках³²⁶.
5. Черкесогаи (т.е. эрмелы, черкесские или горские армяне), в этногенезисном и языковом смешении которых приняли участие греки, армяне и адыги. Некоторые из этих групп, испытывая процессы черкесизации на культурном уровне, даже принимали «армяно-григорианскую» веру³²⁷. Среди части южнороссийских городских черкесогаев столь сильно распространился русский язык в качестве повседневного, что они часто причисляют себя к русским.
6. Джаникейцы, самоназвание которых является топонимическим и которые, проживая в современной Турции, используют в повседневной речи турецкий язык.
7. Амшенские армяне (амшенцы), говорящие на хемшинском языке³²⁸ и проживающие в восточных районах современной Абхазии, Турции и Юга России.

324 Бредникова О., Чикадзе Е. Армяне Санкт-Петербурга: карьеры этничности // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга / под ред. В. Воронкова, И. Освальд. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 227-259.

325 Эдессия. Страницы истории. М.: Наука, 1993.

326 Абрамян Л. Армения и армянская диаспора: расхождение и встреча // Диаспоры. 2000. № 1-2. С. 56.

327 Харатян Г.С. Черкесогаи. Историко-этнографическое исследование. Л.: Наука, 1984.

328 Торлакян Б.Г. Этнография амшенских армян // Армянская этнография и фольклор. Исследования и материалы. Ереван, 1981. Вып. 13.

8. Некоторые субгруппы не знают армянского, а используют языковую интерференцию турецкого, курдского и русского. Это хемшилы, среди которых выделяют баш-хемшилов, проживающих в Турции и говорящих по-турецки, а также курдоязычную группу курдо-хемшилов³²⁹. Среди хопа-хемшилов, проживающих в Краснодарском крае как беженцы из Средней Азии, турцеванский вариант хемшилского диалекта несколько отличается от ардылейского и считается более «правильным». Смешанные браки между представителями этих групп не одобряются³³⁰. Институциональная разобщенность хемшилов препятствует созданию у них единых культурных и правозащитных организаций.

Согласно этнографическим данным, в Иране проживают субэтногруппы ираноязычных армян-мусульман. Их считают частью армян-татов. Это субэтнос с армянской идентичностью, также дисперсно расселенный в Азербайджане и России³³¹. Среди татов-мусульман используется азербайджанский язык. Они во многом утратили татский язык, традиции и самосознание. У проживающих в Иране армянская идентичность выражено присутствует только у старших поколений (у них армянские имена и фамилии), молодые люди чаще отождествляют себя с иранцами³³². С иранцами отождествляют себя также даглинцы, лахиджцы, парси, хызинцы и другие этногруппы персов Закавказья.

Институциональные исключения распространяются в основном теми группами, которые проживают физически и культурно в трансграничном социальном пространстве. Так, именно солдаты, использовавшие французский в годы Первой мировой войны и продолжавшие говорить на нем по возвращении на родину, повлияли на упадок бретонского языка³³³ и снижение численности бретонцев.

³²⁴ Кузнецов И.В. Турки-хемшилы или исламизированные армяне? // Диаспоры. 2000. № 1–2.

³³⁰ Шахназарян Н. Дрейфующая идентичность: случай хемшилов (хемшинов) // Диаспоры. 2004. № 4. С. 85–104.

³³¹ Семенов М. Кавказские таты и горские евреи. Казань: Изд-во Казан, гос. ун-та, 1992.

³³² Atabaki T. Azerbaijan: Ethnicity and Autonomy in Twentieth-century Iran. London and New York: British Academy Press, 1993.

³³³ Kuter L. Breton Identity: Musical and Linguistic Expression in Brittany, France. Ph.D. Dissertation. Bloomington: Indiana University Press, 1981.

Использование иного языкового паттерна осознается традиционными сообществами как отклонение от нормы владения родным языком или даже как грех – в религиозных терминах. К примеру, турки Артвинского региона, которые использовали «христианский» язык в общении с этнографами, понимали, что совершают недопустимый поступок, разговаривая на родном для себя «языке гяуров». «Лингвистическая конверсия» сопровождалась сменой идентичности и переходом из армянской среды в турецкое сообщество³³⁴. В XIX в. именно богатые и влиятельные слои населения (например, у понтийских греков или лазов) выражали неудовлетворение нативным языком.

Оставаясь в семантическом пространстве «материнской» культуры и ее «морального мира», в процессе институционального распада субэтногруппы (наподобие армян-зоков, цатов или «армян-дервишей» тумбульцев) лингвистически отделяются от прежнего этноса, «принудительно-добровольно забывая родной язык»³³⁵. Высокая степень языковой ассимиляции (так, примерно половина российских карел родным считает русский язык³³⁶) сопровождается этноидентификационной мимикрией.

Сохраняя некоторые институты как пережитки обычаев, стереотипов, нутрициональных предпочтений, демографических паттернов, традиций «материнской» этнокультуры, этносубгруппы адаптируются среди чуждого им этнокультурного большинства или скрывают институты, которые оставляют четкий идентификационный след. Так, социологические опросы, проведенные среди русских жителей Таджикистана, показали, что они четко осознают свою инаковость от русских, проживающих в России. Они формируют особую субкультуру, которая является девиантной как в России, так и в Таджикистане³³⁷. По мнению ученых, этнические русские Центральной Азии «оказались достаточно восприимчивы к традициям и обычаям окружавших их народов». По сравнению с русскими, проживающими в России, они

³³⁴ *Bryer A.* Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus, 800–1900. London: Variorum Reprints, 1988. P. 24–25.

³³⁵ *Ким Г.* Об истории принудительно-добровольного забвения родного языка корейцами Казахстана // Диаспоры. 2003. № 1. С. 136.

³³⁶ Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов // Южный федеральный округ. 2001. № 1. С. 85.

³³⁷ *Олимова С.* Этнополитическая ситуация в Таджикистане и ее влияние на миграционное поведение // Центральная Азия. 1997. № 6 (12). С. 47–48.

меньше пьют и гораздо гостеприимнее³³⁸. Этносоциологами был даже предложен этноним «русскодумающие»³³⁹.

Как указывают мигранты-армяне в Ростовской области³⁴¹, «чем дольше [они] живут, тем меньше остается армянской культуры в каждомдневном быте. Армянское остается только в этикетке – на свадьбах, похоронах... это очень плохо, что тут нет армянской школы и мы не учим язык, а нет языка – нет культуры и нет народа» (за последние годы в нескольких школах Ростова-на-Дону началось факультативное преподавание армянского языка).

Ростовские социологи также отмечают, что почти для 70% респондентов этническая принадлежность «значима» и «очень значима», и каждый третий указывает на несовместимые нормы и правила поведения, а также различные нормы поведения в быту как на наиболее частый источник межэтнической напряженности.

Периферийные группы с двойственным и/или пограничным этносамосознанием стигматизируются, поскольку в общественном сознании этнобольшинства сохраняются негативные и пренебрежительные стереотипы их идентификационной связи с «материнской» этногруппой. Например, цыгане-армяне (гнчу, лом, магагордз, боша), проживающие в Армении, обладающие армянским самосознанием, армяно-григорианской верой, использующие армянский язык в повседневном общении и испытывающие патриотические чувства к государству, часто выражают недовольство, что их по-прежнему сравнивают с предками, занимавшимися каким-либо цыганским ремеслом³⁴¹. Существует экзоним для потомков межэтнических браков «шуртувац гай» – «перевернутый армянин». В России они практически не знают армянский язык, не следуют армянским обычаям, но могут носить армянские фамилии. Молодежь чаще всего владеет разговорной речью с усеченной лексической базой и не владеет письменностью³⁴².

³³⁸ Ротарь И. Другие русские // Независимая газета. 1993. 2 июня. С. 8.

³³⁹ Saidov A., Utamsky Y. The Factor of Polyethnicity in Uzbekistan, Security Challenges, Human Rights and Development Potential. Tashkent: Tashkent University Press, 1998. P. 47-48.

³⁴⁰ Социологический опрос проведен сотрудниками Центра прикладных социологических исследований Педагогического института Южного федерального университета. См.: Денисова Г С. Конфликтогенность социокультурного пространства Ростовской области. Ростов н/Д, 2007. С. 147-148.

³⁴¹ Восканян В. Индо-иранские этнические группы в Армении: армянские цыгане (боша) // Россия – Армения – Иран. Диалог цивилизаций. Материалы междунар. науч. конф. Ереван: Изд-во ЕГУ 1999.

³⁴² Армянские диаспоры Юга России: социологический портрет и проблемы идентичности. Научный отчет. Ростов н/Д: ЮРФИС РАН, 2010. С. 42-43.

Стигматизированной группой являются и проживающие в российских городах зоки, поскольку остальные армяне сохраняют негативные социально-психологические представления об их еврейском происхождении.

Институциональная разобщенность не позволяет соединиться в нацию слабо интегрированным этногруппам курдов. Их политические проблемы состоят не только в принадлежности к разным государствам, но и в конфессиональной разобщенности на суннитов, шиитов, христиан, иудеев, езидов и последователей других региональных религиозных сект, а также в разделенности курдского языка на несколько диалектов (основные среди которых курманджи и сурани). Этнолингвистические бимодальные различия усугубляются тем, что курды в Турции еще в 1930-е гг. приняли латинский шрифт для написания, в то время как курды в Ираке и Иране используют адаптированную арабскую письменность. Институциональной разобщенностью курдов объясняется тот факт, что в Азербайджане в ходе переписи 1999 г. лишь 48,9% курдов отметили в качестве родного курдский язык. Это самый низкий показатель среди этногрупп Азербайджана, во многом делающий понятной постепенную ассимиляцию курдов. Ассимиляция курдских этногрупп происходит и в современной Турции, где в официальных переписях их называют «горными турками»³⁴³. Схожие процессы ассимиляции наблюдаются и среди месхетинских турок в Азербайджане, использующих только азербайджанский язык³⁴⁴.

На критериях этнолингвистической фракционализации и дифференциации основывается «грузинскость». С начала 1990-х гг. государственные власти предполагали, что «хороший» грузин должен говорить на родном языке, и он и/или его родители должны были жить в Грузии в досоветское время. Те, кто под это описание не подходил, в частности языковые меньшинства (говорящие на русском, азербайджанском и армянском языках), оказались фактически аутсайдерами политической жизни. В период политики централизации З. Гамсахурдия (1990–1992 гг.) они рассматривались как «гости», высылка которых на «историческую родину» зависела от любого поступка, ко-

343 Мелконян Р. Об актуальных проблемах черкесов Турции // Южнороссийское обозрение. 2011. № 69. С. 176–181.

344 Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах / Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 2001. С. 299–301.

торый власти могли бы квалифицировать как «неподходящий». Даже просто разговоры о возможности предоставления политических и коллективных этноправ группам другого этнонационального происхождения рассматривались как «антигрузинские».

В число коренных жителей Грузии были включены, к примеру, кисти – группа грузиноговорящих мусульман чеченского происхождения с грузино-звучащими фамилиями и грузинской самоидентичностью. В северных горах Панкийского ущелья их насчитывается несколько тысяч. К числу других групп коренных жителей власти Грузии относили феридуинов, которые в XVII в. уехали в иранскую провинцию Феридун и в 1970-е гг. начали возвращаться в Кахетию и Тбилиси.

Этноцентрическая политика грузинского правительства проходила под националистическими лозунгами «богоизбранности грузин», «недоразвитости осетин и абхазов», «национального превосходства» грузин над другими народами бывшей Грузинской ССР. Грузинская этнополитика приняла форму этноаффинирования. Она индегенизировала субэтнические и субрегиональные диалекты, вытесняемые на обочину социально-политической жизни как языки бытового общения локальных групп. Политика формирования «грузинскости» и излишнее подчеркивание картвельских ценностей благопритествовала только некоторым этническим группам в ущерб демократическому этнокультурному и идентификационному плюрализму. Этнические грузины – картвелы рассматривались как самые лояльные граждане.

Лояльными считались ингилойцы, говорящие на восточных диалектах грузинского языка. Часть из них исповедует ислам, а часть христианство. Носителей ингилойского самосознания насчитывается свыше 10 тыс. человек в нескольких районах Азербайджана: Гахском (7,5 тыс. человек), Закатальском (3 тыс.) и Белаканском (2 тыс.). При 3. Гамсахурдии ингилойцы рассматривались азербайджанским правительством как фактор возможных территориальных притязаний Грузии на земли, заселенные ими, использование их «бесправного положения» в Азербайджане для дискриминации азербайджанцев в Грузии, а также для усиления грузинского влияния и антиазербайджанских настроений среди ингилойцев.

Как менее лояльные воспринимались двуязычные группы мегрел и сванов в Западной Грузии. Потенциальная политическая нелояльность рационализировалась этноисторическими аргументами. Особые подозрения вызывали этноменьшинства, которые в совет-

ское время обладали автономным статусом, определенными экономическими ресурсами и административными привилегиями и, следовательно, могли бы выступить против унитарной модели нации-государства. Правами армян и азербайджанцев, жителей Абхазии и Южной Осетии грузинские власти пренебрегали. Этноменьшинства отреагировали ревитализацией этноцентризма, что привело к взаимной этнической чистке в Абхазии и центральных регионах Грузии в 1991–1992 гг.

Институциональный распад нормы, по которой «члены этногруппы должны говорить на этническом языке», в этнолингвосоциальных процессах связан с изобретением новых слов (посредством конструирования «раззолоченных» или «мертвых» языков), приданием иных значений и семантических отношений между словами и объектами, а также использованием особых грамматических средств (например, глаголов) для этнодифференцирующего маркирования.

Важность языковой нормы Э. Сепир³⁴⁵ охарактеризовал следующим образом: «"Он говорит как мы" равнозначно утверждению "Он один из наших"». По мнению ученого, «реальный мир» строится на языке как инструменте воспроизводства и выражения идей. Он придает им форму, является программой и ориентиром деятельности, поскольку люди выступают как участники подразумеваемого соглашения, которое кодифицируется в языковых паттернах. Э. Сепир считал, что для сохранения коммуникационного единства этногруппе нужно полагаться на общий код, который является основным способом артикуляции в политической и культурной борьбе между группами, но который она почти не может контролировать.

Эта точка зрения была дополнена в 1970–е гг. социальными лингвистами, по мнению которых лингворазличия влияют на границы между контактирующими группами. «Язык коннотативен, а не денотативен, и функция его состоит в том, чтобы ориентировать ориентируемого в его собственной когнитивной области, а не в том, чтобы указывать ему на независимые от него сущности»³⁴⁶.

А. Бах отмечает: «Простое рассуждение и повседневный опыт показывают, что носителем сколь-нибудь единого диалекта всегда яв-

345 Сепир Э. Коммуникация // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 2001. С. 21.

346 Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1996. С. 213.

ляется определенный коллектив отношений. Там, где группы людей, говорящих на одном языке, разъединены, речь обособившихся объединений приобретает, в конце концов, свои характерные черты»³⁴⁷. Лингвоэтническая дифференциация возрастает при увеличении территориального расстояния между этногруппами и ослаблении языковых связей. «Если в один прекрасный день, – писал А. Мартине, – граждане Советского Союза откроют обсерваторию на Луне, то едва ли возникнет особый лунный диалект русского языка, при условии, конечно, что между Луной и Землей будет поддерживаться постоянная связь»³⁴⁸.

Этнолидеры, политические и экономические элиты воспринимают язык как источник идентификационной санкционированной связи с этноценностями и основу дискурсивной власти. При отсутствии общего кода, нормы или операционных правил люди часто не могут понять друг друга или выразить чувства, даже зная слова и грамматические правила. Контролирующие каналы коммуникации находятся в благоприятном положении в плане контроля над институциональными исключениями. «Все наименования, – подчеркивал Д. Спендер, – это своего рода вынужденная предубежденность, а сам процесс наименования есть процесс кодирования этой предубежденности, выбора того, на что нужно поставить особый акцент, и того, чем можно пренебречь на основании "строгого использования заранее предопределенных материалов"... Однако сложность возникает фактически тогда, когда одна группа имеет монопольное право на наименования и способна навязывать свое особое предубеждение любому... Когда одна группа имеет монополию в словообразовании, ее предубеждение может отразиться в семантике имен, которые она создает, и эти "новосозданные" имена помогают сохранить и закрепить заложенное в них первоначальное предубеждение»³⁴⁹.

Поскольку в основании институтов лежит именно тезаурус³⁵⁰, национальные государства, наряду с армией, централизованной системой

347 Цит. по: *Степанов Г.В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976. С. 16.

348 *Мартине А.* Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. 1963. № 3. С. 512.

349 *Спендер Д.* Мужчина создал язык // Введение в тендерные исследования. Хрестоматия. Ч. 2. Харьков; СПб.: Алетейя, 2001. С. 781–782.

350 *Зотов В.В.* Тезаурус как вербальное основание социальных институтов // Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик: материалы II междунар. науч. конф. Ч. 1 / науч. ред. Р. К. Боженкова. Курск, 2009.

образования, секуляризованной политической системой, конструируют и национальный язык. О значении языка в формировании нации упоминали представители немецкого Просвещения. Г. Фихте неоднократно подчеркивал, что отделение жителей Пруссии от остальных немцев искусственно, поскольку их объединяет общий язык. Используя язык как лозунг для объединения Германии, И. Г. Гердер говорил о приравнивании языка к народу³⁵¹. Для формирования нации управленческая и научная элита конструировала литературный немецкий язык в противоположность французскому, который был языком образованных людей того времени.

Национальные государства, как указывает Э. Хобсбаум, формируют национальные языки³⁵². Именно французский язык связал разделенную этнолингвистическими критериями Францию (на бретонский, лангедок и фламандский, немецкий и итальянский языки) воедино.

Контроль над возможностями пользоваться в повседневном общении этноязыком подразумевает возможность через язык противостоять культурной экспансии других этнических групп. Во Франции в XX в. основным проводником этнолингвистического пуризма стала Французская академия. Образовав лингвистические комиссии по сохранению чистоты языка, она занялась борьбой с франгле (деловая смесь английского и французского) путем изобретения соответствующих языковых эквивалентов.

Конструируемый национальный язык всегда отличается от языковых норм, используемых теми же этногруппами, проживающими в других регионах. Например, по сравнению с западногерманскими диалектами, развивавшийся относительно автономно немецкий язык в ГДР не был подвержен американизации. Национальный язык заменяет локальные языковые нормы постулируемыми на дискурсивном уровне общими языковыми маркерами.

Этнолингворазличия являются источником реартикуляции, рерационализации и рекодификации бихевиоральных норм «идеального» этноповедения. Они отражают особенности межэтнической коммуникации и повседневной практики. Различия между этнолингвоинститутами определяют жесткость этнограниц, очерчиванию ко-

³⁵¹ Гердер И. Г. Идеи философии истории человечества: в 4 т. / пер. с нем. М.: Наука, 1977. С. 297.

³⁵² Хобсбаум Э. Нации и национализм. СПб.: Алетей, 1998. С. 23.

торых способствуют институциональные интерпретации, реинтерпретации, дискурсивные практики и «языковые игры». Тем самым «интерпретации играют центральную роль в конструировании этнических и национальных идентичностей»³⁵³.

Институты, по мнению А. Стинчкомба³⁵⁴, невозможны без сильной моральной основы и внутренней обеспокоенности социальных агентов по поддержанию институциональных стандартов. Дискурсивная власть «центральной личности»³⁵⁵, за которой следуют остальные, состоит в определении того, какой институт необходимо применить или сообщить о его появлении, а какой отклонить или замалчивать. Новые институты создают новый образец и модель восприятия окружающего мира, других этногрупп и событий, которая обладает властью «миросоздания» и «мироразрушения»³⁵⁶.

По образному выражению Т. С. Элиота, «слова в речи нередко гнутся, ломаются и трескаются под давлением»³⁵⁷. Используя «старый» язык и прежние дискурсивные интерпретации вынуждены осознавать собственную иррациональность и чуждость. Они не просто выражают другое мнение, соглашаются или не соглашаются с общепринятыми нормами. Они не компетентны в глубоком дискурсивном смысле, поскольку не используют «новый» язык и не понимают «чужую» истину. Подобную форму дискурсивной власти социологи, в традициях П. Бурдьё, называют «символическим насилием», которое осуществляет «коллективный интеллект» в контексте «референтного информационного влияния»³⁵⁸, минимизирующего воспринимаемые различия внутри группы и максимизирующего различия между этногруппами.

Этничность представляет собой набор этноинститутов, которые отражают нормативные представления об идеальном поведении чл-

³⁵³ Ross M.R. Culture and Identity in Comparative Political Analysis // Comparative Politics, Rationality, Culture and Structure / ed. M. I. Lichbach and A. S. Zuckerman. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 190.

³⁵⁴ Stinchcombe A.L. On the virtues of the old institutionalism // Annual Review of Sociology, 1997. 23. P. 1–18.

³⁵⁵ Elwert G. Switching of We-Group Identities: The Alevis as a Case Among Many Others // K. Kehl-Bodrogi et al. (eds.), Syncretistic Religious Communities in the Near East. Leiden: Brill, 1997. P. 65–85.

³⁵⁶ Goodman N. Ways of World-making. Indianapolis, IN: Hackett, 1978.

³⁵⁷ Элиот Т. С. К определению понятия «культура». М.: Наука, 1968. С. 24.

³⁵⁸ Terry D.J. and Hogg, M.A. Group norms and the attitude-behavior relationship: A role for group identification // Journal of Personality and Social Psychology, 1996. 22. P. 776–793.

Глава 3. Воспроизводство этноинститутов, институциональный распад и этногенез

нов этногруппы. Этноинституты указывают, что для них является допустимым и/или недопустимым.

С неонституциональной точки зрения, этноконфликты являются следствием несогласия одной или нескольких этногрупп с институтами друг друга. Различные институты провоцируют этноконфликты, которые вызываются фактом их «разности» и непохожести даже при отсутствии открытой враждебности между этническими сторонами. К примеру, американские этносоциологи обнаружили, что в индусском обществе нормативный идеал «хорошего индуса» или «хорошего мусульманина» подразумевает обладание всеми отрицательными качествами, которые одна группа приписывает другой³⁵⁹.

Основываясь на используемом этноинституциональном подходе, этноинституты можно представить как:

1. Институты границ (кто входит в состав этнической группы, кто потенциально может войти, а кто совершенно точно должен быть исключен). Институты границ отвечают за «фейс-контроль», который осуществляет этносообщество по отношению ко всем другим группам.

2. Институты сферы деятельности («допустимые» и «недопустимые» сферы этнической деятельности, часто воплощаемые в виде этнической экономики).

3. Процедурные институты (включая этнолингвоинституты, в особенности коммуникационные правила использования того или иного языкового кода для общения между «своими» и между «своими» и «чужими»),

4. Информационные институты (правила информирования этносообщества о ключевых событиях и возможных когнитивных и эмоциональных реакциях на них).

Принятые в этнообщности дескриптивные и прескриптивные институты представляют собой механизм социального наследования с аккумулирующимися сложными бихевиоральными паттернами, которые с детства воспринимаются как важный жизненный код. Хотя, как указывает Р. Дарендорф³⁶⁰, интерпретации принятых стандартов могут быть различными, члены этногруппы в ходе социализа-

³⁵⁹ Goldschmidt W., Foster C., Essene F. War stories from Two enemy tribes // The Journal of American Folk-Lore. 1939. Vol. 52. P. 204.

³⁶⁰ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5. С. 142–147.

ции усваивают правила речи на определенном языке, употребления определенной пищи, пения определенных песен, проявления схожим образом «дистрибуций подавления»³⁶¹, когда чувства, эмоции и переживания, приемлемые в одной этнокультуре, выглядят странными и неподходящими в другой.

По мнению социальных психологов³⁶², в общественном сознании этногрупп различаются представления о возможных эмоциональных экспрессиях, в особенности интернализированных и подавляемых. К примеру, на Западе не принято расспрашивать родственников об усопшем, чтобы не печалиться и не ранить их чувства. В некоторых восточных этногруппах (к примеру, среди филиппинцев) доминирует противоположное поведение: там принято напрямую расспрашивать и вызывать слезы у родственников, чтобы помочь им справиться с горем.

Этноидентичности не обладают деформационной устойчивостью и пластичностью. Формирующие их этноинституты подогнаны друг к другу так, что для нормального функционирования этноидентификационной системы необходима их неизменяемость. В трансформационной среде культурное и языковое давление других этносов усиливается, институциональные связи ослабевают, а идентификационные системы даже в социально стабильной среде становятся хрупкими.

Институциональный распад начинается в результате роста дефолтных правил в языковой и религиозной сфере. Как адвокаты, которые используют ситуационную вариативность, потенциальную возможность переоценки и стараются «зацепиться» за любую двусмысленность, предоставляемую нечеткими и размытыми нормативными формулировками, этносубъекты, расширяя круг «смягчающих» обстоятельств неисполнения норм, выбирают правила, воспринимаемые большинством как девиации.

Рост числа девиантных этноправил расширяет сферу нормативной допустимости и заставляет переоценить общепринятые традиции. Следствием роста числа девиантных этноправил и их взаимного усиления является развитие сначала ситуационной, а затем категори-

³⁶¹ *Devereux G.* From Anxiety to Method in the Behavioral Sciences. The Hague: Mouton Press, 1968.

³⁶² *Smith E.R.* Social Identity and Social Emotions: Toward New Conceptualizations of Prejudice // Mackie D. M. and Hamilton D. L. (eds.). Affect, Cognition, and Stereotyping: Interactive Processes in Group Perception. San Diego: Academic Press, 1993. P. 297–315.

Глава 3. Воспроизводство этноинститутов, институциональный распад и этногенез

альной идентификационной девиантности. В поведении индивидов, а затем в их самосознании появляются дислокационные разрывы с доминирующими этноинститутами. При росте трансформационных этносоциальных противоречий дефолтные правила, первоначально кажущиеся хаотичными и присутствующие в институциональной решетке этноидентичности, объединяются в общественном сознании в этносубгрупповую девиантизированность.

Дальше происходит расширение «смягчающих» обстоятельств, пока точное исполнение института или институтов, первоначально воспринимаемых как норма, не становится фактически исключением. «То, что люди считают истиной, не изменяется или, по крайней мере, не изменяется сильно. Изменяется способ восприятия. Где раньше была вера, теперь объяснения, и не очень убедительные, там, где раньше было официальное мнение, теперь гипотезы, и довольно неточные. Прямого скептицизма или даже недоверия не много, зато возрастает самообман»³⁶⁵.

Этничность конструируется на основе норм этноповедения, которые подчиняются закономерностям институционального распада. Эти исключения, первоначально представляя собой дефолтные ситуационные правила, обсуждаются в дискурсивном пространстве интеллигенцией, учеными и политиками с тем, чтобы исключить радикальные институциональные варианты и/или пересмотреть отдельные элементы привычных институтов.

Если локальная общность в качестве бихевиоральной основы выбирает схожие институциональные исключения, в соответствии с которыми решаются вопросы членства, языка, распределения имеющихся ресурсов и т.п., то формируется этносубгруппа. Формирование этносубгруппы – важный элемент институциональной элаборации этноса. Индивиды, входящие в субэтнос или связанные с ним, становятся значимыми «агентами приспособления»: они интерпретируют старые этноинституты в контексте новых этносоциальных требований и конструируют порядок приспособления к ним.

Институты прежней этничности не соблюдаются, когда лояльность к ним становится автономной, ситуационной и дискретной. Когда существование новых институтов объясняется историческими

³⁶⁵ Geertz C. Islam Observed: Religious Development in Morocco and Indonesia. Chicago: University of Chicago Press, 1971. P. 17.

причинами, то ссылки на институциональные исключения становятся не ситуационными или конвенциональными с точки зрения повседневного удобства и рационализированного использования, а культурными и идентификационными. Институциональные девиации нормализуются и становятся приемлемыми. Это препятствует дальнейшей дедифференциации этносубгруппы, увеличивает сопротивление ее возможной ассимиляции и становится источником конфликтов с основной частью этноса.

Этногруппы не могут внезапно исчезнуть или появиться, их генезис частично сохраняет культурные, языковые и/или религиозные связи с прежними сообществами.

Этногенез происходит на основе унаследованных этнобихевиоральных паттернов. Институциональная связь этногрупп с их предками прослеживается на культурном, языковом и территориальном уровнях и уходит в глубину веков. Фактически этногруппы не могут точно определить истоки возникновения своих обычаев и норм, хотя у всех этносов детально разработаны этноисторические мифы о прошлом.

Апробирование этноинститутов, их длительная практическая проверка, естественная «утряска», «обкатка» увеличивают потенциальную применимость. Использование этноязыка в межгрупповом общении и/или соблюдение культурных традиций происходит с минимальными когнитивными затратами. Обыденность этноинститутов свидетельствует об успешности этноинституциональной трансмиссии, т.е. кросс-генерационной передачи этноинститутов, так, чтобы их этномаркерная нормативность не оказалась полностью утраченной или деформированной.

Кросс-генерационная трансмиссия должна подкреплять институциональные паттерны. На трансмиссию институтов влияет сила, с которой новые члены разделяют групповые убеждения и интерпретационные рамки. Чем более дифференцированными являются новые члены группы, тем больше ресурсов тратится для трансмиссии институтов. Кросс-генерационная трансмиссия должна затронуть несколько поколений, чтобы социальные представления об изначальной девиантности групповой идентичности оказались утраченными, забытыми или, по крайней мере, выведенными из активного общественного дискурса.

Высокая степень трансмиссиабельности этноинститутов – основной институциональный критерий отличия этничности от других идентификационных форм структурирования социальной жизни людей. Очевидны сложности с генерационной передачей профессиональной идентичности, несмотря на то, что традиционно существует определенная преемственность в ограниченном круге профессий (например, среди военных). Но при четком идентификационном закреплении профессий за конкретными группами и возникновении кастовости идентификационное профессиональное пространство неизбежно этнизируется.

Этничность институционально укрепляют любую социальную идентификацию. Чтобы сохраниться, группы должны принимать новых членов, каждый из которых, идентификационно самоопределяясь, привносит свою трактовку социальной реальности и свое отношение к соблюдению и возможным нарушениям групповых норм. Если трансмиссии идентичности практически не происходит, поскольку институты являются сложными, запутанными или слабо связанными с изменившейся реальностью и непонятными для новых поколений, т.е. если увеличение списочной численности группы происходит в основном за счет притока новых членов, а не за счет социализации и наследования, то идентичность не этнизируется.

Как показывают институциональные исследования³⁶⁴, число сторонников новой идентификации вначале медленно возрастает, затем происходит скачкообразный подъем и постепенное снижение. Этот эмпирический феномен объясняется следующим образом: именно групповая плотность является ключевым институциональным индикатором формирования новой идентичности. Новая форма идентичности рассматривается как легитимная и естественная самоорганизация только параллельно росту «групповой плотности»³⁶⁵ (хотя и не всегда верно приравнять численное доминирование и легитимность). В этом отношении немногочисленность этногрупп создает им серьезные проблемы с легитимностью. Когда приверженцев этнопринадлежности немного, сложно объяснить представителям других эт-

³⁶⁴ Powell C. B. *Contemporary Democracies: Participation, Stability, and Violence*. Cambridge: Harvard University Press, 1982.

³⁶⁵ Baum Joel A. C. and Powell W. W. *Cultivating an institutional ecology of organizations: Comment on Hannan, Carroll, Dutton, and Torres* // *American Sociological Review*. 1995. 60. P. 529–538.

носов, почему идентичность является «естественной» и «исторически укорененной» в этнокультурный ландшафт территории.

Хотя формирование сленга и обычаев у субкультурных групп геттоизирует их в общественном мнении, исходя из институциональных критериев, очевидна искусственность идентификации новых социальных движений. Орки, гоблины, скифы, сарматы, джедаи, эмо и пр. не являются этногруппами, несмотря на то, что, к примеру, джедаи во многих странах официально признаны новым конфессиональным направлением, а в Великобритании, Новой Зеландии, Канаде и других странах джедаями себя считают сотни тысяч человек.

Однако у подобных идентификационных групп отсутствует институциональная связь с прошлым. Они представляют собой продукт рационального конструирования интеллектуалов (писателей, блогеров, общественных деятелей) в чистом виде. Хотя у них присутствуют основные институты (принятие в группу новых членов, приоритет общения на внутригрупповом «языке» во внутригрупповых интеракциях, мониторинг и контроль над поведением членов группы и тд), характерные для реальных этносов, отличительные маркеры в историческом плане «провисают» в воздухе. Невозможно определить, у какой этногруппы они были заимствованы. Также нельзя установить, на каком основании и в какой момент произошла девиантизация этих институтов. Отсутствие наследуемых эстафетных паттернов, лакуны в институциональной памяти и слабость институциональной трансмиссии ставят под сомнение способность подобных групп самовоспроизводиться в кросс-генерационном измерении.

Тем не менее возможно формирование субэтногрупп, у которых, к примеру, в доминирующую австралийскость как ключевую этноидентификацию добавятся отдельные конфессиональные и псевдоконфессиональные компоненты по линии институционального распада: буддисты, австралийские буддисты, австралийские буддисты-джедаи. Если произойдет якорение существующей этноидентичности с новыми постмодернистскими идентификациями, если сформируется конвенционально приемлемый идентификационный гибрид и его трансмиссия на протяжении нескольких поколений завершится удачно, сформируются субэтногруппы, у которых «джедаискость» станет институциональным маркером.

Этногенез зависит от успешной институциональной трансмиссии новых правил и их закрепления в общественном дискурсе. Эт-

Глѐз 3. *Воспроизводство этноинститутов, институциональный распад и этногенез*

носообщество появляется, когда в реинтерпретации этнореальности возникает общественная договоренность по поводу институтов и неформализованных исключений. Этногенез завершается, когда институциональные различия между этногруппой и ее соседями в ожидаемом социализированном поведении становятся заметными для внешних наблюдателей. Этноидентичность кристаллизуется в социальных интеракциях в момент дедевиантизации в общественном сознании связанных с ней институциональных исключений.

ГЛАВА 4

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНОИНСТИТУТЫ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

После Октябрьской революции демографический рост численности этногрупп на Юге России был вызван созданием системы эффективного регионального здравоохранения, исследовательских центров и институтов, нацеленных на социальную профилактику неблагоприятного сточки зрения общественных интересов поведения, что позволило преодолеть разрушительные последствия многочисленных эпидемий.

Увеличение численности сельского населения в 1920–1930-е гг. и постоянные изменения этнодемографического состава населения региона сопровождались большим количеством административных и территориальных переделов за счет достаточно произвольного использования собранных воедино центральными властями финансовых, социальных, политических и административных ресурсов.

На Северном Кавказе в 1920–1950-е гг. произошло более 40 внутрисоветских территориальных переделов. Структурирование границ этногрупп использовалось во многом и потому, что советским властям, особенно в период постреволюционного политического упрочнения, было совсем не обязательно прислушиваться к мнению населения перекраиваемых республик, краев и областей, местной партийной и советской элиты. Региональная элита практически всегда поддерживала любые национально-территориальные изменения в контексте общей партийной линии как из-за страха перед возможными репрессиями, так и из-за высокой степени идеологической преданности среди функционеров. Местные этноэлиты также не протестовали против волюнтаристских действий центральных властей в области национальной политики.

Так, в 1920-е гг. зоны проживания северокавказских лезгин были территориально разделены практически наполовину между Южным Дагестаном и Азербайджаном, что привело к возникновению этноинституциональных различий у групп лезгинского и аварского этносов, проживавших на территории Азербайджана и интегрировавшихся в азербайджанское общество, и основных групп данных этносов,

расселенных на территории Дагестана. В 1990-е гг. попытки этноинтегрировать дагестанских и азербайджанских лезгин, которые неоднократно предпринимались лезгинскими общественными организациями, закончились политическими неудачами.

Советская власть принесла на Кавказ новые институты, которые больше подходили для регулирования социальных и экономических отношений, чем адаты или шариат. Необходимость институционального переворота была очевидной, поскольку, как подчеркивают западные исследователи, в дореволюционной России русские, их образ жизни, манеры, стиль одежды и привычки проводить свое время не были для элит колонизированных народов «символами хорошей жизни», в отличие от британских или французских поселенцев (за исключением самых бедных в Алжире среди «petits francais»). Англичане, французы и другие жители европейских государств в африканских и азиатских колониях считали себя социально выше местного населения, а джентльмены американского Юга были символом того, как «нужно жить» даже среди афроамериканского населения.

В дореволюционной России ситуация была другой. За исключением офицеров императорской армии, большая часть поселенцев, относящихся к средним и низшим классам, положительного впечатления на своих мусульманских соседей не производила, во многом из-за широко распространенного пьянства и воровства. Хотя некоторые местные привычки, наподобие сплевывания табака, сидения на коврике, приема пищи руками и т.п. выглядели антисанитарными для русского населения, их собственная «неотесанность» для местных этногрупп являлась показателем низкой культуры и низкой притягательности идентификационного статуса. Кроме того, экономический разрыв между уровнем жизни русских поселенцев и местных мусульман был меньше того, который преобладал во французских, голландских, португальских, английских колониях или на американском Юге между белыми и черными³⁶⁶.

Советская идеология представлялась индивидам, которые еще в начале XX в. в аксиологическом отношении были зажаты в оковах традиционализма, как значительный шаг вперед в общественном развитии человечества. Сторонники коммунистической идеологии

³⁶⁶ Rywkin M. Religion, Modern Nationalism and Political Power in Central Asia // Canadian Slavonic Papers. 1975. No. 2-3. P. 111-114.

как идеологии будущего «нового мира» являлись для крестьян носителями более «высокой» культуры и городского образа жизни. Они становились образцами для подражания и кумирами для молодежи, передавая новые институты модернизационного характера, новые привычки, правила поведения и даже моду.

В 1920-е гг. накопленный столетиями институциональный опыт адатов и шариата был поставлен под сомнение как не соответствующий новой социально-политической, культурной, символической и экономической реальности. Особенно несовременными с точки зрения социалистической идеологии выглядели традиционные принципы культуры чести, требующие насильственных действий против даже малейших намеков на оскорбление и/или нападение агрессора, когда только бесстрашные и не знающие колебаний при защите своей чести люди рассматриваются как «настоящие» и маскулинные.

Американские социологи³⁶⁷ указывают, что традиционные культуры, которые подчеркивают значимость чести, социального статуса или «крутости», обычно поощряют насильственные действия за любые провокации. Именно культура чести отвечает за высокий уровень убийств в южных штатах США, по сравнению с северными районами. При этом уровень убийств статистически выше именно при конфликтах и ссорах, а не во время ограблений или насильственных нападений.

По мнению американских исследователей, причиной возникновения традиционной культуры чести стала социальная дилемма безопасности. Экономической основой региона были стада крупного рогатого скота. Поскольку скот – это вид собственности с минимальными издержками на транспортировку, он являлся главным объектом постоянных криминальных посягательств. Так как законодательное и правоохранительное обеспечение в регионе было слабым и власти не могли обеспечить правопорядок, а разрозненное гражданское общество не могло обеспечить эффективный социальный контроль, индивиды были вынуждены создавать репутацию высокой готовности к насилию и передавать ее в кросс-генерационном отношении. Учитывая социальную значимость индивидуальной репутации, вполне понятно стремление индивидов не оставлять безнаказанными даже

³⁶⁷ Nisbett R.E. and Cohen D. Culture of Honor: the Psychology of Violence in the South. Boulder, CO: Westview, 1996.

малейшие проступки, поскольку это может создать нежелательный общественный образ индивида, что в конечном счете закончится угодом его скота.

Социальная дилемма заключается в том, что рациональные попытки каждого индивида укрепить общественный образ собственной крутости приводит к нерациональным для общества результатам. Поскольку каждый ориентируется на агрессию, это приводит к дополнительным убийствам, которые в другой социокультурной ситуации не произошли бы.

Подобные культуры чести существуют в бедных городских кварталах. Эту культуру называют «кодексом улицы»³⁶⁸. Полиция в таких районах не очень эффективна и/или коррумпирована, а преступления являются частыми. Индивиды вынуждены защищать себя с помощью репутации собственной силы и крутости. Поэтому многие стремятся стать «худшим типом на улице»³⁶⁹.

В рамках культуры чести считается, что вызов личности выставляет людей в невыгодном свете. И тогда человек бросается в контратаку, стремясь аннулировать «навязанную ему идентичность демонстрацией своей силы, компетенции и смелости» и показать, что их следует уважать³⁷⁰.

Традиционная культура также предполагает, что уступка другой стороне без каких-либо компенсаций воспринимается как слабость не только внутри этнической группы, но и среди других этносов. Необходимость поддержания чести и связанная с этим склонность к межэтническому насилию, вероятнее всего, вызывают действительное нападение, тем самым выступая в виде само-реализующегося пророчества³⁷¹.

Дореволюционный баланс межэтнических отношений конфликтов, чести и сотрудничества деформировался под воздействием коммунистической идеологии. Традиционные группы оказались в ситуации, когда их авторитет в социалистическом обществе зависел не

³⁶⁸ Anderson E. Code of the Street: Decency, Violence, and the moral life of the inner city. New York: W.W. Norton, 1999.

³⁶⁹ Pruitt D.G., Hee K.S. Social Conflict: Escalation, Stalemate, and Settlement Third edition. Boston: The McGraw Hill, 1999. P. 132-133

³⁷⁰ Felson R.B. Aggression as impression management // Social Psychology. 1978. 41. P. 205-213.

³⁷¹ Nisbett R.E. and Cohen D. Culture of Honor: The Psychology of Violence in the South. Boulder, CO: Westview Press, 1996.

столько от их культуры, ценностей, многовековой истории рода или клана, сколько от наличия среди их представителей членов партии.

Произвольность административного структурирования этногрупп облегчалась существенным падением авторитета этнических и религиозных лидеров, старейшин, которым принадлежала власть в дореволюционную эпоху. Этногруппы сравнивали друг друга по ряду значимых идеологических и политических параметров: количество членов ВКП (б), других государственно-общественных организаций, наличие или отсутствие общественных инициатив по поддержке тех или иных действий властей и пр.

Этническая и/или конфессиональная принадлежность выступила двусмысленным маркером идентичности и лояльности к советскому строю. Признание членства в некоторых этногруппах стало довольно опасным на Северном Кавказе, после того как партийная элита начала выделять таких лиц как потенциально нелояльных. Этноты и этносубгруппы иерархизировались на «классово близких» и «классовых врагов». К примеру, в Чечне к первым относили тейпы и вирды, находившиеся в политической оппозиции к дореволюционным властям, а также «деревенскую бедноту». Вторых больше ассоциировали с тейпами и кланами, обладавшими большим количеством сельскохозяйственных земель, крупным рогатым скотом, такими небольшими сельскохозяйственными предприятиями, как мельницы или маслобойни и т.п.

По отношению к классово близким группам, как и к классовым врагам, господствовали правила «круговой поруки». В этносообществах каждый потенциально отвечал за другого человека. Недоносительство на родственников, знакомых, соседей и друзей за их реальные или мнимые антипартийные прегрешения воспринималось как тяжкий партийный грех и предательство интересов государства. Придерживаться традиционных ценностей «культуры чести» стало не только невыгодным, но и опасным.

Именно классово близкие политическим властям этноты обеспечивали своим членам, соединенным патримониальными, куначескими, дружескими и родственными связями и сохранявшим широкие возможности для политического манипулирования и принятия неугодных нетитульным этногруппам административных решений, доступ к службе в органах партийной власти, влиятельным промышленным организациям, финансовым потокам.

Наибольшие возможности в этом отношении имела верхушка национальных республик, которая, с одной стороны, делала интересы титульного этноса приоритетными, а с другой, используя возможности своего политического положения, лоббировала экономические интересы республики в высших структурах власти, а также продвигала в эти структуры своих представителей. Что же касается экономических, социальных и культурных интересов нетитульного населения, то ценилось не столько умение реализовывать и защищать эти интересы, сколько умение подстраивать их под свои частные, умение манипулировать общественным мнением, а также использовать этническую и социально-экономическую ситуацию в регионе в целях личного обогащения.

В послереволюционный период, несмотря на провозглашенное стремление обеспечить социальный комфорт всем этногруппам, государственные власти по политическим мотивам обеспечивали развитие языка и культуры прежде всего титульным этносам.

У титульных этносов улучшение индивидуального социального статуса происходило в целом за счет восходящей групповой мобильности. Это не требовало от социальных агентов трат значительных ресурсов. И наоборот, снижение индивидуального статуса могло быть следствием детитулизации этногруппы. Это произошло с донским казачеством, которое обладало дореволюционной титульностью в виде территориально выделенного «Всевеликого Войска Донского», а также социально-политическими и экономическими преимуществами в регионе по сравнению с «кинородцами». В советское время казачество было сначала детитулизовано, а в ходе сплошной коллективизации-расказачено.

В отличие от законодательно закрепленного политико-правового статуса коренных народов титульность предполагала четкие институциональные критерии вертикальной взаимозависимости этносов на региональном уровне.

Титульность стала советской системой структурированного социально-группового неравенства, корреляционно связанного с наличием или отсутствием определенной этничности и/или классовой принадлежностью этнолидеров. Почти во всех советских регионах титульность проявлялась в том, что одна из этногрупп становилась доминирующей во властных отношениях и начинала контролировать общественный дискурс как полиэтничного региона, так и в значительной мере других этногрупп.

Обычно из нескольких этногрупп достаточно произвольно (иногда влияние оказывала этнопринадлежность того или иного руководящего партийного чиновника) выбирались одна или две, в соответствии с названиями которых формировались и соответствующие республики. В основу территориального объединения республик был положен законодательно закрепленный принцип паритетности, к примеру, при объединении Кабарды и Балкарии в Кабардино-Балкарскую автономную область власти стремились соблюдать равное представительство кабардинцев, балкарцев и русских в исполнительных, законодательных, судебных и партийных органах.

Однако количество этносов в регионах различалось. Даже в ситуациях, когда примерно одинаковое политическое положение занимают два, три или больше этносов, на основе анализа этнического состава правящих элит, рынков труда (особенно престижных профессий) и образовательных учреждений можно все-таки определить, какой именно этнос является ведущим, а какой (или какие) – ведомыми. Нетитульные этносы могут имдемнифицировать неудачную позицию, но в жестких административных и политических играх у их представителей изначально невыгодный старт.

Субэтногруппам государственные власти уделяли меньше внимания. Их официальное признание, регистрация и придание им правового субъектного статуса носили административно-произвольный характер. Он зависел от общего политического климата в стране (по этой причине, к примеру, длительное время не признавали существование поволжских немцев, крымских татар, турок-месхетинцев и пр.) и от политической воли и желания областных, краевых и республиканских властей. Например, азербайджанские власти не фиксировали ингилойцев в республиканских переписях, а кризов, будуг и хыналыгцев относили к лезгинам.

В двухсоставных республиках (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Чечено-Ингушская Республика) выделялись титульные группы первого (кабардинцы и карачаевцы) и второго порядка (балкарцы и черкесы). У первых было больше социально-культурных прав (например, возможностей развивать этническую культуру), чем у вторых, но административное положение и тех, и других было лучше, чем нетитульных этносов.

Из центра титульным этногруппам передавались административные права и политические привилегии как своеобразным «смот-

рящим» за порядками в соответствующих регионах. Важным неформальным институтом было то, что в советских республиках первый руководитель должен был принадлежать к титульной национальности. Этому правилу следовали вплоть до 1986 г., когда советская элита решила поменять региональную власть в Казахстане на партийного функционера русского происхождения, что привело к первым национальным выступлениям студентов против советской системы и межэтническому конфликту.

Титульные этногруппы могли рассчитывать на «ресурсный шифтинг»: дополнительную финансовую поддержку, строительство дополнительных колхозов на сельскохозяйственной территории, промышленных предприятий в городах и т.п. Суммарные преимущества для титульных этносов, которые занимали высшие ступеньки в пирамиде этногрупп, существенно превышали блага для этнических аутсайдеров. Это создавало у титульного этноса общую психологическую связь и осознание исторической общности судьбы.

Не только определенная этничность помогала в получении титульности, но и титульный статус способствовал укреплению существовавших этнических групп. И наоборот, отсутствие титульного статуса подрывало устойчивость этничности.

Строгая иерархизация этносов послужила основой формирования структурного институционального конфликта между титульными и нетитульными этносами, которые претендовали на общие ресурсы. Советским гражданам было сложно объяснить, почему, к примеру, кабардинцы и балкарцы получили политико-юридический статус титульности, а ногайцы или абазины были лишены такой возможности.

Принятые советскими органами власти административные решения было невозможно подвергнуть судебному пересмотру или внесудебному арбитражу. Даже сам факт обсуждения проблемы неравноправия этносов, не говоря уже об открытом проявлении недовольства сложившимся территориальным устройством, мог привести к административным и силовым репрессиям. Котел этнических проблем в советское время был надежно запечатан всеми институтами власти, а одной из главных институциональных проблем национальной политики была недоговоренность, недосказанность и максимально расплывчатые формулировки вождей, касающиеся межнациональных отношений.

Титульность, однажды установленная органами власти, фактически не менялась, вне зависимости от демографических, культурных и социальных процессов. Единственным исключением явились сталинские депортации, когда были осуществлены как дегитулизация, так и полное поглощение территорий подозреваемых в нелояльности этносов соседними регионами.

Вне зависимости от коллективных усилий и/или индивидуальных успехов отдельных представителей нетитульных этносов получить законным путем титульность они не могли. В ситуации постепенного распада этносоциетальных связей 1980-х гг. стало очевидным, что даже решительные действия самих социальных агентов или представляющих их локальных этносообществ не позволяют изменить титульную стратификационную систему. Типичной реакцией недовольных стал эскейпизм (который могли себе позволить, к примеру, советские немцы или евреи, у которых была «историческая родина», готовая и ждущая их эмиграции) и радикальный политический протест.

Юридически статус титульности не был определенным. Хотя имплицитно подразумевалось, что титульность является отражением реального вклада этногруппы в социалистическое строительство, открытой и честной конкуренции не происходило. И этносам, внезапно ставшим титульными, и нетитульным этногруппам было непонятно, на каких исторических, территориальных, правовых или демографических основаниях конкретная этногруппа получила преимущества по отношению к остальным. Этноменьшинства, которые фактически не дотягивали до высокого титульного статуса (например, адыгейцы в Адыгейской автономии), самоутверждались в политической, культурной и языковой сферах так, как если бы они этим статусом обладали. Многие демографически доминирующие этногруппы с фактически более высоким статусом сразу же после введения института титульности «росчерком пера» почувствовали социальную угрозу своему положению.

Этнопретензии обладают «эффектом домино» – повышение статуса одного субъекта провоцирует стремление остальных социальных субъектов также повысить статус. «Естественно, обоюдное стремление каждого этноса к повышению своего политического статуса в рамках одного административного образования могло реализоваться лишь за счет других или не могло вообще. Доминирование

одного народа неизбежно влечет за собой чувство ущемленности у других»³⁷². Как только одна этногруппа получала какие-либо не вполне заслуженные блага и «несправедливое» политическое преимущество (например, в статусном отношении приподнималась на уровень автономии), другие этногруппы ощущали, что их развитие под угрозой и нужно прилагать дополнительные усилия, чтобы создать конкуренцию. Даже титульные этногруппы и их элиты чувствовали внутреннюю неуверенность своего титульного положения.

В неформальных политических аспектах титульность держалась на политических и административных договоренностях титульных этноэлит в ЦК и в Совмине. Значение имели также их непотизационные связи и возможности применять административное давление в отношении других этногрупп.

Титульные этноэлиты продвигали своих представителей на своеобразной бюрократической бирже должностей и ресурсов. Так же как действует теневая экономика, работает и «серый» политический рынок со своими покупателями и продавцами. Теневые отношения – это не просто полукриминальные методы политического влияния. Это правила взаимодействия элит, выработанные в ходе исторической эволюции.

Представители правящего класса соперничали между собой, вступали в коалиции на основе достаточно узких общих интересов или конфликтовали, но основное их взаимодействие проявлялось в обмене взаимовыгодными услугами и административными решениями. На политическом рынке преобладает бартерный обмен в соответствии с императивом А. Смита: «Дай то, что нужно мне, и получишь то, что нужно тебе». Главным инструментом подобных отношений является обмен равноценными услугами с помощью личных контактов, устных договоренностей и частных соглашений.

Типичная формула сделки такова: один субъект предлагает другому проголосовать за нужное последнему решение, при условии, что он, в свою очередь, проголосует за решение, нужное первому. «Следовательно, высший политический орган, принимающий решения по конкретным вопросам, может отражать интересы меньшинства, а

372 Такушинов Ш.Н. Причины этнополитических конфликтов в многонациональных регионах // Социальный порядок и толерантность. Сб. тезисов III Всерос. науч. конф. 30–31 мая 2002 г. 4. 2. Краснодар, 2002. С. 207.

не большинства, причем эти интересы укрепляются поддержкой сегментов, главные интересы которых находятся в совершенно иных сферах»³⁷³.

При таком торге каждая сторона что-нибудь выигрывает. Главное, чтобы услуги были конкурентоспособными и могли приносить политические дивиденды. Как в прямом смысле, в виде финансовых средств, так и дивиденды на перспективу, которые помогут в политическом продвижении. Возникающие в этой связи конфликты – следствия нестыковки и шероховатости элементов функциональной системы обмена.

Кратическое поведение индивидов подчиняется правилам рынка, ибо власть в данном случае «продается и покупается», а «политические субъекты активно действуют на рынке власти, пытаясь выгодно использовать имеющиеся у них ресурсы, и получают общественное признание как таковые»³⁷⁴.

Независимо от того, как складываются формальные каналы политической коммуникации, они дополняются неформальными структурами, которые подменяют власть, оставляя в тени реальные управленческие процессы.

В западных политических элитах приоритетом выступает социальное происхождение, определяющее стартовые возможности. В советских элитах место этого фактора занимала связь с номенклатурой и приверженность лидеру-руководителю с тем, чтобы решать вопросы через личные отношения в обход официальных каналов (можно вспомнить деятельность «днепропетровской группы» Л. Брежнева).

Власть получали ловкие «политики-пробки», подготовленные к жестким условиям политической среды. Это те, кто умеют оставаться на плаву при любых обстоятельствах. Быть «наверху» стало для таких «профессионалов власти» своеобразной «средой обитания».

Характеризуя проблему социального продвижения, П. Бурдьё подчеркивал значимость политической искусственности, позволяющей игроку ориентироваться в пространстве существующих или потенциальных позиций, улавливать диспозицию тех, кто уже определился, прогнозировать возможные и невозможные изменения тактики держателей различных политических позиций. Именно «чутье», по

³⁷³ Liberson I. An Empirical Study of Military-Industrial Linkages. New York, 1983. P. 577.

³⁷⁴ Харитонов Е. М. Феномен кратического поведения. Ростов н/Д, 1995. С. 10.

мнению П. Бурдые, позволяет социальным агентам предвидеть позиционирование соперников, делает игроков предсказуемыми и надежными партнерами, играющими «без сюрпризов и шулерства ту роль, которая предписана структурой игрового пространства»³⁷⁵.

При такой системе политических отношений управляли не самые «лучшие» или «подготовленные», а обладающие необходимым влиянием. Правящая элита легитимировала наиболее преданных из них, обеспечивала им представительство в органах власти в процессе выработки стратегических решений. У наиболее способных и активных, пассионарных людей остается, по существу, только один способ движения вверх. Однако очень скоро такие люди становятся перед выбором: либо принять стандартные правила игры, «не высовываться» и стать как все, либо оставить занимаемые должности и связанные с ними привилегии, стать социальным аутсайдером.

Высшие должности занимались фактически пожизненно в соответствии с основным принципом номенклатуры: «Ты не родился бюрократом, но, став им, навсегда останешься таковым»³⁷⁶. Даже в результате аппаратного поражения проигравший мог просто «отойти назад», но за счет поддержки своей группы все равно остался «в которме». Через некоторое время, с помощью «своих людей», он мог продолжить движение на верхние позиции. Индивид, являющийся прямым продуктом правящей системы, остается внутри этой системы, даже проиграв в аппаратной борьбе одному из равных. Он принадлежит к правящей группе. В случае неудачи ему всегда найдется «запасное место».

Деньги либо ответные услуги, в том числе относительно назначений на всех уровнях бюрократической лестницы, соединяясь полупо-легальным или откровенно криминальным способом с личными отношениями и связями, стали неотъемлемым элементом советской системы распределения благ. Эта система неформальная, слабо регламентируемая правовыми актами, открыто не афишируемая, но и нескрываемая. В ней отношения союзничества-соперничества завязаны не на социальных статусах, а скорее на функциональной значимости индивидов.

³⁷⁵ Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 191.

³⁷⁶ Волков Ю.Г., Харитонов Е. М. Власть и кратическое поведение человека. Ростов н/Д, 1995. С.

Титульные этносы проявляли повышенную агрессивность к наименьшим попыткам других этногрупп пересмотреть сложившееся административно-политическое положение и совсем не собирались идти на компромиссы и уступки. Вплоть до середины 1980-х гг. социально-политический конфликт между титульными и нетитульными этносами оставался латентным, однако впоследствии этносы, находившиеся в советское время в состоянии психологической депривации, стремясь перевести вопрос из правовой в политическую плоскость, начали ставить под сомнение существовавшую в стране этнотерриториальную систему.

Нетитульные этносы были в уязвимой административно-политической позиции этноменьшинств как в стране в целом, так и в регионах постоянного проживания. Хотя не все нетитульные этно-группы становились этномаргинальными и периферизированными, все они контролировали меньший объем социальных ресурсов и обладали меньшими возможностями по легитимизации собственных институциональных девиаций. Такая ситуация характерна не только для Кавказа или Средней Азии, но и для многих стран Юго-Восточной Азии и Африки.

Как указывает Ч. Тан³⁷⁷, государства конкретизируют значения этноидентичностей «меньшинств-отшельников», когда выделяют их для дискриминационной политики. Законодательные и административные дискриминации усиливают этногенезисные процессы. Чем больше создается юридических и политических препятствий для развития этногрупп, препятствующих социальной мобильности, тем более вероятен национализм. Потребность этноса в самоутверждении приводит к тому, что восприятие истории как унижающей способствует поиску новой элиты, от которой ожидается возрождение чести, достоинства и силы этногруппы. В этой связи большое значение приобретает наблюдение А. Лейпхарта о том, что «ощущение уязвимости и незащищенности дает сильный импульс для укрепления внутренней солидарности»³⁷⁸.

По мнению Т. Модуда, «индивидуальное чувство собственного достоинства у членов этнических меньшинств решающим обра-

³⁷⁷ Chee-Beng T. Indigenous People, the State and Ethno-genesis: A Study of the Communal Associations of the Dayak Communities in Sarawak, Malaysia // Journal of Southern Asian Studies. 1997. 28, P. 264.

³⁷⁸ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспект Пресс, 2000. С 19.

зом зависит от группового статуса и чувства собственного достоинства у всей группы»³⁷⁹. Не ощущая внутренней связи с враждебным для них государством, элиты дискриминируемых этносов стремятся компенсировать негативные отношения с властями. Такие элиты развивают компенсирующую культуру, указывая, что их этногруппы обладают духовностью, чувствительностью, человеческой теплотой, поэтической душой и духовной близостью³⁸⁰. Дискриминируемые люди, описанные М. Бернштейном как «мир униженных личностей Достоевского»³⁸¹, не испытывают симпатий к государству, в котором живут.

Одним из знаковых исключений, по мнению западных исследователей³⁸², являлась национальная политика по отношению к горским евреям. При советской власти их обозначали как «татов» в противовес дореволюционным властям, которые в XIX в. в официальных документах все кавказские народы именовали «горскими». Учитывая стремление советских властей отделить татов в этноидентификационном отношении от других групп кавказских и дагестанских евреев, например ашкенази, исследователи указывают, что единого татского народа не существует, и термин «тат» как лингвоним означает языковую общность, использующую татский язык, при этом часть татов идентифицирует себя с азербайджанцами.

Государственная поддержка этноинститутов (например, кодификация языков малых народов сначала в латинице, а затем и в кириллице) была направлена скорее на общее повышение грамотности населения и качества человеческого капитала, чем на развитие институционального воспроизводства этничности как таковой.

Этничность и этнокультура с начала 1920-х гг. в сознании постепенно формирующегося в социально-психологическом отношении «советского человека» ассоциировались с чем-то «отсталым», «отжившим», «традиционным» или «буржуазным».

³⁷⁹ *Modood T.* Not Easy Being British. Stoke-on-Trent. Runnymede Trust: Trentham Books, 1992.

³⁸⁰ *Avishai M.* The Moral Psychology of Nationalism // McKim R. and J. McMahan, eds. The Morality of Nationalism. New York: Oxford University Press, 1997. P. 77.

³⁸¹ *Bernstein M.A.* Bitter Carnival: Ressentiment and the Abject Hero. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992. P. 29.

³⁸² *Tolls M.* Demography of North Caucasian Jewry: a Note on Population Dynamics and Shifting Identity// Gammer, M. Ethno-Nationalism, Islam and the State in the Caucasus: Post-Soviet Disorder. New York and London: Routledge, 2012, P. 212.

Дискредитируя традиции и традиционные ценности (как религиозные, так и адаты), и особенно их носителей как классово враждебных социалистическому строю элементов, власти стремились переделать традиционное общество с четким разделением социальных и ролевых функций в пластичную и податливую массу без своих корней. Такой массой можно было легко политически и идеологически управлять и использовать как мобилизационный и модернизационный ресурс на масштабных стройках или в военных целях.

В советский период власти стремились для реализации мобилизационных планов изъять больше ресурсов из традиционной среды, ввести сельскохозяйственные земли в оборот земель производственного использования и повысить уровень технического развития региона. В этом состояло позитивное модернизационное содержание советской национальной политики, которая была скорее частью общей политики индустриализации окраинных территорий.

Власти полагали, что высокая степень потенциальной восприимчивости индивидов к традиционным этноконфессиональным институтам и ценностям означает слабую лояльность по отношению к социалистической действительности и низкую степень готовности участвовать в коммунистических стройках на благо государства. Правящая элита считала, что человек, лишенный дореволюционных этнических привязанностей, отказавшийся от них в своих поступках и словах или хотя бы пересмотревший их под новым идеологическим углом, будет больше привязан к социалистической жизни в режиме «здесь и сейчас». Поскольку такой человек в социально-психологическом плане чувствует себя неустойчиво, он инстинктивно стремится ухватиться за идеологию, которая находится в общественном пространстве вокруг него, словно утопающий, ищущий соломинку.

Современные общества отличает не устойчивость институтов, а высокая степень формализации новых исключений. Институты быстрее меняются, и социальная система быстрее адаптируется к новым вызовам и угрозам, чем это происходит в традиционных обществах.

В традиционных сообществах, использующих прямое принуждение к соблюдению институтов, трансмиссия «других» институтов (даже государственных) обычно считается проявлением нелояльности. «Социальная группа, которая уже пережила эвапорацию части своих членов, особенно чувствительна к первым признакам бихевио-рального подражания чертам внешней группы. С самого начала могут

приниматься групповые санкции к членам, изменяющим языковые или социальные традиции. Человеку дают понять, что возможно изгнание. Следовательно, наблюдается самореализующееся пророчество: тем, кто обучается другому поведению, нельзя доверять»³⁸³.

Основываясь на внешних бихевиоральных признаках, этнолокальные сообщества создают системы социального контроля, препятствующие успешному вторжению девиантов, которые подрывают социетальную устойчивость. Мигранты в традиционном обществе воспринимаются как маргиналы, в условиях доминирования жестких институциональных паттернов их демигрантизация и институциональное встраивание в повседневную жизнь сообщества как его полноправных членов являются затруднительными. Традиционные системы рестриктируют групповую дезинтеграцию и активное замещение других этноинститутов, дифференцирующих субгруппы по структурным разломам институциональных исключений.

Для удержания этнолокального сообщества от предполагаемого заимствования бихевиоральных образцов в языке, культуре, потребительском поведении, которые носят транстерриториальный характер, используются традиционные институты авторитета старейшин, преданности тейпу, вирду или клану. Они ограничивают активных членов локальных сообществ (как правило, молодежь) либо заставляют их заниматься тем, что, как предполагается, должно принести пользу всему сообществу, а не только отдельному человеку или семейству. Они налагают на индивидов повышенные социальные обязательства заботы и попечения по отношению к клану или тейпу, что приводит к замедлению экономического развития сообщества и формированию человеческого капитала низкого качества.

Проверить лояльность индивида к внесоветским идентичностям в советское время было сложно, поскольку речь идет о внутренних переживаниях и мыслях, недоступных внешнему наблюдателю, которые, однако, меняют габитус по П. Бурдьё, положение в социальном пространстве и диспозиции, связанные с другими агентами, и т.д. Но если у человека замечалась склонность к накоплению предметов религиозного культа и вещей своей этнокультуры, находящейся под политическим подозрением, власти оценивали его как

³⁸³ Romanucci-Ross L. and De Vos G. ed. *Ethnic Identity: Creation, Conflict, and Accommodation*. Third Edition. London: Sage, 1995. P. 35.

ненадежного. Чем больше инокультурных вещей – тем больше свидетельств будущего распада социальных связей. Профилактические меры против падения лояльности к государству начинались с борьбы за уничтожение предметов и символов этнокультур, нелояльных государству. В этом смысле этничность выполняет стратификационные социально-политические функции, а ключевым фактором этностратификации является предпочтение тех или иных этноинститутов в повседневном поведении.

Поскольку миграция или даже незначительный отход от местной деятельности части ее членов приведет к снижению общего количества ресурсов, затрачиваемых в настоящем или в будущем на социальное развитие, миграции в рамках традиционных обществ мешают с помощью внутриобщинных запретов и кодексов ограничительного поведения.

Часто для удержания активных членов общества от предполагаемой миграции используют нравственно-этические аргументы: в традиционном обществе считается «непатриотичным» покидать свою территорию, когда «отечество в опасности». Обеспокоенность этно-лидеров миграционными проблемами вполне понятна, но даже с помощью патриотических призывов мобилизовать для нормального функционирования этносоциума достаточное количество ресурсов обычно не удается.

В 1960–1970-е гг. структура союзного этносоциального пространства отличалась высокой степенью институциональной гомогенности. В советском обществе в целом доминировали схожие правила поведения. Этнокультурный компонент этноидентичностей сохранялся в виде экзотизированных, в некоторой степени юродивизированных и стигматизированных в общественном сознании традиций в ношении одежды, использовании языка, кухни и т.п.

Советский режим создал эффективные институциональные структуры, направляющие этногенез в контролируемое партийными органами административное русло. Основные национальности, утвержденные партийным руководством, фиксировались в официальных документах, в том числе тех, которые носили индивидуальный характер.

В соответствии с документальными принципами организации общественной жизнедеятельности принятие одной этничности означало исключение остальных, поскольку в свидетельстве о рождении,

паспорте, военном билете, медицинской карте, официальных анкетах, заполняемых при приеме на работу, поступлении в аспирантуру, ординатуру, докторантуру и пр., можно было отразить одну этноидентичность. Частичная документализация этноидентичности сохраняется до сих пор: по-прежнему необходимо указывать этноидентификацию при заполнении различных анкет и получении справок, хотя в отличие от советского времени анкетная графа «национальность» стала формальной, и сведения, указываемые в ней, практически не влияют на общественную жизнь человека.

Значимость персональных документов для этноидентификации сохранялась в 1990-е гг. в зонах межэтнических столкновений. Так, во время осетино-ингушского конфликта ингушские военизированные формирования стремились захватить заложников осетинской национальности для потенциального обмена военнопленными и показательных репрессий, чтобы запугать противоположную сторону. Они установили на основных автотрассах блок-посты, где проверяли паспорта и другие документы всех беженцев на предмет наличия отметки об осетинской национальности. Обращали внимание также на осетинские фамилии и/или наличие прописки в осетинском населенном пункте. При этом лиц, гарантированно идентифицированных как осетины, фильтровали от тех, в отношении которых этномаркеры не могли быть определены четко и поэтому вызывали сомнения. Отдельно выделялись индивиды с нейтральными этническими идентификациями, не связанными с конфликтными событиями.

Так как в Советском Союзе место нахождения физического лица определялось по адресу постоянного проживания, соответствующего отметке в паспорте, произведенной органами регистрационного учета, этничность прикрепляла человека к территории и наряду с другими его социальными характеристиками использовалась для государственного управления. Она связывала определенные категории индивидуальных прав и обязанностей с ожиданиями со стороны общества и государства, которые были заинтересованы в том, чтобы смена этноидентичности не происходила часто.

В советское время этничность учитывалась при предоставлении индивиду прописки на определенной территории (например, в Москве, Ленинграде или «закрытых» военных, промышленных и научных городских поселениях), получении престижной и хорошо оплачиваемой работы (особенно в государственном аппарате или в военно-про-

мышленном комплексе), карьерном продвижении по службе. Для отдельных этноменьшинств нормировались специальные квоты при поступлении абитуриентов в вузы.

Трансмиссия этноидентичностей была рестриктивной. Перейти из одной этногруппы в другую было сложно не столько с законодательной точки зрения, так как формальных запретов на смену этничности не существовало, а скорее из-за трудностей бюрократического характера: требовалось внести соответствующие изменения в большое количество официальных документов.

Российские историки³⁸⁴ описывают исключительные ситуации быстрой смены этноидентичностей, когда после неофициального объявления советским руководством о депортации ряда северокавказских народов в 1944 г. командование некоторых военных подразделений, находившихся на передовой, меняло в соответствующих бумагах этнопринадлежность своих солдат и офицеров с тем, чтобы вывести их из-под потенциального ареста как «изменников и предателей».

Более распространенным способом трансмиссии этноидентичности стали межэтнические браки. Во-первых, при заключении брака и мужу, и жене можно было поменять фамилию – одну из основных аскриптивных характеристик этничности, наиболее четко идентифицируемую государственными и партийными чиновниками. Во-вторых, дети, выросшие в межэтнических браках, могли при достижении ими установленного законом 16-летнего возраста и первом получении государственного паспорта выбрать как этнопринадлежность любого из родителей, так и любую другую этничность по своему желанию.

Характер этногенеза зависел как от социальной престижности той или иной системы этноидентификации (в частности, от привлекательности относительно внутерриториальных советской и русской идентичностей), так и от демографических показателей количества молодых людей, получающих паспорта, в которых они могли отразить собственное понимание этничности.

Родителям было сложно навязать свою этничность детям в ходе воспитания и первичной социализации. Хотя косвенным образом

³⁸⁴ *Марченко Г.В.* Государственная и национальная политика на Северном Кавказе (20-е – 40-е гг. XX в.). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. С. 85.

трансмиссия этничности происходила путем передачи детям фамилии и отчества главы семейства, идентификационное давление со стороны родителей было довольно слабым. Они не тратили много сил, чтобы убедить детей принять собственную этническую идентичность, особенно если она имела девиантизированный в общественном сознании характер.

По терминологии неонституционалиста Л. Цуккер³⁸⁵, транс-**МИССИЯ** этноидентичности носила «имперфектный характер» под давлением различных социальных, демографических, культурных и политических факторов, а также эрозии этноинститутов из-за индивидуальных особенностей применяющих их этносоциальных агентов. Хотя русские родители при рождении записывали ребенка «русским», микроокружение индивида могло поощрять в нем убеждения и формы поведения, соответствующие другой этничности. Социализация в украинноязычной среде и давление школьных сверстников вполне могли бы подвигнуть такого ребенка к осознанному выбору украинской этничности при получении паспорта.

Нормативная база в целом не предполагала необходимость учета этноконфессиональной принадлежности населения территории при строительстве, к примеру, завода. При наборе сотрудников больше учитывались образование, квалификация, опыт и партийность претендента, но не его этническая и/или конфессиональная принадлежность.

Принимая ту или иную этничность, индивид принимал и груз коллективно-групповой ответственности, и всю проблемную и драматическую историю взаимоотношений этногруппы с государством.

Индивидам было сложно придерживаться этноидентичностей, не входивших в признаваемый государством список советских народов, отраженный в партийных и академических публикациях, например в Большой советской энциклопедии и трудах этнографов. Авторитет официального признания этногруппы академической наукой был настолько велик, что даже в 2000-е гг. сообщества таких дискриминируемых региональными властями этногрупп, как турки-месхетинцы, отправляли запросы в Институт этнологии РАН с просьбой дать официальное заключение о легитимном существовании этноса в российском этносоциальном пространстве.

385 Zucker L. C. Where do institutional patterns come from? Organizations as actors in social systems // *Institutional Patterns and Organizations: Culture and Environment* / ed. by L. G. Zucker. Cambridge, MA: Ballinger, 1988. P. 23-49.

Советская этнология, собиравшая и изучавшая такие культурные и этнографические особенности этносов, как фольклор, музыка, кухня и пр., чтобы затем пропагандировать собранное этнокультурное наследие среди широких масс, не была независимой в оценках этногрупп.

Примитивизация этничности как «отсталой» формы развития нации стала институциональной причиной увеличения отставания советской этнологии (по сравнению с дореволюционным периодом ее развития) от западной науки. В американском академическом обществе этничность понимается в основном как «раса», «изучение этничности» – это главным образом социологический анализ идентичности и поведения групп многочисленных мигрантов, прибывающих в портовые города³⁸⁶. Аналогом советской, а позднее и российской этнологии традиционно выступают прикладная антропология и теория национализма.

Исторически сложилось так, что советская этнология развивалась в условиях, которые по институциональным критериям значительно отличались от ситуации, складывающейся с развитием социальных и гуманитарных наук как в Западной Европе, так и, особенно, в Америке. Фактор географической удаленности (который хотя и снизил свое значение в эпоху глобализации, тем не менее имеет большое значение), отсутствие устойчивых традиций и существенное влияние идеологии на проведение исследований привели к тому, что советская наука запаздывала в заимствовании теоретических достижений, уже известных ученым других стран.

Власти в СССР опасались развивать социологию этничности или этногенеза (как и почти все другие социологические направления), скорее поддерживались тщательно «дозированные» этнографические, исторические, лингвистические или краеведческие исследования традиций, языка, символов этногрупп. Научные связи между советскими учеными и западными этнологами и этносоциологами были ограниченными, советским исследователям часто было трудно получить новейшую литературу, ознакомиться с новыми концепциями и методами этносоциологических исследований.

Советские этнографы вынуждены были маскировать интерес к этногенезу изучением этнокультурных проблем традиционных со-

³⁸⁶ *Bhattacharya G., Gabriel J. and Small S. Race and Power: Global Racism in the twenty-First Century. London and New York: Routledge, 2002.*

обществ. Открыто упоминать в научной и тем более публицистической печати о том, что в южных регионах СССР существуют этнические проблемы, было опасно для карьеры ученого или журналиста.

В условиях жесткого партийного диктата и идеологического контроля в институтах высшего образования и академической науки этнологам было проще изучать этничность за пределами Советского Союза, где-нибудь в Канаде, Африке или Азии, чем социологически вскрывать наиболее болезненные точки в этнонациональных отношениях на Северном Кавказе или в Центральной Азии. Внутрисоветский этносоциологический анализ неизбежно был бы связан с выявлением структурных политических недостатков идеологии «дружбы народов», общей критикой советской национальной политики и советской политической системы.

Неудача советских этноинтеграционных проектов послужила одной из социально-психологических причин переноса отрицательного отношения среди академического сообщества с инструментального и политического использования этничности в политических целях на этногенез.

В советской академической науке исследование традиционных народов привязывалось скорее к территории, чем к этносу как таковому, во многом из-за идеологических убеждений, что этническая идентичность является слабой и этногруппы ассимилируются. Этнокультурные исследования на Кавказе и в Средней Азии проводились применительно к конкретной республике, подчеркивалась территориальная самоидентификация локальных этнических групп с джамаатом или кишлаком⁷.

Межрегиональные этноисследования либо не поощрялись номенклатурой, либо их проведение «застревало» в бюрократической волоките и координационных сложностях согласования многочисленных версий противоречащих друг другу этноисторий. Единственным удачным примером стал подготовленный северокавказскими учеными на организационной основе Северо-Кавказского научного центра высшей школы (СКНЦ ВШ) как общего межрегионального координационного научного центра проект исследования Кавказа как единого целого. Успешность этого проекта в значительной степени была оп-

³⁸⁷ Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах / Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. С. 364.

ределена индивидуальной креативностью и заинтересованностью руководителей СКНЦ ВШ и Ростовского госуниверситета. Хотя ухудшение межэтнической ситуации требовало от властей прибегнуть к помощи научной общественности, в советское время был издан только первый том. Из-за финансовых проблем последующие тома вышли уже в 2000-е гг.³⁸⁸

Политика локализации этносоциальных исследований, проводимых в Советском Союзе (как и схожая политика, проводимая Китаем по отношению к уйгурам) способствовала укреплению процессов этнодифференциации и формированию локальных идентичностей³⁸⁹.

Хотя идеологический контроль над этнологией не был столь жестким, как над экономикой или социологией, списки признаваемых властью этносов постоянно менялись. Они редактировались в зависимости от характера политической ситуации. Например, вычеркивание крымских татар из состава советских народов было связано во многом с обострением внешнеполитических отношений Советского Союза и Турции, а сложности с официальным признанием поволжских немцев стали одним из этносоциальных последствий Великой Отечественной войны.

Редактировались все академические публикации, связанные с этносами, представители которых подозревались и/или обвинялись в государственной нелояльности, измене или других тяжких преступлениях. Этничности, не удовлетворяющие критериям политической и идеологической лояльности, а также этнические лояльности, которые могли бы потенциально соперничать и конкурировать с лояльностью государству, сразу же выводились из официального дискурса. Индивиды с соответствующей идентичностью переставали упоминаться в партийной прессе.

Маргинализированные властью этничности не исчезали полностью в общественном пространстве, хотя часто к их носителям применяли репрессивные санкции, включая превентивные депортации. Просто придерживаться этноидентификации, нежелательной с точки зрения властей, означало нисходящую социальную мобильность и аутсайдерские позиции. В лучшем случае маргинализированная эт-

³⁸⁸ Энциклопедия культур народов Юга России: в 9 т. Т. 1. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2008.

³⁸⁹ Fuller C. E. and Starr S. F. The Xinjiang Problem. New York: M.E. Sharpe, 2003. P. 82.

ноидентичность детерминировала тагетированную этнопрофессиональную сферу (например, советские цыгане в основном работали в области культуры).

Как в ареальном распространении, так и в законодательном аспекте для титульных языков складывались благоприятные условия. В 1930–1940-е гг. государство декодифицировало языки дискриминируемых этноменьшинств и делегитимизировало институты, регулирующие их. Это служило сдерживающим фактором к выдвижению этноязыковых требований. Негативные политические санкции со стороны властей включали в себя сужение сферы применения нетитульного для определенной территории языка в районах с компактным иноязычным населением.

Если имя и фамилия человека являлись для окружающих людей и особенно властей выраженными этническими маркерами, этногруппы адаптировались к государственной дискриминации, русифицируя и деиндегенезируя фамилии или выбирая нейтральные имена для детей с точки зрения восприятия возможной этноокраски. Иногда использовались советские неологизмы (Карина, Ульяна, Ким и пр.). Поскольку евреи часто испытывали трудности при приеме на работу в связи с государственной политикой антисемитизма, в семьях, где отец был евреем, а мать – нееврейкой, детям часто давали фамилию матери, во многих случаях евреи, женившиеся на нееврейках, брали их фамилии.

Из-за отсутствия системности люди сложно адаптировались к трансформациям национальной политики. Вопрос о том, какие этничности считать «правильными», а какие нет, решался на высшем политическом уровне. Этнотемы в обсуждении национальной (в том числе этноязыковой) политики не вовлекались, выступая объектами национальной политики, а не ее субъектами. Этносубъектность укрепилась только в 1980–1990-е гг.

Этноадаптация носила реактивный характер. Она несколько облегчалась тем, что у гражданина могло быть две или три этноидентичности. Одна из них являлась «паспортной» этничностью и отражалась во всех официальных документах, используя которые индивид мог общаться с государственными органами и решать повседневные социальные и экономические проблемы. Вторая – «фактическая» – этничность использовалась индивидом при общении с родственниками, соседями, друзьями, знакомыми той же этнопринадлежности.

Во многих социальных ситуациях этничность «де-факто» значила больше, нежели формально отраженная в документах этнопринадлежность. Для эмиграции советских евреев в Израиль, Австрию, Канаду и США, а позднее и для эмиграции советских немцев в ФРГ значение имел весь комплекс документальных и недокументальных свидетельств, которые индивид мог представить консульским службам соответствующих стран для получения визы. В число таких свидетельств входили этническая принадлежность самого мигранта, его близких или дальних родственников. Она могла быть отражена в документах, неофициальных письмах, справках и т.п. Даже знание соответствующего языка значило больше, чем формальная «паспортная» этничность.

Поскольку круг свидетельств, подтверждающих этничность на неформальном уровне, являлся достаточно широким, индивид мог в определенной степени формировать этноидентичность из отдельных институциональных элементов в зависимости от требований, предъявляемых к нему властями других государств. К примеру, в Израиле этнопринадлежность к еврейству наследуется по материнской линии. Чтобы считаться евреем, достаточно иметь документальные свидетельства, подтверждающие еврейскость супруги, бабушки или хотя бы прабабушки по линии матери. Только переход в другую религию может оборвать наследование еврейства.

Для «облегченной» эмиграции в Западную Германию в 1970–1980-е гг. требовалась немецкая или еврейская этничность (некоторые еврейские фамилии совпадают с фамилиями христиан немецкого происхождения) либо документы, подтверждающие соответствующую этничность. В Западную Германию, как и в другие популярные страны эмиграции застойной эпохи (Австрия, Израиль, Соединенные Штаты, Канада), выезжали не только советские евреи и немцы, но и все те, кто законным или незаконным способом мог получить соответствующие документы и официальное разрешение на выезд.

Этносмешение миграционных потоков в 1970–1980-е гг. способствовало формированию в Германии русскоязычной диаспоры. Она отличается по этноинституциональным признакам от российских (советских) немцев, этногенез которых в России начался в XVIII в. Русскоязычная диаспора стала в Германии вторым по величине, после турецкой общины, иноязычным меньшинством. Используя большое количество немецких слов в повседневном русскоязычном общении,

мигранты из Советского Союза, а впоследствии из России сформировали сообщество, для самообозначения которого применяется этноним «русски».

Вплоть до конца 1980-х гг. в Советском Союзе наблюдался устойчивый рост числа людей, в этноидентификационной системе которых ментально господствовал «советский человек». Люди с такой идентификацией в многонациональной среде, как правило, реже задумывались, у кого какая этничность и не делили окружающих на «своих» и «чужих».

Создавая сцепление социального доверия между людьми с разной этнической принадлежностью, советская идентичность в 1960–1980-е гг. обладала высоким социальным престижем. Некоторые жители Союза идентифицировали себя соответствующим образом, несмотря на то, что у всех граждан была определенная этноидентичность в соответствии с идентичностью родителей.

Советская идентичность частично наслаивалась на этнопринадлежность, а частично вытесняла и заменяла ее. В институциональном отношении советскость обладала синтетическими особенностями гражданской идентичности, так как формально не подразумевала привязку к определенной этнической группе.

В то же время советскость обладала определенными этническими характеристиками. Как предполагалось в общественном дискурсе, советский человек должен свободно владеть русским языком и быть приобщенным к советской и русской классической культуре, которая выполняла коммуникативные функции, способствующие укреплению власти.

Обучение в средних специальных и высших учебных заведениях страны осуществлялось в основном на русском языке, поэтому выпускники школ с национальным языковым уклоном, которые не имели удовлетворительной общеобразовательной подготовки по русскому языку и литературе, обладали меньшей конкурентоспособностью по сравнению с абитуриентами, закончившими русские школы. Чтобы уравнивать социальные возможности индивидов с другой этноидентичностью и русских жителей, а также для продвижения русской языковой нормы были созданы радиопередачи «В мире слов» (1962), «Радионяня», телевизионный альманах «Русская речь» (1967) и др.

Повышение по сравнению с Российской империей степени «русскости» жителей Советского Союза с первоначально другими этно-

идентификациями делало их уязвимыми к возможной этнической ассимиляции. И наоборот, дерусификация локального этносоциума фактически страховала его от потенциального этнопоглощения, поскольку в российском общественном сознании незнания или недостаточного свободного владения русским языком вполне достаточно, чтобы не считаться русским. К примеру, через Францию после 1917 г. прошло 400 тыс. иммигрантов из России, к 1991 г. русскими чувствовали себя примерно 10 тыс. человек – только те, кто сохранил возможность общаться на русском языке.

Этногенез титульных этнических групп выстраивался в соответствии с существующими институциональными отношениями между русским этносом и титульной этногруппой. Институты охватывали согласие этноэлиты и этноинтеллигенции на большее или меньшее этнодискурсное влияние русского языка, описывали характер отношения к русским и русскоязычным, а также степень принятия в этносоциум индивидов из смешанных семей и/или тех, кто утратил этнокультурные корни и не владеет родным языком.

В условиях политического доминирования советских органов управления этноязыковая политика титульного этноса по отношению к советским правилам межэтнического общежития могла быть только конформистской. Дерусификация могла быть осознанным и заведомо маргинальным выбором на индивидуальном, но никак не на групповом уровне. Сознательный отказ от изучения русского языка и/или ограничение его использования для межэтнических контактов стали маркерами «этнической антисоветскости» в Прибалтийских республиках и на Западной Украине.

Как частично деэтнизированная идентичность советскость легитимизировала межэтнические конфликты и этногенезисные процессы. Она канализировала недовольство этнических аутсайдеров и нетитульных этногрупп своим низким социальным положением в относительно нейтральный идентификационный вариант. «Советский человек» с идеологической и политической точек зрения был для властей удобным идентификационным вариантом, который вызывал наименьшее число национальных проблем по сравнению с этноэлитами.

Даже у индивидов, выбиравших советскость в качестве доминирующей идентификации, в фоновом режиме существовала этничность. Человек рационально и сознательно отказывался от нее в пользу су-

ветской идентичности при заполнении анкет во время переписей населения, оформлении индивидуальных документов. Советскость была своеобразным «идентификационным щитом», за которым скрывались все те, кто не хотел и/или не был готов рисковать своим благополучием в обществе ради четкой этнической идентификации.

Когда отдельные этнонационалистические группы позиционировали себя как сознательных противников советского режима, это позволяло властям частично подготовиться к вызовам национализма. От территориально разрозненных по всей стране «советских граждан», которые для политической системы означали высшую степень лояльности, национальных проблем не ожидалось. Однако, как показали межэтнические процессы в 1980-е гг., советскости оказалось недостаточно, чтобы сохранить межэтническое сцепление и склеить распадающееся этносоциальное пространство.

В системе межэтнических отношений не была предусмотрена институциональная возможность развития советской самоидентификации без знания русского языка. Но даже хорошего владения русским языком было недостаточно в случае подозрений властей по поводу потенциальной нелояльности гражданина или восприятия его действий как подрывных по отношению к социалистической системе. Советского гражданства можно было лишиться по политическим мотивам (примерно 17 тыс. советских граждан, в основном вопреки их желанию, были высланы из страны в 1960–1980-е гг.).

Завязанная на политическую лояльность и конформизм, советскость так и не смогла стать полноценной институциональной заменой этноидентификаций, а ее слабый территориальный характер (несмотря на то, что за рубежом всех выходцев из Советского Союза однозначно идентифицировали именно с территорией) не позволял ей трансформироваться в устойчивую национальную идентификацию.

В 1980–1990-е гг. советскость стала фоновым этноконфликтогенным фактором. Этноэлиты стремились либо демонстративно позиционировать себя и свой стиль правления как управленческое и идеологическое противопоставление советскому прошлому, либо, наоборот, призывали вернуться в это прошлое (как, к примеру, в Приднестровье). Фоновым фактором стал также «советский человек» как главное действующее лицо этносоциальных процессов.

Институциональная связь между русской идентичностью и советскостью стала одной из причин отсутствия интереса к изучению

титульных языков как у русского населения, проживавшего в национальных и автономных республиках, так и среди самих титульных этногрупп. В Советском Союзе партийная карьера чиновников из республик напрямую зависела от степени их «советскости» и даже «русскости», т.е. от степени владения русским языком, знания партийного наследия и т.п. Многие родители школьников не видели практического смысла в изучении титульных языков, а абстрактные категории приобщения к этнической культуре, обычаям, традициям предков и пр. уже в 1970-е гг. выглядели несовременными и непрактичными. Даже в 2000-е гг., после десятилетия этнического подъема, в национальных республиках титульным языком владели весьма немногие из русского населения. К примеру, тувиноязычных русских в Туве насчитывается менее 1% от русской общины³⁹⁰.

Советская идентичность поддерживалась государственным аппаратом и системой политической пропаганды. Она привлекала не только карьеристов, стремящихся к восходящей мобильности, но и значительное число граждан, не определившихся с этноидентичностью и/или не уверенных относительно правильности собственного идентификационного выбора. Этномаргиналы, которые могли бы сформировать этносубгруппы, выбирали советскость как нейтральную идентификацию. Потенциально они не были подвержены политическим и административным санкциям со стороны властей. Советскость была также некоторой степенью психологической и юридической защиты от этнодискриминации на бытовом уровне.

Как идентификационная категория советскость обладала высокой степенью идеологической политизированности и означала индивидуальное принятие или хотя бы внешнее проявление конформизма по отношению к политической системе в целом, советским значимым символам и институтам.

Знаковыми маркерами возможной идентификационной девиации в советское время служили потребительские предпочтения западных товаров, что институционализировалось в субкультурах «стиляг». К началу 1980-х гг. советскость институционально была ослаблена низким потребительским предпочтением вещественных маркеров, производимых советской промышленностью.

³⁹⁰ *Дацышен В.* Потенциал конфликтности в зоне российско-монгольской границы в Туве // *Международные процессы.* Т. 3. 2005. № 1(7). С. 84.

Во второй половине 1980-х гг. стоимость барреля нефти на мировых биржах резко снизилась. В Советском Союзе возрос бюджетный дефицит, а социально-экономические диспропорции между регионами углубились. Возникло социально-экономическое явление отходничества и шабашничества, когда тысячи жителей северокавказских республик вынужденно на длительное время покидали свои регионы в связи с депрессивным состоянием их экономик и отправлялись на заработки в центральные и северные районы Советского Союза (на стройки, добычу полезных ископаемых, заниматься индивидуальной рыночной торговлей и коммерческим посредничеством).

Бюджетный кризис и стагнирующая экономика активировали ценностную девальвацию рубля как монетизированного выражения советской личности. Рубль, наряду с советской одеждой, сферой услуг, продуктами питания, электроникой и пр., стали идентификационными символами «совковости» как имманентного нежелания и/или неспособности адаптироваться к западному идентификационному влиянию и тем более принять его. Идеологическая дискредитация «советского человека» как не приспособленного к жизни в рыночной экономике и демократии «совка» продуцировала общественный интерес к подавляемым или игнорированным формам социальной идентификации, включая конфессиональную принадлежность и этноидентичность.

В идентификационной шкале предпочтений жителей Советского Союза 1980-х гг. наличие и/или отсутствие дистанции с Западом стало ключевым дифференцирующим фактором. Выросла социальная престижность пограничных идентификаций, связанных с несоветскими этносами и/или профессиями, подразумевающими постоянные интеракции в иностранной среде (переводчики, дипломаты, даже проститутки), при том что формально общественная мораль могла некоторые такие идентификации осуждать. Выросла значимость свободного выезда за границу и возможности жить в западном ценностном и потребительском пространстве.

Как территориальная идентичность советскость была привязана к Советскому государству, географически находившемуся почти полностью в пределах Российской империи. Тем не менее наличие территориального несоответствия между советскими и имперскими границами распатывало связь советскости с исторически сложившейся территорией.

Территориальность означает символическую привязанность этнической группы к определенной исторической территории или родине. Этническая общность может быть лишена исторической родины, но для людей важными являются сохранение привязанности к определенной территории и желание вернуться к «священным местам», где история территории пересеклась со значимыми историческими периодами в этногенезе.

Территория образует определенную «зону безопасности», предохраняя этнос от неблагоприятных воздействий внешней среды. Значение территориального пространства можно сравнить со значением личностного пространства для человека. В случае покушения на территорию этнос испытывает угрозу. Территориальные конфликты являются глубинными, ибо напрямую затрагивают безопасность этногруппы.

Слабый территориальный характер советскости не позволил в 1980-е гг. использовать институциональные механизмы идентификационной опоры на историческую территорию, общность судьбы нации, культурные традиции и пр. Исторический компонент и культурная глубина советскости подчеркивались редко, а ее имманентная социально-духовная связь с дореволюционной идентичностью исследовалась только в 1920-е гг. некоторыми философами-евразийцами³⁹¹, которые в советском научном дискурсе девиантизировались как «классово чуждые» и практически не изучались.

Советскость воспринималась в общественном сознании скорее как резкий разрыв с дореволюционной историей, включая историю формирования общей национальной идентификации. Отсутствовали институциональные механизмы переноса и встраивания значимых событий дореволюционного периода развития России в ментальную и когнитивную структуру советской идентичности, в том числе и по причине полной смены не только политической, но и академической и культурной элиты. Большая часть дореволюционных событий и исторических фигур девальвировались в общественном сознании сквозь призму классового противостояния. И хотя жесткость и репрессивность по отношению к принятию индивидами дореволюционного прошлого, выражению согласия с ним и/или проявления чувства национальной гордости менялись в зависимости от полити-

³⁹¹ Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2007.

ческого момента (например, борьба с «великодержавным шовинизмом» в 1940–1950-е гг.), доминирующим эмоционально-когнитивным отношением было отрицание.

Результатом явилась ламинальность общественного сознания. Исторические образы дореволюционной России и советской власти не пересекались. Они существовали как бы в параллельных плоскостях. Поскольку не было осознания того, что и дореволюционная Россия, и Советский Союз – суть одно идентификационное и территориальное целое, пусть даже и со сменой политического режима и стадии экономической формации. Политические нападки на советскую власть не рассматривались с точки зрения возможного ущерба исторически сложившейся этноинтеграционной общности этносов. Распад Советского Союза ни правящими элитами, ни академическим и образовательным сообществом, ни населением в целом не воспринимался как «геополитическая катастрофа» и разрушение исторически, культурно, экономически и духовно сложившейся территории России с интеграционными связями между этногруппами, ее населяющими.

Исключением стали радикалы из республик и автономий, которые однозначно рассматривали как негативное воздействие и советского, и досоветского опыта на этногенез своих народов. Как дореволюционная, так и советская Россия обвинялись, к примеру, адыгскими националистами в нарушениях территориальных и исторических прав адыгских народов, а грузинские националисты рассматривали всю историю взаимодействия России с Грузией как бесконечный процесс «русской колонизации».

В 1950–1980-е гг. политическое недовольство национальной политикой накапливалось медленно. Хотя политическое отчуждение между властью и этногруппами нарастало, люди оставались пассивными, во многом из-за недостатка информации и потому, что из-за дисбаланса власти их требования и просьбы не воспринимались серьезно. Ощущая внутреннюю неуверенность и рост недовольства населения, советское руководство попыталось реформировать и гуманизировать систему межэтнических отношений, ввести отдельные элементы демократизации в партийное управление советскими республиками. Но, как заметил А. Токвиль, частично осуществляемые реформы представляют для государства «...самое опасное время... Терпеливо и долго ожидающее компенсации недовольство становится, по-видимому, нетерпеливым, когда возможность его проявления за-

хватывает человеческие умы. Простое обстоятельство, что некоторые недостатки были устранены, привлекает внимание к остальным, и теперь они становятся более возмутительными»³⁹².

«Обычно существует постоянная критика старого институционального порядка – за его неудачи, аномальность и/или его низкую легитимность или статус, – и, соответственно, возникают разговоры о многообещающих преимуществах нового порядка, к примеру, в области экономики, управления или военного дела. Такие суждения могут быть основаны на очевидном успехе других сообществ и групп населения, использующих новую парадигму... Конечно, принятие элитой новой парадигмы часто мотивируется желанием получить или защитить конкурентное преимущество от других организованных агентов»³⁹³.

В социально-психологическом аспекте данное явление объясняется процессами «относительной депривации» – государство попадает в самое уязвимое положение, когда проводит широкие реформы, но осуществляет их только частично, вызывая неудовлетворенность и состояние тревоги у своих сторонников и подкрепляя уверенность в своей борьбе с государственным аппаратом – у противников.

Одно из объяснений восприятия своего положения как худшего по сравнению с положением других предлагает гипотеза «эффекта проверки». По мнению Альберта Хиршмана, неудачные экономические акторы могут или адаптироваться к текущей ситуации, перенося свои факторы производства в другой сектор, или голосовать (т.е. вовлекаться в политическую деятельность, чтобы изменить текущую политику)³⁹⁴. В период кризиса, стремясь заручиться поддержкой общества, государство обычно призывает людей активнее участвовать в политике. Но когда люди больше участвуют в политической жизни, они быстрее находят недостатки управления государством, ошибки, которые допускают правящие элиты, и внимательнее прислушиваются к предлагаемым их оппонентами альтернативным проектам, вызывая тем самым реформы, а в случае их невозможности – трансформационные кризисы.

³⁹² *Tocqueville A.* The Old Regime and the French Revolution / tr. by S. Gilbert. Garden City: NY: Doubleday, 1955. P. 177.

³⁹³ *Burns T.R. and Dietz T.* Resolution: An Evolutionary Perspective // *International Sociology*. 2001. Vol. 16, No 4 (December). P. 543, 548.

³⁹⁴ *Hirschman A.O.* Exit, Voice, and Loyalty: responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge: Harvard University Press, 1970.

К концу 1980-х стала очевидной неэффективность административно-партийной системы управления этногенезисными процессами. Титульные этносы не стали региональными лидерами, на которые должны равняться все остальные. Многие региональные и партийные лидеры титульной этничности погрязли в коррупционных скандалах.

Титульность фактически препятствовала развитию этнокультур других этносов, которые выдвигали новые требования. Для СССР взаимные претензии закончились «парадом суверенитетов», превратившимся в «парад appetitов» этноэлит.

Несправедливость и произвольность сложившейся административно-территориальной системы были для нетитульных этносов очевидны. Аргументы об исторической справедливости выглядели запутанными, отсутствие четких критериев не позволяло принимать их во внимание: что кажется справедливым для одних, вовсе не обязательно справедливо для других. Несправедливость получала подкрепление в виде неравномерного распределения обеспеченности социальными, медицинскими и образовательными услугами, неравенства заработной платы и т.п. Рост обеспеченности государственными услугами и восходящей социальной мобильности для представителей одних этнических групп неизбежно влекли за собой сокращение таких возможностей для других, что увеличивало межэтническую напряженность и конфликтность.

Советские ученые и органы власти оказались не готовы к всплеску национализма в 1980-е гг. концептуально и методологически. Неподготовленность проявилась в несистемной реакции властей по отношению к межнациональным столкновениям: в Новом Узене между казахами и выходцами с Кавказа, в Фергане между узбеками и турками-месхетинцами, этническим бунтам в Душанбе, Андигане, Оше, Молдавии и др.

Многие историки, археологи, социологи, лингвисты, политологи и представители других социальных и гуманитарных специальностей отказались от марксистской методологии и ленинско-сталинской идеологии в понимании национальных проблем. Они стали интерпретировать в этнонационалистическом русле полученные как в дореволюционное, так и в советское и постсоветское время данные археологии, лингвистики, этнологии. Этногенез в этнонационалистическом дискурсе рассматривался как линейный прогрессивный процесс

тепленного перехода от этногруппы к нации, национальной автономии и дальше к государству, чему помешала цепь случайных исторических событий или неадекватных действий плохих управленцев.

Большая часть политологов, философов и экспертов национальных фронтов были членами КПСС и/или комсомола. Жесткой критикой советской национальной политики они как бы оправдывали свой политический переход в ряды националистов. Снижение социального статуса и символической значимости профессиональной идентичности ученого по сравнению с ролей социальной роли этноидентичности стало важным фактором депрофессионализации, деобъективизации, персонификации и эмоционализации этносоциальных исследований.

Советской экономике был присущ мобилизационный тип. Практически все ресурсы концентрировались на преимущественно военных целях. Внутренняя государственная оппозиция фактически отсутствовала. Поэтому невозможно было поставить под сомнение установленный порядок расходования бюджетных средств (не говоря уже о том, чтобы открыто протестовать против него или предлагать альтернативу, собирая сторонников среди населения и политическую поддержку во властных кругах, поскольку такая деятельность в классификации советского уголовного права подошла бы под «антисоветскую пропаганду»³⁴⁵). Гражданского общества как такового не было (если не считать сервильные и патерналистские общественные организации и профсоюзы, полностью контролируемые как партийными органами, так и спецслужбами). При том что необходимости отстаивать обоснованность тех или иных бюджетных трат не возникало, ресурсы, которые советская элита выделяла на развитие этносов, были ограниченными.

Хотя формально в Конституции СССР³⁹⁶ 1977 г. предусматривалось право выхода советской республики из СССР, соответствующие нормативно-правовые акты отсутствовали. Учитывая фактическую неизменяемость системы национальных и автономных республик в составе СССР и невозможность формального повышения политико-правового статуса регионов, т.е. символическую закрепленность иерархизации этносов, партийные элиты республик и автономных областей, а также национальная интеллигенция должны были убе-

395 См. Закон РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР».

396 Конституция (Основной закон) СССР. М.: Госполитиздат, 1978.

центральные органы власти увеличить выделяемую для их этносов долю ресурсов.

В сложной системе политических сдержек и противовесов внутри государственной системы, которая включала в себя институты согласования интересов и конфликтов партийной и советской элит, а также отдельных корпоративных групп влияния (ВПК, силовых структур, крупнейших профсоюзов и т.п.), этногруппы и их элиты включались в «мягкую» форму межэтнической конкуренции. В качестве инструмента политического давления и потенциального перераспределения ресурсов в пользу своей этногруппы национальной интеллигенцией использовались постоянные жалобы и доносы. Они «камуфлировались» вначале в местной и региональной прессе, а к концу 1980-х – в центральных партийных изданиях как народные «письма трудящихся». Властям жаловались по поводу недостаточного количества средств, выделяемых на развитие науки, образования или культуры (театров, музеев, филармоний, домов культуры, библиотек).

Жалобы и доносы в советское время были важным средством вертикальной коммуникации гражданина, группы и государства: получая их из регионов, власти контролировали ситуацию на местах и определяли общественное отношение к тем или иным чиновникам или партийным функционерам. Современными социологами «донос» определяется как подписанное или анонимное письменное сообщение властям относительно проступков, совершаемых другими гражданами. Донос подразумевает требование к государственным властям наказать таких людей³⁴⁷. Число жалоб на притеснения по этническому признаку или на недостаточное развитие этнической культуры увеличивалось к общегосударственным праздникам, партийным съездам и конференциям, когда власти становились чуткими к вопросам укрепления межэтнического взаимопонимания, исполнения чиновниками своих обязанностей в сфере национальных отношений.

В Советском Союзе фактически отсутствовала объективная и доступная мониторинговая и социологическая информация об уровне обеспеченности ресурсами тех или иных этногрупп. Социология была развита недостаточно. Отдельные статистические данные (к примеру, по социально-демографической и этнодемографической структу-

³⁴⁷ Fitzpatrick S. and Gellately R. eds. *Accusatory Practices: Denunciation in Modern European History, 1789–1989*. Chicago: Chicago University Press, 1997.

ре населения) фальсифицировались, в том числе и в целях дезинформации геополитических противников. В условиях информационной интранспарентности национальная интеллигенция всегда обращала внимание на:

1. Несправедливое распределение общего ресурса печатных типографских листов, имеющихся в региональных издательствах и предназначенных на выпуск монографий, сборников статей, детских книг и пр. на этноязыках.
2. Разницу в количестве подготовленных и защищенных кандидатов и докторов наук среди представителей той или иной этногруппы и в целом на количество специалистов с высшим образованием.
3. Наличие или отсутствие специализированных гуманитарных институтов, разрабатывающих проблематику этногенеза, этнокультуры и этносоциального развития.
4. Наличие или отсутствие университетов, педагогических, сельскохозяйственных, технических и других вузов, в которых могли бы обучаться преимущественно или на льготных условиях представители молодежи той или иной этнической группы.
5. Наличие или отсутствие театров и домов культуры, региональных теле- и радиопрограмм, в которых обсуждались бы те или иные проблемы развития и сохранения этнотрадиций.
6. Объем выделяемых финансовых ресурсов на поддержку соответствующих народных промыслов и ремесел.

В качестве институционального критерия справедливости распределения ресурсов использовались не только демографические пропорции (численное соотношение проживающих в одном регионе этносов между собой), но и исторические аргументы, ссылки на войны прошлого, на количество Героев Советского Союза и Социалистического Труда среди представителей того или иного этноса и пр.

Частичная демократизация межэтнических отношений оказалась невозможной. Во многом потому, что она подкреплялась и продвигалась идеологемами вины советской системы за депортации, территориальные переделы и репрессии, активно пропагандируемыми в общественном сознании. Общие антисоветские идеологемы этнонационалисты успешно дополняли идеологемами вины одних народов перед другими. Поскольку у общества отсутствовала точная экономическая информация о количестве имеющихся ресурсов, их перерасп-

ределение в пользу титульных этногрупп и/или нехватка для нетитульных этносов объяснялись не объективными экономическими причинами, а волюнтаризмом советских и/или партийных властей.

Выдвигаемый этнонационалистами в качестве основного лозунга принцип восстановления исторической справедливости деиндивидуализировал преступления, равно как и достижения советской эпохи, как символы «совковости». Поскольку в преступлениях вроде бы были повинны все, не было необходимости искать конкретных виновных и стало возможным генерализировать неудачи и ошибки национальной политики в виде обобщений о невозможности советской власти как таковой (а не конкретных Генеральных секретарей ЦК и членов Политбюро), как некой идеологической сущности справляться с межэтническими противоречиями.

Доминирование принципа исторической справедливости в общественном дискурсе о межэтнических и этногенезисных конфликтных процессах изначально подрывало необходимость отстаивать права человека в конкретную историческую эпоху в надежде на своеобразную «отложенную месть слабых против сильных» десятилетия спустя. Апелляция к праву на историческую справедливость выступала как «борьба за обладание прошлым».

Считая себя невиновными в межэтнических кризисах, этнонационалисты стремились компенсировать то, что они воспринимали как «несправедливое» нанесение ущерба себе и своим сторонникам. Историческая несправедливость, допущенная по отношению к их этносу, дополненная субъектно-групповым пониманием необходимости этносоставляющей в правах человека (как отмечал один из лидеров татарского национализма Р. С. Хакимов, «этничность – это часть моих прав как личности»³⁹⁸), по мнению этнонационалистов, давала права на особые привилегии, ректификационное вознаграждение и своеобразную историческую ренту. Они полагали, что текущая власть должна компенсировать исторические несправедливости прошлого, вознаградить этнос за прошлые страдания, причем степень компенсации они выбирали сами.

Предъявляемый счет и претензии за прошлое включали право не считаться с историческими и этногрупповыми правами других эт-

³⁹⁸Хакимов Р.С. Сумерки империи: к вопросу о нации и государстве. Казань: Татарское книж. изд-во, 1993.

ногрупп и право «жертв несправедливости» поступать несправедливо по отношению к центральным властям. Подобное отношение напоминает историю джинна из арабских сказок, который, как известно, ждал своего освободителя пять тысяч лет, причем первое время готов был его наградить всеми мыслимыми благами, а еще через две тысячи лет собирался своего спасителя уже убить. Это наилучший способ быть разочарованным – конструировать образы того, какими должны быть вещи, а затем разочаровываться всегда, когда мир не совпадает с выдуманнными представлениями.

Более ста лет назад об опасности применения исторических прав предупреждал Н. Я. Данилевский: «В силу таковых прав законными претендентами на верховное владычество в России могли бы явиться какие-нибудь калмыцкие, бурятские или монгольские орды. Это историческое право, из-за которого пролилось в прошлом столько слез и крови, которому настоящее обязано столькими неправдами и цитеснениями, должно было бы ввергнуть мир в совершенную путаницу, в настоящий хаос нелепостей, если бы вздумали проводить его сколько-нибудь последовательным образом»³⁹⁹.

Стремление к реализации коллективных этноправ на основании политических аргументов о необходимости исторической справедливости отдельных этногрупп и их этноэлит вызывало реакцию резкого отторжения у других этногрупп и негативное-общественное мнение жителей страны в целом.

Сам по себе факт коллективных страданий в прошлом не воспринимался как достаточное основание для обеспечения конкретной этногруппе преимуществ в экономической, политической и социальной сферах фактически за счет живущих поколений, родственники многих из которых также в прошлом пострадали от советского политического режима. Сложность устранения исторической несправедливости можно представить на примере футбольной игры. Очевидно, будет несправедливым, если футбольная команда небольшого этноса начнет требовать на основании депортаций, осуществленных в прошлом по отношению к нему, снижения демографической численности, экономического кризиса или чего-то еще более «мягкого» отношения со стороны арбитров или изменения правил. Это будет уже не футбол, а какая-то другая игра, и существует большая вероятность, что играть в нее команда будет сама с собой.

³⁹⁹ Данилевский И. Россия и Европа. М., 1991. С. 370.

Глава 4. Этногенез и этноинституты в Советском Союзе

В период «застоя» взаимные жалобы и обвинения между соседями внутри республик и соседними республиками носили латентный характер. Они не выходили в сферу публичной политики, и сама публичная политика, существующая на Западе и подразумевающая открытую конкуренцию политических группировок с использованием масс-медиа, фактически отсутствовала. Исключениями были, например, резонансные дела по разоблачению коррупционеров в среднеазиатских республиках. С середины 1980-х гг. межэтнические отношения перешли из сферы теневой политической борьбы этнокланов и административного обсуждения в центральных партийных органах Советского Союза в область общественного дискурса, практически полностью открытого как советским гражданам, так и западным аналитикам и прессе.

Наказать непосредственных виновных в депортациях и других преступлениях национальной политики было невозможно. Поэтому не только представители депортированных народов, но и практически вся советская гуманитарная и научно-техническая интеллигенция, особенно в Эстонии, Латвии, Армении, Литве, занявших с началом перестройки лидирующее положение в национальных движениях, говорили об ответственности всей власти за ошибки в национальной политике. Синкретичная ответственность советской власти связывалась с отрицательными моральными качествами правящих элит (в частности, с гипертрофированным стремлением к политической власти большевиков в 1920-1930-е гг. путем силового вытеснения любых других возможных политических конкурентов) или, по крайней мере, с их безразличным отношением к небольшим этносам.

Хотя личностные особенности советской элиты и особенности принимаемых ими политических решений действительно проявлялись в характере протекания этногенезисных процессов у отдельных этносов, критика национальной политики исходя из «эстетических» представлений об идеальных демократических конструкциях не была продуктивной. Она не позволяла объяснить генезис советского отношения к этничности. Также она игнорировала тот факт, что, несмотря на все перегибы в национальной политике, многие этногруппы все-таки в достаточной степени развили собственное этносамосознание и этноинституты с тем, чтобы претендовать на политическую власть, не говоря уже о развитии интеллигенции, культуры и общем повышении уровня и качества жизни.

Аксиологическая критика затрудняла рефлексивное и «внеэтночное» отношение к действиям отдельных представителей самих этноэлит, этнической гуманитарной и технической интеллигенции в межэтнических конфликтах. В общественном пространстве начались «дискурсные войны» между интеллигенцией с разной этнической принадлежностью. Произошла этнизация интеллигенции, которая 1960–1970-е гг. демонстративно позиционировала себя как внеэтнический социальный слой.

Когда получившие некоторое ослабление со стороны официальной цензуры и частичную административную свободу центральные и региональные СМИ стали обсуждать межэтнические проблемы без самоцензуры, у советских граждан создалось впечатление, что идеологически развиваемая «дружба народов» и появление «советского человека» были в значительной степени «неестественным» для общества партийным конструктом.

От властей требовалось исправить допущенные в прошлом ошибки немедленно как на законодательном уровне, путем изменения советских законов в сторону их большей этнизации, так и на уровне исполнительной власти, путем увеличения финансирования на развитие соответствующих этнокультур. Критика национальной политики, по мнению этнонационалистов, оправдывалась также необходимостью обеспечить ускоренную модернизацию регионов, стагнировавших в советское время, экономический и социальный рост, создающий условия для появления новых институтов (в особенности отвергаемых раньше советской системой), и догнать по уровню жизни западные страны.

Советские диссиденты (особенно их национально-радикальное крыло) выступали по отношению к уже сложившемуся в обществе социально-политическому устройству как контрэлиты, стремясь создать социально-психологический имидж людей, «которым принадлежит будущее». Критика советскости помогала контрэлите как «элите по праву провозглашения» добиваться признания и легитимности.

В условиях доминирования диссидентских взглядов советскость оказалась институционально уязвимой к политической критике как идентичность идеологических коллаборационистов. Допущенные в прошлом ошибки в национальной политике создали вокруг советской власти своеобразную «зону отчуждения».

В социально-психологическом отношении власть оказалась в позиции преследователя, внезапно ставшего защищаемым. В такой ситуации политические аргументы руководства звучали не убедительно. Новые предложения по совершенствованию национальной политики рассматривались интеллигенцией критически и через призму всех допущенных в прошлом политических ошибок. Национальными радикалами компромиссные предложения властей воспринимались как проявления слабости. Каждая уступка государства этногруппам, выдержанная в духе культурного плюрализма, легитимировала этногрупповую мобилизацию. Сделанные властями политические уступки без уступок взамен выглядели слабостью не только внутри элиты, но и среди населения.

Уступки властей вызывали в сознании националистов эйфорию, точнее сказать, «иллюзию неуязвимости» (З. Фрейд). Они доказывали националистам успешность выбранной политической стратегии постоянного давления на власть и формирования идентичностей в соответствии с выдвинутыми немецким национализмом принципами строительства государства по этническим основаниям, которые прочерчивают национальные границы так, чтобы они совпадали с существующим разделением этносов. Появилась «публичная сфера нации-государства», в которой, по мнению И. Валлерстайна, социальные субъекты идентифицируют себя с «нацией-в-процессе-создания»⁴⁰⁰.

К концу 1980-х гг. затраты на сохранение социальной инфраструктуры у этногрупп стали настолько большими, что превысили экономический уровень развития соответствующих регионов. Государство уже не могло содержать такое большое количество представителей национальной гуманитарной и технической интеллигенции. «Парад суверенитетов» привел к сокращению числа школ и университетов, увольнению врачей и приватизации сферы этнокультуры на всем постсоветском пространстве. Логистическое перенапряжение сопровождалось распадом традиционных сообществ и формированием неотрадиционной трайбалистской идентичности на локальной и территориальной основе, к примеру созданных в советское время КОЛХОЗОВ⁴⁰¹.

⁴⁰⁰ *Wallerstein I.* Social Change: The Colonial Situation. New York: John Wiley and Sons, 1966. P. 2.

⁴⁰¹ *Oliver R.* Kolhoz and Civil Society in the Independent States of Central Asia. Ed. by Ruffin M. Holt and Waugh Daniel. Seattle and London: University of Seattle Press, 1999. P. 177–179. 209

Этносы стали внимательнее относиться к соседям по национально-территориальным образованиям, в которых они оказались, к этнической и конфессиональной принадлежности оппонентов, которые могли бы оказаться конкурентами в борьбе за власть и ресурсы.

Когда в конце 1980-х гг. членство в партии перестало гарантировать успешную карьеру, начался массовый исход функционеров из КПСС и комсомола, возникли партийные платформы на некоммунистической основе, а этнопринадлежность стала основой социальной идентификации.

Советское государство недооценило размах этнонационального радикализма. Власти рассматривали этнонациональные движения как нечто случайное.

Для советской номенклатуры главным было найти внешних врагов, все же остальное – межнациональный мир, свобода, благосостояние – должно было появиться как бы само собой. Психологическая инерция восприятия межнациональных отношений с точки зрения «дружбы народов» способствовала распространению взгляда на межэтнические столкновения как на «единичные случаи». Власти полагали, что можно забыть о случившемся и жить «по-старому», как в доконфликтную эпоху. Этнические бунты, погромы или конфликты изображались в СМИ как нечто случайное, структурные исторические и институциональные причины, породившие межэтнические сложности, не упоминались.

Постконфликтная ситуация всегда новая. В межэтнических конфликтах невозможно вернуться в доконфликтную эпоху после этнических чисток и многочисленных жертв. Движение к межэтническому согласию и компромиссу сопровождается тяжелыми потерями для всех вовлеченных этногрупп, и о них невозможно забыть. Новый элемент в отношениях между этносами не обязательно будет открытой ненавистью. Это может быть просто «мягкое» недоверие или подозрение.

Новый элемент реален, поскольку является порождением реального конфликтного процесса. В нем можно обнаружить и презрение, и ненависть, и страх, и озлобленность, и жестокость, а больше всего страсти к разрушению. Все то, что можно собрать в короткую команду-лозунг, используемую этнонационалистами и религиозными фанатиками: «Убей врага!» Негативные чувства несут социально-психологическую нагрузку. Они повышают эмоциональную вовлеченность людей в кон-

фликт, их внутреннюю концентрированность и собранность и тем самым укрепляют их готовность довести борьбу до конца.

Конфликт, который переходит на стадию насилия, является разрушительным. В этом случае борьба для противостоящих друг другу сторон продолжается просто потому, что должна продолжаться. Принцип «чистого листа» неверен в своей основе. «Все было бы очень просто, если бы коротким "нет" мы могли похоронить прошлое. Но прошлое по своей природе возвращается. Если его отгонять, оно вернется. Единственный способ справиться с ним – не выгонять его, считаться с ним, не уклоняться от него. С прошлым нельзя бороться врукопашную. Прошлое побеждают, поглощая»⁴⁰².

Национальная политика эпохи перестройки дерационализировалась и деобъективизировалась. Она направлялась не экономическими или политическими модернизационными расчетами, характерными для сталинского периода, не соображениями рационального поддержания внутренней политической стабильности эпохи Л. Брежнев, а эмоциональными лозунгами советских лидеров и их часто невыдержанной реакцией на действия и призывы этнорадикалов из национальных фронтов.

Лозунги и программы национальных фронтов формировались на основе обсуждений «кухонных» групп единомышленников. Среди интеллигенции росло осознание того, что политический строй является несправедливым. Они обменивались мнениями по поводу сложившегося положения и неофициально намечали действия, которые нужно предпринять, чтобы изменить национальную политику властей.

Сформулировав в процессе анализа общую цель и стратегию, национальные фронты укреплялись организационно, чтобы расширить социальную поддержку и получить контроль над территорией своей этногруппы. Подобная деятельность не является законной с точки зрения правовых норм государства, на территории которого происходит подобное «самоуправление».

Конфликту предшествовали выявившиеся различия сторон в восприятии того, что образует законную власть. Но нельзя рассматривать военное принуждение или постоянный страх его применения к другим этногруппам как единственный фактор силы, благодаря которому этническим элитам удается удержаться у власти. Этноэлита

⁴⁰² *Омега-и-Гассет X*. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3.

действует не просто в соответствии со своими желаниями или представлениями о справедливом порядке. Она не может рассчитывать на длительное существование и эффективную деятельность, опираясь только на насилие. Необходимо добровольное согласие, хотя бы во внешних формах, значительной части населения, а также признание легитимности власти этнонационалистов внешней аудиторией.

При отсутствии объективных предпосылок из этнической мобилизации внутренней поддержки ничего не выйдет. Если этноэлита длительное время справляется с управленческими задачами по улучшению уровня жизни и не вызывает недовольства населения, то она обретает определенные легитимные основания и статус как «правительство для народа».

Наиболее значимым фактором легитимации политической власти является время. Люди привыкают к определенному типу власти, к традиционным ритуалам и атрибутике. Другим фактором обретения легитимности является успех. Если власть признается согражданами эффективной, она быстро становится легитимной⁴⁰³. Когда национальные фронты начали побеждать на выборах в Прибалтике, их легитимность стала очевидной для общественного сознания. При выражении вопроса о легитимности просто не возникает.

После усиления политического влияния этнонационалисты ожидают, что будут восприниматься в качестве партнера при диалоге с властями.

Этнорадикальные группы, у которых власть и общественная известность возрастают, обычно рассматриваются как угроза политическому режиму. Как правило, стадия открытой конфронтации становится неизбежной, поскольку события рассматриваются через конфронтационную когнитивную схему: или мы, или они. Первой реакцией советской системы было стремление подавить группы этнорадикалов силой. Власти предпринимали репрессивные меры, даже если этнодвижение носило ненасильственный характер.

Параллельно с изменением соотношения сил в пользу национальных фронтов, выступавших против советского режима, изменялись и общественные представления об их характере и направлении. Если националистам удастся мобилизовать под своими лозунгами значительную часть этноса, то переговоры органов власти с ними как

⁴⁰³ Гозман Л. Я., Шестолам Е. Б. Политическая психология. Ростов н/Д, 1996. С. 69.

со стороны конфликта должны отличаться от переговоров между несколькими террористами, удерживающими заложников, и силовыми структурами. На этой стадии отношения продолжающейся конфронтации между противоположными сторонами постепенно меняются.

Обсуждая этническую проблематику в русле общественной дискуссии о необходимости защиты «общего блага», «процветания Отечества», «прав человека», «национальной культуры» и т.д., этнонациональные радикалы получили возможность контролировать повестку собраний, конгрессов, конференций и т.п. Они вовлекали в дискуссии все больший круг людей, даже тех, кто в начальный период перестройки и не думал о проблемах этногенеза, исторической справедливости или правах репрессированных народов. Этноманипулирование общественным мнением было связано не только и не столько с активно используемыми политическими технологиями, заимствованными из западной культуры, сколько с монополией на интерпретацию и отсутствием независимых СМИ.

В условиях этноконфликтов советские органы управления обладали пошатнувшейся и все время сокращавшейся властью, в то время как этнодвижения планомерно усиливали нажим. Власти так и не поняли, что с изменением соотношения сил надо менять и проводимую политику. Они не могли надежно контролировать ситуацию в зоне конфликта и не хотели уступать часть полномочий тем этносоциальным агентам, которые могли бы справиться с задачей.

Национальные фронты различались по своему видению перспективы, политическим целям и стратегиям. Конкуренция среди бывших союзников в борьбе за власть делает их более радикальными, поскольку этносоциальные агенты в максимальной степени дистанцируются от «старого режима» (если только конкуренция не связана с контрреволюцией, и тогда агенты конкурируют между собой в выборе варианта, максимально приближенного к восстановлению более раннего порядка)⁴⁰⁴.

Если этнолидеры проявляют излишнюю толерантность, их политические противники по этногруппе могут выдвинуть обвинения в отсутствии жесткости, что поставит под сомнение легитимность руководства. Если политика предполагает отход от первоначальных

⁴⁰⁴ *Burns T.R. Dietz T. Revolution: An Evolutionary Perspective // International Sociology. 2001. Vol. 16, No 4 (December). P. 545-548.*

ценностей ради достижения политического компромисса, это может быть расценено как предательство групповых интересов. Появятся новые «лидеры с периферии», придерживающиеся более твердой линии поведения, которые бросят вызов власти. Может возникнуть ситуация, когда большая часть этноса попытается передать полномочия кому-нибудь с более радикальными требованиями. Начнется этап внутренней борьбы за власть, включая власть над созданием институтов. Это может привести к расколу группы. Межэтнический конфликт превратится во внутриэтнический, и внимание будет переделано от соперничества с другими этническими группами на концентрацию и борьбу за лидерство внутри самой группы.

Вначале национальные фронты рассматривались как антисоциальные маргиналы, которые нарушали законы советского государства и общественные нормы, особенно когда под знаменами национальных фронтов и этнических движений происходил захват вооруженных складов, постов МВД и т.п. Но постепенно они обрели симпатии большинства населения своих республик, превратившись в «борцов за справедливость и правое дело». «При том, что такая "параллельная власть"... является незаконной с точки зрения формального права, она может быть вполне легитимной в оценке местного населения, поскольку соответствует традиционным для данной культуры политико-мировоззренческим ценностям»⁴⁰⁵.

Благодаря провозглашенной советским руководством политике гласности национальная политика во второй половине 1980-х гг. стала открытой не только для публичного обсуждения и критики, но и для кооптации национальной интеллигенции в государственные, партийные и общественные органы управления на республиканском уровне. Этнонационалисты стремились получить властные полномочия, чтобы оказывать существенное воздействие на процесс принятия ключевых для этногрупп политических решений и в случае необходимости настаивать на своих политических проектах с помощью административного принуждения. Некоторые из этнонационалистов легально избирались в Верховный Совет СССР и Верховные Советы советских республик, обеспечивая тем самым политическое прикрытие для первых групп этнорадикалов.

⁴⁰⁵ Милованов Ю.Е. Факторы развития сепаратизма в Северокавказском регионе // Региональный политический процесс / отв. ред. В. Н. Коновалов. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ. 2003. С. 95.

Глава 4. Этногенез и этноинституты в Советском Союзе

В советском обществе отсутствовал социально-психологический иммунитет к спокойному и взвешенному обсуждению национальных проблем и спорных исторических аспектов этногенеза. Ни элита, ни интеллигенция, ни широкие массы не были вакцинированы к актуализации национальных проблем. В общественном сознании отсутствовала значимость институтов толерантности, космополитизма и мультикультурализма в западном понимании, что осложняло урегулирование конфликтов. Ни одна из сторон, сосредоточенная на своих проблемах, не была готова к политическим уступкам ради достижения общественного согласия. Более того, этнонационалисты после прихода к власти в республиках преследовали политических противников теми же способами, какими боролись с ними, как бы психологически компенсировав предшествующие годы неудач и притеснений.

Доминировавший в советском дискурсе классовый подход изначально был настроен на выражение идеологической непримиримости несогласным, диссидентам, инакомыслящим. Индивиды с отличающейся точкой зрения воспринимались как «неполноценные» люди. Их нужно было переубедить, подкупить, провести «профилактическую беседу» либо, в крайнем случае, подвергнуть политическим репрессиям за антисоветскую пропаганду или распространение самиздата, отправить в тюрьму или на принудительное психиатрическое лечение с диагнозом «вялотекущая шизофрения».

Эскалация негативных социально-психологических групповых чувств, страха, возмущения, недовольства в конце 1980-х гг. усилилась. Возросли неосознаваемые искажения в восприятии информации, выдаваемой государственными СМИ о противоположной стороне, повысилась чувствительность людей к межэтническим разногласиям и этническим угрозам, а степень осознания общих государственных интересов уменьшилась. Воспитанные и выросшие в советской культуре индивиды приучились безапелляционно делить вещи на плохие и хорошие, правильные и неправильные, черные и белые. Искаженное восприятие мира включало в себя доминирование в общественном сознании силовой психологии и «культуры Калашникова».

Дегуманизация общественного дискурса усложнялась сегментацией и инструментализацией национальной исторической памяти. «Для народа, – пишет А. Г. Чернышев, – стимулируется историческая память в тех масштабах и качествах, в каких они укладываются в инте-

рессы элиты. Для себя элита предпочитает идентичность, сравнимую... с западными потребительскими и культурными стандартами⁴⁰⁶.

Толерантность воспринималась общественным сознанием как полумаргинальная терпимость к заранее осуждаемым негативным явлениям или антисоциальным процессам по причине предполагаемой аксиологической неоднородности общества, как политически обусловленная временная уступка западному общественному мнению и невозможность справиться с оппонентом силовым путем, заставить его отказаться от своих взглядов и присоединиться во мнениях к большинству. Толерантность в межэтнических и межконфессиональных отношениях не воспринималась как значимая социальная ценность. Взаимные политические уступки не считались приемлемым результатом решения межэтнического столкновения.

В политическом дискурсе отсутствовала социальная ценность ведения равноправного диалога с оппонентом. В общественном сознании ценности социализма, которые в том числе подразумевали внеидеологические концепты важности межнациональной дружбы, взаимовыручки, коллективизма, заменили капиталистические ценности достижений, асертивности, культа силы и власти. Умение аргументированно убеждать было не самым важным социальным качеством в условиях, когда требовалось исполнять приказания начальства. В советских вузах риторика как отдельный предмет просто отсутствовала: в иерархической системе академических взаимоотношений студенты должны были точно воспроизводить транслируемые им сведения, а не дискутировать на свободные темы. Меньшее внимание, по сравнению с западной образовательной системой, уделялось семинарам, а также самостоятельной исследовательской работе студентов.

В конце 1980-х национальная интеллигенция перестала репродюсировать идеи социалистического гуманизма и интернационализма в общественном дискурсе, сделав идеологический и в целом антиинтеллектуальный разворот в сторону отстаивания примордиальных особенностей этноса.

Разочаровавшись в скомпрометировавших себя политических, экономических, культурных и социальных ценностях советского строя и понимая, что заимствование либеральных институтов приводит на практике совсем не к тому положительному результату, кото-

⁴⁰⁶ Чернышев А. Г. Регион как субъект политики. Саратов: Изд-во СГУ, 1999. С. 58.

рого ожидали в начале перестроечных трансформаций, старейшины, религиозные и политические лидеры предпочли стратегию этнозамыкания и глорификации (фактически исторической реконструкции) традиционного уклада жизни.

Многие посткоммунистические государства образовывались на волне этнических призывов советской интеллигенции (к примеру, З. Гамсахурдиа в Грузии), поэтому изначально гражданский национализм не носил у них деэтнического характера. Правящие элиты в большинстве постсоветских государств (Прибалтика, Кавказ и Центральная Азия) избрали стратегии этнического исключения, стремясь «отодвинуть» русское и русскоязычное население от раздела советских активов. Этим объясняются жесткие языковые требования и настоящая «волна историй», которые по-прежнему продолжают, к примеру, на Украине.

Этнолидеры больше внимания уделяли необходимости отстаивания интересов своего этноса, пусть даже в ущерб соблюдению прав представителей других этногрупп, чем необходимости поиска компромисса и партнерства с региональными соседями. Тяжелые этносоциальные конфликты прошлого (включая Кавказскую войну, интерпретированные этнонационалистами результаты которой стали одним из триггеров роста недовольства у целого ряда этносов) оказались забытыми. Травмы этих конфликтов были «затерты» последующим периодом относительно мирного развития региональной истории.

В романтизированном и заведомо нереалистическом дискурсе советской интеллигенции отсутствовали понятия «этнических чисток», «этноконфликтов», зато доминировали идеологемы «соблюдение прав человека» и «прав наций на самоопределение». Идеологи перестройки из демократического движения и Межрегиональной депутатской группы весьма слабо представляли себе логистический механизм формирования национального государства, институциональную специфику этногенеза, привязку этнической территории к конкретному этносу и пр.

В советском публичном пространстве доминировали тотальный политический конформизм и практически официально принятое двоемыслие. «На кухне», для обсуждения в узком кругу единомышленников и друзей, разрешалось иметь диссидентские взгляды, но «на публике» нужно было демонстрировать веру в официальную идеологию.

Партийная и советская номенклатура оказалась не готова к появлению людей, убежденных в значимости национальных и религиозных ценностей, которых невозможно было запугать репрессиями и которые готовы были идти на определенные материальные лишения ради защиты своей точки зрения.

У выросших в условиях жесткого партийного диктата региональных элит не было адекватных представлений ни о реальной финансовой, социальной и человеческой стоимости силовых способов решения этнополитических конфликтов, ни о социально-психологических особенностях этноконфликтной динамики, ни о возможном потенциале, который они, как лидеры соответствующих этногрупп, могут использовать в межэтнических столкновениях, ни о символическом значении, которое имеют для этносообществ те или иные территориальные объекты (например, Пригородный район для ингушей).

Значимость земельности, или территориальности (включая значимость как самой земли для аграрного сектора, так и природных богатств, расположенных на этнотерритории), как важного компонента этничности традиционных народов практически не учитывалась, при том что исследователям⁴⁰⁷ давно известно: сообщества охотников и собирателей защищают свою территорию от соседей, а на «врожденность» «инстинкта территориальности» указывает аналогичная черта ближайших родственников человека – шимпанзе, которые патрулируют свои границы. Недооценка территориального фактора стала причиной межэтнического конфликта в 2008 г. между республиканскими властями и балкарским сельским населением. Оно восприняло административную ликвидацию нескольких крупных балкарских сел как муниципальных образований с передачей их земель Нальчику как попытку кабардинской элиты захватить исконные балкарские земли с большими курортно-рекреационными ресурсами с целью наживы.

Идеализированная в общественном сознании интеллигенция, находящаяся частично в политической оппозиции к властям, частично под политическим контролем и преследованиями с их стороны, практически везде возглавила национальные фронты и этнодвижения. Однако национальные лидеры Грузии, Армении, Азербайджана, Молдовы, Чечни и др., воспитанные в традициях классической русской и

⁴⁰⁷ Шматко Н.А. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социс. 1998. № 4.

советской культуры, оказались недоговороспособными. Они не смогли заключить со своими противниками политические компромиссы. Лидеры также проявляли фанатичность и жестокость по отношению к другим этносам и собственным этногруппам.

Региональные элиты претендовали на повышение политического статуса. Они считали, что выдержат этноконфликт без серьезных потрясений, а конечная выгода от активизации этноконфликтных процессов перевесит все затраты, как материальные, так и моральные, на продуцирование межэтнических столкновений. Обычно в анализе перспектив этноконфликтов стороны начинали «подыгрывать» себе, преуменьшая собственные слабости и преувеличивая свои силы, а для противника, соответственно, все наоборот.

Своеобразие этноконфликтов состояло в том, что, считая себя правыми, этногруппы нередко рассматривали свои действия как ответные, «вынужденные», а разрешение конфликта – как следствие необходимых изменений позиции партнера. Стороны, иницирующие межэтнические столкновения, исходили из негативной оценки предшествующего положения в сфере межэтнических отношений и декларировали лишь собственные интересы, не принимая во внимание интересы противоположной стороны. Противостоящая сторона была вынуждена предпринимать ответные меры для защиты своих интересов, которые воспринимались и интерпретировались инициаторами конфликтов как стремление защитить несправедливое *status quo*.

Значительная часть национальных элит не соблюдала изначально принятые в среде членов правящей партии нормы поведения или занималась их выгодным для себя толкованием. Многие представители силовых структур оказались вовлечены в неформальную экономику и коррупционные связи с представителями националистических кругов. Некоторые партийные чиновники, понимая бесперспективность социалистической системы, постепенно склонялись к этнонационализму и поддержке своих этногрупп, готовя себе «запасной аэродром» для новой социальной карьеры.

Многие этнические группы в союзных республиках обладали относительно высоким уровнем экономического благосостояния, но достаточно низким политическим статусом. Этнодвижения таких групп получали не только политическую и административную поддержку со стороны части советского истеблишмента, но и первое относительно легальное финансирование. Некоторые представители этнокри-

миналитета (особенно среди грузинских и армянских воров в законе) благодаря изменениям в советском законодательстве об индивидуальной трудовой деятельности и кооперации смогли легализоваться как кооператоры и бизнесмены. В рамках меценатской и спонсорской поддержки они начали выделять средства для развития этнокультуры, спортивных организаций, а впоследствии стали финансировать и первые этнопартии, представляющие собой, по мнению Э. Хобсбаума, «архаичную форму социального движения». Например, в Чечне финансовую поддержку от местного полуполигального и полукриминального бизнеса получала «Вайнахская демократическая партия».

В советском обществе этнокриминальная среда продуцировала институты («понятия», «кодекс улицы», «воровской кодекс» и пр.), которые позволяют членам преступного сообщества справляться с ситуациями, когда формальное право неэффективно или вообще отсутствует. Именно люди с доминированием криминальных паттернов повседневного поведения оказались наиболее приспособленными к трансформационному периоду, когда старые институты уже не действовали, а новые еще не легитимизировались в общественном сознании. Это обусловило криминализацию российских рыночных преобразований.

Транзакционные издержки перевода активов из неформальной экономики советского периода в полуполигализованную экономику российского общества начала 1990-х гг. оказались относительно невысокими по сравнению с издержками других экономических субъектов, которые пытались действовать на полуполигальном экономическом поле (например, иностранных компаний, которые сталкивались как со сложностью и противоречивостью легального законодательства, так и с неформальным давлением других экономических агентов).

Некоторые этнодвижения, создавая параллельные органы власти, изначально ориентировались на международную финансовую, организационную и политическую поддержку. Основные конгрессы, ассамблеи, съезды народов, представлявшие политические интересы тюркоязычных этносов России, получали финансирование со стороны турецких национальных благотворительных фондов и организаций. Организации адыгов («Адыгэ Хасэ», «Молодежная Хасэ», «Адыг-

ское братство», «Черкесский конгресс», «Конгресс карачаевского народа», Международная Черкесская Ассоциация, Межрегиональная общественная организация «Алан» и др.) собирали пожертвования с проживающих на Ближнем Востоке, в Европе и в Северной Америке соплеменников, на создание зарождающейся государственности адыгов. Они эмигрировали как до революции, так и после Великой Отечественной войны. Армянские национальные организации поддерживались армянской диаспорой, проживающей во Франции, США, Канаде, Ливане и т.д.

Приток грантов из-за границы привел к тагетированной коммерциализации этноидентичности. Переход из этнической идентичности, потерявшей социальный престиж, в новые экономически и политически выгодные этнические принадлежности стал для многих индивидов привычным делом.

Примиренческая позиция советской элиты по отношению к националистам не привела к дерадикализации национальных движений. Партийная номенклатура так и не смогла понять, как бороться с национализмом. Отсутствовали этносоциологические исследования национализма как политической идеологии.

Советские власти не учитывали, что в определении национализма большую роль играет идеологическое обоснование и националистически окрашенными могут быть взгляды практически любой партии. В политическом дискурсе наблюдалось явное смешение различных понятий, и под национализмом власти часто понимали все то, что не попадает под некую «срединную» идеологическую линию.

Политическая реакция властей была неотрефлексированной. Она часто запаздывала. Применение вооруженной силы оказывалось либо чрезмерным (как в Тбилиси в 1986 г.) и вызывало возмущение со стороны национальной интеллигенции, либо неэффективным (попытка провести силовые операции в Литве в 1991 г., чтобы помешать ее выходу из Союза).

Миротворчество советских властей сопровождалось политическими провалами во многом потому, что правящим элитам не удалось найти баланс между миротворчеством и принуждением. Силовые операции в зонах межэтнических столкновений были непоследовательными. Они часто прерывались перемириями, при этом отсутствовало четкое стратегическое видение, к какому именно порядку нужно стремиться при разрешении конфликтов.

Власти колебались, освещать ли происходящее в зонах межэтнических столкновений, чтобы не спровоцировать панику, или скрывать в максимально возможной степени, но тогда среди населения быстро распространились слухи, и межэтническая ситуация еще больше накалялась.

К середине 1980-х гг. как идеология, так и партийные и советские карательные органы институционально ослабли. Власти не знали, наказывать ли обе стороны в межэтнических столкновениях или только одну из них. Не было понимания того, как определять степень вины отдельного индивида в межэтнических погромах, нужно ли договариваться с неформальной националистической оппозицией (часть которой являлась родственниками влиятельных функционеров партии и комсомола), или ее нужно сразу преследовать в уголовном порядке, и т.п.

Даже после погромов в Фергане в 1989 г. и в феврале-марте 1990г. в Ташкентской области (Букинский и Паркентский районы) советские власти не смогли эффективно провести организованное переселение 16 тыс. турок-месхетинцев из Средней Азии. Такое переселение планировалось в Киргизию, Азербайджан, Казахстан, на Украину и в Россию (Смоленскую, Орловскую, Курскую, Белгородскую и Воронежскую области). Этномиграционные процессы были пущены на самотек. В результате основная часть турок-месхетинцев переселилась в Россию, в Ростовскую область и Краснодарский край, на неподготовленные для мигрантов территории, вызывая, в свою очередь, новые межэтнические конфликты между приезжими и местными жителями, особенно казаками.

Многолетняя привычка беспрекословно подчиняться приказам центральных властей демотивировала региональную бюрократию до такой степени, что часто она не предпринимала никаких административных действий до тех пор, пока конфликтогенная ситуация окончательно не выходила из-под контроля и пока не прибывали силовые подразделения из Москвы на подавление межэтнических беспорядков.

Как выяснилось к середине 1980-х гг., советская бюрократическая машина не продуцировала социальное доверие. Ни суды, ни правоохранительные органы, ни партийные структуры не обладали достаточным политическим, нравственным и социальным авторитетом, чтобы остановить этнические бунты и конфликты в Фергане и Нагорном Карабахе без применения масштабного государственного насилия.

Глава 4. Этногенез и этноинституты в Советском Союзе

Господство правового нигилизма вывело на первое место локальные этноклановые структуры. Они позиционировали себя как защитники «простого советского человека» от криминала и постепенно теряющей нити управления советской верхушки и одновременно как борцы с исторической несправедливостью. Эта «перевернутая пирамида» удерживалась благодаря определенным несущим конструкциям – пассивности, бездействию или соглашательству с властями со стороны других этносов или конфессий.

Выполняя квазигосударствообразующие функции по обеспечению безопасности на подконтрольном территориальном пространстве, представлению этнической общности во внешних отношениях, сбору налогов и осуществлению повседневного управления, этноэлиты рассматривали насилие как допустимый инструмент восстановления нарушенных интересов или исправления допущенной несправедливости в отношении своего этноса. С тех пор насилие в межэтнических отношениях стало восприниматься абсолютно нормально. Как показывают данные общероссийских социологических исследований⁴⁰⁹, даже в 2011 г. 44% опрошенных считали, что «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа», а 41% респондентов согласились с тем, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа».

Советское уголовное законодательство было институционально заточено под преследования диссидентов и несогласных в среде творческой и технической интеллигенции по статьям об антисоветской пропаганде, но фактически отсутствовали отдельные уголовные составы по преступлениям в сфере распространения ксенофобии, религиозной нетерпимости, экстремизма, нацизма, расизма. От диссидентов не ожидалось вооруженное сопротивление, скорее обычными были бы жалобы в международные правозащитные структуры, западным журналистам и общественным организациям.

Быстрое законодательное изменение советского уголовного законодательства было невозможно: забюрократизированная система не могла своевременно реагировать на возникающие вызовы со стороны национализма.

С политической точки зрения признание угрозы национализма означало бы крах этноинтеграционного проекта по созданию советс-

⁴⁰⁹ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. М.: Ин-т социологии РАН, 2011. С. 212.

кого человекам, кроме того, признание факта, что в стране, победившей в Великой Отечественной войне, не существует психологического иммунитета к распространению нацизма, а многолетние лозунги о «дружбе народов» не способны помешать росту этнорелигиозного экстремизма и ксенофобии.

Этноэлиты заметно переоценили собственную ресурсную базу и готовность членов своих этногрупп защищать с оружием в руках те или иные ценности, пусть даже их внешняя значимость в общественном сознании этносообщества никем и не отрицалась. Ввязываясь в межэтнические конфликты, этноэлиты обычно не ожидали серьезного сопротивления с другой стороны и не рассчитывали на сложные многолетние боевые действия. Предполагалось, что демонстрации силы и решительности «своего» этноса будет вполне достаточно. Но на практике война «как бы понарошку» превращалась в обычную войну, с применением тяжелой бронетехники, артиллерии, авиации. Опыт осетино-ингушского конфликта и двух чеченских войн показал, что далеко не во всех случаях жители Юга России готовы вступать в насильственные вооруженные конфликты, и иногда цена такого конфликта воспринимается в региональном социуме как чрезмерно высокая и неприемлемая.

Оценка – это неотъемлемый элемент процесса принятия решений в национальной политике, в котором методология не менее важна, чем результаты. Однако в советской науке не существовало теоретически и эмпирически надежных методов оценки потенциальных этноконфликтных столкновений, а западные конфликтологические теории и методики были практически не известны.

По мнению Л. Козера, конфликт предупреждает дальнейшие столкновения. Если стороны получают точное представление о силах друг друга, это впоследствии вынуждает их находить другие способы разрешения спорных вопросов. «Баланс сил влияет на осознание конфликта между потенциальными соперниками, на его динамику, на определение вероятного результата, а также на то, будет ли конфликт существовать в открытой форме». Оценка сил противоположной стороны помогает выбрать средства для достижения цели – насильственно-принудительные, альтернативные или отказаться от дальнейшего. Американский социолог заключает, что необходимое знание о силах конфликтующих сторон может быть получено только в результате конфликта. «Самое важное условие для предотвращения

столкновения – сравнительная осведомленность о силах обеих сторон – на самом деле очень часто может быть достигнуто лишь в самом конфликте»⁴¹⁰.

Но если продолжить конфликтологический анализ, то можно сделать вывод, что на практике стороны переоценивают свои силы и недооценивают ресурсы противника. Они предпочитают сознательно находиться в заблуждении, следуя совету Наполеона: «Главное – ввязаться в битву», в надежде на то, что дальше будет ясно, что делать и как.

Неточная оценка возможностей помогает мобилизовать союзников, которые иначе, если бы была бы известна реальная картина, отказались бы вступать в обреченное на неудачу столкновение. «Ввяжемся в конфликт, а там будет видно» – примерно по такому принципу ведут себя элиты.

Стороны конфликта стремятся вести себя непредсказуемо. Даже когда конфликтное столкновение предоставляет сторонам некоторую информацию о наиболее оптимальных мерах по установлению и поддержанию баланса сил в будущем, знание оказывается нефункциональным. Полученные сведения являются неполными и быстро устаревают, поскольку соотношение сил зависит от множества факторов и все время меняется. Соотношение сил можно установить и другими, более дешевыми способами – с помощью подкупа, внедренных агентов и т.п. Знание, полученное в ходе конфликта, не столь эффективно, поскольку слишком поздно что-либо изменять, а цена ошибки велика.

Смена идеологических ориентиров вызывает неустойчивость норм и правил поведения, кроме того, отсутствуют институционализированные механизмы достижения межэтнического компромисса между сторонами вооруженных конфликтов. Обычно в зонах этноконфликтов наблюдается нехватка совместных комиссий, комитетов, научных форумов и т.д. При этом нужно заметить, что если во внутрироссийских этноконфликтах представители противоположных и радикальных точек зрения еще как-то общаются между собой, хотя бы путем инкорпорации, как в Чечне, отдельных представителей религиозных радикалов в республиканские общественно-политические институты, то, например, общение между политической и академической общественностью Абхазии и Грузии отсутствует практически полностью.

⁴¹⁰ Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

Истинные причины этноконфликтов во многом остаются запутанными и непонятными для непосвященного зрителя, который, как в кривом зеркале, видит только искривленное пространство, т.е. только ту его часть, которая отражается в действиях официальных структур и преломляется в СМИ. Кажущаяся нелогичность и странность поступков участников конфликта объясняется именно двойственной природой этого процесса, что наиболее ярко проявляется в высказываниях лидеров противостоящих сторон, когда говорят одно, думают другое, а решения принимают третьи.

Постконфликтная ситуация вообще-то не устраивает ни одну из сторон. Данное положение считается временным и несправедливым. Этногруппе, участвующей в конфликте, сложно согласиться на условия худшие, чем те, которые были до межэтнического столкновения. Получается, что конфликт, на который было затрачено столько сил, не принес никакого результата. Все прошло впустую. Следовало ли вступать в борьбу? Отрицательный ответ означает признание неудачи, ошибку и неправильной оценки.

Для этноэлиты с точки зрения самосохранения во власти безопаснее признать временность заключенного мира. И тогда остается возможность реабилитироваться в глазах этноса.

Победа одной из сторон является фактически новым этапом конфликта и подразумевает его продолжение в будущем, поскольку сторона, добившаяся временного военного превосходства, переоценивает значение приобретенной победы. А она носит кратковременный характер. Применяя терминологию гештальтпсихологии, можно сказать, что «неоконченный конфликт» стремится к завершению. Победители, раздраженные упорным сопротивлением, также надеются добиться большего или хотя бы серьезно ослабить своего противника, чтобы обезопасить завоевания. Возникает своеобразное бихевиоральное клише, которое повторяется с незначительными вариациями.

Ни экономически, ни морально, ни политически постконфликтная ситуация не может удовлетворить побежденные группы, которые «зализывают раны» и накапливают силы. В затяжных конфликтах слабая сторона, потерпевшая поражение, раз за разом становится сильнее и сильнее, она учится воевать, приобретает необходимый опыт, новое оружие и вербует наемников. Никаких компромиссов и секретных соглашений – этнос сплавляется в единое целое. В дан-

ном случае срабатывает механизм «сжатой пружины» – осознание потерь и неудач ослабевает в памяти людей, а ненависть, наоборот, усиливается вместе со стремлением, накопив новые силы, продолжить борьбу, появляется стремление «наверстать упущенное» и компенсировать потери.

Ведущие конфликтологи утверждают, что конфликт помогает предотвратить стагнацию общества, ведет к его развитию, стимулирует поиск решения проблем и т.п. Применительно к этническому конфликту более убедительной представляется позиция структурно-функциональная, которая рассматривает конфликт как дисфункциональное, нежелательное явление в жизни общества. Рассматривая конфликты в длительной временной перспективе, можно прийти к выводу, что, вопреки мнению Л. Козера, отрицательных моментов набирается больше, чем положительных. «На уровне группы конфликт может нарушать систему коммуникаций, взаимосвязей, ослаблять ценностно-ориентационное единство, снижать групповую сплоченность и в итоге понижать эффективность функционирования группы в целом. Аналогичным образом деструктивные функции конфликта проявляются и в межгрупповых взаимоотношениях»⁴¹¹.

Продолжительное участие в конфликте приводит к негативным изменениям в личности человека. Социальные психологи указывают, что выражение враждебности вызывает ее усиление. Отдельный акт агрессии порождает дальнейшую агрессию⁴¹². Чем больше человек совершает жестокостей, деформирующих сознание, тем легче это сделать в дальнейшем. Незначительный дурной поступок упрощает совершение более тяжелого деяния, поскольку подрывается нравственная основа индивида.

Причинение вреда невинной жертве порождает у агрессора пренебрежительное отношение к объекту своих действий, давая ему возможность оправдать свое поведение. Межэтнический конфликт становится «жестоким игрой», которая «продолжается без конца».

Даже наблюдение актов жестокости приводит к эмоциональному ооченению. Согласно известному психофизическому закону,

⁴¹¹ Петровская Л.А. О понятийной схеме социально-психологического анализа конфликта // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии / под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой. М., 1977. С. 128-138.

⁴¹² Straus M. A., Gelles, R. J., and Streinmetz S. Behind Closed Doors: Violence in the American Family. New York: Anchor Doubleday, 1980. P. 3.

сила реакции на раздражитель снижается при каждом очередном его повторении. Наиболее обычной реакцией будет эмоциональное безразличие.

Как только решение принято, оно создает опоры для поддержки причины, оправдывающие его целесообразность. Трудно публично взять свои слова назад. Зачастую внутренний социально-психологический фундамент настолько силен, что если изымается его основополагающая часть, решение не отменяется.

Стороны межэтнического конфликта балансируют на грани военного столкновения, проверяя, у кого нервы крепче и кто не выдержит первым. Идет долгий предварительный период латентной проверки на выживание, причем результат определяется даже не ресурсами, а терпением сторон. Игроки друг друга «пересаживают», пытаясь заставить своего соперника ошибиться первым. «Выжидание, отсутствие действий со стороны одного из участников взаимодействия (в условиях более или менее равного распределения сил) создает своего рода ситуацию неопределенности. В этом случае выжидающая сторона рассчитывает на то, что другая при имеющемся напряжении, связанном с самой конфликтной ситуацией, и при дополнительном напряжении, вызванном неопределенностью, совершит какое-либо действие. Последнее станет для выжидающей стороны источником хотя бы минимальной информации о реальном состоянии противника»⁴¹³.

Превалирующая стратегия в этот период – ожидание. Каждая сторона надеется на неудачи и кризисы в стане противника, на более удачную внешнеполитическую обстановку или появление нового могучего союзника, пусть не в ближайшем будущем, а в отдаленном. Надежды сводятся к тому, что удастся тем или иным способом изменить соотношение сил в свою пользу и тогда придет час нового конфликтного столкновения и расплаты для противника. В. Г. Хорос использует для подобного поведения понятие «гипертрофированный футуризм». Суть данного явления в том, что «прошлое и настоящее полностью отрицаются во имя лучезарного будущего. Там, за морями горя, солнечный край непочатый»⁴¹⁴.

⁴¹³ Орлова Э.А., Филонов Л.Б. Взаимодействие в конфликтной ситуации // Психологические проблемы социальной регуляции поведения / отв. ред. Е. В. Шорохова, М. И. Бобнева. М., 1976. С. 320–342.

⁴¹⁴ Хорос В. Утопии // 50/50: Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. М. Феррон, Ю. Афанасьева. М., 1989. С. 243.

Ожидая новую возможность, стороны консервируют ситуацию в зоне противостояния на долгие годы, проверяя друг друга на прочность: устраивая провокации, похищая заложников, обмениваясь взаимными «любезностями» в виде небольших столкновений.

Накопившиеся взаимные обиды и злость, завышенные требования и опасения, поспешность в принятии решений и неуступчивость обеих сторон на переговорах, где никто не замечает своей пристрастности и не стесняется передергивать факты, не позволяют скольконибудь значительно улучшить обстановку в зоне конфликта. Никто не хочет сделать ни малейшей уступки, пойти на компромисс, никто не упускает случая выразить презрение к оппоненту. Ни одна из сторон не верит в длительный мир, ни одна не доверяет оппоненту, взаимные подозрения в коварстве становятся правилом и за аксиому принимается положение, что другая сторона только и ждет подходящей обстановки, чтобы «ударить в спину» в самый неожиданный момент. Стадия открытой конфронтации становится неизбежной.

Будущее социальных отношений «провисает», и сложно предсказать, где и когда произойдет очередной кризис. Возможно, через неделю, возможно, через месяц, а может быть, через год. В результате у противостоящих друг другу субъектов возникает желание, «чтобы все быстро закончилось». Психологическая неопределенность ситуации – столкновение может состояться, а может не состояться – заставляет пребывать в неуверенности и сомнениях. Стороны не знают, чего ожидать от другой стороны и от исхода конфликта.

Отрицательные эмоции накапливаются, и неизбежность нового конфликта предстает перед субъектами, принимающими стратегические решения, все отчетливей. Рассуждения строятся примерно по такой схеме: «Если конфликт, который неизбежен, не состоялся до сих пор, то тем больше шансов, что он состоится чуть позже, возможно, даже в ближайшем будущем». В психологии межличностных отношений такой процесс называется «иллюзорной взаимосвязью». Это восприятие взаимоотношений там, где их в реальности нет, или восприятие взаимоотношений более тесными, чем они являются фактически.

Межэтнические конфликты – это ситуации с взаимным отсутствием доверия, при которых на другую сторону проецируются все отрицательные характеристики и эмоции и другая сторона рассматривается как нечто иррациональное, чуждое и враждебное. Подобное

положение в шахматах называют «цугцвангом». Межэтническая ситуация является настолько тяжелой, что любые активные действия приводят к ухудшению обстановки. Довольно точно такое положение можно назвать «тупиком». Обоюдное насилие является поэтому скорее жестом отчаяния.

Теорема У. Томаса гласит, что «если люди оценивают ситуацию как реально существующую, то они предпримут в соответствии с ней реальные шаги»⁴¹⁵. Неверные мнения влияют на события, подпитывая их и подтверждая. В результате образуется порочный круг, своеобразная «ловушка неизбежности», в которую загоняются участники.

Еще один прием межэтнической борьбы К. Митчелл⁴¹⁶ назвал конструированием «марионеточного образа врага». Это попытка передвинуть ответственность дальше от самих сторон, обвиняя не этносообщество, которое сражается напрямую, а какого-либо внешнего агента. Это позволяет обелить собственную политику, утверждая, что проблемы с другим этносообществом отсутствуют и оно довольно способом обхождения с ним.

Во многих исторических случаях эти «кто-то» быстро находят. Практически всегда обнаруживаются вредители или враги народа, которые используются социумом как «козлы отпущения» и/или обвиняются в заговоре, работе на транснациональные компании и иностранные государства.

После конфликта мир нарушен. Появляется элемент, которого до сих пор не было и который изменил оценку сложившегося положения. Каковы бы ни были традиции взаимного сосуществования этносов, они не будут играть эффективную роль, поскольку конфликт радикально меняет структуру межэтнических отношений.

Часто предлагаемая конфликтологами формула «сосредоточиться на интересах, а не на позициях» является практически невыполнимой, поскольку во многих случаях этносоциальные субъекты преследуют трудно совместимые интересы. Иногда откровенное высказывание интересов является социально неприемлемым или даже невозможным. Но и в случае открытого высказывания интересов нет гарантий, что они будут удовлетворены. Нет смысла раскрывать кар-

⁴¹⁵ Thomas W., Znanieski F. The Polish Peasant in Europe and America. New York: Dover, 1958. Vol. 1-2. P. 186-187.

⁴¹⁶ Mitchell C. R. The Structure of International Conflict London: Macmillan, 1981.

ты противнику, который не собирается делать то же самое, и даже в случае открытой игры возможен обман, поэтому некоторые козыри лучше приберечь.

Большое значение в конфликте имеет моральное оправдание законности насильственных действий. Для «агрессора» важно показать, что он лишь «жертва», что была провокация и потому акция возмездия является законной. Получение морального «права на действия» как психологической инициативы обычно выступает первым этапом этноконфликта. Причем аргументы обычно сводятся к фразе: «Они первыми начали». Для общественного сознания этого вполне достаточно. Оправдываться в межэтнических конфликтах не принято. Стороны больше времени тратят на объяснение и оправдание решений, чем на их обдумывание и пересмотр. Политическая инициатива превращается в акцию по самозащите и самооправданию.

Неправильная оценка конфликта приводит также к тому, что стороны отказываются мириться с результатом, не соответствующим их представлениям о том, чем должен закончиться конфликт.

После конфликта ситуация радикально меняется. Какими бы ни были многочисленные заявления «о дружбе и сотрудничестве» в постконфликтный период, в отношениях сторон неизбежно появляется некоторое отчуждение, сопровождаемое повышенной эмоциональностью и возбудимостью, а также «эффектом взаимного заражения». Социальные соперники будут рассматривать друг друга как потенциальных врагов, пусть в отдаленном будущем, как ненадежных и опасных социальных партнеров.

В ситуации переговоров стороны стремятся оставить для себя еще один шанс для новой схватки. Используя переговоры как ширму для сокрытия своих воинственных устремлений, как тактический прием, цель которого выиграть время, стороны накапливают силы, невзирая на то, что в прошлом не раз уже терпели неудачи. Даже значительные потери не могут смягчить конфликт. «Не бывает так, чтобы кровь пролилась и просто так высохла. У нас говорят, что кровь никогда не высыхает»⁴¹⁷.

Западные исследователи убедительно показали, как люди, запертые в конфронтации, часто считают, что они слишком много вложи-

⁴¹⁷ Абдулатипов Р.Г. Чечня: трагедия России. В поисках путей мирного урегулирования конфликта в Чеченской Республике. М., 1995. С. 54.

ли, чтобы остановиться: «Я прошел трудный путь. Я отказался почти от всего. Я разорвал все связи. Я сжег все мосты. Я повернулся спиной к миру. Я не могу позволить себе усомниться. Я должен верить. И нет никакой другой истины»⁴¹⁸. Люди могут думать, что под сомнением их религиозная вера или что потраченные на конфликт ресурсы нужно компенсировать, и невозможно отрицать потери прошлого.

К. Боулдинг описал интересную форму социального замыкания – «ловушку жертвоприношения». Для иллюстрации этого процесса конфликтолог использует аналогию с человеческими жертвами, которые приносили ацтеки, чтобы обеспечить хороший урожай. Если жертвоприношения не приводили к желаемому результату, то жрецы считали, что недостаточное количество людей было предано смерти. К. Боулдинг заключает: «Сложно допустить, что кровь пролилась напрасно». Причина потерь становится «священной», а продолжение или эскалация насилия оправдываются ссылками на эти потери.

Отрицательные результаты объясняются разнообразными причинами, но выводы делаются только одного типа: «На этот раз все будет по-другому» и «Мы учтем уроки прошлого». Казалось бы, после того, как эти уроки учтены, должна последовать непрерывная серия побед. Но этого не происходит. Ситуация не меняется. Приходится возвращаться на первоначальные позиции с той же надеждой. Формируется стереотип многократного повторения неудачного межэтнического взаимодействия.

Старые обиды закрепляются, аккумулируются в этнической памяти и вызывают негативные эмоции. При новых межэтнических осложнениях груз старых обид сразу «вытаскивается» для нового использования. Прошлые конфликты используются для подтверждения факта, что другая сторона плохо поступала раньше, а в будущем поведет себя еще хуже. Возникает ситуация «ни войны, ни мира» – вялотекущий конфликт без активных боевых действий, без шансов на разрешение, без перспектив.

«Спрятанная война» – это прежде всего кризис доверия. Этноконфликты не просто меняют общественный порядок, а создают новый. Если стороны принадлежат к одной культурной парадигме и если возникший конфликт обеими сторонами рассматривается как нечто

⁴¹⁸ Чалдини Р. Психология влияния. СПб.: Питер, 2001. С. 124.

маловажное, как разногласие по текущим вопросам, которое не влияет на общее согласие и потому легко регулируется, то последствиями такого конфликта можно пренебречь. Во всех же остальных случаях конфликт приводит к эффекту «массового разрушения» – нерешенные разногласия по какому-либо одному вопросу неизбежно перетекают в другую область взаимодействия, разрушая и ее. Подозрительность и страх, порождаемые межэтническим насилием, разрушают сеть устойчивых ожиданий по поводу действий субъектов политики и ведут к дезорганизации общего институционального пространства. Факт межэтнического насилия может полностью разрушить предшествующий опыт позитивного взаимодействия.

Конфликт вызывает беспокойство не только самим нарушением межэтнического равновесия, но также и тем, как это нарушение будет развиваться в дальнейшем. С этой точки зрения межэтнический конфликт является результатом борьбы этнической группы, стремящейся приобрести статус, позволяющий извлечь позитивную ценность для ее членов и/или реакцию другой этногруппы на подобные действия. В конфликте действия и контрдействия соединены в тугой узел: если одна сторона чего-то хочет, то другая с такой же определенностью это отрицает.

Общественный порядок или конституционная законность, которую восстанавливают силы центрального правительства, отличается от ситуации в прошлом. Непонимание этого факта приводит к тому, что все объективные неудачи миротворчества (особенно если оно базируется на неправильной оценке) приписываются противоположной стороне. Эта сторона обвиняется в саботаже, злонамеренных попытках сорвать миротворческий процесс, в двуличии и двойных стандартах.

Часто победившая сторона выполняет карательные функции по принципу «око за око». Она не просто восстанавливает нарушенное равновесие, а стремится «справедливо» наказать провинившихся, ограничить субъектность противной стороны и ответить на насилие насилием, «не оставляя зло безнаказанным». Но возмездие в конфликте приводит к ужесточению насильственных действий, поскольку сложно посчитать арифметически, что является «справедливым».

Развитие конфликта, как и миротворчество, – это «дорога с односторонним движением», где невозможно одновременно двигаться в противоположных направлениях. Можно выбрать войну или мир, но

при этом нужно использовать только те способы и приемы, которые характерны для миротворчества или для войны.

В какой бы тяжелой стадии ни находился «глубоко укоренившийся» конфликт, надежды на мирное урегулирование все же остаются. Как пишут Л. Росс и Р. Нисбетт, «история – это не обязательно судьба»⁴¹⁹. Альтернативу такому пути найти сложно. Законы или другие правовые акты не разрешат конфликт, если не произойдет изменения в восприятии конфликтных правил у этноэлит. Не стоит терять себя надеждами на военную силу. Ее возможности в разрешении межэтнических конфликтов ограничены.

Отсутствие этноконфликтологии как академической науки и недостаток данных о поведении этногрупп при конфликтах заставляли советские власти прибегать к популистским лозунгам, что вносило в национальную политику элемент административной условности и политического произвола.

Отсутствовала как судебная практика, так и опыт прокурорского расследования правонарушений в межэтнической сфере. Этнические погромы правоохранительная система классифицировала в основном как «хулиганство», что не способствовало ни росту доверия к советским органам со стороны потерпевших, ни росту страха и уважения к ним со стороны потенциальных нарушителей законов и общественного порядка.

Идеологически взращенная убежденность советского человека в правильности единственной точки зрения, многолетняя привычка к «отрицанию во имя отрицания» и черно-белое отношение к истории России послужили питательной средой для возникновения убежденности националиста в приоритете именно своей нации, а не какой-либо другой. Выросшие в советской социокультурной среде, националисты использовали такие же революционные методы для полного разрушения старого общества, как и в отрицаемом ими советском прошлом.

Воспитанное неуважение к правам и свободам человека стало социально-психологической основой неуважения к правам индивидов с другой этнической или конфессиональной принадлежностью. Не соблюдались ни права индивида, ни коллективные права этногруппы, в которую индивид входит как полноправный член. В условиях изна-

⁴¹⁹ Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М., 1999.

чальной нацеленности на доминирование и подавление дегуманизация других этносов происходила быстро. Рост радикализации этносоциального пространства не остановил и распад Советского Союза.

Как только привлекательность советской идентификации снизилась и для правящих элит, и для большинства населения, как только началась десоветизация как в политической и экономической, так и в этнической сферах, активизировались этногенезисные процессы.

Активизация на евразийском пространстве представлений о том, что «члены этногруппы должны говорить на этноязыке», катализировала субэтнические процессы. Они во многом поддерживаются тем, что главным межэтническим противоречием, порожденным распадом СССР, выступает превращение русского народа в «разделенную нацию» и в «разделенный народ»⁴²⁰. В течение одного-двух поколений вполне возможно формирование калининградской идентичности⁴²¹ «западных россиян». Их повседневный русский язык испытывает сильное лингвистическое влияние со стороны польской речи.

В транзитивный период у граждан появилась легальная возможность не соблюдать советские нормы, пользуясь неопределенностью и сложностью мониторинга. Принадлежа к этническим и советской идентификационным системам, они могли легально избегать влияния обеих.

Этноидентификационное адгезионное якорение советскости и русскости стало одной из причин того, что в республиках десоветизация сопровождалась дерусификацией. Этномаргинальные группы, которые не могли самореализоваться в рамках социалистической системы и которые понимали, что советскость больше не является «охранной грамотой» от этнодискриминации, стали чувствительными к новым возможностям. Они пережили отрицание советского прошлого относительно легко.

Развитие государственности РСФСР нового типа стало попыткой республиканских властей отказаться от принятия на себя груза конфликтогенной исторической ответственности и «отвязать» советскость от российскости. Б. Н. Ельцин, его сподвижники и союзники стремились отделить российскую идентичность от советской при-

⁴²⁰ Руткевич М. Н. Теория нации: философские вопросы // Вопросы философии. 1999. № 5.

⁴²¹ Ачкасов В. А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «калининградский казус» // Политэкс. 2005. № 3.

Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической..

надлежности в политической сфере, развивая такие этносимвольные маркеры, как дореволюционный государственный флаг и герб, новые государственные даты (включая празднование дня суверенитета, конституции и т.п.). Однако попытка выстроить новый национальный идентификационный проект российскости как политического и идеологического противопоставления советскости закончился неудачей. Одной из причин является перегруженность общественного сознания советскими маркерными символами и институтами: именно с советским периодом развития национальной истории общество ассоциирует основные исторические победы (в Великой Отечественной войне, в космической гонке с Соединенными Штатами, в спортивных олимпиадах и т.п.)⁴²².

⁴²²Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2007. С. 90.

ГЛАВА 5

ЭТНОИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙСЯ РОССИИ

Деэтнизированная гражданственность как политический принцип объединения нации-государства на постсоветском этносоциальном пространстве была избрана практически только в России, хотя и не очень успешно. Национализм по-прежнему используется правящими элитами постсоветских государств, но сформировать гражданские нации пока не удается.

Схожие проблемы формирования гражданской нации и успешной ассимиляции этнических меньшинств и мигрантов испытывают такие развитые в экономическом отношении государства, как Бельгия, Германия, Голландия. К примеру, в Германии запрещена дискриминация по расовым или языковым основаниям. Однако некоторые рестораны отказывают туркам в обслуживании по той причине, что их присутствие приводит к межэтническому напряжению. В Бельгии же фламандский национализм концентрируется на необходимости защиты языка, который является объектом ассимиляции со стороны доминирующего валлийского этноса.

В 1990-е гг. Россия не стала гомогенным этносоциальным пространством. «Замороженные» в советское время административными, политическими и силовыми методами этногенезисные процессы реактивировались. В условиях, говоря словами Ю. Хабермаса, «активной ревизии традиций» они деформировали государство и его привычные управленческие функции. Возросла социальная значимость аскриптивных характеристик этносов (демографическая численность, протяженность территории проживания, историческая автохтонность и др.).

Общий подъем этносамосознания способствовал формированию этнодвижений у чеченцев, осетин, кабардинцев и др. С распадом Советского Союза балкарцы и прочие локальные группы (чегемцы, баксанцы, бизингиевцы, холамцы и др.), населяющие южные районы Кабардино-Балкарской Республики, под руководством Совета старейшин Балкарии стали стремиться самоопределить Балкарию в составе

России. Или укрупнить регион через территориальное присоединение Балкарского национального округа совместно с Карачаем к Краснодарскому краю.

Были частично сняты бюрократические ограничения на перемещение людей в виде обязательной прописки, снята режимность с Москвы, Петербурга, Сочи, закрытых от внешнего проникновения в советское время военных, научных и промышленных городов. Власти значительно упростили миграционное законодательство и порядок выезда за границу, а также въезда в страну. Принятые административные меры привели к активному перемешиванию этногрупп, даже несмотря на то, что власти всех наиболее привлекательных в миграционном отношении регионов России постарались оградиться дополнительными административными барьерами регистрации и региональным социальным законодательством. В частности, в регионах был введен «цenz оседлости»: определенное количество лет, которое индивид должен был прожить и отработать, чтобы встать в очередь на жилищный учет, получить региональное звание «ветерана труда» и т.д.

В новых паспортах графа «национальность» исчезла (хотя старые советские паспорта использовались многими гражданами вплоть до начала 2000-х гг.). Были значительно упрощены административные процедуры замены имени, отчества и фамилии по желанию самого заявителя, что облегчило индивидам «постмодернистские игры» позаме этноидентификации.

Этногенез стал политическим экраном, на который проецировались социокультурные, экономические и территориальные различия, подкрепляемые «силой слабого государства». Как указывают неoinституционалисты⁴²³, неспособность государства создать четкое и непротиворечивое законодательство приводит к развитию социального творчества и многочисленным интерпретациям сложившихся институтов и процедур. Политическая и административная слабость российского государства продуцировала этноэлиты к использованию стратегий манипулирования, т.е. «целенаправленных и оппортунистических попыток кооптироваться, влиять или контролировать»⁴²⁴ внешнее социальное окружение.

⁴²³ *Dobbin F.R. and Sutton J.R.* The Strength of a Weak State: the Rights Revolution and the Rise of Human Resources Management Divisions // *American Journal of Sociology.* 1998. 104. P. 441-476.

⁴²⁴ *Oliver C.* The antecedents of deinstitutionalization // *Organization Studies.* 1992.13. P.563.

Пользуясь социально-политической нестабильностью, снижением способности федеральных структур выполнять основные функции государства (заниматься урегулированием межэтнических конфликтов, осуществлением контроля над механизмами легитимного насилия или поддержанием общественного порядка), региональные этнолидеры в соответствии с пожеланиями демократических российских властей стремились «взять суверенитета столько, сколько смогли бы проглотить». Это проявилось в осознанном, хотя и политизированном захвате государственных функций субгосударственными акторами.

Стремление этнодвижений и этногрупп к обретению политической и территориальной автономии и к достижению государственной власти – одна из главных этносоциальных особенностей не только в России, но и во всем мире в последней четверти XX в. – начале XXI в. Но обнаружить социальные закономерности здесь сложно.

Р. Роговский, основываясь на парадигме рационального выбора, утверждает, что этногруппы не стремятся сформировать государства, пока этноэлиты не получат управленческие навыки. Только регионы с наиболее «продвинутыми» группами обладают наибольшей склонностью к сецессии. В Советском Союзе именно группы с самым высоким уровнем образования стремились объявить суверенитет раньше всех⁴²⁵, вынуждая другие этногруппы тоже стремиться к государственной власти в рамках иерархической системы этносоциальных отношений.

Другого мнения придерживается С. Митра, указывая, что именно регионы, контролируемые самыми «отсталыми» в многонациональном государстве этногруппами, стремятся отделиться сильнее остальных. Такие группы не обладают институциональными навыками, необходимыми для конкуренции на равных условиях в едином политическом и экономическом пространстве. Путем сецессии они получают, по существу, «протекционистское преимущество»⁴²⁶, создавая для себя этнорынок административных должностей, политических позиций, экономических возможностей и т.д.

⁴²⁵ Rogowski R. Causes and Varieties of Nationalism: a Rational Account // Tiryakian E. and R. Rogowski. eds. *New Nationalisms of the Developed West: Toward Explanation*. Boston: Allen and Unwin, 1985. P. 87–108.

⁴²⁶ Subrata K.M. The Rational Politics of Cultural Nationalism: Subnational Movements of South Asia in Comparative Perspective // *British Journal of Political Science*. 1995. 25. P. 57–78.

Полиэтнические государства заключают в себе структурную возможность потенциальной фрагментации на составные этнические части. В мире существует много государств, которые были созданы в ходе сецессии (самые известные примеры – Ирландия, Норвегия, Финляндия, Бангладеш).

С середины 1980-х гг. люди в СССР стали задумываться об этнической принадлежности, чувствах и эмоциях, исторических дореволюционных корнях, генеалогических линиях, традициях и пр. Этносоциологи указывают, что «этническая идентичность особенно важна там, где индивидуальное благо часто подчиняется некоему туманному определению социального блага, где будущее неопределенно. Появились графы в анкетах об этничности, расе и национальном происхождении. И поскольку некоторые группы стали получать от этого выгоду, они начали эти графы отмечать, чтобы получить полагающиеся им льготы от правительства»⁴²⁷. Новые этноинституты как конфессионального, так и лингвистического характера в 1990-е гг. воздействовали на социальную и профессиональную структуру индустриального общества.

Резкая смена привычных для советского общества институтов и активизация этногенезисных процессов на фоне регрессивных и депрессивных социально-экономических тенденций сопровождалась новой идеологизацией этносоциологических исследований.

В советское время этногенез изучался скорее в общем культурологическом аспекте. Этнологов и историков (социологи в таких исследованиях участия практически не принимали) интересовали традиции, этнические языки и диалекты, этносимволические структуры и пр. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. возник интерес к общим проблемам этногенеза, подкрепляемый в том числе и широким распространением среди северокавказской интеллигенции трудов и научных взглядов Л. Н. Гумилева⁴²⁸ и его сторонников. Однако этот интерес не был реализован в росте политически не ангажированных исследований. Этнологические исследования скорее субъективизировались в соответствии с политическими мотивами и целями.

⁴²⁷ Royce A.P. *Ethnic Identity: Strategies of Diversity*. Bloomington: Indiana University Press, 1982. P. 222-223.

⁴²⁸ Гумилев Л.Н. *Этносфера. История людей и история природы*. М.: Наука, 1993.

исторической древности того или иного этноса, специфики его этногенеза можно довольно легко и с относительно низкими издержками использовать в политической межэтнической борьбе с целью мобилизации своих сторонников и дискредитации оппонентов.

В республиках, краях и областях и практически у всех титульных этногрупп, а также у многих нетитульных народов (например, в среде ногайцев, абазин или шапсугов), в среде этнодиаспор появились гуманитарии – эксперты, любители – историки и общественные сторонники теорий автохтонного происхождения современной этногруппы на той или иной территории. «Именно ученые (историки, археологи, лингвисты, этнологи), или «контролеры коммуникации», снабжают сегодня как этнические группы, так и нацию желательной исторической глубиной... Прошлое, создающее важную основу идентичности (включая территориальные пределы), не является раз и навсегда установленным. Оно подвергается постоянным проверкам, реинтерпретации и переписывается местными интеллектуалами. Такая ревизия прошлого происходит, например, во вновь образовавшихся государствах, стремящихся освободиться от колониального наследия»⁴²⁹.

Историческое прошлое перетолковывалось так, чтобы оно соответствовало новым реалиям. В период роста этнодвижений вопрос о моральном долге и ответственности ученых как граждан, которые должны не только искать пути изучения и постижения социальной действительности, но и способствовать решению общественных проблем, практически не ставился. Этносоциологические исследования превратились в попытки оправдания социально опасного и разрушительного для социума поведения отдельных этногрупп и их элит. Достижения этносоциологии использовались для прихода к власти людей, бесчувственных к запросам и проблемам общества.

Этномифы обычно выстраиваются в соответствии с логикой этнополитического манипулирования, которая позволяют развиваться этнократическим региональным режимам. На Юге России возникла целая система научных центров, в которых исследователи из преподавательской среды выработали социально-философскую концепцию самоопределения казачества как субэтноса русского народа.

⁴²⁹ Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: ИЛО, 2006. С. 112.

Националистически настроенные ученые издавали большими тиражами монографии соответствующего содержания, рассчитанные исключительно на массового читателя. Они изобиловали множеством художественных сравнений, гиперболизацией отдельных исторических процессов или отдельно трактуемых фактов этногенеза тех или иных народов, конструированием этноисторической связи этносов с древними цивилизациями Греции, Персии, Древнего Рима, Византийской и Османской империй, с большим упором авторов на собственный интерактивный опыт нахождения в зонах межэтнических столкновений, чем на компаративный анализ.

В. Кузнецов и И. Чеченов используют по отношению к таким работам понятие «историческая некрофилия»⁴³⁰. В методологическом отношении общее у них одно: этногенез тех или иных российских народов выстраивался как постоянное ценностное, идеологическое и культурное противостояние с внешним врагом (обычно с Россией). Ссылки на неблагоприятные внешние обстоятельства деактуализировали проблему личной ответственности этноэлит за принятые ими в этноконflikтах ошибочные политические решения.

На Северном Кавказе вопрос об угнетении автоматически запускал формирование социально-психологического комплекса жертвы на основе реальных или мнимых и мифологизированных исторических обид и выгодных для националистов трактовок событий:

1. История вхождения в состав России, политическое противостояние с царскими властями и общее сопротивление этносов колониальной политике.
2. Кавказская война 1815–1864 гг.
3. Отдельные эпизоды народных антифеодальных восстаний на Северном Кавказе в период 1865–1917 гг.
4. Революции и гражданская война 1917–1925 гг. и связанные с ними взаимные репрессии сражавшихся сторон, появление протогосударственных северокавказских образований, например Горской республики, которую, при открытости всех архивов и большом количестве исторического материала, этнонационалистам стало удобно представлять как первый пример независимости северокавказских народов от России.

⁴³⁰ Кузнецов В.А., Чеченов И. М. История и национальное самосознание // Проблемы современной историографии Северного Кавказа. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ 1998.

5. Коллективизация, этнопринадлежность тех, кто осуществлял репрессии в традиционных сельскохозяйственных регионах, а также тех, кто материально и/или политически выиграл от коллективизации. Кроме того, часто упоминались неоднозначные по своим последствиям идеологические акции по эмансипации женщин (самой известной является политическая акция «Пальто – горянке!», когда предполагалось, что именно раскрепощение женщин Кавказа является главным условием успешности всех проводимых на региональном уровне реформ).
6. Великая Отечественная война, количество генералов, других высших офицеров и Героев Советского Союза среди представителей того или иного этноса.
7. Коллаборационизм, наличие или отсутствие сотрудничества с врагом в годы Великой Отечественной войны, со всем спектром эмоциональных оценок – от полного принятия действий советских властей той эпохи до столь же полного осуждения.
8. Сталинская депортация некоторых северокавказских этносов в 1944 г.
9. Административные и экономические сложности возвращения репрессированных народов на территорию, на которой они жили до депортации.
10. Бюрократические сложности с практической реализацией Закона «О реабилитации репрессированных народов».
11. Референдумы, социологические опросы, принятие региональных конституций.
12. Этноконфликты в 1990-е гг. на Северном Кавказе, включая проблемы недостаточного восстановления пострадавшей образовательной и медицинской инфраструктуры, предоставления компенсаций за разрушенное жилье, активизации деятельности антироссийских экстремистских сил, преследующих цель дестабилизировать ситуацию на Северном Кавказе,
13. Сохраняющиеся мигрантофобские, кавказофобские (и особенно чеченофобские) настроения в регионах России, часто детерминируемые действиями силовых структур, а также реальная возможность возникновения межэтнических конфликтов из-за нерешенных территориальных споров.

Идеологические взгляды и предпочтения ученых превращают этногенез российских народов в «дискурсивную практику позволяющую людям отправляться в прошлое, думая о современности, копаться там и перестраивать его в соответствии со своими потребностями»⁴³¹. Как следствие, этносоциология страдает от нехватки позитивистской беспристрастности и выдержанности.

Учитывая большое количество неконтролируемых вооруженных этноформирований, высокий уровень межэтнического насилия и резкую поляризацию социума на «наших» и «не наших» по этническому признаку, гражданская ответственность, подразумевающая необходимость противостоять этнорадикальным призывам в печати и публичных выступлениях, требовала от социальных ученых немалого мужества, о котором Платон говорил так: «Мужество порождает опасность».

Приоритет интересов титульного этноса по отношению к «значимым другим» оправдывался необходимостью восстановления исторической справедливости, прежнего («додепортационного») демографического баланса и т.п. Подобные аргументы эмоционально насыщены. Они активно используются в политической риторике в первоначальные периоды этностроительства, т.е. именно тогда, когда особенно актуальными являются вопросы легитимности новых этноэлит, только пришедших во власть, не ощущающих себя «новым дворянством» и не готовых служить «государственным интересам».

Наиболее уязвимым к экономическому, политическому и административному давлению со стороны титульных этногрупп было русское и русскоязычное население южнороссийских республик, которое подвергалось дискриминации и преследованиям. Этнодискриминационное выделение русскоязычных правоохранительными и административными региональными структурами было также направлено на социальное исключение доминирующих в советское время групп из таких относительно доходных в транзитивный период секторов экономики, как государственное управление, нефтедобыча, нефтепереработка, металлургия, золотодобыча и пр.

Этнонационалисты рассчитывали на то, что старшее поколение русских и русскоязычных просто уйдет из жизни или будет физически вытеснено за территории республик, а молодежь удастся отсечь от русских институтов и ассимилировать в титульную этнокультуру.

⁴³¹ Jenkins K. Rethinking History. London: Routledge, 1991. P. 68.

Некоторые кавказоведы даже определяют ядро северокавказской культуры следующим образом: то, что «недопустимо в отношении своих, допустимо в отношении русских»⁴³². Навязывание новых этноинститутов русские и русскоязычные справедливо воспринимали как попытки этнонационалистов провести форсированную дерусификацию. Начался массовый, как относительно добровольный, так и принудительный, исход русского населения, особенно квалифицированных специалистов, с региональных окраин.

Общественные организации, которые выражали и отстаивали политические интересы русскоязычного населения, добивались формирования полиэтничной политики, сохранения этнокультурного разнообразия и формирования гражданского общества, маргинализировались в условиях доминирования некоммерческих **М**ногочисленных организаций и центров, нацеленных на поддержание этнотрадиций. Многие общественные объединения русскоязычных существовали формально, они практически не проявляли активности в решении социальных и межэтнических проблем.

Региональная политическая поддержка титульных этносов не привела к ускорению экономического, политического и социального развития: этнодискриминационный «сдвиг ответственности» на русских и русскоязычных стал в Чечне одним из фоновых институциональных условий деиндустриализации республики и возникновения этнополитического конфликта.

Несмотря на то, что с 2001 г. федеральные и региональные власти **Р**азрабатывают различные проекты возвращения, например, в Чеченскую Республику русских и русскоязычных специалистов и их семей, без обеспечения личной безопасности, предоставления им жилья, рабочих мест правовая защита невозможна.

Высокий уровень латентизации взаимных этнопретензий в советское время (поскольку открытый национализм подавлялся политическими, милицейскими и даже военными методами) привел к «эффекту лавины». Этнонационализм привлек симпатии всех лишенных социальных перспектив в системе социалистических отношений. У жителей России как бы «внезапно» возникли ксенофобия, страх, возмущение и взаимное недовольство по отношению друг к другу. Раз-

⁴³² Цуциев А.А. Русские и кавказцы: очерк привычных восприятий // Научная мысль Кавказа. 2001. № 2. С. 72.

линия в интерпретациях национальных историй, ключевых событий, отраженных в исторической и институциональной памяти, культурных и социальных травм, будто бы нанесенных другими этногруппами или государственными властями в XIX–XX вв., а также территориальные претензии к соседям по регионам резко актуализировались.

Этноэлиты «заостряли внимание на нерешенных экономических и социальных проблемах общества и возлагали ответственность за проблемы на внешнюю этногруппу»⁴³³. Ксенофобия подогревалась соперничеством интеллигенции разной этнопринадлежности за доступ к государственному аппарату.

Неоинституционалисты указывают на важность «теоретизации, развития и уточнения абстрактных категорий и формулировки таких паттерных отношений, как причинно-следственные связи»⁴³⁴ в конструировании новых институтов. На постсоветском пространстве вопросами теоретической разработки идеологических платформ и концепций новых национальных движений занималась интеллигенция.

Этногенез проходил в условиях роста конфликтогенности и межконфессиональной интолерантности, которые маргинализировали общественное сознание и привели к росту социальной неуверенности, психологической неопределенности и аномии.

Межэтнические конфликты чаще свойственны транзитивным эпохам, во время которых происходит резкая смена привычных институтов. Институциональная неопределенность способствует конфликту, когда стороны не знают, чего ожидать от другой стороны и от конфликтного исхода.

Этничность сложно напрямую экономически использовать. Она может принести дивиденды только в транзитивных ситуациях межэтнических конфликтов, если дискриминируются другие группы на этнических основаниях, которые не получают доступа к ресурсам и власти. В подобной ситуации другие этнические группы также не сидят сложа руки. Они тоже стремятся к власти. Выдвинутые раньше требования обесцениваются, и их уровень приходится поднимать. Возникает «инфляция притязаний». Конкуренция между этническими группами приводит к порочному кругу этнического экстремизма.

⁴³³ O'Sullivan K. First World Nationalism: Class and Ethnic Politics in Northern Ireland and Quebec. Chicago: Chicago University Press, 1986. P. 75.

⁴³⁴ Strang D. and Meyer J. W. Institutional Conditions for Diffusion // Theory and Society. 1993. 22. P. 492.

Этноклановая система, установившаяся в регионах, контролировала ресурсы, выделяемые федеральным центром на восстановление экономики и социальной сферы, развитие малого и среднего бизнеса, демократических процессов. Практически повсеместно советские «красные директора» сменились «этнодиректорами», тесно связанными с коррумпированными местными элитами, кланами и/или криминальными группами. Однако это не привело к повышению экономической эффективности.

Снижение культуры управления ускорило экономический кризис. Основные промышленные активы перешли из-под контроля региональных элит в собственность основных финансово-промышленных групп: «Норильский никель», «ГАЗПРОМ», «Альфа-банк» и пр.

В условиях экономической деинструментализации этничности к началу 2000-х гг. «правильная», с точки зрения националистически настроенной части региональной элиты, идентичность уже не гарантировала доступ к экономическим активам. Однако этноклановые и этноземляческие связи могли помочь в получении выгодно расположенного земельного участка, быстрой регистрации сельскохозяйственного предприятия, получении статуса индивидуального предпринимателя и соответствующих налоговых льгот и т.п.

«Неправильная», с точки зрения титульного этносообщества, идентичность мигрантов из зон военных конфликтов и политической напряженности, которые перемещались в небольшие сельскохозяйственные сообщества (например, турки-месхетинцы из республик Центральной Азии в 2000-е гг. стали селиться в сельских районах Краснодарского края), испытывала на себе все имеющиеся бюрократические ограничения. Часто бюрократические сложности возникали в ситуациях, когда мигранты не обладали достаточным финансовым ресурсом. Или когда они не имели достаточного ресурса неформальных взаимоотношений с региональными чиновниками с тем, чтобы получить, к примеру, землю для выращивания сельскохозяйственных культур.

Отсутствие рефлексивности по отношению к этнодискриминационным ограничениям, которая присуща западным этническим и социальным меньшинствам, не позволяло региональным элитам стабилизировать межэтническую и межрелигиозную ситуацию, что маргинализировало общественные настроения среди мигрантов и принимающего населения.

Важной институциональной формой этнодифференцирующих процессов на Юге России является диаспорогенез как формирование транслокальных сетей беженцев, мигрантов и вынужденных переселенцев. Особенно активно увеличивается число «нетрадиционных» для Юга России этносов, которые до начала 1990-х гг. фактически не были представлены в этносоциальном пространстве региона или их численность была слишком незначительной, чтобы межэтнические отношения местного населения с ними могли приводить к этноконфликтам.

С 1989 г. на Юге России существенно возрос удельный вес этногрупп армян, грузин, месхетинских турок, хемшил, лазов, батумских турок, терекеме, удин, езидов, курман, поша, махо и пр. Сократилась численность украинцев, белорусов, немцев, греков, адыгейцев, евреев, финно-угорских народов⁴³⁵.

Несмотря на небольшой процент «нетрадиционных» мигрантов в общем миграционном объеме людей, прибывающих на территорию южнороссийского региона, общественное мнение местного населения по отношению к ним настроено негативно, в том числе и по причине низкого уровня их социальной адаптивности. Местным властям приходится решать сложные проблемы, возникающие в ходе высокого притока мигрантов: по градостроительству, расширению дошкольной и школьной сети, койко-возможностям учреждений здравоохранения и пр.

В регионах периодически возникает межэтническая напряженность в отношениях между диаспорами мигрантов, формирующими новые субэтнические идентичности, и принимающим населением, что проявляется в локальных конфликтах.

Одним из наиболее проблематизированных этносов в региональном сознании являются курды. «Курдский вопрос» актуален не только в Ростовской области или Краснодарском крае, но и в таких северокавказских республиках, как Адыгея, где с начала 1980-х гг. началась интенсивная курдская иммиграция. В некоторых районах до трети курдов проживают без регистрации, несмотря на формально упрощенный и заявительный административный порядок этой процеду-

⁴³⁵ Бугай Н. Ф. Межэтнические, межконфессиональные, межкультурные отношения на Северном Кавказе – приоритетные составляющие государственной национальной политики 1990-х годов – начала XXI века // Южнороссийское обозрение. 2010. № 63. С. 140.

ры (правоприменительная практика которой фактически является дискриминационной).

Отсутствие четкого правового статуса провоцирует конфликты курдов не только с местным населением, но и с властями, которые, в свою очередь, также не настроены на поиски институционального компромисса. Отдельные вспышки межэтнической конфликтности в 1996, 2002, 2003 гг. отмечались во многом потому, что власти вместо политики социокультурной интеграции используют в основном судебные, полицейские и административные методы для регулирования численности курдской общины.

Высокий адаптационный потенциал к инокультурному давлению характерен для субэтногрупп греков на постсоветском пространстве, у которых этноидентификационные паттерны эллинизации сменились в XX в. с этноконфессиональных на этнолингвистические. К ним относятся:

1. Ромеюс, живущие на Юге России и говорящие на понтийском (черноморском) наречии.
2. Понтийцы, живущие на Украине и использующие как крымско-татарский язык, так и диалекты мариупольского новогреческого.
3. Эллыны, проживающие в Центральной Азии и использующие новогреческий⁴³⁶.
4. Греки-урумь, проживающие на Юге России⁴³⁷.
5. Черкесские (горские) греки⁴³⁸.

Соблюдение или несоблюдение этноинститутов является важным конфликтогенным фактором в условиях полиэтничной среды и вынужденного взаимного проживания представителей разных этнических групп, особенно мигрантов и принимающего их населения. На повседневном уровне происходит четкое структурирование ассимилированных и не ассимилированных мигрантов, соблюдающих или не соблюдающих этнотрадиции и нормы представителей нети-

⁴³⁶ *Иванова Ю.В.* Греческая диаспора в странах СНГ: межэтнические культурные связи и проблемы этнического самосознания // Проблемы греческой культуры. Симферополь: СГУ, 1997.

⁴³⁷ *Колесов В.И.* Материалы по истории и этнографии греков-урумь // Понтийские греки. 1997. № 5. С. 91.

⁴³⁸ *Колесов В.И.* Черкесские (горские) греки // Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых этнических и лингвистических меньшинств. 2000. № 2. С. 88.

тульных этносов и пр. Это свидетельствует о недостаточном регулировании государством институтов совместного проживания в общем территориальном пространстве (этажном, подъездном, домовом, квартальном и т.д.), а также о слабости государственного принуждения по отношению к бытовым нарушителям порядка и спокойствия других граждан.

Результаты социологических исследований показывают четкую связь национальной маркировки индивида и отношения к нему в разных социальных ситуациях⁴³⁹.

По мнению респондентов, этничность индивида влияет на их готовность включить его в число друзей, соседей по дому или потенциальных спутников жизни. При этом значение имеет не этничность сама по себе, а ее институциональное содержание. Индивиды с отличающимися от принятых в рамках этнического большинства нормами поведения в том, что касается праздничных ритуалов, употребления в пищу тех или иных животных и др., воспринимаются как плохо предсказуемые и слабо адаптирующиеся. Они могут доставлять бытовое беспокойство и неудобства соседям, проявлять повышенную агрессивность, возможно, даже провоцировать правоохранительные органы на регулярные проверки, в случае каких-либо конфликтов – вызовы соседей для дачи объяснений в органы следствия в качестве свидетелей и пр. 40% опрошенных подчеркивают значимость этноидентичности в определенных жилищных ситуациях, например при сдаче квартиры в аренду. Бытовая локализованность этничности является одной из основных причин амбивалентного восприятия полиэтничности в России.

Для вступления в брак и сохранения успешных семейных отношений также необходимо, чтобы у партнеров была определенная конкурентность этноинститутов, регулирующих семейную сферу. В отличие от жестких бихевиоральных ситуаций работы или соседства по дому, когда индивидуальный выбор симпатий ограничен, когда сложно прибегнуть к эскапизму и надо находить правила совместного сотрудничества и общежития, относительную свободу выбора предоставляет сфера дружбы. В дружеских отношениях практически нет опасности использования непонятных или раздражающих институ-

⁴³⁹ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. М.: Ин-т социологии РАН, 2011. С. 195.

тов. Друзья свободны в конструировании наиболее удобных для них, никого не обижающих и не раздражающих и в то же время толерантных к индивидуальным различиям институтов в языковой, религиозной или конфессиональной сферах. Этим можно объяснить тот факт, что только для трети (29%) опрошенных московскими социологами национальность индивида важна при выстраивании с ним дружеских отношений.

Процессы титулизации этносоциального пространства до сих пор во многом воспринимаются и гражданским обществом, и элитами как возможное политическое продолжение распада Советского Союза и как потенциальная угроза территориальной целостности России на Кавказе, хотя институциональная природа этих процессов различна.

Продвижение институционального концепта титульности как набора предпочтений и прав определенным этническим группам на региональном уровне зеркально отражается в росте среди населения страны в целом представлений об иерархизированности этноотношений и о необходимости поддержания титульности уже русского этноса в рамках России. Подобная институциональная ситуация провоцирует рост конфликтности.

Ключевым индикатором этноинституциональных отношений в современной России продолжают оставаться вопросы этничности, в особенности титульности, доминирования или главенства одних этногрупп по отношению к другим. Психологическое определение «кто в доме хозяин», а значит, какая этногруппа устанавливает общие правила игры, подразумевает установку либо на горизонтальную организацию этногрупп в масштабах страны, либо на жесткую вертикаль, в которой главенствующее место занимают русские.

Существует структурный институциональный конфликт между идентичностью россиянина и этноидентичностью. Несмотря на формально разные уровни социальной идентификации (россиян в стране существенно больше, чем членов той или иной этногруппы), они претендуют фактически на одну идентификационную нишу.

Этноконфликтность провоцировала жителей России к более четкой этноидентификации, чем в условиях мирного сосуществования этносов. Пограничные субэтногруппы маргинализировались и вынуждались к выбору единственной этноидентичности (например, в смешанных осетино-ингушских семьях в условиях этноконфликта вокруг Пригородного района) или мигрировали. Иногда они выезжа-

ли в центральные регионы. Лишенные политического «прикрытия» со стороны региональных властей и в целом находящиеся на позициях политического нейтралитета, нетитульные этноменьшинства и русскоязычные субэтногруппы либо выдавливались этнорадикалами с обеих сторон силовыми методами, либо сами покидали территории привычного обитания как внутренние переселенцы.

В 2000-е гг. деформировались процессы трансмиссии этноидентичности. Длительное социализирующее принятие этнических институтов, в процессе которого индивид частично трансформирует их в соответствии с предпочтениями, стало необязательным. Внутригрупповое межличностное сцепление ослабло, снизились ресурсные и временные издержки на заимствование норм и ценностей других этнокультур.

Рост количества гибридных этноидентичностей связан также с тем, что традиционные ценностные основы и стереотипы этноповедения в условиях двойственности этнодискурсных практик (которые в значительной степени зависят от региональных СМИ) меняются быстрее, чем в советском прошлом. Постсоветское ускорение трансмиссии этноидентичностей привело к тому, что у этносоциальных агентов появилось больше возможностей выбора этноинститутов, которые прежде воспринимались бы как девиантные и маргинальные.

Произошел регресс ряда этногрупп к практически исчезнувшим в советском социальном пространстве этноинститутам, характерным для докапиталистических отношений. Вновь ожившие институты стали выполнять функции социального контроля, осуществляя косвенную защиту социальных и экономических интересов, а также индивидуальную безопасность членов этногруппы с помощью, к примеру, потенциальной кровной мести. Но хотя по своим функциональным характеристикам такие институты напоминают нормы и традиции прошлого, их структурное содержание существенно изменилось по сравнению с XIX в. В местностях, где институт кровной мести до сих пор практикуется, он фактически дополняется множеством институциональных исключений и расширенных толкований (например, обязанностью потерпевшей стороны провести тщательное следствие и установить круг виновных – с привлечением правоохранительных и силовых органов, даже на возмездной основе). Похожие структурные ограничения, уже экономического характера, накладываются на

традиционные институты, регулирующие семейно-брачные отношения. В экономической теории это называется проблемой «внешней эффективности»⁴⁴⁰.

Традиционные институты обеспечивают «крутую позу» и «ритуализированную форму маскулинности», через которую маргинализованные и депривированные слои подтверждают свою «гордость, силу и контроль». Институционализированное насилие свойственно множеству традиционных и религиозных культур и субкультур (к примеру, культуре «библейского пояса» в Соединенных Штатах).

В общественном сознании стало очевидным, что новые демократические и рыночные институты не могут обеспечивать социально-психологическую устойчивость регионального социума и развитие гражданских отношений. Русское культурное влияние снизилось, отжившие традиционалистские этноинституты кровной мести, многоженства, традиционного рабства и рабовладения фактически ревитализировались. Этому способствовали не только межнациональные конфликты и большое количество появившихся в результате них заложников, похищенных и военнопленных, но и общая дегуманизация и традиционализация межэтнических и социальных отношений.

Этнотрадиционализм носил двойственный в функциональном отношении характер. Для российских регионов этнотрадиционализм воспринимался как движение назад и отказ от модернизационных преобразований (не говоря уже о попытках создать новую инновационную экономику). Этноэлиты рассматривали ретрадиционализацию политической сферы как инструмент адаптации к влиянию глобальных институтов для осуществления модернизации «на своих условиях», если не по западному варианту, то хотя бы по восточному.

Формирование органов власти и управления в значительной степени определялось аскриптивными и партикулярными этнотрадиционными механизмами. Институциональной основой этнотрадиционализма стали активно развиваемые в транзитивный период этнокодексы как обширные совокупности конвенциональных правил и норм коллективной повседневной деятельности того или иного этноса. Этнокодексы не только формируют институциональную среду для межэтнических интеракций, но и служат основой для трансляции

⁴⁴⁰ *Лейбенштейн Х.* Аллокативная эффективность в сравнении с X-эффективностью // Вехи экономической мысли. 2000. Т. 2. С. 477–505.

этнокультуры, актуализации этнокультурных смыслов в общественном сознании, социализации молодежи, деагрессивизации ее этнокультурных практик и обучения ее толерантным традициям и этнокультурному опыту.

Как писал Э. Гидденс, «традиции не только со временем эволюционируют, но и подвержены резкому, внезапному изменению и трансформации. Если можно так выразиться, они все время изобретаются заново»⁴⁴¹. Регулируя широкий круг общественных отношений в рамках этногруппы, традиционные этнокодексы оказались уязвимыми к институциональным вызовам со стороны новых интерпретаций этноконфессиональных норм у исламистов, национальных экстремистов, вахабитов, «хиджабовцев» и др.

Выдвижение региональных лидеров регулировалось традиционными механизмами, которые в 1990-е гг. пришли на смену партийным. В республиках (прежде всего Дагестане, Ингушетии и Чечне) этногенез стал этнопатримониальным, основывающимся на религиозных и/или этнических традициях, а также харизматической власти авторитарного регионального лидера и его кланового окружения, а этнорегиональная политика превратилась в «политику особого ядра нации и для этой нации»⁴⁴².

Появление патримониально-деспотических режимов сопровождалось понижением экономического уровня жизни населения, распадом возникших в советское время институтов, а также архаизацией этносоциальных отношений в целом. Под «зонтиком» идеологии восстановления исторической справедливости и развития этнокультуры титульные этногруппы, тейшы и кланы стали занимать привилегированные позиции в политической, экономической и административной сферах. В Адыгее основные политические позиции заняло этнодемографическое меньшинство адыгейцев как титульный этнос. За ним были закреплены определенные законодательные и политические преференции. Произошла этнизация политических прав адыгейского меньшинства. Адыгейская элита, испытывающая социальный страх потерять политическую власть в результате нормальных

⁴⁴¹ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Вестъ мир, 2004. С. 57.

⁴⁴² Brubaker R. In the Name of the Nation: Reflections on Nationalism and Patriotism // Ab Imperio 2. Conversations about Motherland. 2006. P. 63.

демократических процедур, по мнению М. Саввы, стала «политическим большинством»⁴⁴³.

Республиканские власти проводили тагетированную этномиграционную политику привлечения зарубежных адыгов, в том числе косовских⁴⁴⁴. Однако политика привлечения этномигрантов закончилась неудачей (из Косово в Адыгею переселилось всего несколько десятков семей). Причины этого не только экономические. Одна из причин заключается в этноинституциональной разобщенности кочевников, которые делятся на родственно-земляческие кланы, политико-социальные объединения байраки и семейно-племенные фисы.

По мнению Н. Флигстайна, акторы борются за то, чтобы добиться «системы доминирования», которая будет служить их интересам⁴⁴⁵. Этнические группы стремились расставить «своих людей» и взять под контроль крупные промышленные и бизнес-структуры, силовые структуры собственных республик, занимая максимальное число ключевых позиций и продвигая свои интересы на всех уровнях.

Для «внешней аудитории», СМИ, зарубежных и общенациональных бизнес-структур, организаций гражданского общества титульные этнические группы позиционировались как этнические группы – лидеры в регионе. Однако социально-психологическое чувство повышения эффективности не привело к реальной эффективности в региональном управлении.

Нехватка ресурсов, слабость индустриального потенциала, недостаточное количество профессионально подготовленных управленческих кадров и инновационных социальных технологий привели к тому, что пришедшие к власти на волне демократических трансформаций этноэлиты оказались неспособны нести социальные расходы, необходимые для поддержания региональной инфраструктуры. Это существенно подорвало легитимность насилия, поскольку в функциональной основе легитимное насилие – инструмент расширения функций государства. Государство имплементирует новые правила, берет под контроль прежде автономные сферы общественной и частной жизни

⁴⁴³ Савва М.В. О конфликтном потенциале межэтнических отношений на Юге России // Конфликтология – теория и практика. 2004. № 3. С. 55-60.

⁴⁴⁴ Соколова А.Н. «Социокультурный портрет» косовских адыгов // Сбережения народа: традиционная народная культура. Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани» 2007. С. 129-133.

⁴⁴⁵ Fligstein N. Social Skill and the Theory of Fields // Sociological Theory. 2001. 19. P. 105-125.

ни и одновременно укрепляет институты, осуществляющие государственный контроль (суды, правоохранительные органы и т.д.). Легитимное насилие появляется тогда, когда государство берет на себя социальные расходы, поэтому отказ от несения социальных расходов разрушает сферу взаимодействия индивида с государством.

К концу XIX – началу XX в. абсолютистское государство в экономическом отношении стало слишком обременительно. Экономическое преимущество национализма состояло в том, что национальное правительство приняло на себя внешние и внутренние социальные расходы общества. Государство взяло на себя большую часть инвестиций в человеческий капитал путем роста расходов на образование, в том числе высшее, а также расширения круга социальных слоев, которым полагались пенсии и пособия. Это снизило расходы рыночного сектора на воспроизводство человеческого капитала, а высвобожденный финансовый капитал промышленники стали инвестировать в технологическое переоснащение производства. Так, в Германии появление национального государства по времени совпадает с социальными реформами О. Бисмарка, которые позволили ему завоевать поддержку промышленников.

Эпоха национализма в Европе – это эпоха промышленной революции. Рост производства индустриальных товаров позволил государствам первой «волны» национализма (Великобритания и Нидерланды) в процессе торговых транзакций со своими католическими соседями оставлять себе большую часть прибавочного продукта, для обслуживания которого были созданы современные финансовые институты (банки, биржи, транснациональные корпорации и т.д.). Рост национализма в Европе по времени совпал с формированием современной банковской системы, которая, обладая «избыточным» капиталом и стремясь найти ему применение, способствовала внешнеэкономической экспансии и колониальным захватам.

Национальное государство занималось более активным вмешательством в экономику и общественную жизнь по сравнению со «старыми» консервативными режимами. Например, в постреволюционной Франции буржуазия поддержала Наполеона, который завоевательными походами, государственными заказами, а также искусственным ограничением внешней конкуренции со стороны Великобритании (с помощью политики «континентальной блокады») помогал сохранить высокую норму прибыли.

«Внутренние социальные расходы» в терминологии О'Коннера – это расходы на социальное обеспечение, а также траты, связанные с разрешением экономических противоречий капитализма, в частности расходы на подавление силами правопорядка низших и маргинальных слоев общества⁴⁴⁶. Под «внешними социальными расходами» подразумеваются прежде всего расходы на создание единого национального рынка и фискальное стимулирование инноваций. Когда государство стало доминирующим защитником прав собственности, начали развиваться национальные и международные рынки. Национальные рынки позволили снизить транзакционные издержки, повысить внутринациональный товарный оборот и увеличить скорость обращения денег, что привело к снижению инфляции. Снижение инфляции отразилось на росте сбережений, произошел рост инвестиций и началось более активное внедрение инновационных методов производства.

Внешние расходы включают в себя прямые субсидии капиталистическим предприятиям в создание рыночной инфраструктуры, необходимой для получения прибыли. Увеличения расходов на социальное потребление требуют как капиталисты, стремящиеся покрыть затраты на воспроизводство рабочей силы, так и сами рабочие, борющиеся за расширение социальных прав.

Отсюда очевидной становится природа экономических проблем, с которыми сталкивается правительство М. Саакашвили в Грузии. Ему очень сложно мобилизовать внутренние общественные ресурсы (которых недостаточно) и еще труднее взять на себя все внутренние и внешние социальные расходы общества, а также провести масштабные институциональные реформы. Неустойчивость положения М. Саакашвили в значительной степени основывается на его неудачных попытках создать общегрузинский национальный рынок и обеспечить его защиту правовыми и внеправовыми тарифами от негрузинских предпринимателей (Грузия уже вступила в ВТО). Низкие доходы населения создают низкий потребительский спрос, что, в свою очередь, приводит к низкой норме прибыльности грузинских предприятий, ориентированных на внутренний рынок.

Недостаток инвестиций задерживает технологическое перевооружение предприятий – и низкие зарплаты на предприятиях закреп-

⁴⁴⁶ *O'Connor J. Fiscal Crisis of the State. New York: St Martin's, 1973.*

ляют устойчивый «круг бедности»⁴⁴⁷. Даже внешние займы не приносят особого эффекта, поскольку способность распоряжаться этими займами существенно увеличивает силу правительства М. Саакашвили в ущерб оппозиционным партиям. Они служат экономической предпосылкой формирования авторитарного правления и «экономики социальных пособий» (нечто подобное происходит в Палестине). При этом эпоха «благополучия для всех» все равно не наступает: именно нехваткой социальных ресурсов можно объяснить многочисленные конфискации имущества у политических противников М. Саакашвили (наподобие А. Абашидзе), а также у криминальных авторитетов.

Происходит деформация внутригрузинского рынка труда: наблюдается колоссальный разрыв между высокооплачиваемой занятостью в тбилисских представительствах международных организаций и некоторых транснациональных компаний и гораздо более низкими зарплатами в бюджетном и реальном секторах экономики. Это еще больше замедляет экономическое развитие и мешает образованию национального рынка, регионализация которого является одной из причин появления замкнутых традиционных и этнических кластеров в Панкийском ущелье.

«Переход на самообеспечение» в ключевых сферах (медицинской, образовательной, экономической) приводит к автоматизации людей и анклавизации общественной жизни, что подрывает социальное сцепление между государством и обществом, престиж государственных элит и административных служащих. В результате на постсоветском пространстве сформировалось «ордынское государство»⁴⁴⁸.

Для определения причин неудачных институциональных трансформаций этнократических северокавказских режимов (к примеру, режима А. Масхадова) может оказаться полезным анализ работы Че Гевары «Партизан как преобразователь общества»⁴⁴⁹. В эпоху повышенных модернизационных ожиданий кубинский национализм пред-

⁴⁴⁷ Барбашин М., Казн А. Этничность и процессы политического развития на Кавказе (на примере Грузии) // Policy Brief, Российско-американский форум экспертов (ноябрь 2007 г.). С. 1-4.

⁴⁴⁸ Амрокулов И. Правящая элита Казахстана: аномалия или норма? (К дискусионной постановке проблемы) // Политическая элита Казахстана (история, современность, перспективы. Материалы «круглого стола». Алматы, 5 февраля 2000 г. Алматы, 2000. С. 6-7.

⁴⁴⁹ Че Гевара Э. Партизан как преобразователь общества. М., 1992.

ставлял собой проект одновременного создания государства и общества. В определении Че Гевары, национализм – это форма реакции мелкотоварного производителя, прежде всего крестьян. Во-первых, крестьяне острее всех реагируют на нехватку земли и нерешенность аграрного вопроса в целом, поэтому национализм обычно возникает в обществах, переходящих от традиционного к индустриальному типу производства.

Реформаторы-революционеры берут на себя практически все функции государства. Че Гевара подробно обосновывает необходимость строительства дорог, больниц, библиотек и даже небольших фабрик и производств в районах, контролируемых партизанами. Революционер осуществляет «первичную» модернизацию. Он заменяет собой слабое, бездействующее и неработающее (фактически отсутствующее) государство, он сам создает это государство и потому, в конечном итоге, становится государством на общенациональном или региональном уровне. Революционер, в понимании Че Гевары, не завоевывает власть. Как писал С. Хантингтон⁴⁵⁰, представление о том, что можно просто захватить власть, означает, что власть лежит где-то на полу в президентском дворце и можно прокрасться туда ночью и удрать вместе с властью.

Революционер создает государственную власть, конструируя институты и правила государственного поведения. Он выступает как внесударственный менеджер, предлагающий обществу социальные «общественные» услуги, которые должно оказывать государство, и взимающий за это свою плату – лояльность и политическую поддержку. Поэтому последняя функция, контроль над которой переходит уже после национальной революции, – это функция налогообложения.

Во-вторых, национальные движения часто возникают как отрицательная реакция мелкотоварного производителя (богатых крестьян, «кулаков») на экспансию внешнего капитала, к примеру французского (для алжирских крестьян) или американского (для вьетнамских производителей риса). В-третьих, национализм вводит институты, элиминирующие расходы на управление обществом. Он направлен на то, чтобы ограничить текущее потребление (особенно «престижное»

⁴⁵⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и Россия // Российский обозреватель. 1995. № 1.

потребление прежних правящих классов) и увеличить социальные инвестиции в развитие человеческого капитала. Об этом подробно писал Л. Троцкий⁴⁵¹, который подчеркивал, что на начальных этапах своего развития советская власть представляла собой «инновационный» способ управления (в терминологии современной социологии): она решала задачи, которые не мог или не хотел решить старый императорский режим. Локальный национализм государственных образований, появившихся после распада Российской империи (Польша, Финляндия, Украина и т.д.), стал своеобразным институтом «кризисного управления», а также способом внедрения инновационных методов социального развития (в частности, в парламентской сфере) в общественную жизнь.

Слабость режима А. Масхадова была институциональной. Она охранялась бы даже при других исторических условиях. Если бы на Северном Кавказе не появился «северокавказский ваххабизм»⁴⁵², не было внешнего исламистского финансирования и организованных терактов и т.п., правительство Чечни (Ичкерии) было бы не способно выполнять функции, которые французское правительство выполняло в XVIII в., английское – в XVII в., а голландское – в XVI в. Если Фидель Кастро приходил со своим партизанским отрядом в отсталую и отдаленную местность и строил в ней, к примеру, больницу, чтобы лечить своих бойцов (но помимо этого, в ней могли лечиться и местные крестьяне), то боевики за взятку устраивали своих в имеющиеся больницы, снижая ресурсный потенциал чеченского социума.

Иными словами, из всех институциональных предпосылок, которые необходимы для возникновения государственного национализма, в чеченском социуме отсутствовала большая их часть. Не было избыточного капитала, который бы искал себе выход на международной арене, не было мелкотоварного производителя («субпролетариев» в терминологии П. Бурдьё и Г. Дерлугьяна) – среднего класса, не было новых социальных технологий, которые можно имплементировать. Отсутствие социальных институтов, слабость индустриального потенциала, нехватка достаточного количества профессионально подготовленных управленческих кадров и инновационных социальных технологий привели к тому, что в структур-

⁴⁵¹ Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991.

⁴⁵² Акаев В. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. М., 1999.

Глава 5. Этноинституциональные процессы в трансформирующейся России

но-функциональном отношении правительство А. Масхадова оказалось «лишним» элементом.

На Кавказе отсутствуют институциональные факторы, позволяющие западным государствам, несмотря на множество двойных стандартов, применяемых в международных отношениях, и избирательное применение норм гуманитарного права в Югославии и Ираке, не скатываться к этнократиям, которые, пользуясь терминологией А. Тойнби, представляют собой «нежизнеспособный выбор»⁴⁵³.

Региональный социум распался на этнические кливажи, в которых появились контрэлиты. В Чечне самыми успешными из социальных агентов оказался клан Кадыровых. Практически не контролируемый приток федеральных ресурсов позволил им заново восстановить нарушенное социальное сцепление путем финансирования образовательных и медицинских учреждений, предоставления компенсаций, пенсий и пособий и т.д. Однако способность чеченской администрации успешно завершить модернизацию остается под сомнением, аллокация финансовых ресурсов разрешает в принципе обходиться без традиционных и длительных процедур по согласованию интересов всех заинтересованных сторон, без многочисленных и малоэффективных попыток ограничить политическую оппозицию и т.д.

Этнопатримониальный способ распределения власти не способствовал приходу к управлению регионами эффективных и профессиональных менеджеров. Произошла депрофессионализация регионального чиновничества, его квалификационный уровень снизился даже по сравнению с советским уровнем.

Представители титульных групп были уверены в том, что им достанется большая часть властных полномочий из-за особенностей структуры организации политической власти, отраженной в региональных конституциях и законодательстве. Но они оказались не заинтересованными в повышении уровня управленческого профессионализма и принятии этнически нейтральных решений, успешная реализация которых способствовала бы развитию всех этногрупп и республик в целом.

Политическое пространство республик было неформально разделено на «сферы кормления» различных этноэлит и кланов, которые продвигали и помогали представителям друг друга, в том числе

⁴⁵³ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.

и по соображениям общности этнопроисхождения. Созданные в советское время промышленные активы использовались для «кормления» групп, образованных на этнической, субэтнической или локальной общинной основе. Эти площадки стали экономической базой для возникновения и укрепления этнопартий, которым присущи все институциональные атрибуты политических партий, для мобилизации этносоциальных сил. Этнопартии обладали некоторой степенью идеологического единomyслия и корпоративного интереса, организационной структурой, состоящей из одного или нескольких авторитетных лидеров и достаточного для проведения определенных действий числа активистов, финансовой поддержкой со стороны представителей финансовой элиты и поддержкой определенных этногрупп⁴⁵⁴.

Высокий уровень этноконфликтогенности заставлял региональные власти внимательнее относиться к развитию этномаркетов и укреплению этноинститутов, выделяя для этих целей финансовые ресурсы и предоставляя административную и политическую поддержку.

Чем больше этничность объективизировалась в виде набора институциональных практик, признаваемых властями, этноэлитами и лидерами этнодвижений, интеллигенцией или региональным социумом в целом, чем чаще легитимизировались в общественном сознании институциональные исключения, которые в советское время воспринимались как девиантные и маргинальные, тем проще были процессы трансмиссии этноидентичности.

Трансформировавшиеся институты несут на себе конфликтотенный отпечаток. Они четко дихотомизируют «своих» и «чужих». Этноконфликты повлияли на этногенез даже тех этногрупп, которые напрямую не были их участниками. Например, на этногенез ингушского народа непосредственное влияние оказали процессы территориального и административного структурирования Ингушетии как субъекта Российской Федерации, отделение ее от Чеченской Республики и происходившие в ней первая и вторая чеченские войны. Поскольку содержание региональных культурных и исторических компонентов высшего образования в Ингушетии выстраивается вокруг необходимости возвращения Пригородного района, вполне возможно, что

⁴⁵⁴ Кисриев Э. Национальность и политический процесс в Дагестане. Махачкала: Изд-во ДГУ 1999.

получившие заряд негативных эмоций и политически интерпретированных знаний молодые люди впоследствии захотят еще раз повторить осетино-ингушский конфликт, возможно, в надежде добиться лучшего по сравнению со своими предшественниками результата.

Разрушение социалистической идеологии привело к росту возможностей у интеллигенции по конструированию альтернативных этноинститутов, что на социетальном уровне проявилось в виде роста институциональных исключений, на основе которых структурируются новые идентичности. В переписи 2002 г. были зафиксированы такие народы, как восточно-луговые марийцы (56 тыс. человек), горные марийцы (19 тыс.), андийцы (22 тыс.), цезы (15 тыс.), кряшены (25 тыс.) и др.

В 1970-е гг. среди татарской интеллигенции только начинали зарождаться общественные настроения в пользу смены этнонима. Предполагалось «татары» сменить на «булгары»⁴⁵⁵. В конце 1980-х гг. появились первые болгарские этноорганизации. Это «Булгарский национальный конгресс», «Булгар аль-Джадид»⁴⁵⁶ и др. В 2000-е гг. на Северном Кавказе был создан «булгарский джамаат», объединяющий выходцев из поволжских республик, которые исламистские радикалы называют вилайятом «Идель-Уральским».

Этнообщности оказались в более выгодном положении, чем другие социальные группы, поскольку изымание социально-экономических ресурсов на провозглашаемые цели поддержки этнической инфраструктуры (языка, литературы, образования) происходило довольно активно. Например, в Удмуртии для титульной молодежи устраивались этнофутуристические выставки, фольклорно-этнографические праздники, фольклорные экспедиции, был создан летний лагерь для одаренных детей, проводились дни молодежи, республиканские семинары и конференции по удмуртской проблематике и пр.⁴⁵⁷ Деньги на эти мероприятия выделялись как из местного бюджета, так и собирались у спонсоров – региональных предприятий. Быть удмуртом стало более «престижным», чем в советское время, и менее

⁴⁵⁵ Даулет Н. Развитие национального самосознания у татар в XX в. // Панорама – Форум. 1996. № 2 (5). С. 125.

⁴⁵⁶ Шнирельман В.А. От конфессионального к этническому: болгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX в. // Вестник Евразии. 1998. № 1–2. С. 152.

⁴⁵⁷ Владыкин В.Е. О традиционной толерантности удмуртов // Герд. 2003. № 2. С. 3.

распространенными стали факты самоидентификации удмуртов как русских⁴⁵⁸.

В процессе исторического развития этносы нередко смешивались как между собой, так и с народами других этнокультурных и языковых ареалов. Это способствовало взаимовлиянию и взаимопроникновению различных этнических, религиозных, культурных институтов, традиционных культур, социумов, эколого-хозяйственных укладов, идеологий, конфессий.

На Юге России процессы этногенеза традиционно происходят в условиях доминирования горного ландшафта и относительной изоляции территорий друг от друга, зачастую отдельного этнокультурного развития и, как следствие, этноинституциональных различий между жителями даже соседних долин. У северокавказских этносов традиционно обострено чувство этнопринадлежности. Язык, гордость за свой этнос, преданность его этнокультурным институтам доминируют в качестве главных идентификационных маркеров.

Южнороссийское институциональное пространство синкретизировано: действуют нормы поведения как советского, так и постсоветского и даже до-советского периодов. Этноинституциональная синкретизация явилась одной из причин, по которой этноинтеграционные процессы в 1990-е гг. оказались забытыми. Этнические группы начали в основном размежеваться. Национально настроенным представителям северокавказской управленческой, производственной и художественно-творческой интеллигенции и научного сообщества, постоянно подчеркивавшим, что каждой этнокультуре присуща своя самоценность, которую невозможно свести к иной культуре, так и не удалось сформировать «кавказский суперэтнос»⁴⁵⁹.

По мнению социологов⁴⁶⁰, с начала XXI в. в южнороссийском социальном пространстве активно происходят этноинтеграционные процессы формирования новых межэтнокультурных и конфессионно-культурных общностей «российских южан» и «южнороссиян», однако

458 Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах / Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 2001. С. 143.

459 Кцова Т. У. Кавказский суперэтнос // Эхо Кавказа. 1994. № 2.

460 Викторин В. М. Региональная общность «южнороссияне»: миграционный взаимообмен и потенциал бесконфликтного существования (Астраханская область) // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество. Сб. тезисов выступлений на Междунар. науч.-практ. конф. 4. П. Ростов н/Д; Горячий Ключ: Изд-во СКАГС, 2006. С. 102-105.

существующие этноинтеграционные проекты заканчиваются неудачами, в том числе по причине недостаточного внимания к процессам этнодифференциации. Сконструировать устойчивую надэтническую или суперэтническую региональную систему идентификации так же сложно, как в XIX в. сложно было политически и культурно объединить славянские народы в виде единого панславянского сообщества или цивилизации.

Адыгские организации с целью мобилизации адыгских этносов стремились подчеркнуть «вторичность» других северокавказских народов, например балкарского, считая его пришлым этносом, которому адыги якобы пожертвовали свои исторические земли, что априори предполагало ограниченность балкарцев в политических и территориальных правах в рамках Кабардино-Балкарии. Но этноинтеграционный проект формирования «адыгского суперэтноса»⁴⁶¹ из нескольких близкородственных народов закончился неудачей.

Хотя некоторые исследователи утверждают, что характерной институциональной особенностью дагестанских мигрантов в городах Центральной России является их организация не по национальному признаку, а как однородного народа – дагестанцев⁴⁶², этноинтеграционный проект формирования из многочисленных коренных групп даргинцев, лезгин, лакцев, табасаранцев, агульцев, дахур и др. региональной идентичности «дагестанцев» также завершился ничем. Поэтому «...тезис о "неизбежном слиянии" наций сегодня крайне непопулярен, – указывает Р. А. Ханаху, – антитезис – о неизбежности их неслияния – обосновывается путем апелляции к историческому опыту человечества (хотя и он противоречив), а также путем выдвижения цивилизационной парадигмы»⁴⁶³.

Среди отрицательных примеров можно упомянуть формирующуюся на Юге России в последние годы новую этноконфессиональную идентичность «северокавказского джамаата» как институциональную основу этнорелигиозного фундаментализма и политических действий групп радикальной молодежи, которые особенно активны в си-

⁴⁶¹ Полякова Т.М., Хаджибиев Р.Г. Этнополитическая ситуация в Адыгее // Этнополитический ракурс. 1995. № 2.

⁴⁶² Нурбагандов А. Межэтнические отношения в Дагестане // Народы Дагестана. 1993. № 2.

⁴⁶³ Ханаху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени. Майкоп: Изд-во Адыг. ун-та, 1997. С. 151.

туациях повышенной анонимности городов. Джамааты представляют собой несколько территориально-религиозных общин, структурированных как локальные боевые группы, ведущие подпольную политическую деятельность и исламистскую пропаганду, а также террористическую деятельность по отношению к правоохранительным органам, представителям федеральных и региональных властей и тем представителям гражданского общества и бизнес-структур, которых они рассматривают как нарушающих законы шариата (например, розничным торговцам алкоголя) или сотрудничающих с региональными правящими структурами, которых они воспринимают как «оккупационных властей».

Основными среди северокавказских девиантных этнотерриториальных идентификаций являются «кавказский эмират»⁴⁶⁴, джамааты «Шариат», «Дженнет» (Дагестан), «Ярмук» (Кабардино-Балкария), «Халифат» (Ингушетия), объединенный вилайят Кабардинии, Балкарии и Карачая и пр. Ключевым идентификационным маркером для членов джамаатов являются не столько родственные и патронимические связи, сколько негативное отношение к федеральным и региональным властям, к российскому присутствию на Северном Кавказе вообще. Джамааты более жестко регулируют тендерные отношения, отношения с органами власти и пр., чем это делают институты адатов и институты традиционного для Северного Кавказа ислама.

Несмотря на девиантизацию джамаатов в политической риторике властей, по институциональным критериям джамааты ближе к традиционным этносообществам, чем к преступным группам. Как и первые, джамааты обладают высокой степенью резистентности к внешним воздействиям.

Социальная карьера в криминальной сфере является квазикарьерой – несмотря на возможные монетизированные блага, отсутствие социального престижа усложняет ее социальную формализацию. Криминальную занятость невозможно отразить в резюме, признаваемом обществом.

Если уголовное заключение криминальных авторитетов во всех случаях приводит к распаду соответствующей группировки (как это произошло, например, в Санкт-Петербурге в 2000-е гг. с «тамбовски-

⁴⁶⁴ Hahn G.M. Getting the Caucasus Emirate Right Washington, DC: a Report of the CSIS Russia and Eurasia Program, 2011.

ми», «казанскими» и пр., когда были убиты или посажены их авторитеты), то в джамаатах происходит трансмиссия этнолокальной идентичности новым поколениям исламистов даже в случае смены или убийства эмиров.

Институциональный распад стал ключевым этнодифференцирующим фактором воспроизводства этногенеза в южнороссийском социальном пространстве даже в относительно моноэтнических регионах, «размывающим» моноэтничность республик с явным преобладанием титульных этносов посредством развития этноинститутов, на основе которых структурируются новые локальные этноидентичности.

На Юге России доминирует локально-поселенческая идентичность (20% ответов респондентов, чуть меньше указывают на значимость гражданской идентичности)⁴⁶⁵, которая тесно связана с этноязычной и субъязычной принадлежностью в соответствии с используемыми этногруппами сленгами, говорами (в частности, выделяют так называемый «кубанский говор»⁴⁶⁶) и диалектами. Одно из основных этноидентификационных отличий шапсугов от других групп причерноморских адыгов (в частности, абадзехов и натухайцев) состоит в шапсугском диалекте, в котором различают говор прикубанских шапсугов и говор причерноморских шапсугов с хакучинским подговором, который использует одна из подгрупп шапсугов, населяющих горные местности причерноморской Шапсугии. Одна из особенностей заключается в том, что если в современном адыгейском языке, составленном на основе темиргоевского и бжедугского диалектов, число звуков составляет 67, то в шапсугском диалекте число звуков доходит до 88.

Доминирование этнодифференцирующих процессов характерно для этносоциального пространства осетин. Как указывают осетиноведы⁴⁶⁷, современное членение осетинского народа на субэтногруппы частично обособленных и противостоящих друг другу дигорцев

⁴⁶⁵ Рудой В.В., Понеделков А.В., Старостин А.М. Структура региональной идентичности населения Юга России: состояние и тенденции изменений (социологический анализ) // В поисках России. Серия публикаций к дискуссии об идентичности / под общ. ред. В.В. Рудого, А. В. Понеделкова, Р. Крумма. Т. 2. Юг России – Северный Кавказ. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2010. С. 5–15.

⁴⁶⁶ Ткаченко П.И. Кубанский говор. Опыт авторского словаря. М.: Граница, 1998. С. 194.

⁴⁶⁷ Ванеев З.Н. К этногенезу осетинского народа // Известия ЮОНИИ. Вып. XIII. 1961.

и ирон совпадает с языковым, диалектным и племенным делением. У осетин фактически нет единого самоназвания, а тождество этнонимов «ирон» и «осетин» наблюдается только у восточных осетин. Часть последних отказывается западным осетинам-дигорцам в праве именоваться «осетинами».

Исследователи⁴⁶⁸ подчеркивают институциональное отделение от осетин-ирон дигорского этносообщества, насчитывающего около 12% осетинского народа (примерно 60 тыс. человек) и обладающего отдельными этноинститутами в области культуры (театр, пресса, литература), а также этноговором.

Как дигорцы, так и ироны и «просто» осетины нашли четкое этноидентификационное отражение в перечне национальностей, выявленных в ходе Всероссийской переписи 2002 г. Этносамосознание граждан, идентифицирующих себя с иронами, дигорцами или осетинами, отличается между собой. Идентифицирующие себя с осетинами «вообще» менее привязаны к этноинститутам дигорцев или ирон. И наоборот, индивид, четко указывающий при проведении переписи населения иронскую самоидентичность, скорее всего, испытывает гордость за этнокультуру и историю именно ирон.

Поскольку демографическая емкость этноса ограничена и численность индивидов, выбирающих ту или иную этноидентичность, конечно, то увеличение социального влияния дигорцев приведет в соответствии с принципом сообщающихся сосудов к соответствующему уменьшению численности ирон.

Субэтногруппы действуют в рамках единого этноидентификационного пространства (что не исключает возможностей этноидентификационной экспансии и трансмиссии этничности на другие пограничные субэтноты), возникающий внутренний этноидентификационный «каннибализм» является одной из движущих сил этнодифференциации.

Некоторые исследователи в отдельную группу выделяют так называемых «южных осетин», которых иногда называют «кударцы» или «кудайраг». Их этноинституты отражают различия в мировоззрении, религиозности, обычаях и традициях, лингвистических и психологических аспектах этноповедения, исторической памяти и отношения к значимым историческим событиям по сравнению с доминантными

⁴⁶⁸ ДзугевХ. В. Языковые престижи осетин в Северной Осетии // Социс. 2003. № 12.

группами в осетинском этническом массиве – дигорцами и северными иронами⁴⁶⁴.

Этносоциальные процессы, происходящие в Ингушетии и Чеченской Республике, можно также объяснить как институциональный распад вайнахского этноса и дальнейшее отделение этноинститутов (в области литературы, языка и традиций) ингушей от чеченцев.

Этнодифференцирующие процессы происходят в среде проживающих в аулах ногайцев, численность которых составляет примерно 70 тыс. человек и которые в соответствии с этнолингвистическими критериями делятся на субэтногруппы, или купы:

Караногайцы (живут в основном в Дагестане и Чечне).

Кубанские ногайцы (Карачаево-Черкесия, Кочубеевский район Ставропольского края).

Астраханские ногайцы (Астраханская область).

Ачикулакские и кумские ногайцы (Ставропольский край).

На субэтногруппы делятся и аварцы. Как показывают результаты Всероссийской переписи 2002 г., ряд малочисленных андоцезских народов идентифицировали себя как неаварцев: андийцы – 21,3 тыс., ахвахцы – 3,4 тыс., бежтинцы – 6,2 тыс., дидойцы – 15 тыс., каратинцы – 6 тыс. человек⁴⁷⁰.

Особую роль в увеличении абсолютной численности и удельного веса русского этноса на Юге России играет этноидентификационный переход русскоязычных субгрупп украинцев, белорусов, немцев и др. в состав русского этноса, что фиксируется посредством социологических опросов и переписей.

Этноидентичность вернувшихся в Россию по важным институциональным критериям (степень владения русским языком, правила повседневного поведения, конвенциональность тех или иных исторических дат и событий и т.п.) отличается от нормативного этноидеала «русскости». Массовый возврат соотечественников не приведет к росту этносоциального сцепления: местное население России, как правило, недовольно даже русскими мигрантами из стран Центральной Азии. Они выглядят немного по-другому, по-другому работают, меньше пьют и, в целом, «не совсем русские».

⁴⁶⁹ Бекоев Д. Р. Иронский диалект осетинского языка. Цхинвали: ИРЫСТОН, 1984. С. 4.

⁴⁷⁰ Ханбабаев К. М. Дагестан в начале XXI века: состояние и проблемы // Южнороссийское обозрение. 2010. № 64. С. 27.

Аккумуляция ресурсов на провозглашаемые цели поддержки этноинфраструктуры при использовании этносетей происходит быстрее, чем «естественная» гражданская самоорганизация в обезличенном либеральными реформами атомарном обществе. В нем мало кто чувствует горизонтальную связь с другими негосударственными акторами, где гражданские обязанности (например, честная и своевременная уплата налогов и государственных сборов) массово игнорируются, а необходимость достижения общенациональных целей проигрывают личностному и эгоистическому экономическому интересу.

Этногенез институционально подкрепляется инструментальным использованием этничности этноэлитами для получения соответствующих социальных, политических и экономических благ, финансовой, политической и административной поддержки этноинфраструктуры.

Используя лозунги продвижения титульных языков, обычаев, традиций и культуры, региональные этноэлиты стремились получить расширенное по сравнению с неэтническими субъектами Российской Федерации финансирование социальных программ из федерального бюджета. Академическая и интеллектуальная элита получала федеральные и региональные образовательные заказы на подготовку учебников, словарей, учебных пособий по титульным языкам и других сопутствующих учебно-методических материалов.

Аллокация федеральных финансовых ресурсов позволила региональным элитам обходиться без традиционных и длительных процедур по согласованию интересов всех заинтересованных сторон: политической оппозиции, бизнеса, гражданского общества. Титульные региональные элиты не учитывали интересы других этнических групп.

Привыкнув к постоянной дотационной стимуляции, российские регионы стали превращаться в периферию, воплощающую в себе социальную и территориальную «зону, в которой государство присутствует на поверхностном уровне, часто навязанном извне, и где государство, таким образом, обладает небольшим количеством рассеивающейся власти. Это зона, в которой контролирующие государственные учреждения больше зависят от личных связей, чем от бюрократических процедур, и такие учреждения конструируются прежде всего как поддерживающие себя синекуры»⁴⁷¹.

⁴⁷¹ Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе: эскизы к биографии в миротемной перспективе. М.: Территория будущего, 2010. С. 234.

Глава 5. Этноинституциональные процессы в трансформирующейся России

Периферизация этносоциального пространства, осложняемая периодическими всплесками этнорелигиозного экстремизма, сопровождается перманентной релокализацией недовольства в экономической сфере, что связано со спецификой кавказской культуры и норм поведения, отвергающих в целом патернализм государства, но признающих патернализм рода (клана).

Повышенные ожидания по отношению к государству в экономической сфере и открыто формулируемые требования, например, в сфере занятости противоречат традиционному образу маскулинности, и установка на решение проблем силовым способом являются, с точки зрения локального сообщества, социально неприемлемыми. Недовольство материальными условиями жизни канализируется в более «возвышенных» для традиционалистского сознания этнической или конфессиональной сферах. Это запускает подкрепляющую риторику самооправдания радикального поведения. А. Цуциев, анализируя культуру кавказских народов, написал следующее: «Дома кавказцу кажется, что ему изначально задана некая культурная рамка, в которую он должен встроиться, чтобы стать человеком... Кавказец нагружен своей культурой, он несет ее»⁴⁷².

Артифициальное финансовое «вскармливание» титульных этносов не создало условий для развития самостоятельности и конкурентоспособности. За годы советской власти местные элиты привыкли к постоянной идеологической, административной и финансовой стимуляции. Они не смогли адаптироваться к новым этносоциальным процессам. В социальной психологии это называют «эффектом сверхоправдания»⁴⁷³ – отсутствие внутреннего стимула подразумевает, что внешние побуждения не интернализируются, т.е. не становятся внутренне важными для индивида. Не происходит осознание ответственности за принимаемые поступки, а исчезновение стимула по «принципу пружины» возвращает поведение в достимульную точку.

На постсоветском пространстве в регионах, где экономическое развитие было принесено в жертву развитию этничности и национальной культуры, следствием стали затяжной социальный кризис и экономическая рецессия. Часть ресурсов была накоплена в советс-

⁴⁷² Цуциев А.А. Русские и кавказцы: очерк привычных восприятий 4. II // Научная мысль Кавказа. 2001. № 3. С. 47–52.

⁴⁷³ Чалдини Р. Психология влияния. СПб.: Питер, 2001.

кое время. Часть передана международными фондами, государствами и организациями в качестве трансфертов и донорской помощи. Эти средства предоставляются для редистрибуции социальных благ между нуждающимися слоями населения и стабильного функционирования институтов культуры, управления, образования и т.д. Однако властям не удалось организовать управление регионами так, чтобы в них появились предприятия, по экономической и социальной эффективности аналогичные транснациональным корпорациям.

Схожие институциональные сложности присущи непризнанным государствам. Правящие элиты сохраняют контроль над внутриполитической жизнью республик, удачно инкорпорируя (как в Абхазии) или делегитимизируя оппозицию (как в Южной Осетии, где произошёл фактически вывод из политического дискурса сторонников идеологии аланизма). Однако они не только не могут обеспечить этногруппам, проживающим на территории, приемлемый уровень жизни, они не самостоятельны в экономической сфере, поскольку сильно зависят от импортных потоков из соседних стран.

Политическая поддержка правящих режимов в непризнанных государствах опирается не только на внешнюю помощь со стороны международных организаций (как в Косово), диаспор (как в случае Нагорного Карабаха – помощь армянской диаспоры в США и Франции) или других государств, но и на локальные и клановые механизмы расстановки элит. Именно «избыточное» финансирование со стороны Соединенных Штатов и Евросоюза позволяет косовским албанцам сохранять социальную инфраструктуру.

Подобную экономику можно назвать «экономикой пособий». Наиболее прибыльным бизнесом является контроль за распределением гуманитарной помощи и финансовых вливаний. Экономические трудности выступают сдерживающим фактором возможного возобновления военных действий в зоне конфликта.

Дальнейшая экономическая дифференциация в регионе (к примеру, экономический подъем Абхазии и Азербайджана и рецессия в Приднестровье) может привести к изменению баланса соотношения сил.

Структурным и пока неразрешимым противоречием является невозможность экономического подъема без демилитаризации региона и непризнанных государств, чему препятствуют задачи строительства нации-государства. Экономический подъем невозможен без развития секторов обрабатывающей промышленности, что сложно в

условиях ограниченного размера внутреннего рынка непризнанных государств и таможенных трансграничных барьеров. И наконец, экономический подъем невозможен без существенных инвестиций в социальную и транспортную инфраструктуру. Пока же рост инвестиций в Кавказ приводит к увеличению коррупции в государственном секторе. Для частного бизнеса издержки на безопасность слишком велики, в результате вырастают цены на продукцию, что приводит к росту инфляции и снижению уровня жизни.

Непризнанные территории находятся в пределах классического круга бедности: низкие зарплаты – низкие сбережения – низкие инвестиции – низкая производительность труда – низкое качество продукции – низкая прибыль – низкие зарплаты – и круг замыкается. Экономическую депрессию региона усиливает и несбалансированная финансово-монетарная политика властей. Этот феномен часто называют «голландской болезнью». Большой приток финансовых средств в виде экономической помощи укрепляет курс местной валюты и снижает конкурентоспособность любых обрабатывающих секторов промышленности. В экономическом отношении непризнанные государства должны определиться и стать частью более обширной экономической системы (ЕС или России), а также выделить те сферы, в которых они обладают конкурентными преимуществами.

Деполиэтнизация социального пространства и имплементация новых этнических институтов в общественный дискурс сопровождались ухудшением качества государственного управления.

В глобальном рынке отбор сотрудников по формальным признакам, таким как уровень образования, знание иностранных языков, мотивация, нацеленная на достижения, позволяет подобрать более квалифицированный и надежный персонал, чем при использовании этнических, конфессиональных и патримониальных связей. Этноконструкции в экономической сфере не выглядят убедительными. Они проигрывают институтам прагматичным, более нацеленным на результат и удобным для реализации и использования современным человеком.

Этнокультура не является массовым продуктом. В рыночной экономике издание книги на этноязыке имеет смысл, когда эта книга будет активно продаваться, т.е. расходы на ее подготовку и издание должны окупиться и принести некоторую прибыль. Если этого не происходит, то имеющиеся в социуме ресурсы постепенно заканчива-

ются, а этнокультура и язык (вместе с этносом) постепенно перестают использоваться в повседневной жизни. Что и можно наблюдать в настоящее время в республиках Кавказа и Средней Азии: вне зависимости от желаний местных, русский язык и культура сохраняют господствующие межэтнические позиции.

Этническое предпринимательство появляется в транзитивные периоды, когда предыдущее развитие накопило для этого большое количество материальных ресурсов и социальных институтов. Конструктивизм этноэлит после распада Советского Союза попал на подготовленную почву: имелись ресурсы, подлежащие потенциальному разделению. Университеты, издательства, телевизионные станции, радиопрограммы – социальная инфраструктура уже существовала, просто требовалось поменять социалистическую окраску на более подходящую по политическим мотивам этническую «обертку». Требовалось сменить советские телевизионные программы на политически и этнически более подходящие продукты. Требовалось сменить командиров имеющейся военной техники и хозяев экономических активов, заводов и участков земли. Требовалось поменять административный аппарат в органах государственного и муниципального (партийного) управления.

Для инновационного развития предпринимательская деятельность, организуемая в соответствии с этническими принципами, не подходит. В конкурентном отношении такие предприниматели будут неизбежно проигрывать более подготовленным для экономического соревнования рыночным агентам – глобализированным и транснациональным соперникам. Родственные и межэтнические связи уступают место безликому профессионализму и образованию высокого качества. Передача информации по внутриэтническим каналам заведомо проигрывает Интернету и спутниковой связи, а мужественность и личный героизм, культивируемые традиционной культурой, как показывает опыт талибов, не могут ничего противопоставить обыкновенным крылатым ракетам.

Сохранение этнической культуры дает немного в приращении национального богатства. Для профессиональной подготовки программистов необходимо углубленное изучение английского языка, математики, физики и некоторых инженерных дисциплин. Им не требуются ни знание Корана или Библии, ни знание национальной культуры или национального языка. Этнотрадиционализм помогает в лучшем

случае законсервировать некий имеющийся культурный уровень. Но полезнее вкладывать ресурсы в обучение не этническому языку, а, в частности, глобальному английскому.

Экономические причины придают ристриктивность этносоциальной политике: издание художественной и особенно научной литературы на этническом языке стоит дорого и практически не окупается. Обучение технических специалистов этническому языку приводит только к увеличению издержек в системе образования. Даже в относительно экономически обеспеченной Литве отсутствуют, к примеру, социологические журналы на литовском языке. В результате элиты постсоветских республик вынуждены обращаться к интеллектуальному пространству, которое во времена национальных революций и этнодемократических движений рассматривалось ими как совершенно чуждое. Они вынуждены обращаться к культурному наследию России и Советского Союза.

Глобальный мир построен на высокой скорости изменений. Если социальный агент сегодня повторяет то, что было известно вчера, — шансов победить завтра у него не будет. Повышенная технологичность придает социальным процессам отчасти сконструированный характер: человек довольно легко может поменять не только этническую принадлежность, но и пол, возраст, тело (почти целиком), не говоря уже о религии, политической принадлежности и прочих преходящих вещах.

Мир искусственных конструкций выводит на первое место качество проектов, поскольку заставляет сильнее задумываться об ограниченности имеющихся для подобного проектирования ресурсов. Соперничество переводится в русло состязания образов и имиджей, и здесь этнические проекты часто не выдерживают конкуренции.

Современные проекты конструирования идентичностей носят постмодернистский характер, выступая в роли «гипотетических контркультур»⁴⁷⁴, которые должны бороться с такими же экологическими, эйкуменистическими, религиозными и прочими вариациями за право доступа к электронным СМИ, чтобы хотя бы отчасти быть услышанными.

Они могут обрести некоторые черты традиционности, некую специфическую «традиционную оболочку», что не только допускается в

474 Wallerstein I. *Unthinking Social Science*. Cambridge: Polity Press, 1991.

соответствии с постмодернистскими канонами, а прямо-таки поощряется. Тем самым вырваться из замкнутого круга не удастся. Подобный «психологический капкан» является одной из главных причин роста радикальных настроений. «Этот кризис – культурный. Кризис антисистемных движений, сомнение в основной стратегии приводит к сомнению в основных предпосылках идеологии универсализма»⁴⁷⁵. Для многих традиционалистов ситуация является нетерпимой. Для сохранения конкурентоспособности и целостности общества им придется отказаться от тех самых институциональных элементов этнической специфики, за которые уже долгое время идет борьба.

Традиционалисты не только на современном Кавказе, но и в Средней Азии полагают, что этносоциуму необходимо предоставить возможность развиваться по традиционным законам в относительной изоляции. Для этого необходимо свести к минимуму возможные социальные и культурные контакты с западными культурами. С середины 1990-х гг. и вплоть до вторжения военных сил НАТО движение «Талибан», пытаясь сохранить традиционный образ жизни афганцев, поддерживало прямой запрет на пользование радио и спутниковым телевидением (не говоря уже об отсутствующем в стране Интернете).

В условиях деградации окружающей среды сверхзаселенность и глубокая бедность становятся спутниками традиционных сообществ, которые сохраняют этнокультуру лишь в качестве «музейного экспоната». Такая ситуация наблюдается в современной России, когда под «сохранением этнокультуры» понимается содержание из областного или республиканского бюджета нескольких этнических театральных трупп и коллективов художественной самодеятельности, способных раз или несколько раз в месяц выступить на городских праздниках.

Недостаток ресурсов приводит к упадку традиционных институтов, отвечающих за поддержание языковой и культурной сфер. Проблему нехватки социальных ресурсов для развития этносообществ можно подробно рассмотреть на примере «модели замка». Эта модель была разработана Кеном Джовиттом в конце 1980-х гг. В одном из ее положений исследователь утверждает, что зависимая от патронных отношений элита периферийного общества, построенного по статусному принципу, в некоторых ситуациях способна навязать даже более развитому центру свою систему институтов.

⁴⁷⁵ Hopkins T., Wallerstein I. et al, *The Age of Transition: Trajectory of the World-System, 1945-2025*. London: Zed, 1996. P. 179-180.

Глава 5. Этноинституциональные процессы в трансформирующейся России

Однако главный вопрос, который поставлен в модели К. Джовитта, сводится к тому, способны ли лидеры построить крепкий «замок», чтобы внутри него спокойно заняться модернизацией. Только в стенах «замка» правящая элита сможет консолидироваться и, постепенно расширив базовую поддержку в обществе, провести необходимые реформы.

В соответствии с терминологией К. Джовитта, элита должна «наводить мосты и осушать рвы». Затем, согласно модели, к «возведению стен крепости» элита должна привлечь другие влиятельные группы, чтобы начать процесс строительства нации. Но прежде всего элитной группе нужно развить у жителей «замка» осознание собственной идентичности и общности целей. Только тогда элита сможет наращивать внутреннюю безопасность. Она послужит социальным товаром, предлагаемым для населения в процессе получения общественной и электоральной поддержки и экономических транзакций.

Отсталость республик в экономическом плане прикрывалась попытками этноэлит подчеркнуть былые исторические заслуги, даже если они и не были столь значительными, как это представлялось в националистически ориентированной региональной прессе. Это свидетельствует не только о цивилизационной незрелости этноэлит и негибкости гражданского общества в целом, но и о возрастании сопротивления этногрупп тому, что они воспринимали как государство-гегемон, которое не справлялось с государственными функциями развития промышленности, образования, культуры, науки и особенно регулирования межнациональных отношений.

Этническая дезинтеграция регионов сопровождалась снижением их инвестиционной привлекательности и деиндустриализацией. В условиях высокой безработицы, низких доходов населения и низкого уровня жизни, вызывающих недовольство у населения, организованный протест и политическое напряжение оформлялись в соответствии с этнонационалистическими лозунгами.

Этноконфессиональный радикализм, межэтнические столкновения, таргетированная этнодискриминация отдельных групп деформировали этноинституциональные процессы. В Чечне преступники, освобожденные в ходе национальной революции из тюрем, выгоняли из квартир и домов представителей русскоязычного населения или заставляли их за бесценок распродавать имущество, а органы власти не могли, да и не хотели обеспечить их защиту. С началом военных

действий в 1994 г. многие русские покинули Грозный, уехали в другие регионы России, немало погибло в ходе ракетно-бомбовых ударов.

Эмиграция русского и русскоязычного населения стала одной из причин дерусификации национальной периферии российского этносоциального пространства. Другими причинами были идеологические мотивы.

Национальная идеология занимается сегрегацией, отделяет «своих» от «чужих». Американская идеология появилась только после возникновения Голливуда, когда задним числом американскому народу объяснили, что он переселялся не из-за сложностей с продовольствием в Европе, а из-за стремления к свободе и демократии. В российской истории основных идеологий было три: «Москва – третий Рим», «православие, самодержавие, народность», «социализм». Но ни одна из трех идеологий, успешных в определенный исторический момент развития России, не смогла послужить ценностным фундаментом для объединения этногрупп на новых основаниях.

Полагая, что предоставление русскому языку и формально титульным языкам, находящимся с советских времен в неравных условиях, одинаковых прав на использование приведет к тому, что русский язык, имеющий хорошие стартовые позиции и изначальную широкую распространенность, получит преимущества для дальнейшего усиления дискурсного влияния, власти республик лингвистически ограничивали использование русского языка.

В конституциях республик появились статьи о языках. В органах управления, вузах и даже школах распространялись титульные языки, которые в советское время индегенизировались, вытеснялись на обочину социальной и политической жизни и становились языками бытового общения. Важность демократических ценностей не отрицалась, но для некоторых этногрупп в публичном дискурсе появлялись обоснования или оправдания «особого» отношения к ним со стороны региональных чиновников, политиков и силовых структур.

Этнодискриминация, используемая как «ключ» в виде «этнокодов» для привлечения этнонационалистов в электоральную базу поддержки республиканских властей, на уровне политической риторики осуждалась, но в начале 1990-х гг. в большинстве республик ограничения русскоязычных и русских жителей, а также мигрантов из кавказских и среднеазиатских республик не рассматривались как дискриминационные. Представители нетитульных этногрупп ограничивались

в получении основных видов социальных услуг: регистрации в органах внутренних дел, получении медицинского полиса, устройстве на работу или получении статуса безработного, устройстве детей в детский сад или школу и т.д.

Подготовленные в советское время профессиональные кадры заменялись малообразованными и агрессивно настроенными молодыми людьми, принадлежащими к титульным этногруппам и политически доминирующим кланам. Основной причиной этнодискриминации было желание вытеснить русскоязычных как претендентов на высокие социальные позиции, чтобы для местных элит открылись новые карьерные возможности в сфере регионального управления и бизнеса. Однако дискриминация не признавалась республиканскими властями либо объяснялась внеэтническими факторами, соответствующими транзитивному социуму (высокая степень коррумпированности региональных чиновников и сотрудников бюджетных учреждений, большая культурная и психологическая дистанция нетитульных этносов по отношению к титульным, культурная замкнутость мигрантов и т.п.).

Региональными этноэлитами использовались исторические, культурные и политические аргументы, если не оправдывающие, то объясняющие прямую этнодискриминацию, когда этнодискриминационное неравенство создается сознательно и политические решения, затрагивающие людей, принимаются с учетом их этнопринадлежности.

В период возрастания межэтнической напряженности (1991–2001 гг.) чеченская элита высказывала подозрения о возможной нелояльности нечеченского населения как угрозе этнолегитимности. Говорилось о том, что русское и русскоязычное население республики (включая армян, евреев, немцев и др.) будет поддерживать этноинтегрирующую политику федерального центра по превращению граждан страны в этноблизких «россиян» и соответственным образом препятствовать формированию региональной идентичности.

Схожие аргументы, несмотря на провозглашаемые и в целом соблюдаемые нормы политкорректности, либерализма и равенства перед законом вне зависимости от этнической или религиозной принадлежности индивида, используют правые партии в Израиле для объяснения законодательных этнодискриминационных ограничений в отношении палестинцев и других арабоязычных граждан стра-

ны. Для них выделяются отдельные дороги, автобусы, специальные автомобильные номера, их участие в политической жизни страны ограничивается и пр.

Социально-психологические опасения по поводу возможного угнетения во многом являются самоисполняющимся пророчеством. Ощущая общность судьбы и непрочность положения при внешней стабильности межэтнических отношений, дискриминируемые этносы поддерживают друг друга, прибегают к взаимному «покрыванию» и соучастию в разделе взаимной ответственности в случае возникновения межэтнических проблем, а также действуют как реальная сплоченная сила. Например, индийская субконтинентальная идентичность формировалась в XIX в. на основе политической и вооруженной борьбы против англичан. Новые анархистские стратегии, применяемые этническими меньшинствами, «меньше касаются захвата государственной власти, чем ее разоблачения, делегитимирования и демонтажирования механизмов управления, отыгрывая одновременно от него большее пространство автономии»⁴⁷⁶.

В кризисный период республиканские власти не могли предоставить из своих бюджетов адекватное финансирование титульных языков, увеличить их преподавание в школах и вузах, издавать больше литературы на этноязыках и т.п. Использование властями административного ресурса привело к тому, что усиление влияния титульных этноязыков сопровождалось параллельным снижением финансирования русских образовательных и культурных учреждений.

Административные и политические ограничения не привели к расцвету этноязыков. Основным последствием стала дерусификация, эмиграция русских высококвалифицированных специалистов, падение уровня управления, деградация социальной сферы, образования и культуры. Развитие человеческого капитала даже представителей титульных этносов оказалось невозможным без русских и русскоязычных специалистов.

В 1990-е гг. в России либеральными учеными и политиками активно продвигались проекты этноинтеграции (к примеру, по созданию единой нации «россиян»). При распаде советской системы потребность в интеграции этногрупп на горизонтальном уровне стала очевидной. Некоторые исследователи активно пропагандировали ис-

⁴⁷⁶ Graeber D. The New Anarchists // New Left Review. 2002. 13. P. 6-9.

пользование терминов «этнические россияне» или «этнороссияне»⁴⁷⁷. Отдельные исследователи указывают на формирование новой этнообщности «глобальных русских», которые обладают внетерриториальным сознанием и слабой идентификационной привязкой к территории⁴⁷⁸.

В XXI в. русские националисты⁴⁷⁴ стали возрождать этнокатегорию «великороссов», чтобы расширить идентификационный смысл «русскости» и интегрировать русских, украинцев (как малороссов конца XIX – начала XX в.) и белорусов в единую нацию. Но в условиях доминирования процессов этнодифференциации этноинтеграционные проекты закончились неудачей.

О значении этнической дифференциации говорит тот факт, что при проведении Всероссийской переписи 2002 г. исследователями было получено более 800 различных вариантов ответов населения на вопрос о национальной принадлежности (в переписи 2010 г. было учтено уже 1500 этногрупп). При этом включение в перепись концепта «национальная принадлежность» и соответствующее исключение концепта «этничность» во многом можно объяснить институциональными соглашениями между Госкомстатом и приглашенными в качестве экспертов сотрудниками Института этнологии РАН и Института языкознания РАН.

Не только итоги Всероссийской переписи, но и процедура ее проведения, методология подсчета и анализ результатов стали объектом политической борьбы. Так, в рекомендациях к проведению переписи было указано, что если при ответе на вопрос о владении языками опрашиваемый укажет большее число языков (помимо русского), чем предусмотрено прямоугольников для их записи, то среди языков народов России интервьюер должен отдать предпочтение государственному языку территории проживания (республики, автономной области, округа).

Хотя в Краснодарском крае атаманы призывали всех казаков принять участие в переписи и самоидентифицироваться как отдельный «служивый народ» и включать в число переписчиков на местах пред-

⁴⁷⁷ Волков В. Защита прав этнических россиян в ближнем зарубежье // Этнополис. 1993. №3.

⁴⁷⁸ Истомина Е. Global Russians // Приложение к газете «Коммерсантъ». 2008. 24 нояб.

⁴⁷⁹ Троицкий Е. Российское общество, природа и космос в свете русской соборности. М.: АКИРН, 2010. С. 112-123.

ставителей казачества, чтобы они разъясняли опрашиваемым возможность идентифицировать себя либо как «русскоязычные казаки» либо как «украиноязычные казаки», при проведении переписи в Адыгее некоторые переписчики отказывались указывать «казак» в графе «национальность»⁴⁸⁰. Такие случаи были зафиксированы в казачьих станицах Котляревской, Александровской, в селении Ново-Ивановском, поселке Октябрьском, городе Майском и др., что стало поводом для проявления казаками политического недовольства.

При обработке материалов переписи 2002 г. было принято политическое решение систематизировать все варианты в 192 этногруппы. Написание некоторых этноидентичностей отличается друг от друга только из-за используемого языкового диалекта и/или принятых местных самоназваний.

Институциональные решения статистических органов по интеграции близкородственных групп в более крупные народности привели к «исчезновению» ряда этносообществ. Так, в состав аварского народа были включены родственные им по языку представители небольших андо-цезских народностей – андийцев, ахвахцев, каратинцев, цезов, бежтинцев и др., обладающих четким этносознанием.

Всероссийская перепись 2002 г. отчетливо актуализировала ряд локальных этноидентичностей, из которых 430 являются вымышленными (наподобие скифов, сарматов, орков и т.п.), а часть является территориально-региональными (к примеру, в Сибири была зафиксирована идентичность «сибиряков»). Хотя уже в XIX в. практически перестали использовать этноним «поморы», в 2002 г. в связи с переписью населения произошла актуализация поморского этностроительства и самосознания как субэтноса русского народа с сильным финно-угорским влиянием, а в 2003 г. была зарегистрирована первая организация поморов, впоследствии региональные власти открыли Поморский университет⁴⁸¹.

После распада Советского Союза региональные власти стали поддерживать формирование новых идентичностей. К примеру, в 2002 г.

480 Миграция русских: причины оттока с Северного Кавказа. Описание проблемы, актуальная ситуация (1989–2011). М.: АКИРН, 2011. С. 43.

481 Робсон Р. Культура поморских старообрядцев // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1992.

власти Алтая, стремясь спасти республику от возможного территориального поглощения в ходе административной реформы по укрупнению субъектов Федерации, активно продвигали «алтайскую идентичность» и искусственно объединили около двадцати малочисленных этносов Саяно-Алтайского нагорья в два относительно крупных народа – алтайцы и хакасы. В результате 70 тыс. человек в ходе Всероссийской переписи населения 2002 г. заявили себя «алтайцами».

В августе 2002 г. отделение Ассоциации «Изьватес» села Ловозеро Мурманской области приняло обращение к своим сородичам в Коми с призывом обозначить свою этнопринадлежность в ходе проведения переписи не как «коми», а как «коми-ижемец»⁴⁸². В 1990-е гг. произошло организационное структурирование этнодвижения эрзян. Появились «Фонд спасения эрзянского языка им. А. Рябова», а также газета «Эрзянь мастор», авторы которой подчеркивали, что осуществляемая этнокультурная политика мордвинизации – угроза для этноблагополучия эрзян⁴⁸³.

Схожие проекты поддержки этнорегиональной идентичности южнороссийского казачества как совокупности отдельных казачьих войск, станиц и субэтнических городских образований в составе русского народа продвигали ряд казачьих сообществ (включая «Союз казаков России») и региональных властей, включая власти Ростовской области.

Казачья элита неоднократно призывала передать принадлежавшее в послереволюционный период Войсковым казачьим общинам имущество или предоставить финансовую компенсацию их правопреемникам, а также отменить все акты федеральных и местных органов власти и должностных лиц, нарушившие имущественные права Войсковых казачьих общин. Кроме того, съезды казаков выдвигали инициативу законодательно предоставить казачьим обществам право контроля над исполнением миграционного законодательства на территориях исконного проживания казаков, в частности право регулировать миграционные процессы.

⁴⁸² Шабает Ю. П., Чесноков В. П., Чарина А. М. Этническая конфликтность на Европейском Севере Российской Федерации // Политическая наука на Юге России: итоги двадцатилетнего развития. Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. 11–12 марта 2009 г. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009. Вып. 2. С. 132–136.

⁴⁸³ Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. М., 2001. С. 112.

В Южном федеральном округе, согласно результатам Всероссийской переписи 2002 г., с казачеством как самостоятельным этносом идентифицировали себя 133,8 тыс. человек, большинство из которых проживает на территории Ростовской области (87 492 человека)⁴⁸⁴.

Но поскольку институциональные различия (этнические, языковые, религиозные) казаков и других славянских групп являются несущественными и возможность противостоять процессам естественной культурной ассимиляции со стороны окружающего славянского населения в XIX–XX вв. была незначительной, этногенез донских казаков до 1920-х гг. так и не завершился. Впоследствии он был прерван политическими репрессиями.

Хотя в 1990–2000-е гг. часть населения Юга России выбирала казачью идентичность именно как этноидентичность, институциональные перспективы казачьего этногенеза пока не очевидны. Как показывают социологические исследования казачества, проведенные сотрудниками ЮРФИС⁴⁸⁵ в 2011 г. на территории Ростовской области, абсолютное большинство (71,7%) полагают, что казаки – это субэтнос русского народа.

Естественный этногенез иногда сопровождается частичной заменой исторически сформированной социальной семантики этно-дискурсом. Лидер российских конструктивистов В. А. Тишков предложил ввести языковые новации в виде способа написания слова «Россия» для обозначения политически «нейтрального» и внешнеэтнического обозначения страны, однако эта этнодискурсная идея в общественном сознании не получила особой популярности. Другой, столь же малоудачный этнодискурсный проект предлагают лидеры современного евразийства по аналогии с развитием «искусственного» государственного языка Израиля – продвижение в России вышедшего из повседневного употребления церковнославянского языка как «тайного эзотерического языка» русского населения⁴⁸⁶.

⁴⁸⁴ Ревин И.А., Скорик А.П. Социально-политический портрет Ростовской области // Южнороссийское обозрение. 2010. № 63. С. 114–115.

⁴⁸⁵ Казачество как этносоциальный феномен современной России (по результатам социологического исследования казачества Дона) / отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов н/Д: Антей, 2011. С. 14.

⁴⁸⁶ Будущее российской государственности: суверенная демократия? Диктатура? Империя? Материалы II Интеллектуального конгресса евразийской молодежи. М.: Евразийский Союз, 2007. С. 105–106.

Глава 5. Этноинституциональные процессы в трансформирующейся России

Этнодискурс (в том числе в сетевых Рунет-сообществах) для этнокультурной идентификации используют такие периферийные этногруппы, как российские ассирийцы. Причины их интереса к этнодискурсу во многом состоят в том, что при проведении переписей в советское время значительная часть ассирийцев включалась в состав других этносов, в том числе армян и греков⁴⁸⁷. Этнодискурс способствует институциональному укреплению локальных идентичностей. Как показывают региональные опросы⁴⁸⁸, большинство уроженцев Псковской области полагают, что население местности отличается спецификой говора, поведения и/или характера. Менее значимыми для уроженцев области оказались такие отличительные признаки, как культура, обычаи и праздники, а также внешний вид. 48% жителей Псковской области часто используют самоназвание «скобарь», 22% используют его редко. Этим самоназванием для культурной и территориальной идентификации, а также как символом регионального патриотизма пользуются 35% уроженцев Псковской области и 27% лиц, родившихся за пределами области, но проживающих в ней.

По данным региональных экспертов⁴⁸⁹, почти каждый пятый житель районов, прилегающих к Белоруссии, может свободно говорить по-белорусски. Более половины местного населения понимают этот язык и поддерживают родственные, дружественные и/или экономические связи с населением соседнего государства.

В трансграничных областях и на региональной периферии формируется особое институциональное пространство – «посредник», включающее некоторые общие признаваемые нормы поведения, практики и ценности. Это институциональное пространство является питательной средой для формирования новых этнических идентичностей.

На окраинных территориях бывшего Советского Союза формируются субэтнические периферийные общности «нового казачества»⁴⁹⁰,

⁴⁸⁷ Лаво Р.С. Этнокультурная дисперсия ассирийцев в глобализирующемся мире: дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь: СГУ, 2009.

⁴⁸⁸ Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М.: МОНФ, 1999. С. 108–115.

⁴⁸⁹ Журавлев А.Н. Псковская область: экономика, партии, лидеры // Власть. 1998. № 2. С. 46–51.

⁴⁹⁰ Колсто П., Мальгин А. О крымском и приднестровском регионализме // Национальная газета. 1998. № 1. С. 13.

казахстанские русские⁴⁹¹, петербургские эстонцы⁴⁹², узбекские русские⁴⁹³, российские поляки⁴⁹⁴, понтийские греки, проживающие в Краснодарском крае, для которых родным стал адыгский язык⁴⁴⁵, и др.

Периферийные группы – это этногруппы, у которых нарушение культурная и временная преемственность с ценностным «ядром» в результате миграции или исторического проживания на большом расстоянии от этнокультурного и цивилизационного центра. В культуре компактно проживающих в виде локальных «резерваций» групп подерживаются воспоминания об исторической Родине и сакральных ценностях. У таких групп титульный язык часто лингвистически замещается на русский, как это происходит последнюю четверть века с южнороссийскими поляками, немцами, чехами, греками и др.⁴⁹⁶

Иногда периферийные этногруппы совмещают принадлежность к этнической и региональной идентичностям, чтобы психологически не противопоставлять «малую родину» «большой» в надежде стать официально признаваемым государством этноменьшинством. Но когда группы вовлекаются в то, что ЛаБарре назвал «испорченной однородностью человека», это превращает «меньшинство в преимущество только потому, что оно не является большинством».

На административном уровне этносоциальные процессы проявились в увеличении числа зарегистрированных Министерством юстиции Российской Федерации национально-культурных автономий, организованных в соответствии с Законом «О национально-культурной автономии»⁴⁹⁷, а также в создании Правительством России Консультативного совета по делам национально-культурных автономий.

⁴⁹¹ Койше К.К. Влияние языковых факторов этнического самосознания на развитие культуры казахского населения в условиях диаспоры // Известия вузов. 2007. № 4. С. 73–77.

⁴⁹² Калачева О. Быть, оставаться, становиться: этническая идентичность петербургских эстонцев // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга / под ред. В. Воронкова, И. Освальд. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 136–174.

⁴⁹³ Абдуллаев Е. Русские Узбекистана – городской субэтнос: опыт социокультурного анализа // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 5 (11).

⁴⁹⁴ Чикадзе Е. Формирование общины российских поляков: пути конструирования этничности // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. С. 175–226.

⁴⁹⁵ Волкова Н. Г. Понтийские греки // Бюллетень Краснодара. 2000. № 2. С. 15.

⁴⁹⁶ Суций С.Я., Квициани Д.Д. Диаспоры как фактор взаимoadaptации народов в полиэтнoкультурном регионе (на материалах Юга России) // Научная мысль Кавказа. 2009. № 4. С. 15–20.

⁴⁹⁷ Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (принят Государственной Думой 22 мая 1996 г. с изм. от 21 марта 2002 г.).

Глава 5. Этноинституциональные процессы в трансформирующейся России

В Консультативный совет по делам национально-культурных автономий при Правительстве Российской Федерации входят представители наиболее активных из 1042 действующих национально-культурных автономий, в частности представитель Федеральной национально-культурной автономии азербайджанцев России, зарегистрированной решением Министерства юстиции Российской Федерации 1 октября 1999 г. в Москве, которая представляет социальные, национально-культурные, языковые интересы граждан России азербайджанской национальности. Однако политическая проблема заключается в том, что национально-культурные автономии свои взгляды представляют как интересы этноса. Между тем в подобных автономиях демократические процедуры выборов сложно осуществимы, часто доминирует авторитарный стиль управления, а руководители подчас говорят и пишут о том, чего не разделяют многие представители их этносов.

В опросных листах I Всеобщей переписи населения в Российской империи фиксировалось только вероисповедание человека. В последние годы радикализация этноэмоций и националистических чувств несколько ослабла, а значимость конфессиональности возросла. В отдельных регионах произошло совмещение конфессиональных и этнических идентичностей.

Например, буддийскость стала важным этномаркером современных калмыков, подразделяющихся на субэтнические группы: дэрбет, торгуты, хошуты и др., причем этнокультурная и этнобихевиоральная составляющая (участие в буддийских праздниках, ношение амулетов, четок и т.п.) заметно превалирует над собственно религиозной сущностной стороной⁴⁹⁸.

Юридически связь этнического и конфессионального закреплена в названиях многих действующих религиозных общественных организаций: «Русская православная церковь», «Армянская апостольская церковь», «Татарская мусульманская община», «Еврейская община ортодоксального иудаизма», «Немецко-русский евангелический лютеранский приход», «Русско-корейская методистская церковь» и пр. Возникающие в результате синтеза этноинституты не являются точной репликацией прошлого. Скорее это неотрадиционалистское

⁴⁹⁸ Бадмаев В.Н., Уланов М.С. Буддизм в Калмыкии: проблемы возрождения и перспективы развития // Южнороссийское обозрение. 2010. № 63. С. 76-77.

отображение экономических и политических вызовов, которые испытывает этногруппа. Попытки модернизации общества по западным образцам приводят к прямо противоположным результатам – архаизации и возрождению традиционных форм самоорганизации и права, которые, например, на Северном Кавказе существовали наряду с государственным правом до 1925 г.

Институциональный синтез этнических и конфессиональных идентификаций происходит в условиях исламизации и общей религиозной фундаментализации. Учитывая тенденции реисламизации в Дагестане, Чечне, Карачаево-Черкесии и ряде других республик, можно прийти к выводу, что сложно эффективно использовать либеральные институты для реструктурирования традиционного социума и имплементации институтов гражданского общества и правового государства.

В дискурсном пространстве процессы институционального воспроизводства этногенеза в локальных сообществах сопровождаются ростом риторики на тему поддержки традиционного консерватизма. Под ним на Северном Кавказе понимается традиционный ислам. Его сторонники, соглашаясь со словами Г. Честертона, что «традиция – это демократия для мертвых», противодействуют значительным переменам в религиозной сфере и в общественной жизни и выступают за сохранение исламских ценностей в «первоначальном», очищенном от всяких культурных влияний виде.

В условиях роста численности мигрантов в этносоциальном пространстве, нарастания как внутренних, так и внешних миграционных потоков, а также институциональных противоречий по линиям «местные» – «приезжие» и при соответствующем усложнении межэтнических отношений особую социальную роль получили этнопредприниматели. Они выступают ключевыми фигурами в оценке обоснованности этноинститутов, спорят об их применении, развивают или отклоняют нормы этноповедения. Поскольку в советское время этносообщества не всегда предусматривали институты интерпретационного толка, возникла общественная потребность в появлении специфического типа этнодеятели, лидера, старейшины, антрепренера. Как подчеркивает И. Валлерстайн, в традиционных сообществах эту роль часто выполняют переводчики, которые обладают высоким социальным статусом, поскольку могут транслировать элементы дискурса другим этническим группам таким образом, чтобы «транслиру-

емый текст... упреждая ответ, содержал в себе элементы перехода на чужой язык»⁴⁹⁹.

Включенность в состав мигрантов состоятельных и/или криминальных лиц ведет к тому, что на всех мигрантов распространяются устойчивые стереотипные представления старожильческого населения. Например, о том, что существующая система социального обеспечения ставит мигрантов в привилегированное положение получения ими немотивированной помощи от государства, тогда как местное население не имеет подобных льгот, а существующая коррумпированная административная система помогает им в бизнесе, поскольку у местного населения нет таких финансовых ресурсов на взятки и подношения.

Мигрантизация сопровождается институциональной дегомогенизацией этносоциального пространства. П. Левитт назвал идеи и нормы, которые мигранты привозят на новое место жительства, «социальными переводами». «Они включают в себя нормы межличностного поведения, представления о внутрисемейной ответственности, стандарты возрастного и тендерного соответствия, принципы участия в жизни сообщества и общины, стремления к социальной мобильности, а также «ожидания по поводу организационной эффективности: как должны функционировать церковь, государство или суды»⁵⁰⁰.

Институциональные противоречия между этноинститутами, привносимыми мигрантами в общественную жизнь, и традиционными нормами локальных общин, т.е. различными уровнями и способами речи различающихся между собой этнодискурсов, потребовали от региональных властей институциональной разработки внутренне конвергентных «правил перевода» в виде региональных «кодированных» норм или официально рекомендуемых правил поведения для мигрантов.

Для смягчения межэтнических противоречий региональные власти в сотрудничестве с представителями негосударственных организаций и этнодиаспор стремятся принять специальные кодексы норм и правил поведения для облегчения процессов социализации мигрантов.

⁴⁹⁹ *Лотман Ю.М.* О семиосфере // Труды по знаковым системам. Тарту: ТГУ 1984. С. 16.

⁵⁰⁰ *Levitt P.* Social Remittances: Migration Driven, Local-Level Forms of Cultural Diffusion // *International Migration Review*. 1998. 32(4). P. 928–948.

Функциональная цель этнокодексов направлена на адаптацию этноидентичности вновь прибывших к этноинституциональным требованиям соответствующих этносообществ. Например, этнодиаспоры могут рекомендовать мигрантам отказаться от использования некоторых, раздражающих местное население этномаркеров в повседневной жизни, проведения некоторых шумных этнопраздников в общественном пространстве, с тем чтобы не провоцировать конфликты между мигрантами и принимающим населением.

Иногда этнодиаспоры занимаются консультированием мигрантов в области российского социального, налогового и трудового законодательства, создают специальные курсы по обучению их русскому языку, правилам поведения с органами внутренних дел, ФМС, учреждениями здравоохранения и образования для минимизации рисков потенциальной этнодискриминации и пр.

Поскольку институциональное наполнение этничности индивида трансформируется ввиду необходимости его этноадаптации к местному социуму, происходит постоянная локализация этноидентичности прибывающих на Юг России мигрантов. В этноинституциональном смысле идентичность таджика-мигранта несколько отличается по сравнению с этничностью таджиков, проживающих в республиках Центральной Азии. Традиционные народы (к примеру, черкесы) часто воспринимают своих соплеменников, уехавших в западные страны и частично утративших там исконно присущую им «традиционность» в виде традиционного аскетизма, как несколько «других», обладающих девиантной этнопринадлежностью.

Без государственной поддержки и возможных государственных санкций к неподчиняющимся индивидам этнодиаспорам сложно справиться с задачей этноадаптирующего изменения этничности мигрантов.

Очевидно, что такие нонконформистские проявления этничности, как национальные танцы на центральных площадях городов, несоблюдение привычных в городских условиях санитарно-гигиенических стандартов (к примеру, пожароопасное приготовление шашлыков на балконах многоэтажек) и пр., раздражают местное большинство, поэтому многие граждане в целом поддерживают этноинституциональные ограничительные меры в виде, к примеру, кодексов поведения.

В них должны реализовываться не только ожидания по поводу нормативного поведения мигрантов в новой социокультурной среде,

но и существующие на Кавказе традиции политической и социальной толерантности – куначества, гостеприимства, уважительного отношения к старшим и т.д. Но фактические кодексы поведения являются скорее брошюрами и бюллетенями для мигрантов, беженцев или вынужденных переселенцев. Они информируют уязвимые этногруппы о потенциальной применимости и допустимой частотности применения тех или иных этноинститутов. Также они информируют об опасностях, возникающих при злоупотреблении мигрантами своими традициями и/или проявлении ими неуважения к местным обычаям, а также о возможных институциональных коллизиях этнонорм с местными обычаями и региональным законодательством и наиболее эффективных методах их решения.

Согласованные с местным сообществом, региональными властями и этнодиаспорой этнокодексы увеличивают транспарентность межэтнических отношений, что может снизить межэтническую конфликтогенность. Признавая важность информирования мигрантов, этноменьшинств, диаспор и др., а также социального консультирования этнодискриминируемых групп, следует все же указать на низкую эффективность подобных кодексов.

Формализация этнокодексов (пусть даже правил обычного добропорядочного поведения в полиэтничной среде) исключительно для этноменьшинств (в том числе и мигрантов из стран Центральной Азии и Кавказа) воспринимается либерально настроенными социологами, политологами и правозащитниками как нарушение прав человека.

При том что у значительной части автохтонного населения наблюдается утрата традиционных ценностей, этногенез локальных сообществ осуществляется в условиях социального воздействия до сих пор сохранившихся традиций и кодексов этноповедения (в сфере семейных отношений, соблюдения значимых для этногрупп выходных и праздничных дней, соблюдения этнотрадиционного дресс-кода и пр.).

Этногенез осложняется правовыми коллизиями между существующими в этносообществах кодексами поведения и федеральным и региональным законодательством, отражающим ценности либерализма, рыночной экономики и прогресса. Эти конфессиональные институты (особенно шариатского и ваххабитского толка) с трудом сосуществуют с общероссийскими нормами и нормами глобального общества. Они часто становятся основой для институционально-

го воспроизводства субэтнических и этноконфессиональных групп, которые находятся в состоянии перманентного противоборства или даже открытого конфликта с властями.

Институциональная слабость российского государства в 1990-е гг., серьезные нормативные противоречия между федеральным и региональным законодательством, неразграниченность административных полномочий в сфере национальной политики и пр. привели к доминированию этнонорм, традиций и ценностей в общественном региональном сознании.

Российским властям долгое время было не до политического контроля над этногенезисными процессами. Вопросы этногенеза были в целом не интересны, если только этноидентичность не была связана с территориальными конфликтами, выступлениями этнодвижений и пр.

Как показывают результаты всероссийских переписей, даже такие возникшие в виртуальном пространстве и сомнительные для академического сообщества новые идентичности, как «скифы» или «сарматы», не встречали политического осуждения со стороны властей. Тем более они не встречали прямого административного противодействия, при том что в советское время на индивидов, создающих такие организационные структуры, как, например, «Скифский национальный конгресс», наверняка обрушились бы репрессии административного характера.

Практически нерегулируемой стала сфера виртуального этнорадикализма. Поскольку современный этноязык должен быть представлен в электронном виде, а в виртуальном пространстве языковые этнонормы иммортализируются, со временем социальная значимость виртуального компонента в этногенезе возросла. Но она лишена государственного внимания.

Несмотря на высказывавшиеся еще в начале 1990-х гг. либеральные ожидания по поводу постепенной деэтнизации общественного сознания, этническая тематика так и не отошла на второй план, не стала менее значимым фактором общественной жизни.

Существовавшая в советское время национальная политика, при всей ее противоречивости и отсутствии системности, в 1990-2000-е гг. была заменена на политику региональную. Экономические преференции отдельным регионам и региональным элитам предоставлялись в обмен на безоговорочную поддержку и лояль-

ность по отношению к федеральному центру Этнические сообщества мобилизуются эффективнее, чем другие формы региональной самоорганизации (в качестве примера можно привести необычайно высокую степень поддержки, которую получили федеральные элиты на парламентских и президентских выборах в северокавказских республиках в 2003–2004, 2008, а также 2011–2012 гг.). Поэтому авторитарные этнолидеры Северного Кавказа, Поволжья и Сибири получали непропорционально большую долю трансфертов и дотаций из федерального центра, учитывая демографический и экономический потенциал их регионов, чем области Центральной России с доминирующим русским населением.

В настоящее время жителей региона гораздо больше интересуют не проблемы развития этнокультуры, истории или языка, а тарифы ЖКХ, высокий уровень безработицы, потребительская инфляция и т.п. Если в 1990–е гг. региональные элиты зачастую использовали этнофактор, т.е. сознательно разжигали межэтнические столкновения для получения финансовой поддержки в региональные бюджеты из федерального центра на развитие этнокультуры, поскольку это был фактически единственный рычаг, имевшийся у регионалов для давления на Москву, то начиная с 2000 г. ситуация изменилась.

Увеличив объемы межбюджетных трансфертов в региональные бюджеты на развитие системы социального обеспечения, а впоследствии и на модернизацию региональной инфраструктуры и крупнейших промышленных объектов, федеральные власти «выбили почву из-под ног» у этнонационалистов. Их утверждения о том, что «Северный Кавказ эксплуатируется Москвой», а ресурсы на его развитие не выделяются в достаточном количестве или разворовываются в федеральном центре, были в значительной степени девальвированы.

Часть этнонационалистов и радикальных исламистов (особенно в Чеченской Республике), почувствовав перемены в отношении федерального центра к процессам, происходящим на Северном Кавказе, ощутив жесткую и бескомпромиссную политическую риторику и не менее жесткие политические действия, прекратила вооруженную борьбу. Перейдя на сторону региональных властей, они способствовали индигенизации чеченского этноконфликта. Проблема состоит в том, что природа конфликтов сложна. Созданный конфликт имеет собственную направленность, несмотря на последующие усилия своих создателей по урегулированию.

Результатами экономического роста в постдефолтный период 1998–2008 гг. смогло частично воспользоваться и население северокавказских республик. Рост потребительского кредитования и общее увеличение средней заработной платы по региону (хотя это увеличение было и менее значительным, чем в Центральной России, Мос-кве или Санкт–Петербурге) снизили мотивацию жителей региона к участию в этнокриминальной деятельности. По сравнению с началом – серединой 1990–х гг. снизилось количество похищений людей ради выкупа, других тяжких преступлений насильственного характера, случаев ограблений поездов, угона скота в сопредельных с Чечней и Дагестаном регионах.

Дальнейшая кастомизация социально–экономического регионального пространства и общая региональная демократизация будут сопровождаться постепенной деинструментализацией институционального воспроизводства этничности. Это повлияет на характер протекания институционального распада как основного этнодифференцирующего фактора в этногенезе российских народов.

Этноинституциональная политика должна соблюдать баланс между этноинтеграционными и этнодифференционными тенденциями, между процессами разграничения этнических групп и их внутренней консолидации. В советское время сбалансированность практически отсутствовала.

В XXI в. государственные власти должны не только развивать культуру этногрупп, но и поддерживать соответствующие субэтносы в качестве возможного социально–политического противовеса этническому национализму. Как указывают неинституционалисты, наличие множества конкурирующих институциональных структур подрывает устойчивость каждой из них (например, появление отраслевых ассоциаций снизило устойчивость общенациональных медицинских федераций)⁵⁰¹.

Гармонизация межэтнических отношений должна сопровождаться развитием институционального, культурного и ценностного плюрализма, которые помогают вырабатывать чувство толерантности и уважения к другим точкам зрения среди членов различных этнокон-

⁵⁰¹ Scott W.R. Institutional theory: Contributing to a Theoretical Research Program // Great Minds in Management: The Process of Theory Development / ed. by K. G. Smith and M. A. Hitt Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 460–484.

фессиональных групп, несмотря на прямо противоположные взгляды и конфликтогенную историю взаимных отношений. Нужно снять все политические ограничения, мешающие продвижению институтов толерантности, полирелигиозности и поликультурности, и предоставить локальным сообществам права, которые гарантируют им самоуправление и институциональную защиту от волюнтаристских решений элит.

Это означает, как минимум, необходимость взаимного «политического разоружения». Успешное разрешение существующих этно-генезисных конфликтов (включая ногайский этногенез, проблему чеченцев-акинцев и т.д.) и борьба с этнорадикальными формированиями невозможны без отказа от взаимных политических и идеологических обвинений между властью, конфессиональными и этническими группами. Взаимное политическое разоружение означает, что этнические группы, тейшы, кланы и пр. соглашаются не формулировать и не проводить одностороннюю этноцентристскую и эгоистичную политику, не подрывать ресурсную устойчивость других сторон и во всех спорных случаях прибегать к прямым консультациям и переговорам на основе общих нравственных принципов толерантности, демократии, духовных и общецивилизационных ценностей.

Для элиминации этноконфликтных этногенезисных процессов и предотвращения развития регионального национализма государственные власти могут:

1. Активно использовать институциональные аффирмативные механизмы развития субэтнических и субрегиональных диалектов (издавать словари региональных диалектов, соответствующую научную и научно-методическую литературу, внедрять малые языки в детсадах, школах и вузах и т.д.).
2. Поощрять естественные процессы активного лингвистического «заражения» этноязыков словарным запасом других языков, в том числе и русского.
3. Формализовать электронную фиксацию, систематизацию и кодификацию институциональных исключений, предложений и совершенствований уже существующих правил для формирования в локальных сообществах более широкого институционального репертуара, чем имеет место в настоящее время.

4. Пересмотреть организацию кадровой политики на региональном уровне, руководствуясь интересами всех этносов и субэтносов.
5. Наладить конструктивный диалог между государственной властью и общественными этноорганизациями, с привлечением старейшин и религиозных лидеров.
6. Выработать адекватную региональную конфессиональную политику, где одной из основных задач стала бы дерадикализация религиозности и преодоление изоляционизма внутри религиозных сообществ посредством институционального совершенствования системы религиозного образования в региональном образовательном пространстве.
7. Издавать учебники, учебные пособия, хрестоматии и т.п. по истории, литературе, языкознанию и культуре народов Кавказа со сбалансированной представленностью материалов по титульным и нетитульным этносам и субэтногруппам. Имеющиеся учебники и учебные пособия недостаточно освещают социокультурные достижения народов Кавказа в советский и постсоветский периоды. Им не хватает как серьезной аналитики, так и продуманного идеологического содержания в аспекте нацеленности на формирование патриотизма и общероссийской идентичности у подрастающих поколений. Они написаны в соответствии с личными этническими или клановыми предпочтениями авторов. Поэтому, скажем, в учебниках Кабардино-Балкарии подробно освещается только история и культура кабардинского народа.
8. Поскольку большая часть локальных этносообществ проживает в сельской местности, одним из приоритетных направлений региональной национальной политики должно стать повышение благосостояния сельских жителей, обеспечение их трудовой занятости, развитие системы льготной сельской ипотеки на строительство жилья, повышение доступности и эффективности медицинской помощи на селе, обеспеченности детскими дошкольными и средними образовательными учреждениями и т.д.
9. Активизировать мониторинг межэтнических и этнорелигиозных процессов и настроений, а также регионального законодательства и административного правоприменения, на-

правленных против этнодискриминации и экстремизма, в том числе путем привлечения в качестве экспертов ученых-этнологов, историков и политологов из соседних регионов и других стран.

10. Выделять ежегодно региональные гранты на развитие принципов этнической толерантности, поддержку коллективов и отдельных представителей творческой и научной интеллигенции, популяризирующих традиции этнокультуры и содействующих укреплению дружбы между этносами.
11. Активизировать пропагандистскую деятельность представителей духовенства, общественности, региональных чиновников и старейшин по выработке устойчивого общественного мнения о преимуществах толерантности в межэтнических отношениях, мирного сосуществования и сотрудничества народов Юга России и интеграции южнороссийских регионов в общероссийские модернизационные процессы. На страницах региональных СМИ должны регулярно появляться материалы, посвященные межэтническим отношениям, деятельности культурных автономий, этногрупп и субэтногрупп, проживающих в регионе. Через телевидение и местные газеты население должно информироваться о проведении дней культуры титульных и нетитульных этносов: кумыков, ногайцев, аварцев, турок-месхетинцев и др. Аналогичная информация должна появляться в республиканских, областных и районных СМИ, издаваемых на этнических и национальных языках.
12. Выработать жесткие меры по предотвращению экстремистских настроений и наказанию лиц, причастных к разжиганию межэтнической розни, в том числе среди региональных чиновников.

Южнороссийские этногруппы должны активно изучать неродные для них языки в контексте общей региональной стратегии развития мультикультурализма. Региональный полилингвизм облегчает участие этноменьшинств в общественной жизни, даже если социум, в котором ключевые позиции принадлежат титульным этносам или нескольким этногруппам, заражен ксенофобией, а власти принимают законы, дискриминирующие или угрожающие другим национальным группам или этническим меньшинствам или блокируют принятие законодательства, смягчающего уже существующие межэтнические

конфликты. Иначе на Юге России будет и дальше происходить этнозамыкание локальных сообществ, снижение среди их членов уровня владения русским языком не только как государственным, но и как языком межнационального общения.

Власти должны жестко подавлять этнорелигиозный экстремизм, поскольку, как показал политический опыт 1990-х гг., федеральная политика умиротворения и уступок этносепаратистам и религиозным экстремистам, представляет собой реальную социально-политическую опасность для национальной безопасности России. В советское время такая политика не смогла предотвратить распада страны. Для национальной элиты, получившей позиционные и пространственные преимущества, не было никакого резона оставаться в составе СССР.

Политика умиротворения приводит к прямо противоположным результатам. «Она может, – пишут Б. Кошпитерс, Р. Апресян и К. Келеманс, – быть воспринята неприятелем как проявление слабости и подтолкнуть его к агрессии...»⁵⁰² Политические и экономические уступки сепаратистам были восприняты общественным мнением в северокавказских республиках именно как проявление слабости государства и его неспособности защитить граждан. Политический авторитет федеральных властей резко снизился.

Наиболее очевидным (хотя и неправильным) решением здесь является форсированная деэтнизация, т.е. стремление государственных органов элиминировать роль этничности в общественных отношениях. Подразумевается, что при описании совершенных преступлений или конкретных подозреваемых не следует упоминать их этническую принадлежность. Предполагается, что такое упоминание вызывает депривацию людей той же этничности или национальности и даже может спровоцировать рост межэтнического напряжения в обществе. Гуманистическая направленность подобной мысли очевидна. Но, как и во многих других случаях, существует опасность, что «благими намерениями вымощена дорога в ад». Стратегия деэтнизации регионального социального пространства не учитывает сложившееся на Северном Кавказе восприятие этнической идентичности как необходимого элемента субъективной идентификации и повода для

⁵⁰² *Кошпитерс Б., Апресян Р., Келеманс К.* Крайнее средство // Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры / под ред. Б. Кошпитерса и др. М.: Гардарики, 2002. С. 142.

групповой гордости, поэтому даже в случае отсутствия в региональных СМИ упоминания об этничности того или иного подозреваемого, его групповая, тейповая или клановая принадлежность быстро становится известна.

Вместо того чтобы действовать неуклюжими информационными блоками, федеральные и региональные власти должны учитывать сложившийся баланс интересов между этническими группами, а также существующие структурные социально-политические противоречия между титульными и доминирующими этносами, тейпами и кланами и этническими аутсайдерами.

Распространенность Интернета и спутникового телевидения препятствует конструированию этноидеологического «образа врага» и единой (безальтернативной) точки зрения. Популярными в региональном общественном пространстве в 1990-е гг. проекты создания надэтнических государственных образований вне России: «Великой Ингушетии», «Великой Ичкерии», «Великой Адыгеи», «Горской республики», в рамках которых, по мнению сторонников сепаратистского проекта самоопределения этносов среди членов Конфедерации народов Кавказа, будут сняты противоречия, порожденные системой национально-административных образований и др., временно «заморожены», поскольку правящие элиты республик согласились с неформальным политическим разменом – отказ от амбициозных сепаратистских проектов в обмен на финансовую и административную поддержку из федерального центра.

Большую часть «неспокойной» этноэлиты абсорбировали политические структуры «Единой России». Партийная идентификация на уровне региональных элит стала более важным идентификационным критерием, чем этничность. Использование этнофактора во внутренней политике перестало приносить экономические и политические дивиденды региональным элитам.

Однако неудачи в проведении модернизационных преобразований, рост контрмодернизационного движения основной массы населения регионов в постперестроечный период, рост недовольства населения повседневной деятельностью правоохранительных и силовых структур, а также любые существенные изменения в этнодемографических пропорциях населения (к примеру, при присоединении к Северной Осетии Южной) могут привести к ревитализации межэтнических столкновений.

Возросший уровень жизни населения Юга России в целом по сравнению с 1990-ми гг. и сильная экономическая зависимость северокавказских республик от федерального центра также затруднили мобилизацию этноидентичностей. Лидеры этнодвижений, которые еще не вышли на уровень активных требований и вооруженной борьбы (например, движения шапсугов, армян и греков, которые в 1990-е гг. требовали территориальных автономий в Краснодарском крае), осознали логистическую неспособность создать автономные эффективные структуры по решению социальных проблем своих этногрупп. Как показывает социально-политический опыт 1990-х гг., для этногруппы провозгласить независимость – не сложно, труднее наладить эффективную систему регионального управления.

Структурный, исторически обусловленный и не разрешенный до настоящего времени характер этноконфликтных противоречий хорошо осознают современные террористы, их пособники, сторонники и финансовые спонсоры. Радикальные этнорелигиозные группы (например, джамааты), стремясь спровоцировать региональный социальный взрыв, часто используют террористические акты для эскалации межэтнической напряженности (например, теракт в Беслане в значительной степени был направлен на актуализацию несколько «замороженных» в 2000-е гг. осетино-ингушских противоречий), а потом обвиняют в нарастании конфликтности федеральные и региональные власти. Растет нигилизм людей по отношению к государству, правовой системе, а также гражданскому обществу, что означает фактическое исчезновение «общественного заказа» на независимое гражданское участие в предотвращении террористических угроз и решении этноконфликтных проблем.

Террористическая активность одной из этнических или конфессиональных групп радикально меняет устоявшуюся структуру социальных отношений, подрывая традиции взаимного мирного сосуществования народов и увеличивая межэтническую подозрительность и недоверие. Так, на Северном Кавказе большая часть сотрудников региональных правоохранительных органов, как правило, принадлежит к титульной национальности. Поэтому нападения боевиков рассматриваются не просто как акты террористического насилия против представителей государства, а как покушение на убийство или убийство представителей той или иной этнической или клановой группы, что не может оставаться безнаказанным в соответствии с традиционными нормами адата и шариата.

Своеобразная «кровная месть» со стороны правоохранительной системы выражается в ответных силовых и преимущественно неправовых реакциях («зачистках») против родственников или друзей подозреваемых в террористической деятельности, которые, как правило, также принадлежат к определенным этническим кланам или тейшам, находящимся в оппозиции к действующим властям. Недостаточно продуманные и рискогенные действия в этнополитической сфере со стороны силовых структур приводят к эскалации существующих межэтнических противоречий и понижают приоритетную ответственность правоохранительных органов перед гражданским обществом и государством.

Хотя важнейшей функцией государства является урегулирование конфликтов и поддержание внутреннего порядка, обычно оно осуществляет эту функцию в интересах господствующей этнической группы, следовательно, остается объектом межэтнической борьбы. Предметом борьбы является государственная власть и связанная с ней возможность передела ресурсов в пользу заинтересованных экономических групп. Органы управления нередко выступают рычагами этнической конкуренции, потому что группа или группы, контролирурующие государственную власть, контролируют и большую часть общественных ресурсов и доступ к этим ресурсам в настоящем и будущем⁵⁰³. А этнический конфликт становится конфликтом по поводу того, кто контролирует государственную власть⁵⁰⁴.

Для снижения общего уровня террористической угрозы, а также числа открытых вооруженных противостояний и террористических актов необходимо четко определить, что должны делать региональные власти и силовые структуры, чтобы родственники людей, подозреваемых или обвиняемых в терроризме, не присоединялись к религиозно-радикальным группам и не занимались кровной мезтью.

Очевидно, что в настоящее время государство не может четко определить, являются ли семьи и родственники террористов потенциальными подозреваемыми, будущими преступниками или еще одной «группой риска», и как именно необходимо строить превентивную работу в отношении них. Сам факт родственной связи с кем-либо из

⁵⁰³ Brass P.R. *Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison*. New Delhi, Newbury Park, London: Sage Publications, 1991.

⁵⁰⁴ Forbes H.D. *Ethnic Conflict: Commerce, Culture and the Conflict Hypothesis*. Newhaven, Conn., and London, 1997. P. 142.

предполагаемых обвиняемых в терроризме может практически полностью разрушить жизнь любого человека, лишить его работы, поставить под подозрение и неофициальный контроль со стороны правоохранительных органов. Сталкиваясь с серьезным внеправовым давлением и отчуждением со стороны силовых структур, органов управления и окружающего сообщества, многие родственники террористов становятся «легкой добычей» для рекрутеров из этнорадикальных групп.

Горные и руральные районы Северного Кавказа продолжают оставаться центрами политического и конфессионального традиционализма. Их жители характеризуются высокой степенью социальной изоляции, нелояльным и критическим отношением к государству и часто прямым антигосударственным поведением, поэтому именно в горных районах этнорелигиозные экстремисты и террористы легко находят социальную и политическую поддержку. Только высокой степенью общественной поддержки и сочувствия можно объяснить успешное осуществление этнорелигиозными радикалами и террористами масштабных военных операций против федеральных сил (например, в Нальчике 2006 г. или летом 2008 г. в Дагестане).

Властям так и не удалось показать, что хотя применение террористических средств политической борьбы, возможно, и сулит тактический выигрыш конкретной группе в борьбе за власть, но издержки несут стратегический и негативный характер как для региона, так и для всех этносов, его населяющих. Как свидетельствует относительно высокая степень общественной поддержки на Дальнем Востоке так называемых «приморских партизан», которые в первой половине 2010 г. совершили ряд нападений на сотрудников МВД, деградация институциональной системы отношений гражданского общества и государства продолжается.

Без элиминации террористических рисков (социального, этнического и культурного характера), а также прямых этнорадикальных угроз общественной стабильности, без осуществления системной модернизации и инноватизации регионального социума с учетом сформированных многовековых и устойчивых северокавказских традиций, норм и обычаев, направленных на утверждение ценностей межэтнической и межрелигиозной толерантности, диалога, сотрудничества и компромисса, невозможно как выведение региона из системного социально-политического и социально-экономического кри-

зиса, продолжающегося весь период постсоветских трансформаций, так и преодоление негативных социально-политических последствий непрекращающихся террористических актов в субъектах Северного Кавказа.

Помимо сохранения в арсенале государственной политики крайнего средства «регрессивной пацификации» с помощью федеральных силовых структур, региональные и окружные власти должны четко различать стратегические и тактические политические цели как «превентивного реагирования» на этноконфликтные ситуации, так и «реактивного сдерживания» этнонационализма.

Необходимо четкими законодательными мерами отрегулировать политические аспекты деятельности региональных СМИ с целью предотвращения ими «коммерческой» пропаганды экстремизма, ксенофобии или «этноисторического» оправдания превосходства одного этноса над другими.

Большую социально-вакцинирующую роль могут оказать новые образовательные методики обучения, учебные программы и технологии в области гуманитарных и общественных наук, которые будут способствовать росту этнокультурного плюрализма и успешной ресоциализации «групп риска» среди этносов на общем региональном уровне и на уровне отдельных субъектов. Особое внимание необходимо уделять этногруппам, в демографической структуре которых доминируют молодые люди до 30 лет, поскольку с начала 1990-х гг. выросло уже несколько поколений, не охваченных процессами интернациональной социалистической социализации, но привыкших идентифицировать себя в этносреде локального сообщества.

Если существующие образовательные программы, особенно по гуманитарным дисциплинам, не соответствуют институциональным требованиям, предъявляемым к ним сточки зрения отражения позитивного потенциала ценностей всех этнокультур, они должны быть пересмотрены. В противном случае в образовательном пространстве происходит эссенциализация (т.е. «социальное замораживание») и стереотипизация культур этноменьшинств.

Новые поколения школьников и студентов, обучающиеся по предвзятым программам в отношении отдельных этнических групп, будут также демонстрировать паттерн негативного этнического взаимодействия. Если содержание региональных культурных и исторических компонентов высшего образования в Ингушетии выстраива-

ется вокруг Пригородного района, вполне возможно, что получившие подобный заряд негативных эмоций и политически интерпретированных знаний молодые люди впоследствии захотят еще раз повторить осетино-ингушский конфликт, возможно, в надежде на лучший по сравнению со своими предшественниками результат.

Именно сознательная идеологическая «интоксикация» грузинских школ и вузов со стороны властей с целью выработки у молодежи отношения к истории Грузии как к перманентной борьбе «грузинского народа против российского господства» сделала возможным столь легкое для грузинского общественного сознания начало Августовской войны. В Грузии дегуманизация южноосетинского этноса началась со школьных и вузовских учебников по историческим и общественным наукам. Только годы спустя она проявилась на уровне межэтнического конфликта.

Историческая правда не должна скрываться или деформироваться, в то же время негативизация региональной истории или истории этногенеза того или иного народа также недопустима. Неприемлемыми для регионального экспертного и академического сообщества должны являться и те публицисты, которые ради роста своей популярности, материальной заинтересованности или по политическим мотивам передергивают те или иные исторические факты или фальсифицируют их. Квазиисторическая наука не должна находить поддержку в региональных вузах, как государственных, так и частных. Даже если на первый взгляд кажется, что пропагандируемые этноисторические мифы способны принести «своему» этносу только пользу, что они способны поднять уровень этносамосознания и что вред от их пропаганды минимален, поскольку они напрямую не угрожают спокойствию и развитию других этногрупп.

Образовательные институты как инструменты снижения рисков этнонациональной безопасности должны способствовать активизации межнационального, этноконфессионального и межрелигиозного общения, которое страдает от множества этностереотипов и ксенофобных предубеждений, передающихся в соответствии с генерационными механизмами новым социализирующимся поколениям.

Власти должны следить за тем, чтобы этноинтеграция и этнодифференцирующие процессы уравновешивались между собой. Баланс между центростремительными и центробежными силами, структурирующими внутриэтническую и межэтническую стратифи-

нацию конкурирующих этногрупп, должен поддерживаться процессами конструирования «исключений в системе исключений» в институциональном репертуаре этногрупп и частичного «растворения» этноязыков во множестве региональных диалектов.

Этногенезисные процессы можно поддерживать на управляемом и ненасильственном уровне, только если взаимоотношения между этносами будут основываться на двух принципах: делегирование полномочий с федерального и регионального уровней власти на уровень этногрупп и соблюдение баланса сил между ключевыми титульными и нетитульными этносами на основе сформировавшейся в ходе длительного цивилизационного развития «способности кавказских народов осознавать свое социокультурное единство, свою принадлежность к общему и целому кавказскому миру»⁵⁰⁵.

Для снижения остроты этногенезисных противоречий нужно задействовать все имеющиеся в региональном социально-политическом пространстве институциональные механизмы. Роль административного ресурса следует уменьшить. И напротив, необходимо увеличить роль и качество этноинститутов, в функциональном отношении регулирующих взаимную передачу социальных обязательств в сфере культуры и языка, отбор потенциальных кандидатов, придерживающихся похожих ценностей и бихевиоральных образцов, на вступление в этногруппу и увеличение аксиологической схожести людей, уже входящих в этногруппу, с помощью совместной вторичной социализации.

Этногруппы, в бихевиоральных паттернах которых присутствует большое количество институциональных исключений, обычно развиваются довольно активно, поскольку происходит внутреннее «опыление» этнокультуры новыми этноинститутами, рост взаимного понимания взглядов, жизненных установок и ментальности различных этногрупп, образующих единый народ.

В случае, если в бихевиоральных паттернах локального сообщества прямо запрещены (когда их нарушение приводит к директивным санкциям со стороны общества), осуждаются или, как минимум, не одобряются некоторые виды деятельности, формы культурного, экономического и социального самовыражения, развитие личностного потенциала входящих в этносообщество индивидов ограничивается.

505 Шадже А.Ю. Этнические ценности как философская проблема. М.: РФО, 2005. С. 80.

И напротив, большой институциональный выбор возможного и приемлемого поведения в этноязыковой, этнокультурной или любой другой сфере означает, что индивиды могут довольно свободно развиваться в соответствии с собственными индивидуальными предпочтениями. При этом они не становятся нелояльными к своему сообществу, не подвергаются санкциям со стороны его лидеров за действия, которые выглядят как нарушение кодексов этноповедения или даже предательство интересов этногруппы, не отказываясь от этноидентичности и не выходя за локальные идентификационные рамки.

Хотя на Юге России процессам этногенеза не хватает соответствующей институциональной гибкости, существует опасность злоупотребления этой гибкостью в ущерб развитию этносов. Проблема этногенеза – это еще и проблема институционального контроля над выбором бихевиоральных исключений. Если в обществе существует «центральная зона культуры»⁵⁰⁶, по поводу ценности которой все основные этногруппы приходят к согласию, допустимое и приемлемое решение в вопросе выбора исключений вполне можно найти.

Необходима децентрализованная национальная политика, направленная на уравнивание различных интерпретаций этноисторических и этнорегиональных мифов. До сих пор отечественному кавказоведению не хватает взвешенных и объективных работ по этногенезу тех или иных народов, при сбалансированном учете точек зрения даже тех заинтересованных сторон, которые принадлежат к другим этногруппам. Преобладают конъюнктурные и тенденциозные описания истории Северного Кавказа с точки зрения одного этноса, доминирующих этноэлит и тесно связанных с ними представителей академического сообщества. Региональные власти фактически не заинтересованы в развенчивании этноисторических мифов, не всегда обоснованных дат, которые помпезно празднуются региональными элитами, и фальсификации отдельных исторических событий. Многие из мифов (например, о «четырёхсотлетней войне России на Кавказе») в научном дискурсе и региональном сознании господствуют уже десятилетиями.

Рост мультикультурного и межконфессионального понимания невозможен без активной государственной политики в этнолинг-

⁵⁰⁶ Shils E. Centre and Periphery // Polany M. (ed.). The Logic of Personal Knowledge. London: Verso, 1961. P. 117.

вистической сфере, связанной с законодательной охраной, административной и финансовой поддержкой языков этнических меньшинств. Также необходима дальнейшая социально-гуманитарная исследовательская работа по изучению, продвижению и стандартизации всех северокавказских этнических языков, разработке их общих шрифтов, кодификации норм в области письменности, орфографии, орфоэпии, употребления морфологических форм, развитию этнической терминологии в области политики, науки, техники и производства.

В языковой политике нельзя ориентироваться на историю. Как отмечал Фердинанд де Соссюр, для людей, говорящих на каком-либо языке, существует только одна перспектива – употребление этого языка в настоящее время, прошлого состояния они не знают и не думают о будущем языка.

Государственная политика в этнолингвистической сфере должна соответствовать подписанной федеральными органами власти Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств. Европейская хартия⁵⁰⁷ была принята Советом Европы в 1992 г., к концу 2009 г. ее подписали 47 государств, ратифицировали 24 страны. Россия подписала этот документ еще в 2001 г., однако процесс его ратификации не завершен, поскольку требуются серьезные изменения государственной политики в этноязыковой сфере, внесение соответствующих изменений в федеральные и региональные законы и другие нормативно-правовые акты.

Управление этноконфликтными процессами нельзя сводить к жесткому линейному программированию. Как и любое другое социальное явление, тесно связанное с психикой человека, этноконфликт вызывает множество эмоций, причем, как правило, эмоций отрицательных. И уже эти эмоции, являясь, по сути, следствием конфликта, сами подпитывают нерешенные противоречия, выступая в качестве причины. Тем не менее существует внутренняя логика развития этнополитического конфликта, от зарождения к эскалации и затуханию. Точно так же можно определить логику разрешения социальных конфликтов, в том числе и этнополитических.

⁵⁰⁷ Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (принята 5 ноября 1992 г. Советом Европы) // Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств и пояснительный доклад. М.: Изд-во Совета Европы, 2009.

Оценка конфликтной ситуации не должна ограничиваться оценкой поведения соперничающих сторон. Необходим как ретроспективный анализ предшествующего поведения, так и моделирование того, что может произойти в будущем. Поскольку конечная цель – это достижение институционального равновесия во всех областях общественной жизни, будь то политика или экономика, требуется также указать все те институты или традиции, которые мешают развитию. Следующим этапом будет нахождение четких ориентиров, по которым нужно двигаться к поставленной цели (определение стратегии).

Каждое принимаемое решение должно соответствовать выбранной политической стратегии. Иначе говоря, все принимаемые решения должны быть логически взаимосвязаны и последовательны, вытекать одно из другого и соединяться в четкую схему. Они должны быть реальны. Это подразумевает нечто большее, чем просто «приемлемый для другой стороны». «Реальный» означает способный сдвинуть дело с мертвой точки. Искомое решение должно позволить перейти от конфликтной ситуации к улаживанию конфликта. Только в этом случае разрушительную энергию межэтнических конфликтов можно переключить на мирные цели национального строительства и институционального созидания.

Улучшение межэтнических отношений основывается на единстве или схожести институтов и норм поведения, на ожидании положительных последствий от использования межэтнических связей в самых различных ситуациях. Или, наоборот, на опасении перед возможным вредом в случае открытых межэтнических столкновений. В некоторых случаях можно использовать существующие на Кавказе традиции толерантности – институты куначества, гостеприимства, уважительного отношения к старшим и т.д.

Имплементация этих рекомендаций может укрепить процессы политического развития и мультикультурного понимания – но только в долговременной перспективе. Этноинституциональные проблемы требуют длительного анализа и изучения. Такие размышления, по мысли гуманиста А. Швейцера, помогают людям «пересматривать и обновлять свои идеалы».

Недостаточно продуманные и рискованные действия в этноинституциональной сфере могут усложнить этногенезисные процессы и привести к эскалации межэтнической напряженности. Органы государственной власти, эксперты и общественные организации должны

Глава 5. Этноинституциональные процессы в трансформирующейся России

предпринимать совместные усилия для разрешения межэтнических противоречий (включая заметный рост религиозного радикализма в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Дагестане, Чечне и отдельных районах Ставропольского края, «ногайский вопрос», проблему чеченцев-акинцев и т.д.) и незавершенных межэтнических конфликтов на Юге России.

Этногенезисные процессы являются объективным вызовом государству. Во многих отношениях они отрицательно воздействуют на его внутреннюю структуру.

Описанные выше алгоритмы развития этногенеза не являются детерминистскими. Поэтому было бы неправильно рассматривать национализм как греческую «трагедию неизбежности». Речь не идет о бихевиоризме в крайних формах: «поскольку ничего изменить нельзя, то нечего и пытаться». С. Хоген по этому поводу заметил следующее: «Возможно, что все, нами проделываемое, предопределено некоей Всеобщей теорией. Если эта теория предопределила, что мы умрем через повешивание, мы не утонем. Но нужно быть чертовски уверенным, что вам предстоит виселица, чтобы отправиться в открытое море на углу суденышке, когда ожидается сумасшедший шторм. Я заметил: даже люди, совершенно убежденные, что все предопределено свыше, тем не менее, смотрят по сторонам, прежде чем перейти дорогу...»⁵⁰⁸

Для укрепления межэтнических отношений необходимо экономическое развитие Юга России, граничащего с Центрально-Европейским, Кавказским и Прикаспийским регионами, сохранение целостности российского государства, преодоление межконфессиональных раздоров, социально-политического напряжения. Многие в этом направлении еще предстоит сделать как в теоретическом, так и в практическом плане.

Необходимо снизить конфликтогенность этногенезисных процессов и вывести российский социум из стагнации с помощью новых и продуктивных институтов. Регион нуждается в принятии специальных целевых программ по поддержке культуры субэтногрупп Юга России, предусматривающих меры по стимулированию творческой деятельности носителей ценностей этнокультуры, сохранению, изучению

⁵⁰⁸ Цит. по: *Зигуненко С.Н.* Как устроена машина времени? // Знак вопроса. 1991. № 5. С. 7.

и возрождению этнотрадиций. Нематериальное наследие народов Юга России так же важно, как и материальные ресурсы региона.

При проведении этноинституциональной политики нельзя забывать, что социально-региональная система не должна резко осуществлять необходимые трансформации, поскольку радикальные изменения могут расшатать систему изнутри и разрушить ее. Только учитывая это, потенциально разрушительную и конфликтогенную направленность этногенеза можно будет переключить на мирные цели национального строительства и институционального созидания.

Несмотря на значительно повысившийся уровень этнологического и этносоциологического анализа, большое количество исследовательских центров, по-прежнему довольно сложно определить социальные последствия этногенеза и специфику институционального воспроизводства этногенеза в локальных сообществах. Поэтому все так же сохраняют актуальность слова Дж. Мида, сказанные им в 1967 г.: «Ответ на вопрос, принадлежим ли мы более широкому обществу, предполагает знание того, вызывает ли наше собственное действие отклик в этом более широком сообществе и отразится ли таковой отклик на нашем поведении»⁵⁰⁹.

⁵⁰⁹ Mead C.H. Mind, Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist Chicago: The University of Chicago Press, 1967. P. 271.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для большинства мультикультурных и территориальных обществ особую актуальность представляет необходимость решения институциональных задач и реализации модернизационных целей по созданию устойчивой государственности, поэтапному реформированию этносоциальной сферы и строительству нации-государства.

В России общественный дискурс в значительной степени направляется и актуализируется социально-политической дискуссией по поводу потенциальных возможностей, опасностей и угроз, связанных с использованием этнического фактора для конструирования, реализации и достижения конъюнктурных политических, экономических, культурных, социальных и идеологических целей.

Проблема роста общественного внимания к этнофактору и численного увеличения движений этномобилизации, воздействующих на региональные и локальные сообщества, остро встала в России в период перестройки, во второй половине 1980-х гг. И в XXI в. данная тематика остается актуальной – не в последнюю очередь благодаря социальным процессам «ренессанса» этногенеза.

В академическом сообществе мнения по поводу этничности высказываются прямо противоположные. Особенностью возникающих при этом споров является их идеологизированный в ценностном отношении характер. Многие этносоциологи выступают как сторонники предельного ослабления государственного контроля над процессами этногенеза, что реализуется в виде концепций «гражданской нации» и постепенного «отмирания этничности». Некоторые критикуют само понятие «этногенез», другие с меньшим упорством его отстаивают. Положительные отзывы соседствуют с жесткой критикой, причем как первое, так и второе носит зачастую излишне эмоциональный и методологически политизированный характер, что приводит к неточному и несбалансированному социологическому анализу этногенеза.

Ряд экспертов стремятся искусственно стимулировать этногенез в виде политической и финансовой поддержки политических движений этнорелигиозного или национального возрождения со стороны региональных администраций, но в целом дискуссия движется в рус-

ле инструменталистского обсуждения количества финансовых и социальных ресурсов, необходимых для стимулирования этногенезисных процессов.

Для проведения успешных социальных реформ необходимо адекватное понимание не только социальной роли и инструментального значения этничности как таковой, но и институциональной природы этногенеза. Однако решение подобной задачи осложняется методологической недостаточностью существующего социологического анализа этноинституциональных транзаций, происходящих в локальных сообществах, в этносоциальной сфере которых можно наблюдать существенные структурные противоречия между тенденциями к этнодифференциации и этноинтеграции, между этногетерогенностью и этногомогенностью.

В XXI в. интерес социальных ученых и политиков к институциональному развитию и укреплению государства в целом и отдельных регионов резко вырос. Неинституционализм как методологическое направление в социальных науках становится в России популярным, но недостаточный социологический анализ процессов институционального воспроизводства этногенеза не позволяет выработать надежные социальные меры превентивного практического воздействия против распространения этносепаратизма и этнорелигиозного экстремизма. Поэтому как в российском обществе, так и особенно в южнороссийском сообществе системное социологическое исследование процессов воспроизводства этноинститутов как движущего фактора этногенезисных процессов крайне необходимо.

Межэтническая и социальная неоднородность регионов, переживающих модернизацию и постиндустриализацию, часто вызывает в кругах правящих элит стремление провести форсированную дедифференциацию институтов и культурных норм традиционных этнических общностей и народов, с тем чтобы актуализировать в общественном дискурсе новые и более «обезличенные» правила бихевиоральной системы, которую в настоящее время принято называть «гражданским обществом».

Модернизация рассматривается сторонниками радикальных этнорелигиозных движений как некий «хирургический» политический инструмент, нацеленный на то, чтобы уменьшить социальную значимость процессов этногенеза и увеличить роль космополитичных и глобализированных институтов за счет отказа от институтов тра-

Заключение

диционных. Такое восприятие, а также проведение деконтекстуальной административной национальной политики продуцирует межэтнические конфликты в локальном социуме. Оно приводит к росту этноцентризма и радикального этнонационализма. Для элиминации негативных этносоциальных проявлений необходим всесторонний социологический анализ процессов этногенеза, который и был проведен в представленной работе.

Проблема институционального воспроизводства этногенеза в локальных сообществах носит междисциплинарный характер. Концептуализация существующих социологических подходов к анализу этногенеза в локальных сообществах позволяет выделить примордиализм, конструктивизм и инструментализм на основе выбора исследователями социальной или биологической детерминированности и структурирования этноидентичности. Современный примордиализм соединяет в себе генетические, культурные и географические направления, изучающие внесоциальные факторы этногенеза, а также их роль в восприятии этничности и соотнесении ее с ожидаемым или желаемым этноповедением.

Что же касается конструктивистских исследований этничности, то на Западе они проводятся либо в рамках социальной антропологии, либо того, что принято называть «макроисторической социологией». В методологическом плане это проявляется в том, что по-прежнему актуальны теории социального замыкания, которые рассматривают этническую принадлежность через двойственный механизм одновременного включения и исключения, создающий доступ к наградам и позитивным жизненным благам для одной этнической группы и отрицающий их для другой⁵¹⁰.

Этнические столкновения объясняются в духе теорий Роберта Мертона, который анализировал «диапазон социальных возможностей» тех, кто является аутсайдером в социальной системе. Аутсайдеры выступают с заведомо худших позиций, и для победы им надо предпринять что-нибудь неординарное, проявить особые способности, сделать первый шаг и проявить инициативу.

«Исключение – это не синоним бедности или безработицы, оно означает, что люди изолированы от социального контекста в целом, они не способны ни поддерживать себя, ни заботиться о себе способа-

510 Murphy R. Social Closure: The Theory of Monopolization and Exclusion. New York, 1988.

ми, принятыми в обществе»⁵¹¹. Они «социально неприспособленны» и «социально дисквалифицированы». Если бедным недоступны многие значимые блага, то исключенным – сама возможность доступа к ним. Социальное исключение не носит националистического характера и не является родом занятий плохо воспитанных или образованных людей.

Рынок социальных достижений организован так, что ему всегда присуще несоответствие между спросом (целями и ценностями) и предложением (средствами). Многие из тех, кто довольно рано осознает ограниченность своих возможностей в этой гонке, отвергают общие правила игры. Они пытаются добиться успеха недозволенными («творческими» или «преступными») методами⁵¹². Хотя основные положения теории замыкания были проанализированы еще в 1970-е гг., они довольно популярны, например среди демократического истеблишмента США.

Конструктивистская концепция рассматривает этнос как искусственную конструкцию, формируемую лидерами для достижения своих политических и/или экономических целей⁵¹³. Идентичность (не только этническая) считается порождением социальной ситуации⁵¹⁴.

Поскольку конструирование этноидентичности – долгий и сложный процесс, существует методологическая проблема объяснения «нулевой точки», когда этноидентификации у индивида еще нет или когда она находится в процессе строительства. Признавая, что этничность является искусственно созданной, конструктивисты тем самым указывают на идентификационный зазор между этноидентичностью и личностью человека. Поэтому, обретая этноидентичность, индивид не делает ее сущностной частью личностной структуры. Образно говоря, «покупатель» идентичности никогда не тратит на нее последние «деньги».

Другим недостатком социологических теорий конструктивизма и инструментализма является их методологическая неспособность объяснить системную устойчивость этноидентификационных кон-

511 Combating Social Exclusion: The Most Marginalized Groups in Denmark. Copenhagen: The Ministry of Social Affairs, 1995. P. 5.

512 Подробный анализ подобных случаев проделан Даниэлем Беллом. См.: *Bell D.* Crime As an American Way of Life // *Antioch Review*, Summer, 1953. P. 31-154.

513 *Wilmsen E.N. and McAllister P. A.* The Politics of Difference: Ethnic Premises in a World of Power. Chicago: University of Chicago Press, 1996.

514 *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.

Заключение

струкций, поскольку этногенез рассматривается как результат идеологических и политических усилий социальных агентов, обладающих властью, а также способностью к формированию значимой общественной повестки.

Основные социологические подходы к анализу этногенеза в локальных сообществах недостаточно учитывают институциональное измерение этносоциальных и этногенезисных процессов. Поэтому социологическое изучение этногенеза должно включать в себя системное и комплексное применение основных положений неинституционализма.

Главными субъектами этногенеза являются этногруппы, находящиеся в институциональном распаде. Этногенезисная субъектность представляет собой многоуровневую систему взаимодействия активных этносоциальных субъектов, социальные действия, интерпретации и реинтерпретации которых способствуют структурированию новых форм этносоциальной идентификации.

Социологическое содержание процессов этногенеза в системном, полипарадигмальном и целостном аспекте заключается в социально-субъектном формировании этносоциальной идентичности, которая в функциональном отношении направлена на ресоциализационное преодоление социально-психологических чувств анонимности, маргинальности и дезориентации. Они порождаются индетерминантным и ламинальным характером этносоциальных процессов современного общества.

Конвенциональность институционального воспроизводства этногенеза в локальных сообществах связана с повторяемостью, локализованностью и предсказуемостью социальных ситуаций и коллективных дилемм, в рамках которых создаются этноинституты как макронормы поведения и социальные механизмы воспроизводства этносоциальной идентичности. Институциональное воспроизводство этногенеза в локальных сообществах происходит в условиях изменения институциональной конфигурации этносоциальной структуры и трансформации этнодемографических паттернов социального доминирования, эти последние структурируются в новые нормы, ожидания и правила поведения, в соответствии с которыми решаются вопросы этногруппового членства, поскольку проявление нелояльности групповым нормам воспринимается как социальная угроза этноидентичности.

Этногенезисные процессы в этносоциальном пространстве реализуются в виде одновременно происходящих процессов этнодифференциации и этноинтеграции, которые охватывают социально-культурную, социально-экономическую, символическую, политическую и институциональную сферы локальных сообществ. Этноинтеграционные процессы обеспечивают сохранение общей этноидентичности и социального сплетения между субэтногруппами.

Этнодифференциация на институциональном уровне имплементируется в форме институционального распада существующих этногрупп на небольшие этносоциальные образования. Процессы институционального распада играют важную социальную роль в этногенезе. Институциональный распад – это фрагментирование норм этноповедения, а также обсуждение в дискурсном пространстве конкурирующих нормативных альтернатив и дефолтных правил как институциональных исключений, при которых прежние институты, которые выглядели «вечными» и без которых, казалось, этногруппа не могла существовать, – всего лишь один из вариантов, причем не самый лучший.

Новые этноинституты создают социально-психологическую модель восприятия окружающего мира, которая становится самоподдерживающимся социальным механизмом, испытывающим в то же время постоянные трансформационные преобразования. Постепенное расширение области социального применения этноинститутов происходит до тех пор, пока смысловое содержание самого исключения не становится рестриктивным.

Процессы институциональной трансформации локальных сообществ в модернизирующемся социуме связаны с неустойчивостью традиционных групп, субстантивные границы между которыми не являются четкими, зависят от контекста и постоянного притока социальных ресурсов. В этносоциальном пространстве локальных сообществ этнические институты используются социальными субъектами для достижения социального консенсуса, сокращения внутригрупповых рисков и создания согласованных коллективных обязательств, которые трансформируются в нормативные ожидания и требования, предъявляемые к другим.

Трансмиссия этноидентичности происходит с помощью этносоциальных сетей и этнопредпринимателей. Этнопредприниматели стремятся реинтерпретировать этнические институты, манипулиро-

Заключение

вать ими или ставить их под сомнение. Собственные интерпретации активных этносоциальных субъектов дополняются их обсуждениями существующих этноидентичностей и заимствованных из прошлого этносообщества бихевиоральных образцов в электронных медиа и этноорганизациях, но применяются эти трактовки к новым ситуациям и локальным сообществам, образуя гибридные этноидентификационные конструкции.

Социальное значение институционального распада этногенезисных процессов в модернизационных трансформациях в современном российском обществе заключается в легитимизации этнобихевиоральных девиаций в общественном дискурсе, когда различия между отдельными субгруппами не просто объясняются, но и идеологически оправдываются. Посредством этногенеза в этносоциальном пространстве происходит санкционирование новых нормативных и институциональных образцов и секьюритизация индивидуального маргинального поведения, что помогает снизить уровень социетальной напряженности. Процессы этногенеза способствуют эндогенной социализации, реструктурированию и рефункционализации механизмов социальной фильтрации и укреплению социального сцепления общества.

Институциональная специфика этногенезисных процессов в традиционных сообществах, находящихся в условиях социальных трансформаций, заключается в возрастании информационной диссипации этноинститутов, бихевиоральных образцов и предпочтений этносубъектов, а также детрадиционализации и периферизации регионального общества в целом. В условиях неустойчивой трансформационной среды предпочтение новой этничности часто выступает в виде рационального социально-политического и социально-экономического выбора, направленного на преодоление существующих социальных дилемм.

Социально-институциональный характер протекания этногенезисных процессов на Юге России зависит от степени актуализации в общественном сознании локальных сообществ значимых межгрупповых различий, сформировавшихся в ходе исторического развития региона. Этногенез в локальных южнороссийских сообществах проявляется в активном развитии и формализации субэтнических и субрегиональных диалектов, на основе которых происходит фрагмента-

ция и рефрагментация лингвистического и смыслового пространства и структурирование новых субэтноидентичностей.

Процессы институционального распада этногенеза, протекающие в локальных сообществах на Юге России, являются важным конфликтогенным фактором, который способствует росту этноконфессиональных противоречий в постсоветский период. Консолидация и социальная стабилизация регионального социума невозможны без регулирования этногенезисных процессов.

В настоящее время на Юге России происходит детрадиционализация и социальная периферизация общества в целом. Причины возросшей детрадиционализации заключаются в особой организации социальной и институциональной структуры традиционных сообществ. В механике подобный феномен называется термином «торричеллиева пустота», по имени итальянского ученого, который провел следующий эксперимент. Он взял два металлических полушария, соединил их между собой и откачал весь воздух, создав внутри состояние вакуума. Полушария ничем не были скреплены, но разъединить их оказалось невозможным, не помогла и восьмерка запряженных лошадей, которые пытались растащить в разные стороны полушария. Торричелли объяснял это сдавливающей силой внешнего атмосферного давления. Нечто подобное происходит и с традиционной культурой. Она «сдавливает» людей вместе, но когда исчезают внешние преграды, то традиционные институты («обручи культуры») разрушаются. Разумеется, со временем, как и в случае с механическими предметами, институты испытывают эрозию и происходит распад традиционных норм, что сопровождается атомизацией индивидов.

Институциональное регулирование этногенезисных процессов должно носить системный, продуманный и многоуровневый характер. Для исправления социальных и модернизационных деформаций институционального развития региона необходима государственная национальная и региональная политика, направленная на расширение диапазона социальных возможностей у субэтнических групп и обеспечение их устойчивого языкового и культурного развития. При этом необходимо элиминировать манипулятивные и силовые практики, способные придать процессам этногенеза насильственный и интолерантный характер и привести к эскалации межэтнических и этноконфессиональных процессов.

Заключение

В этнической сфере все стороны слишком взаимосвязаны, чтобы можно было длительное время отрицательно воздействовать на отдельные элементы без опасения, что подобное воздействие не отразится на других. Здесь срабатывает «принцип паутины»: невозможно точно предсказать, в какой момент произойдет воздействие, поскольку «сигнальные нити» (СМИ, личные связи, неформальные каналы коммуникации) слишком длинны и запутанны. Но точно известно, что это произойдет.

Если проводимая политика сеет раздор и ненависть между народами, если дискриминация и ограничения в правах людей другой национальности становятся правилом поведения, то рано или поздно выигрыш, достигаемый подобным образом, ударит рикошетом по тем социальным слоям и этническим группам, которые спровоцировали первоначальный конфликт. Он неизбежно вернется. Иного не может быть. История дает нам достаточно убедительных доказательств. И наоборот. Политика достойного и равного отношения ко всем этническим общностям, вне зависимости от «места регистрации» или «типульности» отдельного их представителя, обязательно проявится в последующей дружбе и взаимном сотрудничестве народов.

Научное издание

БАРБАШИН Максим Юрьевич

**Институты и этногенез:
институциональное воспроизводство
этнической идентичности
в локальных сообществах**

Редактор
Компьютерная верстка

*И.А. Ивахина
О.Ф. Жуковой*

Лицензия ЛР № 65-43 от 22.11.99

Сдано в набор 14.03.2012. Подписано в печать 28.04.2012.
Формат 60*84 1/16 Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,60.
Тираж 500 экз. Заказ № 2-66.

ИПО ПИ ЮФУ:
344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33.

ISBN 978-5-8480-0913-2

9 785848 009132